

УРАЛЬСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Научно-практический журнал. Учрежден федеральным государственным казенным образовательным учреждением высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-63039 от 11 сентября 2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Редакционный совет:

Председатель

Павленков Р.В., к.экон.н., доцент

Члены совета:

Базаров Р.А., д.ю.н., профессор; Балакишин В.С., д.ю.н., профессор; Гончаров Д.Ю., д.ю.н., доцент; Давлетов А.А., д.ю.н., профессор; Дарменов А.Д., к.ю.н., доцент; Карасёв А.Т., д.ю.н., профессор; Кодан С.В., д.ю.н., профессор; Майоров В.И., д.ю.н., профессор; Осинцев Д.В., д.ю.н., доцент; Савоськин А.В., д.ю.н., доцент; Семякин М.Н., д.ю.н., профессор; Смыкалин А.С., д.ю.н., профессор; Шабуров А.С., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Голубых Н.В., к.ю.н., доцент

Зам. главного редактора

Маслов В.А., к.ю.н., доцент

Члены коллегии:

Андреев А.В., к.ю.н.; Бердникова О.П., к.ю.н., доцент; Бозров В.М., д.ю.н., профессор; Виноградова О.П., к.ю.н.; Головизнин А.В., к.ю.н.; Грибунов О.П., д.ю.н., профессор; Гусев А.В., к.ю.н., доцент; Дерюгин Р.А., к.ю.н.; Казанцев А.О., к.ю.н., доцент; Кокорин Д.Л., к.ю.н., доцент; Крысанов А.В., к.ю.н.; Курилов С.И., к.ю.н.; Лаппо Е.А., к.ю.н.; Носкова Ю.Б., к.ю.н., доцент; Орлов К.А., к.ю.н., доцент; Пересадина О.В., к.ю.н.; Плетишкова М.С., к.ю.н., доцент; Родевич В.Ч., к.ю.н., доцент; Сергеев Д.Н., к.ю.н.; Стельмах В.Ю., к.ю.н., доцент; Татьяна Л.Г., д.ю.н., профессор; Токарев Д.С., к.ю.н., доцент; Фалькина Т.Ю., к.ю.н., доцент; Шнарбаев Б.К., д.ю.н., доцент; Щетинина Н.В., к.ю.н., доцент; Харламова А.А., к.ю.н., доцент

Ответственный секретарь Кудярова Г.Р.

Редактор Бебих И.Б.

Переводчик Гузикова В.В.

Научно-практический журнал «Вестник Уральского юридического института МВД России» является рецензируемым периодическим научным печатным изданием, предназначенным для опубликования результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по отрасли 12.00.00 – юридические науки, материалов научно-представительских мероприятий, рецензий на научные издания, информации о научных школах.

Издатель журнала – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Журнал выходит с 2014 года и издается ежеквартально.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), а также представлен в свободном бесплатном доступе в полнотекстовом формате в научной электронной библиотеке.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал не предназначен для опубликования материалов, содержащих сведения, составляющие государственную, иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования.

Адрес редакции / издательства / типографии:

620057, Свердловская обл., Екатеринбург, ул. Корепина, 66

Тел./факс: (343) 331-70-64

Эл. почта: ural-yui@mvd.ru

Сайт: <http://www.ural-mvd.ru>

ISSN 2312-5640. Подписной индекс: E43226

Подписано в печать 26.06.2021. Формат 60х84/8

Печать офсетная. Бумага офисная

Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 18,0. Тираж 80 экз. Заказ № 38

Дата выхода в свет 30.06.2021. Свободная цена

OF THE URAL LAW INSTITUTE OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

The Federal Scientific and Practical Journal. The founder and publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».

Certificate of registration of mass media PI № ФС77-63039 dated September 11, 2015, Issued by the Federal Service for Supervision in the field of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Editorial Council:

Chairperson

Pavlenkov R.V., cand. of economics, associate professor

Members of the Editorial Council:

Bazarov R.A., dr. of law, professor; Balakshin V.S., dr. of law, professor;

Goncharov D.YU., dr. of law, associate professor; Davletov A.A., dr.

of law, professor; Darmenov A.D., cand. of law, associate professor;

Karasyov A.T., dr. of law, professor; Kodan S.V., dr. of law, professor;

Majorov V.I., dr. of law, professor; Osincev D.V., dr. of law, associate

professor; Savos'kin A.V., dr. of law, associate professor; Semyakin

M.N., dr. of law, professor; Smykalin A.S., dr. of law, professor;

Shaburov A.S., dr. of law, professor

Editorial Board:

Chief Editor

Golubih N.V., cand. of law, associate professor

Chief Editor Deputy

Maslov V.A., cand. of law, associate professor

Members of the Editorial Board:

Andreev A.V., cand. of law; Berdnikova O.P., cand. of law, associate

professor; Bozrov V.M., dr. of law, professor; Vinogradova O.P., cand.

of law; Goloviznin A.V., cand. of law; Gribunov O.P., dr. of law,

professor; Gusev A.V., cand. of law, associate professor; Deryugin

R.A., cand. of law; Kazancev A.O., cand. of law, associate professor;

Kokorin D.L., cand. of law, associate professor; Krysanov A.V., cand.

of law; Kurilov S.I., cand. of law; Lappo E.A., cand. of law; Noskova

Yu.B., cand. of law, associate professor; Orlov K.A., cand. of law,

associate professor; Peresadina O.V., cand. of law; Pletnikova M.S.,

cand. of law, associate professor; Rodevich V.Ch., cand. of law,

associate professor; Sergeev D.N., cand. of law; Stelmakh V.Yu., cand.

of law, associate professor; Tat'yanina L.G., dr. of law, professor;

Tokarev D.S., cand. of law, associate professor; Falkina T.Yu., cand.

of law, associate professor; SHnarbaev B.K., dr. of law, associate

professor; Schetinina N.V., cand. of law, associate professor;

Kharlamova A.A., cand. of law, associate professor

Executive Secretary Kudoyarova G.R.

Editor Bebikh I.B.

Translator Guzikova V.V.

The Scientific and Practical Journal «Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia» is a peer-reviewed periodic scientific publication intended to publish the results of fundamental and applied scientific researches in the sphere 12.00.00 - legal science, materials of scientific and representative activities, reviews of scientific publications, information about scientific schools.

The publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia».

The journal is published since 2014 and is published quarterly.

The journal is included into the database of Russian Scientific Citation Index (RSCI) and presented in free access in full-text format in the scientific electronic library.

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral and PhD research results by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Education of the Russian Federation.

The journal is not intended to publish materials containing information constituting a state secret or another secret protected by law, information intended for service use.

Address of the editorial office / publishing house /
printing house: 620057, Sverdlovsk region, Ekaterinburg,
ul. Korepina, 66. Tel./Fax: (343) 331-70-64;
E-mail: ural-yui@mvd.ru Website: <http://www.ural-mvd.ru>
ISSN 2312-5640 The index E43226

Signed in the press on June 26, 2021. Format 60x84 / 8
Offset printing. Office paper. Usl. Printer. L. 18.0.
Uch.-ed. L. 18.0 Edition 80 copies. Order No. 38
Date of publication on June 30, 2021. Free price

© The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2021

Содержание

Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и уголовно-процессуального законодательства	
Выскребцев Ю.С. Дискуссионные вопросы назначения (задачи) контрольной функции стадии подготовки материалов к судебному заседанию	5
Давлетов А.А., Дидык В.В. Проблема прекращения уголовного дела по нереабилитирующим компромиссным основаниям на этапе предварительного расследования	12
Расулова Н.С. О роли заключения специалиста в доказывании по уголовным делам	18
Ретюньских И.А., Спиринов А.В. Ведомственный процессуальный контроль, прокурорский надзор и судебный контроль как гарантии законности задержания подозреваемого	23
Стацюк Д.Н. К вопросу о законодательной регламентации процессуального положения лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве	31
Тутынин И.Б. К вопросу о противодействии терроризму и экстремизму посредством применения мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера	36
Умярова Р.Р. Особенности предмета судебного контроля, реализуемого в соответствии со статьей 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации	40
Ушаков А.Ю., Кирянина И.А. О возбуждении уголовного дела после истечения сроков давности уголовного преследования, в контексте решений Европейского суда по правам человека	45
Актуальные проблемы административного права и процесса	
Анисифорова М.В. Административная деятельность по противодействию незаконному обороту наркотиков в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV)	49
Соболев О.В., Домченко А.С. Ответственность за превышение средней скорости: способ обеспечения безопасности дорожного движения или нарушение прав водителей	53
Вопросы криминалистики	
Ржанникова С.С. Одурманивающие вещества как угроза современному обществу: проблемы и перспективы	60
Дискуссия по проблемам законодательства	
Санина Н.П., Чупрова А.Ю. К вопросу о правовом статусе медицинского работника	64
Основные тенденции государственно-правового развития	
Карасев А.Т., Савоськин А.В., Мещерягина В.А. Цифровизация правосудия в Российской Федерации	71
Кривошеев Е.В. Договорно-правовые источники конституционного права Российской Федерации: понятие и виды	78
Права человека и их обеспечение	
Кильдеев Р.Р. Право на неприкосновенность частной жизни и право на защиту данных: проблемы соотношения	83
Право и экономика	
Дубов Е.И. Правовое регулирование и противодействие преступлениям в сфере возврата просроченной задолженности на примере Российской Федерации и некоторых стран Содружества Независимых Государств	89
Овчаренко П.А., Овчаренко Д.А. Проблемы выявления и предупреждения банкротства организации на ранней стадии	95
Укрепление законности и правопорядка	
Алиппиев С.А. Об основных направлениях деятельности в сфере профилактики немедицинского потребления наркотиков на территории Свердловской области	104
Голубых Н.В., Пушкарев А.Л. Конституционно-правовой статус оружия, имеющего особую ценность, как основа формирования его специального правового режима	109
Гребенщикова И.В. Нормативно-правовое регулирование организации подготовки кадров для Екатеринбургской Губмилиции в первые годы становления Советской власти	113
Романовский В.Г. Защита прав несовершеннолетних в цифровом пространстве в целях противодействия терроризму	118
Свинов Д.В. О месте и роли руководителя территориального органа внутренних дел в оперативно-розыскном процессе	125
Уголовное право и уголовная политика	
Брагин Ю.Ю. Теоретико-прикладное исследование критериев социальной обусловленности уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение»	130
Гончаров Д.Ю., Чернышев Д.Б. Проблемы уголовно-правовой квалификации бытового хищения электроэнергии путем ее потребления	138
Джумшудян О.Г. Законодательная регламентация формы вины в составе хулиганства (по материалам Республики Армения)	143
Ефарова М.Н. Действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, – новый состав поставления в опасность?	147
Кузнецова М.Д. Индивидуализация наказания за мошенничество при получении выплат	151
Пшеничных И.М. Современное состояние нормативно-правовой регламентации ответственности за преступления террористического характера в отечественном законодательстве	159
Токарев Д.С., Пичугина К.Э. Применение норм уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной информации, представляющей угрозу общественной безопасности	164
Харламова А.А. Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции (статья 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации): признаки объекта и их влияние на квалификацию	169
Щетинина Н.В. Квалификация вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни, по признакам субъективной стороны	173

Contents

Topical issues of legal procedure and criminal procedure legislation

<i>Vyskrebtev B.S.</i> Discussion issues of the purpose (tasks) of the control function of the stage of preparation of materials for the court session	5
<i>Davletov A.A., Didyk V.V.</i> The problem of terminating a criminal case on non-rehabilitating compromise grounds at the stage of preliminary investigation	12
<i>Rasulova N.S.</i> On the role of a specialist's opinion in proving in criminal cases	18
<i>Retyunskikh I.A., Spirin A.V.</i> Departmental procedural control, prosecutor's supervision and judicial control as guarantees of the legality of detention of the suspected	23
<i>Statsyuk D.N.</i> On the question of legislative regulation of the procedural status of the person with whom a pre-trial cooperation agreement has been concluded	31
<i>Tutynin I.B.</i> On the issue of countering terrorism and extremism through the use of measures of criminal procedural coercion of a property nature	36
<i>Umyarova R.R.</i> Features of the subject of judicial control, implemented in accordance with Article 165 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation	40
<i>Ushakov A.Y., Kiryanina I.A.</i> On the initiation of a criminal case after the expiration of the statute of limitations for criminal prosecution in the context of decisions European Court of Human Rights	45

Topical problems of administrative law and process

<i>Anisiforova M.V.</i> Administrative activities to combat drug trafficking in the context of the spread of a new coronavirus infection (2019-nCoV)	49
<i>Sobolev O.V., Demchenko A.S.</i> Responsibility for exceeding the average speed: a way to ensure road safety or violation of drivers rights	53

Questions of criminalistics

<i>Rzhannikova S.S.</i> Intoxicating substances as a threat to modern society: problems and prospects	60
---	----

Discussion on the problems of legislation

<i>Sanina N.P., Chuprova A.Y.</i> On the question of the legal status of a medical worker	64
---	----

The main trends of state and legal development

<i>Karasev A.T., Savoskin A.V., Meshcheryagina V.A.</i> Digitalization of justice in the Russian Federation	71
<i>Krivosheev E.V.</i> Contractual legal sources of constitutional law of the Russian Federation: concept and types	78

Human rights and their ensurance

<i>Kildeev R.R.</i> The right to privacy and the right to data protection: balance issues	83
---	----

Law and Economics

<i>Dubov E.I.</i> Legal regulation and counteraction to crimes in the field of repayment of overdue debts on the example of the Russian Federation and some countries of the Commonwealth of Independent States	89
<i>Ovcharenko P. A., Ovcharenko D.A.</i> Identification and prevention problems early bankruptcy organization	95

Strengthening of legality and order

<i>Alimpiev S.A.</i> On the main areas of activity in the field prevention of non-medical drug use in the Sverdlovsk region	104
<i>Golubykh N.V., Pushkarev A.L.</i> The constitutional legal status of a weapon having a special value as a basis for the formation of its special legal regime	109
<i>Grebenschikova I.V.</i> Legal regulation of the organization of personnel training for the Yekaterinburg Gubernia Police in the early years of the formation of Soviet power	113
<i>Romanovsky V.G.</i> Protecting the rights of minors in the digital space in order to counter terrorism	118
<i>Svinov D.V.</i> About the place and role of the head of the territorial body of internal affairs in the operational search process	125

Criminal law and criminal policy

<i>Brazhin Y.Y.</i> Theoretical and applied research of the criteria for the social conditionality of the criminal law protection of public relations in the implementation of the national project «Healthcare»	130
<i>Goncharov D.Y., Chernyshev D.B.</i> Problems of criminal qualification of domestic theft of electricity by its consumption	138
<i>Jumshudyan H.G.</i> Legislative regulation of the form of guilt as part of hooliganism based (on the materials of the Republic of Armenia)	143
<i>Efarova M.N.</i> Actions that threaten the safe operation of vehicles – a new endangerment composition?	147
<i>Kuznetsova M.D.</i> Individualization of the punishment for fraud when receiving payments	151
<i>Pshenichnov I.M.</i> The current state of the legal regulation of responsibility for terrorist crimes in the domestic legislation	159
<i>Tokarev D.S., Pichugina K.E.</i> Application of the norms of criminal legislation on liability for the dissemination of deliberately false information	164
<i>Kharlamova A.A.</i> Retail sale of alcoholic beverages to minors (Article 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): object signs and their influence on qualification	169
<i>Schetinina N.V.</i> Involvement's qualification of a minor in the act commission that pose a danger to his life, on the grounds of the subjective side	173

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

УДК 344.65

Дискуссионные вопросы назначения (задачи) контрольной функции стадии подготовки материалов к судебному заседанию

Выскребцев Богдан Сергеевич,
Коллегия адвокатов Советского района города Орска
Оренбургской области
e-mail: Sergeev_ab@bk.ru

Актуальность исследования обусловлена отсутствием устойчивой правовой базы, регламентирующей деятельность суда на первой судебной стадии уголовного судопроизводства. В настоящее время правовая регламентация характеризуется противоречивостью, дефектами законодательной техники, наличием пробелов. Такая правовая ситуация неопределенности ведет к отсутствию единообразия судебной практики, создает угрозу отправлению правосудия. В связи с этим статья направлена на раскрытие назначения одной из основополагающих характеристик стадии – содержания контрольной ее (стадии) функции.

Ведущим подходом (или методом) к исследованию данной проблемы явился системный подход, позволяющий комплексно рассмотреть факторы, обусловившие состояние правовой базы.

В статье представлены различные позиции специалистов по теме исследования, раскрыты причины несоответствия суждений, выявлены направления их (позиций) сближения. По итогам исследования сформулированы и обоснованы выводы автора.

Материалы статьи представляют практический и научный интерес для исследований обозначенной тематики.

Ключевые слова: назначение судебного заседания; контроль; существенные нарушения.

Discussion issues of the purpose (tasks) of the control function of the stage of preparation of materials for the court session

Vyskrebtev Bogdan Sergeevich,
Bar Association of the Sovetsky district of the city of
Orsk, Orenburg region

The relevance of the study is due to the lack of a stable legal framework regulating the activities of the court at the first judicial stage of criminal proceedings. Currently, the legal regulation is characterized by inconsistency, defects in the legislative technique, and the presence of gaps. Such a legal situation of uncertainty leads to a lack of uniformity of judicial practice, creates a threat to the administration of justice.

In this regard, the article is aimed at revealing the purpose of one of the fundamental characteristics of the stage.

The leading approach (or method) to the study of this problem was a systematic approach that allows us to comprehensively consider the factors that caused the state of the legal framework.

The article presents various positions of specialists on the topic of research, reveals the reasons for the discrepancy of judgments, and identifies the directions of their (positions) convergence. Based on the results of the study, the author's conclusions are formulated and justified.

The materials of the article are of practical and scientific interest for the research of the designated topic.

Key words: appointment of the court session; control; significant violations.

В статье 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в перечне основных понятий уголовно-процессуального законодательства приводятся определения стадии уголовного процесса: стадия апелляционного производства, стадия досудебного производства, кассационная инстанция; надзорная инстанция, судебное разбирательство. При этом логично было законодателю внести ясность и определиться с понятием первой судебной стадии – стадии подготовки к судебному заседанию. Однако законодатель в перечень основных понятий название стадии не внес и не раскрыл основное ее назначение. Очевидно, что отсутствие определения стадии не является упущением законодателя, его небрежностью. Объяснения такому положению может быть два. Первое – содержание стадии столь просто, что не требует какого-либо официального правового разъяснения. Вторым объяснением может быть диаметрально противоположная ситуация. Стадия сложна в определении следующего: предмета правового регулирования, целей и задач стадии, принципов, определяющих особенности правового регулирования; лиц, участвующих в решении задач и достижении целей стадии, правовых полномочий (статуса); процессуальных средств решения задач участвующих на этой стадии лиц и других, – что не позволяет законодателю определиться с особенностями правового регулирования стадии. Анализ статистических данных, изучение материалов судебной практики, постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации, постановлений и определений Конституционного Суда Российской Федерации, исследование позиций ученых и практиков по вопросам процессуальной деятельности участников данной стадии уголовного судопроизводства с очевидностью свидетельствуют о наличии целого комплекса проблем и вопросов, которые не разрешаются на протяжении длительного времени (границы которого определяются уже историческими временными рамками, начиная с Судебных уставов 1864 г.). Несформированность законодательной позиции объясняет существующий пробел в правовой регламентации стадии. Уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие деятельность участников на первой судебной стадии, могут быть охарактеризованы как не имеющие определенности, ясности и согласованности. В ряде случаев они и воспринимаются как двусмысленные. Следствием такой правовой неурегулированности являются противоречивая

правоприменительная практика, произвольное их толкование и применение. В конечном счете все это существенно «ослабляет гарантии государственной защиты конституционных прав и свобод»¹.

Устранение слабой правовой урегулированности процессуальной деятельности участников этой стадии во многом зависит от методологически точного подхода к выбору способов, средств, приемов проведения научного исследования (диалектического, исторического, сравнительно-правового, системно-конструктивного и т. д.).

Назначение стадии – один из ключевых вопросов, который нужно исследовать, дав понятию точное определение. Его решение во многом предопределяет решение других значимых вопросов, находящихся в системном неразрывном единстве. Сложность в определении назначения стадии проявляется уже в отсутствии устойчивости названия этой стадии. Название стадии во многом обуславливает и само назначение. На современном этапе правового регулирования уголовного судопроизводства стадия стала называться «подготовка к судебному заседанию», сменив предшествующие название «предание обвиняемого суду»².

Анализ мнений исследователей по вопросу назначения стадии на современном этапе показывает следующие особенности во мнениях, в позициях, аргументах.

Современное название стадии «подготовка к судебному заседанию» рядом специалистов критикуется. Однако вне зависимости от их отношения выбранное законодателем название ориентирует на соответствующий правовой вектор процессуального регулирования действия судьи на этой стадии. Такому названию не противоречит суждение Н. А. Колокова: «Стадия подготовки к судебному заседанию – это своеобразный фильтр между досудебным и судеб-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 27. Ст. 2804.

² Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» (в ред. от 16.01.1990) [Электронный ресурс] // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592; СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.03.2021).

ным производством»¹. Термин «подготовка» в первую очередь отождествляется с подготовительными действиями к последующему проведению судебного заседания. И в широком смысле «подготовительные действия» к назначению судебного разбирательства могут подразумевать принятие мер в двух направлениях. Первое направление – контрольное – заключается в выявлении препятствий, наличие которых исключает возможность в судебном заседании разрешить уголовно правовой конфликт и вынести итоговое правосудное решение. Второе направление подготовительных действий – обеспечительное – при отсутствии препятствий для рассмотрения в суде состоит в формировании условий, необходимых для эффективного отправления правосудия в судебном заседании, и разрешении уголовно-правового конфликта². Поэтому, исходя из названия стадии, а также анализа правовой регламентации действий судьи на этой стадии, можно утверждать о наличии двух системообразующих (родовых) функций: контрольной и обеспечительной. Приведенное суждение о двух системообразующих функциях стадии подготовки к судебному заседанию не противоречит высказываниям других ученых. Однако относительно содержания контрольной функции у специалистов единство отсутствует. Нечеткое представление о сущности контрольной функции затрудняет ясное представление о назначении стадии. Проанализируем наиболее типичные выводы-суждения.

Так, Е. Н. Осипков в целом правильно указывает, что стадия призвана гарантировать защиту прав и законных интересов граждан. Она должна быть непреодолимой «преградой» поступлению на судебное заседание уголовных дел, по которым в досудебном производстве допускались нарушения уголовно-процессуального закона³. Обратим внимание, что каждая стадия уголовного судопроизводства одной из задач преследует гарантированно обеспечивать защиту законных интересов и прав участников уголовного судопроизводства⁴. Исследуемая стадия стоит в одном ряду с другими в решении этой задачи. Поэтому в силу «сквозного» действия названный при-

знак-задача (защита прав и законных интересов граждан) не может быть положен в основу характеристики стадии подготовки к судебному заседанию. Назван второй признак: стадия является «преградой» назначению судебного заседания уголовных дел, предварительное производство по которым осуществлено с нарушением закона. Этот признак характеризует стадию, но в сформулированном виде имеет ряд неопределенностей, которые снижают качество признака. Во-первых, термин «преграда» не является юридическим, следовательно, он не должен использоваться при решении правовых вопросов-проблем. Во-вторых, указано, что уголовное дело, расследованное с нарушениями процессуального закона, не может быть назначено к судебному заседанию. Суждение правильно, но не во всех аспектах. Преградой для назначения судебного заседания закон называет только существенные нарушения, которые не могут быть устранены самим судом⁵. Если в суде недостатки досудебного производства могут быть устранены, то препятствий для назначения судебного заседания нет⁶.

В своем диссертационном исследовании П. Л. Ишимов в общем виде на этой стадии определяет одну функциональную деятельность судьи как организационно-подготовительную. В содержание этой деятельности исследователь включает обнаружение препятствий, делающих невозможным рассмотрение уголовного дела, и последующее их устранение, установление необходимых юридических оснований. Правильно названные действия судьи (обнаружение препятствий, делающих невозможным рассмотрение уголовного дела, и последующее их устранение) сложно назвать организационно-подготовительной деятельностью. Названные действия по своей функциональной направленности более точно характеризуются категорией «контрольная функция». Термин же «организационно-подготовительный» характерен для действий судьи в этой же стадии, но только на втором этапе действий – после выявления и устранения препятствий и обнаружения «необходимых юридических оснований» для решения вопроса о направлении дела на следующую стадию⁷.

А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский выделяют три функции стадии: «контрольно-ревизионную; право-

¹ Колоколов Н. А. Решения судьи в стадии предварительного слушания, пресекающие движение уголовного дела [Электронный ресурс] // Мировой судья. 2010. № 12. С. 13. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/50605-resheniya-sudii-stadii-predvaritelnogo-slushaniya-presekayushhie-dvizhenie> (дата обращения: 15.01.2020).

² См.: Кальницкий В. В. Понятие и значение стадии назначения и подготовки судебного разбирательства // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 4 (67). С. 39.

³ См.: Осипков Е. Н. Действие принципа состязательности сторон на этапе подготовки к судебному заседанию в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2007.

⁴ См.: Рябоконев С. И., Сергеев А. Б. Конкурирующие направления дальнейшего развития досудебного следствия и следствия в суде первой инстанции // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 1 (19). С. 110–113.

⁵ См.: Сергеев К. А., Сергеев А. Б. Отдельные судебные ситуации при принятии решений о назначении принудительных мер медицинского характера // Медицинское право. 2018. № 1. С. 3–7.

⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» [Электронный ресурс] // Российская газета. 2010. № 3; СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 04.04.2020).

⁷ См.: Ишимов П. Л. Процессуальный порядок подготовки уголовного дела к судебному разбирательству: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005.

обеспечительную и распорядительную»¹. Но если исходить из принципа системной иерархичности, т. е. выявлять и объединять в единую систему по иерархичности функций (использовать системный подход в исследовании), то из трех названных одноуровневыми функциями следует признать две: контрольную функцию и функцию распорядительную. Функция же обеспечения прав участников производства охватывается контрольной функцией и является ее (контрольной функции) системным структурным элементом, как, например, функция контроля обеспечения соблюдения процессуальных норм в досудебном производстве и т. п. Как родовая контрольная функция ориентирует суд на проверку соблюдения уголовно-процессуальных норм, регламентирующих досудебное производство, и выполнения требований по соблюдению прав участников. Целью же проверки (осуществление контрольной функции) является выявление нарушений норм досудебного производства и процессуальных прав его (досудебного производства) участников.

Опора в исследовании на методологически апробированный системный подход позволяет признать более точным и структурированным суждение В. П. Божьева. Ученый определяет две функции стадии: «контрольную – по отношению к предварительному расследованию; подготовительную – по отношению к судебному разбирательству»².

Аналогично В. П. Божьеву названных утверждений о наличии основных функций стадии – контрольной функции и организационно-распорядительной (принятие мер по подготовке и организации судебного заседания) – придерживаются Л. В. Юрченко³, Б. Т. Безлепкина. При этом следует признать обременительными уточнения Б. Т. Безлепкина. Высказанные им уточнения затрудняют понимание правовой природы (назначения) стадии. Б. Т. Безлепкина указывает, что суд осуществляет процессуальные действия, «ни в коем случае не решая и не предрешая главного вопроса о виновности обвиняемого», проверяет «достаточность фактических и юридических» оснований для судебного разбирательства⁴. Обратим внимание: в нормах уголовного процессуального законодательства отсутствует указание на установление названных юридических обстоятельств, следовательно, указание на них нецелесообразно. Утверждение Б. Т. Безлепкина, что целью контрольной функции является установление «достаточности фактических и юридических оснований», в среде ученых и практиков при-

знается не всеми, является спорным. Так, П. Л. Ишимов частично поддерживает озвученную позицию. Указывает, что целью проверки является только установление «необходимых юридических оснований», оставляя за рамками назначения стадии установление достаточности «фактических оснований»⁵.

А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский в разрез с мнением Б. Т. Безлепкина утверждают: «...основания для назначения судьей судебного заседания в общем порядке являются формальными, а не содержательными...». Авторы говорят о том, что последние сильно сужают предмет контроля, указывают что контроль суда ограничен «...лишь проверкой правильности вручения копий обвинительного заключения (акта)»⁶. В. В. Кальницкий указывает, что суд контролирует обеспечение прав преследуемого лица; пунктуальность органов преследования в следовании порядку уголовного преследования и доказыванию (сбору доказательств), объясняет, что проведенное без нарушения «судоговорение» не сможет «...сохранить в силе приговор, если ему предшествуют существенные нарушения на досудебном этапе»⁷.

С. А. Ворожцов, В. А. Давыдов, В. В. Дорошков разделяют позицию Верховного Суда Российской Федерации⁸ и определяют назначение стадии: «Подготовка судебного заседания призвана, с одной стороны, выполнять проверочную (контрольную) функцию по отношению к предварительному расследованию, а с другой – решать подготовительные задачи по отношению к судебному разбирательству». В контрольную функцию они включают три направления: проверку соблюдения в досудебном производстве субъектом расследования (следователем, дознавателем) требований уголовно-процессуального закона; обнаружение препятствующих либо исключающих рассмотрение уголовного дела судом обстоятельств; установление наличия в ходатайствах и жалобах сторон, поступивших вместе с уголовным делом, оснований для проведения предварительного слушания⁹. Полагаем, что выявление обстоятельств, делающих невозможным вынесение уголовного дела на рассмотрение в судебное заседание, точно определяет назначение первой судебной стадии. А вот два других вида проверочных действий следует критически оценить.

Так, считаем, что указание на «установление оснований для проведения предварительного слушания» не раскрывает назначение стадии. Если судья про-

¹ Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. М., 2008.

² Божьев В. П. Применение норм УПК, регулирующих деятельность суда по уголовному делу, поступившему от прокурора // Законность. 2010. № 5. С. 16.

³ См.: Юрченко Л. В. Оценочные действия судьи на этапе подготовки уголовного дела к судебному заседанию: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2007. С. 7.

⁴ См.: Безлепкина Б. Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учеб. пособие. М., 2018.

⁵ Ишимов П. Л. Указ соч. С. 12.

⁶ Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Указ. соч.

⁷ Кальницкий В. В. Указ соч. С. 38.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству».

⁹ См.: Производство по уголовным делам в суде первой инстанции: науч.-практ. пособие / С. А. Ворожцов, В. А. Давыдов, В. В. Дорошков и др.; под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2011. С. 12.

водит предварительное слушание, значит, самостоятельно он не может ответить на вопросы, которые подлежат проверке (ст. 228 УПК РФ). Он нуждается в судебном заседании (предварительном слушании) с приглашением лиц, носителей сведений по подлежащему выяснению сложному вопросу неопределенности. В обозначенной ситуации контроля изменилась форма принятия судьей решения по вопросам (ст. 228 УПК РФ). При этом сохраняется и не изменяется итоговая цель контрольной функции стадии, определяющая назначение стадии. Она остается постоянной – выявление препятствий, исключающих возможность направления уголовного дела в стадию судебного разбирательства.

Не является безупречным в раскрытии назначения стадии указание на такой признак, как контроль за органами дознания и предварительного следствия по соблюдению в досудебном производстве уголовно-процессуальных норм. Неточность заключается в том, что названная установка ориентирует суд на оценку качества досудебного производства в целом (в широком смысле). Качество досудебного производства определяется не только названным критерием – наличием или отсутствием препятствий. Качество досудебного производства определяется и другими показателями, такими как: полнота расследования, доказанность всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, вменение всех эпизодов преступной деятельности и т. п. В таком объеме качество досудебного производства рассматривалось по законодательству УПК РСФСР. Качество досудебного производства определял принцип полноты, всесторонности и объективности расследования (ст. 20 УПК РСФСР). Неполно расследованное уголовное дело с первой судебной стадии судьей направлялось прокурору для устранения недостатка производства и восполнения его качества. Названный подход отвергнут Конституционным Судом РФ¹. Причиной отказа от проверки полноты досудебного производства на первой судебной стадии стало изменение приоритета в назначении уголовного судопроизводства. На современном этапе основная цель уголовного судопроизводства – восстановление в правах потерпевшего от преступных действий. Наказание же теперь не является основополагающей целью. На концептуальном уровне изменение модели уголовного судопроизводства (парадигмы) – это переход на правозащитную позицию как основу целеполагания (при сохранении задачи второго уровня – назначения наказания). Сохранение контроля за полнотой досудебного производства

¹ См.: Вискребцев Б. С., Сергеев А. Б. Влияние социокультурной идентичности российского общества на формирование отечественного уголовно-процессуального законодательства и правовые позиции России в Европейском суде по правам человека // Евразийский юридический журнал. 2020. № 6 (145). С. 307–310; Глухова Е. В., Сергеев А. Б. Международное право и решения европейского суда в развитии отечественного уголовного судопроизводства: учеб. пособие. Челябинск, С. 68.

на первой судебной стадии означало бы реализацию нового принципа состязательности.

С. В. Лупанова в перечень контрольной функции также включает проверку законности досудебного производства по делу, соблюдения основных прав и интересов участников процесса, законности и обоснованности требований стороны обвинения о внесении дела в суд². То есть исследователь разделяет вышеприведенную позицию в вопросе, что на первой судебной стадии контрольная функция суда охватывает проверку обоснованности обвинения. Вопрос о расширении контрольной функции и включении в нее проверку всех обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ), пытается обосновать на уровне докторской диссертации Т. К. Рябинина³.

Анализ приведенных мнений, а также позиций других исследователей⁴ показывает отсутствие единства в понимании назначения стадии. На основе анализа мнений о контрольной функции суда на стадии подготовки к судебному заседанию позиции ученых можно распределить по пяти направлениям:

1) контроль суда за соблюдением норм, регулирующих досудебное производство (качество досудебного производства) (С. А. Ворожцов, В. А. Давыдов, В. В. Дорошков, А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский, Л. В. Юрченко и др.);

2) обеспечение прав участников уголовного судопроизводства в рамках рассмотрения и разрешения ходатайств и по инициативе суда (С. А. Ворожцов, В. А. Давыдов, В. В. Дорошков, С. В. Лупанова, Е. Н. Осипков, А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский, В. В. Кальницкий и др.);

3) выявление препятствий для назначения судебного разбирательства (П. Л. Ишимов, С. А. Ворожцов, В. А. Давыдов, В. В. Дорошков);

4) наличие оснований для проведения предварительного слушания (С. А. Ворожцов, В. А. Давыдов, В. В. Дорошков и др.);

5) Проверка обоснованности обвинения (С. В. Лупанова, Т. К. Рябинина и др.).

Выше мы дали характеристику каждому перечисленному специалистами направлению. Для более четкого установления назначения стадии следует упорядочить (оптимизировать) и эти пять направлений. Это возможно, если выбрать и применить методологически верные средства, при осуществлении систематизации такими методологическими сред-

² См.: Лупанова С. В. Предварительные слушания как форма подготовки дела к судебному разбирательству в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. С. 10.

³ См.: Рябинина Т. К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2021. С. 16.

⁴ См., например: Рябоконева С. И., Сергеев А. Б. Конкурирующие направления дальнейшего развития досудебного следствия и следствия в суде первой инстанции // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 1 (19). С. 110–113.

ствами являются принцип системности и ранжирование направлений по правилу «общее – частное».

Исходя из соотношения «общее – частное» применительно к перечисленным специалистами направлениям контрольной функции, родовым следует признать «контроль суда за соблюдением норм, регулирующих досудебное производство». Нормы досудебного производства регламентируют действия следователя (дознателя) по широкому спектру общественных отношений. Это направление контроля включает и нормы по обеспечению прав и законных интересов граждан (2-е направление), и нормы, регулирующие действия следователя по доказыванию обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ. При установлении всех обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, образуется недостаток в виде неполноты досудебного производства. Повторим, Конституционный Суд РФ данное направление признал противоречащим Конституции РФ.

Следующее из указанных специалистами направлений контрольной функции – «проведение предварительного слушания» – не должно восприниматься как назначение судебной стадии. Предварительное слушание следует рассматривать как средство контроля. Таким образом судья устанавливает (или подтверждает), было ли допущено нарушение уголовно-процессуальных норм в досудебном производстве, насколько эти нарушения существенны, можно ли их исправить или нет на этой (первой) судебной стадии. Соответственно, по результатам предварительного слушания принимаются решения, которые и определяют сущность контрольной функции, – выявлены ли нарушения и насколько они критичны (существенны), насколько их наличие исключает возможность назначения и проведения судебного заседания.

Контрольная функция в формулировке «выявление препятствий для назначения судебного разбирательства» является наиболее полно отражающей содержание контрольной функции стадии, ее назначение.

Изложенное позволяет сформулировать следующие суждения-выводы.

1. Следует признать, что некорректно раскрывать назначение первой судебной стадии через такие направления контрольной деятельности судьи, как: контроль суда за соблюдением норм, регулирующих досудебное производство; обеспечение прав участников уголовного судопроизводства в рамках рассмотрения и разрешения ходатайств; наличие оснований для проведения предварительного слушания. Названные процессуальные действия раскрывают виды контрольной деятельности судьи на первой судебной стадии, но не ее назначение. Названные виды контрольной процессуальной деятельности следует определять как условия (средства) достижения назначения этой стадии.

2. Назначение контрольной функции стадии подготовки материалов к судебному заседанию – выявлять существенные недостатки досудебного производ-

ства, вызванные нарушением норм процессуального и материального права или ошибочным их применением субъектами расследования, и при невозможности их устранения исключить случаи проведения судебного заседания по уголовному делу в ситуации, когда по названным причинам отправление правосудия невозможно.

3. Целесообразно на законодательном уровне в ст. 5 УПК РФ закрепить понятие «стадия подготовки к судебному заседанию» с использованием вышеприведенного содержания контрольной функции стадии

Библиографический список

1. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учеб. пособие / Б. Т. Безлепкин. – 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2018.
2. Божьев В. П. Применение норм УПК, регулирующих деятельность суда по уголовному делу, поступившему от прокурора / В. П. Божьев // Законность. – 2010. – № 5. – С. 14–18.
3. Выскребцев Б. С. Влияние социокультурной идентичности российского общества на формирование отечественного уголовно-процессуального законодательства и правовые позиции России в Европейском суде по правам человека / Б. С. Выскребцев, А. Б. Сергеев // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 6 (145). – С. 307–310.
4. Глухова Е. В. Международное право и решения Европейского суда в развитии отечественного уголовного судопроизводства: учеб. пособие / Е. В. Глухова, А. Б. Сергеев. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2018.
5. Ишимов П. Л. Процессуальный порядок подготовки уголовного дела к судебному разбирательству: дис. ... канд. юрид. наук / П. Л. Ишимов. – Ижевск, 2005.
6. Кальницкий В. В. Понятие и значение стадии назначения и подготовки судебного разбирательства / В. В. Кальницкий // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2017. – № 4 (67). – С. 37–45.
7. Колоколов Н. А. Решения судьи в стадии предварительного слушания, пресекающие движение уголовного дела / Н. В. Колоколов // Мировой судья. – 2010. – № 12. – С. 16–19;
8. Лупанова С. В. Предварительные слушания как форма подготовки дела к судебному разбирательству в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / С. В. Лупанова. – Нижний Новгород, 2006.
9. Осипков Е. Н. Действие принципа состязательности сторон на этапе подготовки к судебному заседанию в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. Н. Осипков. – Оренбург, 2007.
10. Производство по уголовным делам в суде первой инстанции: науч.-практ. пособие / С. А. Ворожцов, В. А. Давыдов, В. В. Дорошков и др.; под общ. ред. В. М. Лебедева. – М.: Норма, 2011.
11. Рябинина Т. К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному засе-

данию: теория и правоприменение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Т. К. Рябинина. – Саратов, 2021.

12. Рябоконеv С. И. Конкурирующие направления дальнейшего развития досудебного следствия и следствия в суде первой инстанции / С. И. Рябоконеv, А. Б. Сергееv // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2019. – № 1 (19). – С. 110–113.

13. Сергееv К. А. Отдельные судебные ситуации при принятии решений о назначении принудительных мер медицинского характера / К. А. Сергееv, А. Б. Сергееv // Медицинское право. – 2018. – № 1. – С. 3–7.

14. Смирнов А. В. Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общ. ред. А. В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2008.

15. Юрченко Л. В. Оценочные действия судьи на этапе подготовки уголовного дела к судебному заседанию: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л. В. Юрченко. – Оренбург, 2007.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bezlepkin B. T. Uголовnyj process v voprosah i otvetah: ucheb. posobie / B. T. Bezlepkin. – 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2018.

2. Bozh'ev V. P. Primenenie norm UPK, reguliruyushchih deyatel'nost' suda po uголовnomu delu, postupivshemu ot prokurora / V. P. Bozh'ev // Zakonnost'. – 2010. – № 5. – С. 14–18.

3. Vyskrebcev B. S. Vliyanie sociokul'turnoj identichnosti rossijskogo obshchestva na formirovanie otechestvennogo uголовno-processual'nogo zakonodatel'stva i pravovye pozicii Rossii v Evropejskom sude po pravam cheloveka / B. S. Vyskrebcev, A. B. Sergeev // Evrazijskiy yuridicheskij zhurnal. – 2020. – № 6 (145). – С. 307–310.

4. Gluhova E. V. Mezhdunarodnoe pravo i resheniya Evropejskogo suda v razvitii otechestvennogo uголовного судопроизводства: ucheb. posobie / E. V. Gluhova, A. B. Sergeev. – Chelyabinsk: Chelyabinskij gosudarstvennyj universitet, 2018.

5. Ishimov P. L. Processual'nyj poryadok podgotovki uголовного дела к судебному разбирательству: дис. ... канд. юрид. наук / P. L. Ishimov. – Izhevsk, 2005.

6. Kal'nickij V. V. Ponyatie i znachenie stadii naznacheniya i podgotovki sudebnogo razbiratel'stva / V. V. Kal'nickij // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. – 2017. – № 4 (67). – С. 37–45.

7. Kolokolov N. A. Resheniya sud'i v stadii predvaritel'nogo slushaniya, presekayushchie dvizhenie uголовного дела / N. V. Kolokolov // Mirovoj sud'ya. – 2010. – № 12. – С. 16–19;

8. Lupanova S. V. Predvaritel'nye slushaniya kak forma podgotovki dela k sudebnomu razbiratel'stvu v rossijskom uголовном processe: avtoref. дис. ... канд. юрид. наук. / S. V. Lupanova. – Nizhnij Novgorod, 2006.

9. Osipkov E. N. Dejstvie principa sostyazatel'nosti storon na etape podgotovki k sudebnomu zasedaniyu v uголовном судопроизводстве Rossii: avtoref. дис. ... канд. юрид. наук / E. N. Osipkov. – Orenburg, 2007.

10. Proizvodstvo po uголовnym delam v sude pervoj instancii: nauch.-prakt. posobie / S. A. Vorozhcov, V. A. Davydov, V. V. Doroshkov i dr.; pod obshch. red. V. M. Lebedeva. – М.: Norma, 2011.

11. Ryabinina T. K. Realizaciya sudebnoj vlasti na stadii podgotovki uголовного дела к судебному заседанию: teoriya i pravoprimenenie: avtoref. дис. ... д-ра юрид. наук / T. K. Ryabinina. – Саратов, 2021.

12. Ryabokonev S. I. Konkuriuyushchie napravleniya dal'nejshego razvitiya dosudebnogo sledstviya i sledstviya v sude pervoj instancii / S. I. Ryabokonev, A. B. Sergeev // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. – 2019. – № 1 (19). – С. 110–113.

13. Sergeev K. A. Otdel'nye sudebnye situacii pri prinyatii reshenij o naznachenii prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera / K. A. Sergeev, A. B. Sergeev // Medicinskoe pravo. – 2018. – № 1. – С. 3–7.

14. Smirnov A. V. Uголовnyj process: uchebник / A. V. Smirnov, K. B. Kalinovskij; pod obshch. red. A. V. Smirnova. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2008.

15. YUrchenko L. V. Ochenochnye dejstviya sud'i na etape podgotovki uголовного дела к судебному заседанию: avtoref. дис. ... канд. юрид. наук / L. V. YUrchenko. – Orenburg, 2007.

Проблема прекращения уголовного дела по нереабилитирующим компромиссным основаниям на этапе предварительного расследования

Давлетов Ахтям Ахатович,
Уральский юридический институт МВД России,
доктор юридических наук, профессор
e-mail: davletoff2020@rambler.ru

Дидык Владислав Васильевич,
Уральский юридический институт МВД России
e-mail: vlad_didyk@mail.ru

В настоящее время Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации наделяет следователя, дознавателя правом прекратить уголовное дело (уголовное преследование) по таким основаниям, как примирение сторон, в связи с деятельным раскаянием, с возмещением ущерба (ст. 25, 28, 28.1 УПК РФ). Авторы подвергают критике данное правомочие. Отмечается, что в указанных случаях уголовное дело прекращается по нереабилитирующим основаниям, т. е. с фактическим признанием лица виновным в совершении преступления. Обосновывается исключительное право суда на освобождение лица от уголовной ответственности по данным основаниям, тогда как органы предварительного расследования могут участвовать лишь в подготовке материалов для последующего прекращения уголовного дела органами правосудия.

Ключевые слова: нереабилитирующие основания прекращения уголовного дела; следователь; суд; признание лица виновным в преступлении.

The problem of terminating a criminal case on non-rehabilitating compromise grounds at the stage of preliminary investigation

Davletov Akhtyam Akhatovich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Doctor of Law, Professor

Didyk Vladislav Vasilievich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

Currently, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation gives the investigator, the interrogating officer the right to terminate a criminal case (criminal prosecution) on such grounds as reconciliation of the parties, in connection with active repentance, with compensation for damage (Articles 25, 28, 28.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). The author criticizes these provisions. It is noted that in these cases, the criminal case is terminated on non-rehabilitating grounds, i.e. with the factual recognition of the person's guilt in committing a crime. The author substantiates the exclusive right of the court to terminate the criminal case on non-rehabilitating grounds, which was confirmed in such a new non-rehabilitating basis as the release of a person from criminal liability with the imposition of a court fine.

Key words: non-rehabilitating grounds for terminating a criminal case; investigator; court; recognition of a person as guilty of a crime.

Одним из новшеств современного российского законодательства стал институт освобождения от уголовной ответственности в связи с позитивным посткриминальным поведением лица, совершившего преступление. С момента принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее –

УПК РФ) законодатель признает целесообразным прекратить уголовное дело (уголовное преследование) по деяниям небольшой и средней тяжести в случаях деятельного раскаяния подозреваемого, обвиняемого, его примирения с потерпевшим, а также в связи с возмещением вреда по ряду преступлений (ст. 75, 76,

76.1 УК РФ, ст. 25, 28, 28.1 УПК РФ). В 2016 г. круг этих оснований пополнился еще одним – освобождением от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ, ст. 25.1 УПК РФ).

При этом в первых трех случаях уголовное дело может быть прекращено не только судом, но и следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора, тогда как прекращение дела с назначением судебного штрафа возможно только по решению суда. В чем причина такого разноречивого подхода и насколько это оправдано?

Все указанные варианты освобождения лица от уголовной ответственности относятся к так называемым нереабилитирующим основаниям прекращения уголовного дела. Применение таких оснований означает, что «лицо фактически совершило соответствующее деяние, однако его дальнейшее уголовное преследование невозможно или нецелесообразно»¹. В отличие от нереабилитирующих, реабилитирующие основания (отсутствие события или состава преступления) констатируют незаконность привлечения лица к уголовной ответственности, и потому такое прекращение порождает право на реабилитацию, т. е. на возмещение вреда, причиненного государственно-властными органами в результате уголовного преследования невиновного, тогда как прекращение по нереабилитирующим основаниям таких последствий не влечет. В связи с этим Е. О. Артамонова отмечает, что нереабилитирующими основаниями «констатируется, что уголовное преследование было правомерно, в связи с чем у государства не возникает обязанность реабилитации лица и возмещения ему вреда»². Другими словами, по нереабилитирующим основаниям от уголовной ответственности освобождается лицо, виновное в совершении преступления, а по реабилитирующим – невиновное.

Еще в советское время юристы ставили под сомнение правомерность прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям органами предварительного расследования. А. М. Ларин, рассмотрев данную ситуацию с точки зрения презумпции невиновности, пришел к выводу о необходимости «ограничить круг органов, уполномоченных на подобное изъятие лица, совершившего преступление, от уголовно-правовых обременений исключительно судебными инстанциями»³. Данную позицию разделял Л. Д. Кокорев: «В таких случаях принципом презумпции невиновности пренебрегают, а органы предварительного расследования осуществляют то, что относится лишь к полномочиям судебной власти. Все это

не соответствует не только нравственным принципам, но и законности в уголовном судопроизводстве»⁴. Этот подход нашел подтверждение в решении Комитета конституционного надзора СССР, указавшего что «нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, позволяющие признавать лицо виновным в совершении преступления и освобождать его от уголовной ответственности с применением меры административного взыскания или общественного воздействия без рассмотрения дела в суде и вынесения приговора, не отвечают принципу презумпции невиновности»⁵.

Ряд современных исследователей позитивно оценивают правомерность прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям на этапе досудебного производства. Так, В. М. Степашин считает, что «возможность освобождения от уголовной ответственности на досудебной стадии является одним из направлений совершенствования данного института, которое способно облегчить существующую загруженность судебных органов»⁶. Я. М. Плошкина признает оправданным наделение следователя полномочием по прекращению уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, полагая, что «при принятии решений об освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, в том числе и на досудебных стадиях уголовного процесса, презумпция невиновности продолжает действовать и не подлежит ограничению»⁷.

Обращение к практике свидетельствует о том, что следователи, дознаватели в настоящее время фактически не используют предоставленное им полномочие прекратить уголовное дело по рассматриваемым основаниям. Наш опрос показал, что 9 из 10 следователей вообще не применяют положения ст. 25, 28, 28.1 УПК РФ, объясняя это тем, что руководители следственного органа ориентируют их на направление уголовного дела в суд с обвинительным заключением, усматривая в этом показатель более эффективной работы органа предварительного расследования. Аналогичная ситуация наблюдается и в органах до-

⁴ Кокорев Л. Д. Судебная этика. Воронеж, 1993. С. 78.

⁵ О несоответствии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, определяющих порядок освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия, Конституции СССР и международным актам о правах человека: заключение Комитета конституционного надзора СССР от 13 сентября 1990 г. № 2-8 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 39. С. 754.

⁶ Степашин В. М. Проблема уголовной репрессии вне уголовной ответственности // Правоприменение. 2017. № 1. С. 127.

⁷ Плошкина Я. М. Презумпция невиновности и прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям по законодательству РФ с учетом опыта ФРГ // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 6. С. 83.

¹ Стельмах В. Ю. Дознание в органах внутренних дел: курс лекций. Екатеринбург, 2015. С. 107.

² Артамонова Е. О. Некоторые вопросы разграничения реабилитирующих и нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 19. С. 341.

³ Ларин А. М. Презумпция невиновности. М., 1982. С. 152.

знания, поскольку прокуроры отказывают дознавателям в даче согласия на прекращение уголовного дела по рассматриваемым основаниям.

Недовольство таким положением высказывают представители адвокатского сообщества, считая, что запрет на применение действующих норм о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям в стадии предварительного расследования ограничивает возможности защиты. Так, адвокат Д. В. Анцупов пишет: «Освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям на стадии предварительного расследования практически никогда не происходит. Причина таких действий кроется во внутренних инструкциях ведомств, основанных на статистических показателях переданных дел в суд»¹. Того же мнения М. Восканян: «Должностные лица категорически отказываются прекращать уголовные дела за примирением сторон на стадии предварительного расследования, и причина заключается в том, что в статистических отчетах о проделанной работе, которые дознаватели, следователи и прокуроры сдают по вертикали снизу и до Генеральной прокуратуры и МВД РФ, есть графа о количестве законченных дел, которые направлены в суд»².

Мы полагаем, что нормы, содержащиеся в ст. 25, 28, 28.1 УПК РФ и предоставляющие следователю, дознавателю право прекращать уголовное дело, выходят за рамки полномочий органов предварительного расследования и затрагивают сферу исключительной компетенции суда.

Прежде всего необходимо учитывать, что прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям осуществляется в отношении лица, совершившего преступление, то есть этим решением констатируется факт виновности в деянии. Косвенным подтверждением этому являются положения ч. 2 ст. 27 УПК РФ, в соответствии с которыми прекращение уголовного преследования по ст. 25, 28, 28.1 допускается только в том случае, если подозреваемый, обвиняемый против этого не возражает, то есть соглашается на такой вариант разрешения дела, тем самым признавая, что факт совершения им преступления не оспаривается. Если же уголовно преследуемое лицо не согласно с таким вариантом разрешения дела, то производство продолжается в обычном порядке.

На факт признания вины при установлении нереабилитирующего основания указывает Конституционный Суд РФ. В своем постановлении от 14 июля 2011 г. он отметил: «при прекращении уголовного дела в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) прекращается и дальнейшее доказывание его виновности, но при этом по существу, констатируется совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления конкретным лицом. Тем самым

такое лицо без вынесения и вступления в законную силу обвинительного приговора суда фактически признается виновным в совершении преступления»³.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» подчеркнул, что «освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление»⁴.

В юридической литературе многие авторы считают неправомерным дозволение органу предварительного расследования прекращать уголовные дела по нереабилитирующим основаниям. Так, Н. А. Богданович пишет: «Если согласно ч. 1 ст. 16 УПК лицо может быть признано виновным в совершении преступления исключительно вступившим в законную силу приговором суда, то необходимо лишить органы предварительного расследования права прекращать производство по уголовному делу по нереабилитирующим основаниям»⁵. Аналогичного мнения придерживается Ю. В. Деришев: «Право принятия решения о прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям должно принадлежать органам судебной власти»⁶.

Проблема приобрела особую остроту с появлением в нашем законодательстве такого основания освобождения от уголовной ответственности, как назначение судебного штрафа, принятие решения о котором отнесено к исключительной компетенции органа правосудия. При этом законодатель ввел в УПК РФ главу 51.1, предусмотрев в ней два варианта разрешения ситуации: а) в общем порядке, когда дело, поступившее в суд с обвинительным заключением (обвинительным актом, обвинительным постановлением) может быть прекращено в ходе судебного рассмотрения; б) в особом порядке, где значительная часть процессуальной работы осуществляется на эта-

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П по делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 24 в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2021).

⁴ Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2021).

⁵ Богданович Н. А. Дискуссионные вопросы реализации принципа презумпции невиновности при прекращении производства по уголовному делу (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2018. № 11. С. 265.

⁶ Деришев Ю. В., Мурашкин И. Ю. Принцип презумпции невиновности: теория, противоречия реализации и пути их нейтрализации // Научный вестник Омской академии МВД России 2012. № 2. С. 48.

¹ Интервью адвоката Д. В. Анцупова [Электронный ресурс]. URL: <https://pravorub.ru/articles/95192.html> (дата обращения: 30.03.2021).

² Восканян М. Примирение сторон портит статистику правоохранителей // Адвокатская газета. 2009. № 9. С. 25.

пе предварительного расследования, а само решение принимается судом.

Данная конструкция вызывает вопрос о целесообразности второго пути разрешения уголовного дела. Так, В. В. Кальницкий считает, что сложившаяся система уголовного процесса располагает достаточными возможностями для судебного прекращения уголовного дела без вмешательства органов предварительного расследования. Автор пишет: «Оптимальным, был бы вариант полного исключения прикосновения органов расследования (даже в части возбуждения перед судом ходатайства) к решению о прекращении уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа»¹.

Трудно не согласиться с уважаемым профессором. Действительно, если новое действие или институт можно беспрепятственно ввести в существующий правовой механизм, то нет смысла создавать дополнительные процедуры, которые неизбежно усложнят уголовно-процессуальную деятельность. Вместе с тем в постсоветский период в нашем законодательстве проявилась тенденция широкой дифференциации уголовно-процессуальной формы, в частности, направленной на упрощение общего порядка: сокращенное дознание, судебное разбирательство при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, досудебное соглашение о сотрудничестве. Все они основаны на компромиссе публичного и частного интересов, когда в ответ на позитивное посткриминальное поведение лица, совершившего преступление, государство идет на значительное снижение размера уголовного наказания. В результате, с одной стороны, достигается заметная процессуальная экономия в осуществлении уголовного производства, а с другой стороны, виновное лицо получает выгоду в уменьшении степени ответственности за содеянное. Мы полагаем, что прекращение уголовного дела с назначением судебного штрафа может успешно функционировать в форме особого производства, охватывающего предварительное расследование, но при условии, что такой порядок, во-первых, будет отвечать требованию баланса публичного и частного интересов, во-вторых, обеспечит существенную процессуальную экономию.

Введение в институт освобождения лица от уголовной ответственности рассматриваемого основания породило проблему его конкуренции с ранее существующими основаниями. Например, при заглаживании вреда, причиненного потерпевшему преступлением небольшой или средней тяжести, уголовное дело может быть прекращено как в связи с примирением сторон, так и с назначением судебного штрафа. Причем в первом случае лицо может быть освобождено от уголовной ответственности решением органа предварительного расследования, а во втором – решением суда.

В юридической литературе по данному поводу высказаны различные мнения. Одни авторы предлагают сохранить существующие основания прекращения уголовного дела, полагая, что закон содержит достаточные критерии их разграничения. Так, С. В. Анощенкова и С. В. Петрикова полагают, что при конкуренции рассматриваемых оснований предпочтение следует отдавать «старым» основаниям и лишь в случае отсутствия формальных условий, предусмотренных ст. 75, 76, 76.1 УК РФ, ст. 25, 28, 28.1 УПК РФ, уголовное преследование следует прекращать с назначением судебного штрафа².

Другие юристы предлагают решать проблему конкуренции освобождения лица от уголовной ответственности исходя из интересов обвиняемого. Например, А. Н. Хоменко утверждает, что «в тех случаях, когда постпреступное позитивное поведение лица одновременно содержит условия освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные как ст. 76.2, так и ч. 1 ст. 75, ст. 76 УК РФ, применению подлежат последние, как в наибольшей степени соответствующие фактическим обстоятельствам и отвечающие интересам освобождаемого лица»³.

На наш взгляд, проблема конкуренции оснований должна быть решена путем унификации, т. е. объединения нескольких оснований в одно. Такая унификация обусловлена двумя общими свойствами, присущими ситуациям, предусмотренным ст. 75, 76, 76.1, 76.2 УК РФ, ст. 25, 25.1, 28, 28.1 УПК РФ. Все они применяются, во-первых, по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести; во-вторых, в случае совершения подозреваемым, обвиняемым определенных позитивных действий: явки с повинной, раскаяния в содеянном, возмещения ущерба потерпевшему и т. п. При этом законодатель использует объединительное понятие «заглаживание причиненного преступлением вреда», т. е. сводит различные действия компенсирующего, восстановительного характера к «общему знаменателю». Мы полагаем, что все четыре указанные основания освобождения от уголовной ответственности являются вариантами одной юридической ситуации – позитивного посткриминального поведения лица, совершившего преступление. Поэтому материально-правовые основания освобождения от уголовной ответственности целесообразно свести к одному, что позволит оптимизировать нормативное урегулирование данного института в УК РФ.

Материально-правовая унификация оснований освобождения от уголовной ответственности обуславливает, в свою очередь, необходимость унификации процессуального порядка прекращения

¹ Кальницкий В. В. Порядок прекращения уголовного дела (преследования) в связи с назначением судебного штрафа // Законодательство и практика. 2016. № 2. С. 11.

² Анощенкова С. В., Петрикова С. В. Разрешение конкуренции применения норм об освобождении от уголовной ответственности // Проблемы российского законодательства. 2017. № 6. С. 225.

³ Хоменко А. Н. Вопросы применения и конкуренции норм об освобождении от уголовной ответственности // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2017. № 2. С. 90.

уголовного дела. Эта проблема в конечном счете заключается в одном вопросе: подвергается ли лицо, освобожденное от уголовной ответственности, карательному воздействию за содеянное или не подвергается?

Представляется, что в 2016 г. законодатель дал достаточно ясный ответ на этот вопрос. Прекращение уголовного дела с назначением судебного штрафа, с одной стороны, предоставляет лицу, совершившему преступление, избежать судимости и уголовного наказания, а с другой – возлагает на виновного в деянии санкционную меру в виде денежного взыскания. В этой конструкции усматривается компромисс сторон правового конфликта и, соответственно, баланс публичного и частного интересов. Поэтому мы полагаем, что прекращение уголовного дела с назначением судебного штрафа должно стать универсальной формой освобождения лица от уголовной ответственности, а само ее применение целесообразно осуществлять путем особого уголовного производства, охватывающего как досудебный, так и судебный этапы уголовно-процессуальной деятельности¹.

Библиографический список

1. Анощенко С. В. Разрешение конкуренции применения норм об освобождении от уголовной ответственности / С. В. Анощенко, С. В. Петрикова // Проблемы российского законодательства. – 2017. – № 6.
2. Артамонова Е. О. Некоторые вопросы разграничения реабилитирующих и нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела / Е. О. Артамонова // Инновации. Наука. Образование. – 2020. – № 19. – С. 12–15.
3. Богданович Н. А. Дискуссионные вопросы реализации принципа презумпции невиновности при прекращении производства по уголовному делу (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям / Н. А. Богданович // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2018. – № 11. – С. 263–271.
4. Восканян М. Примирение сторон портит статистику правоохранителей / М. Восканян // Адвокатская газета. – 2009. – № 9. – С. 23–29.
5. Давлетов А. А. Прекращение уголовного дела с назначением судебного штрафа как универсальная форма освобождения лица от уголовной ответственности по компромиссным основаниям / А. А. Давлетов // Российская юстиция. – 2020. – № 4. – С. 29–32.
6. Деришев Ю. В. Принцип презумпции невиновности: теория, противоречия реализации и пути их нейтрализации / Ю. В. Деришев, И. Ю. Мурашкин // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2012. – № 2. – С. 44–48.

¹ См.: Давлетов А. А. Прекращение уголовного дела с назначением судебного штрафа как универсальная форма освобождения лица от уголовной ответственности по компромиссным основаниям // Российская юстиция. 2020. № 4. С. 29–32.

7. Интервью адвоката Д. В. Анцупова [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravorub.ru/articles/95192.html>.

8. Кальницкий В. В. Порядок прекращения уголовного дела (преследования) в связи с назначением судебного штрафа / В. В. Кальницкий // Законодательство и практика. – 2016. – № 2. – С. 6–12.

9. Кокорев Л. Д. Судебная этика / Кокорев Л. Д. – Воронеж, 1993.

10. Ларин А. М. Презумпция невиновности / А. М. Ларин. – М., 1982.

11. О несоответствии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, определяющих порядок освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия, Конституции СССР и международным актам о правах человека: заключение Комитета конституционного надзора СССР от 13 сентября 1990 г. № 2-8 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 39.

12. Плошкина Я. М. Презумпция невиновности и прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям по законодательству РФ с учетом опыта ФРГ / Я. М. Плошкина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского – 2020. – № 6. – С. 82–87.

13. Стельмах В. Ю. Дознание в органах внутренних дел: курс лекций / В. Ю. Стельмах. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2015.

14. Степашин В. М. Проблема уголовной репрессии вне уголовной ответственности / В. М. Степашин // Правоприменение. – 2017. – № 1. – С. 122–128.

15. Хоменко А. Н. Вопросы применения и конкуренции норм об освобождении от уголовной ответственности / А. Н. Хоменко // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2017. – № 2. – С. 87–92.

Bibliograficheskij spisok

1. Anoshchenkova S. V. Razreshenie konkurencii primeneniya norm ob osvobozhdenii ot ugodovnoj otvetstvennosti / S. V. Anoshchenkova, S. V. Petrikova // Problemy rossijskogo zakonodatel'stva. – 2017. – № 6.
2. Artamonova E. O. Nekotorye voprosy razgraniicheniya reabilitiruyushchih i nereabilitiruyushchih osnovanij prekrashcheniya ugodovnogo dela / E. O. Artamonova // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. – 2020. – № 19. – С. 12–15.
3. Bogdanovich N. A. Diskussionnye voprosy realizacii principa prezumpcii nevinovnosti pri prekrashchenii proizvodstva po ugodovnomu delu (ugodovnogo presledovaniya) po nereabilitiruyushchim osnovaniyam / N. A. Bogdanovich // Problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendencii. – 2018. – № 11. – С. 263–271.
4. Voskanyan M. Primirenije storon portit statistiku pravooxranitelej / M. Voskanyan // Advokatskaya gazeta. – 2009. – № 9. – С. 23–29.

5. Davletov A. A. Prekrashchenie ugovnogo dela s naznacheniem sudebnogo shtrafa kak universal'naya forma osvobozhdeniya lica ot ugovnoy otvetstvennosti po kompromissnym osnovaniyam / A. A. Davletov // Rossijskaya yusticiya. – 2020. – № 4. – S. 29–32.

6. Derishev YU. V. Princip prezumpcii nevinovnosti: teoriya, protivorechiya realizacii i puti ih nejtralizacii / YU. V. Derishev, I. YU. Murashkin // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. – 2012. – № 2. – S. 44–48.

7. Interv'yū advokata D. V. Ancupova [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://pravorub.ru/articles/95192.html> (data obrashcheniya: 19.03.2021).

8. Kal'nickij V. V. Poryadok prekrashcheniya ugovnogo dela (presledovaniya) v svyazi s naznacheniem sudebnogo shtrafa / V. V. Kal'nickij // Zakonodatel'stvo i praktika. – 2016. – № 2. – S. 6–12.

9. Kokorev L. D. Sudebnaya etika / Kokorev L. D. – Voronezh, 1993.

10. Larin A. M. Prezumpciya nevinovnosti / A. M. Larin. – M., 1982.

11. O nesootvetstvii norm ugovnogo i ugovno-processual'nogo zakonodatel'stva, opredelyayushchih poryadok osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti s primeneniem mer administrativnogo vzyskaniya ili obshchestvennogo vozdejstviya, Konstitucii SSSR i mezhdunarodnym aktam o pravah cheloveka: zaklyuchenie Komiteta konstitucionnogo nadzora SSSR ot 13 sentyabrya 1990 g. № 2-8 // Vedomosti S'ezda narodnyh deputatov SSSR i Verhovnogo Soveta SSSR. – 1990. – № 39.

12. Ploshkina YA. M. Prezumpciya nevinovnosti i prekrashchenie ugovnogo dela po nereabilitiruyushchim osnovaniyam po zakonodatel'stvu RF s uchetoм opyta FRG / YA. M. Ploshkina // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – 2020. – № 6. – S. 82–87.

13. Stel'mah V. YU. Doznanie v organah vnutrennih del: kurs lekcij / V. YU. Stel'mah. – Ekaterinburg: Ural'skij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2015.

14. Stepashin V. M. Problema ugovnoy repressii vne ugovnoy otvetstvennosti / V. M. Stepashin // Pravoprimenenie. – 2017. – № 1. – S. 122–128.

15. Homenko A. N. Voprosy primeneniya i konkurencii norm ob osvobozhdenii ot ugovnoy otvetstvennosti / A. N. Homenko // Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionnyh tekhnologij. – 2017. – № 2. – S. 87–92.

О роли заключения специалиста в доказывании по уголовным делам

Расулова Наталья Сергеевна,
Уральский юридический институт МВД России
e-mail: rasulovanatalya@mail.ru

Автор проводит анализ имеющихся в научной литературе подходов к пониманию средств доказывания и с этой позиции раскрывает процессуальную природу заключения специалиста, обосновывая вывод о его справочно-вспомогательной роли в установлении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Ключевые слова: заключение специалиста; вспомогательное доказательство; консультационная деятельность; справочно-вспомогательные средства доказывания.

On the role of a specialist's opinion in proving in criminal cases

Rasulova Natalya Sergeevna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

The author analyzes the approaches to understanding the means of evidence available in the scientific literature and from this position reveals the procedural nature of the expert's conclusion, substantiating the conclusion about his reference and auxiliary role in establishing the circumstances that are important for the criminal case.

Key words: expert opinion; auxiliary evidence; consulting activities; reference and auxiliary means of proof.

Заключение специалиста как самостоятельное доказательство существует в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) с 2003 г. (п. 3.1. ч. 2 ст. 74 УПК РФ), однако анализ судебной и следственной практики позволяет сделать вывод о том, что до настоящего времени оно так и не получило широкого применения в процессе установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. По мнению следователей, дознавателей, прокурорских работников и адвокатов, причиной этому является недостаточно определенная процессуальная природа данного доказательства, что, в свою очередь, порождает, с одной стороны, отсутствие четкой регламентации в уголовно-процессуальном законе применения указанной формы специальных знаний, а с другой – наличие неразрешенных противоречий, и то в совокупности приводит к неоднозначности и затруднениям использования со стороны правоприменителей. Заключение специалиста, как и заключение эксперта, является одной из форм использования специальных знаний, тем не менее на практике предпочтительной формой продолжает оставаться назначение и производство судебной экспертизы. Вместе с тем, мы все же полагаем, что замысел законодателя относительно введения заключения специалиста в УПК РФ не только был направлен на предоставление некой процессуальной возможности участия в получении доказательств для

стороны защиты и иных заинтересованных в исходе дела субъектов уголовного судопроизводства, но и предполагал расширение арсенала средств доказывания для стороны обвинения. Именно с данной позиции мы попытаемся определить его роль в процессе доказывания.

Выяснение наличия или отсутствия обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, является центральной задачей деятельности правоприменителей, направленной на установление истины по уголовному делу. Мы поддерживаем мнение ученых, которые представляют доказывание как некий стержень уголовного процесса, определяющий его смысл, форму и содержание, а также характер полномочий, прав и обязанностей участвующих лиц¹ («душой» уголовного судопроизводства²). Поэтому вопросы, связанные с процессом доказывания, занимая особое место в судебной и следственной практике, продолжают оставаться сложными и дискуссионными. Так, с одной стороны, именно регламентированная законом необходимость установления обстоятельств, подле-

¹ См., например: Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961. С. 41; Lupinskaya P. A. Resheniya v уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2010. С. 122 и др.

² См.: Шейфер С. А. Собираание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. М., 2015. С. 12.

жащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ), предопределяющих характер и содержание приговоров либо иных правоприменительных актов, обуславливает существование большинства процессуальных правоотношений, превращающих уголовное судопроизводство в сложную, сильно формализованную и достаточно длительную юрисдикционную деятельность¹. Однако, с другой стороны, процесс доказывания не является сугубо юридической категорией, а основан на интеграции в правовую сферу закономерностей гносеологии и формальной логики, определяющих процесс познания человеком обстоятельств объективной реальности. Все это обуславливает наличие в юридической литературе различных подходов к сущности и используемым средствам уголовно-процессуального доказывания.

Следует отметить, что единой точки зрения о сущности и перечне средств уголовно-процессуального доказывания не существует в науке и по сей день. Ученые сходятся лишь в самом общем понимании этого феномена: средства доказывания – это то, с помощью чего осуществляется доказывание². В ходе исследования мы провели анализ мнений ученых-процессуалистов, который позволил нам сделать вывод о наличии нескольких подходов (назовем их условно: широкий и узкий) к определению средств уголовно-процессуального доказывания.

Так, сторонники широкого подхода под средствами доказывания понимают взаимосвязь информационных ресурсов (доказательства либо их источники) и процессуальных приемов, направленных на их собирание, проверку и оценку (следственные и процессуальные действия). Так, по мнению Ф. Н. Фаткуллина, «средства процессуального доказывания – многогранное понятие, включающее как фактические данные, так и способы, обуславливающие их попадание в распоряжение дознавателя, следователя, прокурора и суда»³. Современные ученые, например, З. З. Зинатуллин, Т. З. Егорова и Т. З. Зинатуллин, поддерживая указанную позицию, определяют средства доказывания как о феномен, включающий и сами доказательства, и их источники, и способы их собирания органами предварительного расследования, прокурором и судом⁴. И. А. Груднин с позиции комплексного подхода рассматривает средства доказывания как систему, включающую сами доказательства и способы их получения⁵. В. Ю. Стельмах, несколько сужая данную точку

зрения, относит к средствам доказывания следственные, иные процессуальные и проверочные действия, оперативно-розыскные мероприятия, действия защитника и иных невластных участников уголовного процесса, а также действия, произведенные в рамках других видов деятельности⁶.

Однако ряд ученых, отнесем их к представителям узкого подхода к определению процессуальной природы средств доказывания, относят к ним только лишь сведения (данные), подлежащие использованию в качестве аргументов при обосновании приговоров или иных правоприменительных решений либо, как вариант, источники этих сведений (данных). М. С. Строгович относил к средствам доказывания только сами доказательства как источники полезных сведений о фактах⁷. В. Я. Дорохов подчеркивал идентичность, тождественность категорий «средство доказывания» и «доказательство»⁸.

На наш взгляд, именно такой узкий подход способен придать средствам доказывания более четкий и понятный смысл, выделяя их из совокупности объектов уголовно-процессуального регулирования и наделяя процессуальной автономностью. В то время как широкий подход, фактически отождествляя совокупность средств доказывания со всей системой уголовно-процессуального регулирования за некоторым исключением отдельных действий и решений⁹, размывает сущность данной категории¹⁰.

Следует отметить, что и сам законодатель придерживается рациональности использования узкого подхода к пониманию средств доказывания. Так, позволим провести параллель установления значимых для дела обстоятельств между УПК РФ и Гражданским процессуальным кодексом РФ (далее – ГПК РФ) ввиду наличия общих концептуальных основ проведения судебных процессов в современном правовом государстве. Статья 60 ГПК РФ регламентирует следующее: «Обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами».

аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. С. 13.

⁶ См.: Стельмах В. Ю. Понятие и система средств доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского университета. 2016. № 6 (194). С. 94–95.

⁷ См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т.1. С. 291, 295.

⁸ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1973. С. 212–213.

⁹ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М., 2006. С. 760.

¹⁰ Схожей точки зрения придерживаются В. М. Корнуков и Р. Ш. Валиев. Авторы пишут, что подобный (широкий) подход к пониманию средств уголовно-процессуального доказывания размывает границы самостоятельных правовых категорий, стирает различия между ними (см.: Корнуков В. М., Валиев Р. Ш. Личный обыск и его роль в уголовно-процессуальном доказывании. Саратов, 2007. С. 40).

¹ См.: Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021. С. 47.

² См.: Белкин Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966. С. 18.

³ Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. С. 91.

⁴ См.: Зинатуллин З. З., Егорова Т. З., Зинатуллин Т. З. Уголовно-процессуальное доказывание: концептуальные основы. Ижевск, 2002. С. 145.

⁵ См.: Груднин И. А. Средства доказывания в уголовном судопроизводстве: система, содержание, гносеологические

Однако, несмотря на то, что мы расцениваем узкий подход к пониманию средств доказывания, как более верный, все-таки, на наш взгляд, не совсем правильно отождествлять средства уголовно-процессуального доказывания ни с чем иным, кроме доказательств. Обратимся к ст. 74 УПК РФ, во второй части которой содержится исчерпывающий перечень доказательств. Вместе с тем развитие различного рода технологий, постепенно внедряющихся во все сферы нашей деятельности, неминуемо влечет появление новых способов совершения традиционных преступлений (хищение денежных средств путем несанкционированного удаленного доступа к расчетным счетам; сбыт наркотических средств с использованием сети «Интернет»; использование в совершении преступлений криптовалюты и т. д.). Данные обстоятельства обуславливают возникновение различных «нестандартных» ситуаций как уголовно-правового, так и уголовно-процессуального характера в ходе расследования уголовных дел, требующих иного разрешения, которое, как правило, не представляется возможным сделать одному следователю, дознавателю, прокурору, адвокату или судье, посредством применения лишь своих узкопрофильных юридических познаний или профессиональных компетенций, используя только сведения, извлекаемые из объективной реальности или из сознания других лиц и находящие свое отражение в доказательствах, предусмотренных ст. 74 УПК РФ. Итак, мы возвращаемся к проблеме редкого использования в доказывании заключения специалиста. В соответствии с действующим законодательством специалист наряду с экспертом обладает специфическими, узкопрофильными специальными познаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, однако отсутствие четкого процессуального механизма формирования и приобщения к материалам дела заключения специалиста является одним из основных препятствий для полноценного использования его в процессе доказывания. Тем не менее на сегодняшний день норма, регламентирующая заключение специалиста как письменное суждение по вопросам, поставленным сторонами (ч. 3 ст. 80 УПК РФ), в законе имеется. Необходимо определить, каким образом, ее эффективно и рационально применять в ходе расследования уголовного дела. В этой связи мы полагаем целесообразным выделить в средствах доказывания две группы доказательств: основные – к ним отнести все те, процессуальный порядок получения которых регламентирован Уголовно-процессуальным кодексом РФ, и вспомогательные – используемые в качестве доводов или аргументов для надлежащей оценки относимости, допустимости и достоверности каждого доказательства в отдельности и их достаточности в совокупности. На наш взгляд, заключение специалиста как раз и является таким средством доказывания, имеющим принципиально иной характер и играющим иную роль в установлении обстоятельств уголовного дела. Такой вывод нам позволяет сделать следующее: данное

средство доказывания не основано на познании материальных объектов или следов преступления, а выполняет справочную роль, обратимся к ч. 1 ст. 58 УПК РФ – одной из функций специалиста является как раз разъяснение сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Е. А. Зайцева, указывая на второстепенный характер заключения специалиста, считает, что «если в уголовном деле исследования не требуется – достаточно обратиться за консультационной помощью к специалисту, который изложит свое мнение устно на допросе или письменно в виде заключения»¹. Кроме того, консультационный характер определяет вспомогательное значение данных средств доказывания, т. е. они, в отличие от заключения эксперта, не выполняют основную роль, получая новое знание, а лишь дополняют уже имеющиеся доказательства.

Анализ изученных уголовных дел подтверждает наши аргументы о справочно-вспомогательной роли заключения специалиста как средства доказывания. Рассмотрим некоторые практические примеры. В материалах уголовного дела по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, который под видом предпринимательской деятельности по сбору и реализации нитей из бисера, путем обмана похищал денежные средства у граждан, передаваемые ему в качестве залога за получение комплекующих (нить, игла, бисер) для трудоустройства, имеется заключение специалиста творческого центра «Гамаюн», работавшего по направлению плетения из бисера. Он, изучив протоколы допросов потерпевших и осмотрев нити, изъятые в ходе выемок, основываясь на своих профессиональных знаниях и опыте творческой деятельности, разъяснил и обосновал непригодность представленных нитей к применению ни в творчестве, ни в искусстве, ни в быту, подтвердив тем самым вывод следователя о бесполезности проведенной гражданами работы и фиктивной предпринимательской деятельности². Другой пример, спецификой доказывания по преступлениям, предусмотренным ст. 242.1 УК РФ, является определение несовершеннолетнего возраста лиц, привлекаемых к участию в видеосюжетах порнографического содержания, поскольку, как правило, в распоряжение органов расследования попадают только изъятые видеоматериалы с изображениями подобного характера. Посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий либо следственных действий установить их личности не представляется возможным, соответственно, органы следствия могут только предполагать, что «актеры» в видеофильмах являются несовершеннолетними. В целях получения ответа на вопрос о возрасте изображенных лиц в ви-

¹ Зайцева Е. А. Применение специальных познаний сквозь призму Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Адвокат. 2013. № 7. С. 9–13.

² См.: Уголовное дело по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ // Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга.

деофильмах в порядке ст. 168 УПК РФ для участия в следственном действии – осмотр предметов, приглашается в качестве специалиста врач-педиатр, который по результатам осмотра, используя имеющиеся у него специальные знания, дает заключение, в котором, подробно описав степень развития внешних первичных и вторичных половых признаков, определяет границы возраста, разъяснив свои выводы.

Таким образом, приведенные примеры служат подтверждением изложенного нами мнения о том, что специалист при даче заключения посредством анализа представленных данных уточняет и дополняет уже имеющиеся доказательства, иными словами, оказывает консультационное разъяснительное содействие при установлении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

В этой связи представляется целесообразным понимать заключение специалиста не как суждение, что означает по энциклопедическому словарю то же, что высказывание или умственный акт, реализующий отношение говорящего к содержанию высказываемой мысли и связанный с убеждением или сомнением в ее истинности или ложности¹, а как разъяснение, т. е. истолкование, пояснение, комментарий, вносящие ясность во что либо.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, полагаем, что заключение специалиста является средством доказывания, которое выполняет не основную роль в установлении истины по уголовному делу, а имеет справочно-вспомогательное значение в процессе доказывания.

Библиографический список

1. Белкин Р. С. Собираение, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы / Р. С. Белкин. – М.: Наука, 1966.
2. Вытовтов А. Е. Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве (по материалам уголовных дел экономической направленности): дис. ... канд. юрид. наук / А. Е. Вытовтов. – Иркутск: ВСИ МВД России, 2020.
3. Горский Г. Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, П. С. Элькинд. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1978.
4. Грудинин И. А. Средства доказывания в уголовном судопроизводстве: система, содержание, гносеологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. А. Грудинин. – Екатеринбург: УрГЮА, 2012.
5. Зайцева Е. А. Применение специальных познаний сквозь призму Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ / Е. А. Зайцева // Адвокат. – 2013. – № 7. – С. 9–13.
6. Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное доказывание: концептуальные основы / З. З. Зинатуллин,

Т. З. Егорова, Т. З. Зинатуллин. – Ижевск: Детектив-Информ, 2002.

7. Корнуков В. М. Личный обыск и его роль в уголовно-процессуальном доказывании / В. М. Корнуков, Р. Ш. Валиев. – Саратов: СГАП, 2007.

8. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П. А. Лупинская. – 2-е изд. – М.: Норма, 2010.

9. Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности / Р. Д. Рахунов. – М.: Госюриздат, 1961.

10. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств / С. Б. Россинский. – М.: Норма, 2021.

11. Стельмах В. Ю. Понятие и система средств доказывания в уголовном судопроизводстве / В. Ю. Стельмах // Вестник Оренбургского университета. – 2016. – № 6 (194). – С. 94–95.

12. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – М.: Наука, 1968. – Т. 1.

13. Уголовное дело по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ // Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга.

14. Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания / Ф. Н. Фаткуллин. – 2-е изд. – Казань: Казанский госуниверситет, 1976.

15. Шейфер С. А. Собираение доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики / С. А. Шейфер. – М.: Норма, 2015.

16. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://tolslovar.ru/s13854.html>.

Bibliograficheskiy spisok

1. Belkin R. S. Sobiranie, issledovanie i ocenka dokazatel'stv. Sushchnost' i metody / R. S. Belkin. – M.: Nauka, 1966.
2. Vytovtov A. E. Rezul'taty operativno-rozysknoy deyatel'nosti kak sredstva dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve (po materialam ugolovnyh del ekonomicheskoy napravlenosti): dis. ... kand. yurid. nauk / A. E. Vytovtov. – Irkutsk: VSI MVD Rossii, 2020.
3. Gorskiy G. F. Problemy dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom processe / G. F. Gorskiy, L. D. Kokorev, P. S. El'kind. – Voronezh: Voronezhskiy gosuniversitet, 1978.
4. Grudinina I. A. Sredstva dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve: sistema, soderzhanie, gnozeologicheskie aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / I. A. Grudinina. – Ekaterinburg: UrGYUA, 2012.
5. Zajceva E. A. Primenenie special'nyh poznanij skvoz' prizmu Federal'nogo zakona ot 4 marta 2013 g. № 23-FZ / E. A. Zajceva // Advokat. – 2013. – № 7. – S. 9–13.
6. Zinatullin Z. Z. Ugolovno-processual'noe dokazyvanie: konceptual'nye osnovy / Z. Z. Zinatullin, T. Z. Egorova, T. Z. Zinatullin. – Izhevsk: Detektiv-Inform, 2002.
7. Kornukov V. M. Lichnyj obysk i ego rol' v ugolovno-processual'nom dokazyvanii / V. M. Kornukov, R. SH. Valiev. – Saratov: SGAP, 2007.

¹ См.: Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://tolslovar.ru/s13854.html>.

8. Lupinskaya P. A. Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika / P. A. Lupinskaya. – 2-e izd. – M.: Norma, 2010.

9. Rahunov R. D. Uchastniki ugolovno-processual'noj deyatel'nosti / R. D. Rahunov. – M.: Gosyurizdat, 1961.

10. Rossinskij S. B. Dosudebnoe proizvodstvo po ugolovnomu delu: sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv / S. B. Rossinskij. – M.: Norma, 2021.

11. Stel'mah V. YU. Ponyatie i sistema sredstv dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve / V. YU. Stel'mah // Vestnik Orenburgskogo universiteta. – 2016. – № 6 (194). – S. 94–95.

12. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugolovnogo processa / M. S. Strogovich. – M.: Nauka, 1968. – T. 1.

13. Ugolovnoe delo po obvineniyu M. v sovershenii prestupleniya, predusmotrennogo ch .4 st. 159 UK RF // Arhiv Leninskogo rajonnogo suda g. Ekaterinburga.

14. Fatkullin F. N. Obshchie problemy processual'nogo dokazyvaniya / F. N. Fatkullin. – 2-e izd. – Kazan': Kazanskij gosuniversitet, 1976.

15. Shejfer S. A. Sobiranie dokazatel'stv po ugolovnomu delu: problemy zakonodatel'stva, teorii i praktiki / S. A. Shejfer. – M.: Norma, 2015.

16. Enciklopedicheskij slovar' [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://tolkslovar.ru/s13854.html>.

Ведомственный процессуальный контроль, прокурорский надзор и судебный контроль как гарантии законности задержания подозреваемого

Ретюньских Ирина Алексеевна,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: retunskich@mail.ru

Спирин Александр Владимирович,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: a_v_spirin@bk.ru

В статье анализируется механизм ведомственного процессуального контроля, прокурорского надзора и судебного контроля за применением такой меры процессуального принуждения, как задержание подозреваемого. Авторы в статье дают оценку эффективности деятельности руководителя следственного органа, начальника органа дознания, прокурора и суда по обеспечению прав и законных интересов подозреваемого при задержании в порядке статьи 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: задержание подозреваемого; прокурорский надзор; ведомственный контроль; судебный контроль.

Departmental procedural control, prosecutor's supervision and judicial control as guarantees of the legality of detention of the suspected

Retyunskikh Irina Alekseevna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor

Spirin Alexander Vladimirovich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor

The article analyzes the mechanism of departmental procedural control, prosecutorial supervision and judicial control over the application of such a measure of procedural compulsion as the detention of a suspect. The authors in the article assess the effectiveness of the activities of the head of the investigative body, the head of the inquiry body, the prosecutor and the court to ensure the rights and legitimate interests of the suspect during arrest in accordance with Article 91 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Key words: detention of a suspect; prosecutor's supervision; departmental control; judicial control.

Как известно, задержание подозреваемого представляет собой одну из наиболее востребованных правоприменительной практикой мер уголовно-процессуального принуждения, которая применяется органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. Такую дефиницию задержанию дает п. 11 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). По степени ограниче-

ния права на свободу и личную неприкосновенность рассматриваемая мера принуждения не отличается от меры пресечения в виде заключения под стражу. При этом срок лишения свободы передвижения задержанного ограничен только 48 часами (с возможностью дальнейшего продления в судебном порядке еще не более 72 часов). Характерно, что о задержании и о заключении под стражу речь идет в одной конституционной норме – ч. 2 ст. 22 Конституции РФ.

Вынесения судебного решения о задержании подозреваемого не требуется. Как уже указывалось ранее, правом задержать лицо по подозрению в совершении преступления законодатель наделяет орган дознания, дознавателя и следователя (ч. 1 ст. 91 УПК РФ). Право на проведение данного процессуального действия принадлежит расследующему дело следователю, дознавателю (это составляет одно из условий задержания)¹. Следователь (дознаватель) может произвести задержание самостоятельно, а также вправе поручить органу дознания исполнение постановления о задержании. Основания, процессуальный порядок и иные вопросы, связанные с задержанием подозреваемого, регулируются в ст. 91–96, составляющих в совокупности главу 12 УПК РФ. Законодательное регулирование важнейших вопросов задержания нельзя признать идеальным, существующие проблемы и возможные пути их решения анализируются в специальной литературе². В настоящей публикации мы остановимся на рассмотрении гарантий законности применения задержания подозреваемого, эффективности существующего законодательного регулирования и перспективах его совершенствования.

Прежде чем перейти к анализу гарантий законности задержания подозреваемых, обозначим цели данной меры процессуального принуждения. Наряду с обеспечением надлежащего поведения целью задержания является выяснение причастности задерживаемого к совершению преступления, а также установление оснований для последующего применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Прямо в тексте УПК РФ данные цели не названы, они формулируются учеными на основании анализа норм, включенных в гл. 12 УПК РФ³. Кроме того, важно помнить, что с принятием решения о задержании подозреваемого законодатель связывает обретение задержанным лицом статуса подозреваемого. Достижение указанных целей происходит в условиях конфликта (конфронтации) различных интересов, затрагиваемых при расследовании уголовных дел.

Прежде всего, как и любая из мер процессуального принуждения, задержание подозреваемого является публично-правовым *средством* защиты общего интереса, интереса раскрытия преступления⁴. С дру-

гой стороны, задержание не просто призвано лишить подозреваемого возможности воспрепятствовать производству по делу, но должно позволять добиться этого с предельно меньшей степенью стеснения прав, свобод и *законных интересов* самого подозреваемого⁵. Последнее тем более важно, поскольку задержание используется, как правило, на первоначальном этапе расследования, когда следователь (дознаватель) располагает ограниченным объемом доказательственной информации, в том числе подтверждающей факт совершения преступления определенным лицом и обстоятельства совершения самого преступления.

Таким образом, при принятии решения о задержании подозреваемого происходит непростой поиск равновесия публичного интереса и интересов частных. В последние входят интересы не только непосредственно самого подозреваемого, но и потерпевших и свидетелей преступления (обеспечение их безопасности), а также лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства (например, несовершеннолетних детей подозреваемого, иных родственников и т. д.). К. В. Муравьев, рассуждая о *справедливости* применения мер принуждения вообще, верно указывает, что необходимо стремиться к минимальным ограничениям, требующимся для нейтрализации обстоятельств, которые служат основанием для избрания любой меры принуждения⁶.

Ориентиры для установления баланса частных и публичных интересов в данной ситуации установлены законодателем в УПК РФ в виде достаточно определенно сформулированных *оснований и условий* задержания (ст. 91 УПК РФ «Основания задержания подозреваемого»).

Помимо оснований и условий задержания УПК РФ предусматривает и другие гарантии достижения *справедливого баланса интересов* при применении данной меры принуждения. Таковыми следует считать ведомственный процессуальный контроль, судебный контроль и прокурорский надзор⁷. Перечисленные институты по праву считаются основными, обеспечивающими фундамент системы процессуальных гарантий законности применения задержания. Дополнительные механизмы, в частности, деятельность Уполномоченного по правам человека, общественный контроль за обеспечением прав лица, помещенного под стражу, могут служить лишь вспомогательным средством в данной сфере⁸.

диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 34.

⁵ См.: Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 74.

⁶ См.: Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: моногр. Омск, 2017. С. 143.

⁷ См.: Спирин А. В. В поисках выхода из лабиринтов и тупиков стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 154–160.

⁸ См.: Насонова И. А., Владимирова Ю. К. О механизмах, га-

¹ См.: Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: курс лекций. Екатеринбург, 2020. С. 130.

² См., например: Яковлева С. А. Задержание подозреваемого в механизме реализации принципа неприкосновенности человека и права на свободу передвижения // Российский следователь. 2018. № 3. С. 49–52.

³ См., например: Уголовный процесс: учебник / под ред. В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко, А. Д. Прошлякова. М., 2011. С. 243; Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебник для вузов / под ред. проф. Э. К. Кутуева. СПб., 2019. С. 153.

⁴ См.: Кокорев Л. Д. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1977. № 4. С. 77; Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение (Общая концепция. Неприкосновенность личности). М., 1985. С. 36; Масленникова Л. Н. Публичное и

Перейдем к детальному рассмотрению вышеназванных институтов, начав с ведомственного процессуального контроля. На его важность и действенность указывают в публикациях многие процессуалисты¹. Такой контроль подразделяется учеными на организационный (непроцессуальный) и процессуальный².

Субъектами, на которых возложено осуществление ведомственного процессуального контроля законности применения данной меры принуждения, следует считать руководителя следственного органа, начальника органа дознания и начальника подразделения дознания. Каждый из названных субъектов обладает в этой связи определенной совокупностью полномочий.

Руководитель следственного органа (должностное лицо, возглавляющее соответствующее следственное подразделение, а также его заместитель), обеспечивая законность задержания подозреваемого, вправе:

- проверять материалы находящегося в производстве следователя уголовного дела;
- давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий, в том числе и о задержании подозреваемого;
- давать следователю согласие на возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения, допрашивать подозреваемого лично при рассмотрении вопроса о даче согласия следователю на возбуждение перед судом указанного ходатайства;
- разрешать отводы заявленные следователю, а также его самоотводы;
- отстранять следователя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК РФ.

Начальник подразделения дознания (должностное лицо, возглавляющее соответствующее специализированное подразделение, которое осуществляет предварительное расследование в форме дознания, а также его заместитель) имеет право:

- проверять материалы находящегося в производстве дознавателя уголовного дела;
- давать дознавателю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных

и иных процессуальных действий, включая задержание.

Начальник органа дознания (должностное лицо, возглавляющее соответствующий орган дознания, а также его заместитель) обеспечивает законность задержания, производимого не только дознавателями, но и органом дознания, которым он руководит, а поэтому уполномочен:

- проверять материалы уголовного дела, находящиеся в производстве органа дознания, дознавателя;
- давать дознавателю письменные указания о направлении расследования и производстве процессуальных действий;
- рассматривать материалы уголовного дела и письменные возражения дознавателя на указания начальника подразделения дознания и принимать по ним решение;
- обеспечивать исполнение постановлений следователя, дознавателя о задержании, давая соответствующее поручение подчиненным должностным лицам.

Анализ соответствующих норм УПК РФ (ч. 2 ст. 39, ч. 2 ст. 401, ч. 2 ст. 402) позволяет сделать вывод, что названные должностные лица, предварительно приняв уголовное дело к своему производству, могут самостоятельно принять решение о задержании подозреваемого. Но в таком случае они выступают по уголовному делу в роли следователя (дознавателя), а ведомственный процессуальный контроль за их процессуальными действиями и решениями (в том числе за законностью задержания подозреваемого) должны осуществлять вышестоящие руководители.

Анализируя возможности ведомственного процессуального контроля, упомянем еще об одном должностном лице. У начальника места содержания под стражей имеется непосредственная обязанность – освободить задержанного при истечении срока задержания в порядке ст. 91 УПК РФ. Данное должностное лицо (не имеющее, к слову, выраженного уголовно-процессуального статуса) обязано непосредственно исполнить соответствующее решение следователя, органа дознания или прокурора. Это же должностное лицо несет обязанность немедленно освободить задержанного своим постановлением, если по истечении установленного законом срока задержания решение об освобождении подозреваемого, постановление судьи о применении к подозреваемому меры пресечения в виде заключения под стражу либо о продлении срока задержания не поступило³. Об освобождении задержанного начальник места содержания подозреваемого уведомляет орган дознания или следователя, в производстве которого находится уголовное дело, и прокурора. Реализация указанных полномочий начальника места содержания задержанных не является частью механизма ведомственного процессуального контроля, но должна

рантирующих законность применения задержания и заключения под стражу // Союз криминалистов и кримиологов. 2018. № 3. С. 115–118.

¹ См., например: Быков В. М. Начальник органа дознания как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения // Следователь. 2009. № 3. С. 35–39; Валькова Т. В., Емельянов К. Н. Процессуальный статус и полномочия начальника органа дознания и подразделения дознания: методические рекомендации. Тюмень, 2012.

² См.: Белозеров Ю. Н., Марфицын П. Г. Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела: учебное пособие. М., 1994; Победкин А. В., Бурцев С. Н. Нарушения уголовно-процессуальных норм в деятельности органов дознания, средства их предупреждения и устранения: моногр. М., 2010.

³ Статья 50 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СПС «КонсультантПлюс».

рассматриваться как одна из гарантий соблюдения прав подозреваемых.

Полномочия руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания и начальника органа дознания, несомненно, дают возможность этим должностным лицам оценить законность примененной меры процессуального принуждения и принять необходимые меры к устранению нарушений закона. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что эти меры носят косвенный характер: процессуальные руководители дают соответствующие указания следователю, дознавателю. По неясным причинам законодатель в ч. 2 ст. 10 УПК РФ, называя органы и должностных лиц, обязанных немедленно освободить всякого незаконно задержанного (суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель), не называет лиц, осуществляющих ведомственный процессуальный контроль. Данное обстоятельство следует расценить как недостаток законодательного регулирования, который необходимо устранить, включив в текст названной нормы указание на руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания и начальника органа дознания.

Более серьезным недостатком ведомственного контроля за соблюдением закона при задержании подозреваемых следует считать наличие неотъемлемо присущего ему (имманентного) *ведомственного процессуального интереса*. Руководители органов предварительного расследования неизбежно заинтересованы в повышении оперативно-служебных показателей вверенных им органов (что, безусловно, правильно) и склонны в стремлении к достижению этих показателей «закрывать глаза» на некоторые нарушения закона, допускаемые следователями и дознавателями¹. Иными словами, ведомственные показатели конкурируют с публичным интересом борьбы с преступностью. И не всегда публичный интерес одерживает верх в такой «конкурентной борьбе»². Поэтому даже идеальное законодательное регулирование полномочий ведомственных руководителей не сможет само по себе обеспечить надежную защиту от необоснованного нарушения прав подозреваемых при задержании.

Отмеченных недостатков лишен судебный контроль. Однако требуется обращение гражданина с жалобой для того, чтобы механизм судебного контроля был запущен³. Проблема заключается в том, что ст. 29, 125, 1251 УПК РФ не предоставляют задержанному подозреваемому (а также его защитнику или законному представителю) непосредственной возможности обратиться в суд с жалобой на примененную в отношении него меру процессуального принуждения.

Основываясь на установлениях постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), можно предположить, что суды обязаны принимать и рассматривать жалобы такого рода. К иным решениям и действиям следователя (дознавателя), способным причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, а следовательно, обжалование которых в судебном порядке возможно, Пленум относит постановления об избрании и применении к подозреваемому *мер процессуального принуждения*⁴. Препятствуют реализации данной возможности, на наш взгляд, два обстоятельства: оформление задержания подозреваемого, как правило, протоколом, а не постановлением и главное – скоротечность срока действия рассматриваемой меры принуждения (48 часов). Предусмотренный в УПК РФ срок рассмотрения жалобы в разы превышает срок действия меры принуждения. По истечении последнего актуальность обжалования утрачивается.

Для того, чтобы возможность обжалования в суд законности задержания перешла из разряда виртуальных в реальные, в УПК РФ необходимо предусмотреть не общий, а *специальный порядок обжалования задержания*. За ориентир может быть взят опыт законодателя Республики Беларусь.

В соответствии с УПК Республики Беларусь подозреваемый имеет право не только на немедленное получение после задержания письменного уведомления о принадлежащих ему правах, копии постановления или протокола задержания (п. 2 и 3 ч. 2 ст. 41 УПК РБ), но и право *обжаловать в суд* само решение о *задержании* (п. 17 ч. 2 ст. 41 УПК РБ). Соответствующие жалобы могут быть поданы в устной или письменной форме; устные жалобы заносятся в протокол, который подписывает подозреваемый и должностное лицо, принявшее жалобу. Если лицо содержится под стражей, то жалоба на задержание подается в суд через администрацию места предварительного заключения. Лица, представляющие интересы задержанного, подают жалобы на задержание в орган, ведущий уголовный процесс. Судебная проверка законности и обоснованности задержания проводится оперативно, в срок не более 24 часов с момента поступления жалобы. Проверку проводит судья единолично. Рассмотрев жалобу, судья может принять решение об освобождении задержанного (в том числе при установлении необоснованности задержания) либо об оставлении жалобы без удовлетворения (ч. 5 ст. 139, ст. 143, ст. 144 УПК РБ). Интересно, что сам задержанный принимает участие в рассмотрении жалобы только в случае, если это признает необходимым судья (ч. 3 ст. 144 УПК РБ)⁵. Рассмотрение жалобы без участия

¹ См. подробнее: Божьев В. П., Урбан В. В. Влияние ведомственной системы оценки на эффективность уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4 (87). С. 81–88.

² См.: Спирин А. В. Указ. соч.

³ Там же.

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 (в ред. Закона Республики

подозреваемого, на первый взгляд ограничивает для последнего возможность довести до суда свои доводы, но, с другой стороны, обеспечивает высокую оперативность рассмотрения самого обращения.

В настоящее время российские суды проверяют, рассматривая ходатайства следователей (дознавателей) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, *обоснованность подозрения в причастности лица* к совершенному преступлению. На это их ориентирует постановление Пленума ВС РФ, в котором обращается внимание на то, что обоснованное подозрение предполагает наличие данных о причастности лица к совершенному преступлению. Пленум фактически (содержательно) ссылается на ч. 1 ст. 91 УПК РФ. Можно сказать, что тем самым суд оценивает и законность задержания, тем более что, отказывая в удовлетворении ходатайства следователя (дознавателя) об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу, суд немедленно освобождает подозреваемого из-под стражи, вне зависимости от того, истек ли 48-часовой срок с момента его задержания¹.

В тех случаях, когда после задержания подозреваемого обращения в суд с ходатайством об избрании меры пресечения не последовало, законность этой меры принуждения предметом судебной проверки не станет. Между тем задержание в качестве способа получения от подозреваемого показаний, в которых заинтересованы органы следствия или дознания, с последующим избранием меры пресечения, не связанной с лишением свободы, достаточно распространенное на практике явление.

Прокурорский надзор как еще одна гарантия законности задержания подозреваемого, с одной стороны, в достаточной степени отстранен от ведомственных интересов органов предварительного следствия и дознания, а с другой стороны, нацелен на самостоятельное, инициативное и оперативное выявление и устранение нарушений закона, прав и законных интересов граждан², в том числе при применении мер процессуального принуждения. В этом состоит его преимущество.

Задачами прокурора при проверке законности и обоснованности задержания подозреваемого являются выявление, предупреждение, пресечение нарушений закона в уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования при применении задержания, принятие мер к их устранению, а также защита прав, свобод и законных интересов подозреваемых, а также иных лиц, чьи законные интересы затрагиваются применением (или,

Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-3) [Электронный ресурс]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900295> (дата обращения: 28.02.2021).

¹ См.: Пункты 2 и 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Спирин А. В. Указ. соч.

наоборот, неприменением) задержания. Исследователи обращают внимание, что прокуроры обеспечивают исполнение не только требований, изложенных в отечественном законодательстве, но и положений международных правовых актов, касающихся прав и свобод человека и гражданина. К ним относят: Всеобщую декларацию прав человека (1948 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию и заключению в какой бы то ни было форме (1989 г.), Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (1950 г.)³.

Правомочием по самостоятельному задержанию подозреваемого прокурор не наделен. При этом он располагает определенной совокупностью прав, позволяющих обеспечить законность данного процессуального действия, в частности он вправе:

- проверять законность фактического и процессуального задержания подозреваемых в совершении преступления. Сообщения о произведенном задержании поступают в прокуратуру в срок, закрепленный в ч. 3 ст. 92 УПК РФ, т. е. в течение 12 часов с момента задержания⁴. Прокурор обязан немедленно освободить всякого незаконно задержанного или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного УПК РФ;

- получать уведомление начальника места содержания подозреваемого об освобождении им задержанного в связи с истечением срока задержания;

- давать согласие следователю (дознавателю) на сохранение в тайне факта задержания подозреваемого. О сохранении в тайне факта задержания подозреваемого (за исключением задержания несовершеннолетнего) следователь (дознаватель) выносит мотивированное постановление, которое должно быть согласовано с прокурором.

В настоящее время порядок проведения проверки раскрыт в приказах Генерального прокурора РФ⁵.

³ См.: Жук О. Д. Методика прокурорского надзора за законностью задержания подозреваемых и содержания их в ИВС // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 170–174.

⁴ На практике используются различные формы уведомления прокурора о произведенном задержании: факсом, телефону и т. п. Слушатели Свердловского межрегионального центра профессионального обучения прокурорских работников и федеральных гражданских служащих сообщают о распространенности в некоторых регионах практики предварительного согласования с прокурором задержания подозреваемого. В данной ситуации прокурору предлагается дать оценку законности применения меры принуждения *ante factum*.

⁵ См.: Пункты 1.3, 1.4 Указания Генеральной прокуратуры РФ от 9 ноября 2011 г. № 392/49 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства о задержании, заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей»; п. 1.4 Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 27 ноября 2007 г. № 189 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве», п. 1.5 Приказа Генеральной прокуратуры

Так, прокуроры обязаны в каждом случае проверять законность задержания подозреваемых в совершении преступления, в том числе наличие оснований, указанных в ст. 91 УПК РФ, имея в виду, что их перечень является исчерпывающим, мотивов, а также соблюдение порядка задержания, установленного ст. 92 УПК РФ, и срока составления протокола задержания не позднее 3 часов с момента фактического доставления подозреваемого в орган дознания, соответствие сведений, изложенных в протоколе, материалам уголовного дела.

Проводимая прокурором проверка законности задержания подозреваемых (а проведение таких проверок Генеральный прокурор РФ предписывает проводить в вечернее и ночное время) включает в себя:

- изучение протоколов задержания подозреваемых (на основе которых формируются так называемые «личные дела»), в которых отражаются предусмотренные УПК РФ сведения: о дате и времени составления протокола, дате, времени, месте, основаниях и мотивах задержания, результаты личного обыска и т. д.;

- опрос задержанных в самом помещении, в ходе которого подозреваемым предоставляется возможность высказать свои жалобы.

При проведении *бесед (опросов)* с задержанными прокурору необходимо выяснять, допрошены ли они своевременно в этом процессуальном качестве. Должен быть выяснен также вопрос о действительном участии в допросе *защитника*. При последующей проверке материалов уголовного дела, при расследовании которого был задержан подозреваемый, прокурор устанавливает действительное наличие в нем протокола допроса, обращает внимание, присутствовал ли при допросе защитник (есть ли подпись адвоката в протоколе допроса), имеется ли ордер адвокатского образования.

В методических разработках и учебной литературе даются рекомендации для прокуроров при проведении данных проверок выяснять:

- наличие возбужденного уголовного дела по признакам преступления, за совершение которого предусмотрено наказание в виде лишения свободы;

- применение меры принуждения надлежащим субъектом следователем или дознавателем, в производстве которого находится уголовное дело, т. е. надлежащим субъектом;

- подтверждение (документальное) оснований задержания лица, указанных в протоколе задержания;

- процессуальное оформление задержания в срок, не превышающий трех часов после фактического задержания. Прокурор сверяет время *фактического задержания* и время, указанное в *книге учета доставленных* в правоохранительный орган лиц;

- соблюдение требований ст. 96 УПК РФ в части уведомления о задержании подозреваемого родственников и иных лиц;

- наличие оснований для применения к задержанному меры пресечения в виде заключения под стражу¹.

Установив, что в действиях должностных лиц органов предварительного расследования, применивших незаконное или необоснованное задержание, имеются *признаки преступления*, прокурор должен решить вопрос о направлении материалов в следственный орган для уголовного преследования виновных.

Для прокурорского надзора на данном направлении характерно, что проверками охватывается не только законность самого по себе задержания, но и соблюдение прав подозреваемых, водворенных в ИВС. Проверая законность и обоснованность задержания, прокуроры не должны упускать из виду соблюдение требований об изоляции и раздельном содержании различных категорий подозреваемых; требований нормативных правовых актов в части создания подозреваемым, обвиняемым и иным лицам условий содержания под стражей, отвечающих как российскому законодательству, так и общепринятым международным стандартам, включая их личную безопасность.

Полагаем, что полномочия прокурора по проверке законности и обоснованности задержания подозреваемого, предусмотренные в УПК РФ, следовало бы конкретизировать, наполнить ясным содержанием. Непосредственно в тексте УПК РФ (в ч. 3 ст. 92) целесообразно закрепить полномочие прокурора знакомиться с протоколом задержания, при необходимости – с материалами уголовного дела. Упрощение процедуры доступа прокурора к материалам уголовного дела (в настоящее время неоправданно усложненного в соответствии с положениями ч. 21 ст. 37 УПК РФ) в ситуации проверки законности задержания подозреваемого позволит прокурору взвешенно оценить наличие оснований для задержания подозреваемого, что невозможно сделать только на основании копии протокола. Желательно закрепить в УПК РФ право прокурора опрашивать задержанного, а если этого требуют обстоятельства – и *допрашивать подозреваемого*. Фактически речь идет об исключении из общего правила, согласно которому в настоящее время прокурор следственных действий не производит. В ходе предлагаемого следственного действия подозреваемый может, например, указать на обстоятельства, предусмотренные п.п. 6 и 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Протокол допроса подозреваемого прокурором подлежит передаче следователю (дознавателю) для приобщения к материалам дела.

Подводя итоги изложенному в статье, подчеркнем: каждый из рассмотренных выше процессуальных

РФ от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»; п. 14 Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 26 января 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания».

¹ См.: Исаенко В. Н. Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие, дознание, оперативно-розыскную деятельность: учебник и практикум. М., 2020; Жук О. Д. Указ. соч.

механизмов обеспечения законности задержания подозреваемого – ведомственный процессуальный контроль, судебный контроль и прокурорский надзор – имеет свои несомненные достоинства и должен быть сохранен в уголовно-процессуальном законодательстве. При этом анализ функционирования этих механизмов позволяет сформулировать целый ряд предложений по их развитию и совершенствованию, что и было нами проделано в статье. Наконец, есть все основания полагать, что наибольшая эффективность действия данных институтов будет достигаться при их совместном, комплексном использовании.

Библиографический список

1. Белозеров Ю. Н. Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела: учеб. пособие / Ю. Н. Белозеров, П. Г. Марфицын. – М., 1994.
2. Божьев В. П. Влияние ведомственной системы оценки на эффективность уголовно-процессуальной деятельности / В. П. Божьев, В. В. Урбан // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – № 4 (87). – С. 81–88.
3. Быков В. М. Начальник органа дознания как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения / В. М. Быков // Следователь. – 2009. – № 3. – С. 35–39.
4. Валькова Т. В. Процессуальный статус и полномочия начальника органа дознания и подразделения дознания: метод. рекомендации / Т. В. Валькова, К. Н. Емельянов. – Тюмень: Сиб-пресс, 2012.
5. Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: курс лекций / А. А. Давлетов. – 7-е изд. – Екатеринбург, 2020.
6. Жук О. Д. Методика прокурорского надзора за законностью задержания подозреваемых и содержания их в ИВС / О. Д. Жук // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 7. – С. 170–174.
7. Исаенко В. Н. Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие, дознание, оперативно-розыскную деятельность: учебник и практикум / В. Н. Исаенко. – М.: Юрлитинформ, 2020.
8. Кокорев Л. Д. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / Л. Д. Кокорев // Правоведение. – 1977. – № 4.
9. Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / В. М. Корнуков. – Саратов: Саратовский юридический институт, 1978.
10. Масленникова Л. Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Л. Н. Масленникова. – М., 2000.
11. Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: моногр. / К. В. Муравьев. – Омск: Омская академия МВД России, 2017.
12. Насонова И. А. О механизмах, гарантирующих законность применения задержания и заключения под стражу / И. А. Насонова, Ю. К. Владимиров // Союз криминалистов и кримиологов. – 2018. – № 3. – С. 115–118.
13. Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение (Общая концепция. Неприкосновенность личности) / И. Л. Петрухин. – М.: Наука, 1985.
14. Победин А. В. Нарушения уголовно-процессуальных норм в деятельности органов дознания, средства их предупреждения и устранения: моногр. / А. В. Победин, С. Н. Бурцев. – М., 2010.
15. Спирин А. В. В поисках выхода из лабиринтов и тупиков стадии возбуждения уголовного дела / А. В. Спирин // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 4. – С. 154–160.
16. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учеб. для вузов / под ред. проф. Э. К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф. В. П. Сальникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2019.
17. Уголовный процесс: учеб. / под ред. В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко, А. Д. Прошлякова. – М.: Волтерс Клувер, 2011.
18. Яковлева С. А. Задержание подозреваемого в механизме реализации принципа неприкосновенности человека и права на свободу передвижения / С. А. Яковлева // Российский следователь. – 2018. – № 3. – С. 49–52.

Bibliograficheskiy spisok

1. Belozerov YU. N. Obespechenie prav i zakonnyh interesov lichnosti v stadii vozbuzhdeniya ugovornogo dela: ucheb. posobie / YU. N. Belozerov, P. G. Marficyan. – M., 1994.
2. Bozh'ev V. P. Vliyaniye vedomstvennoy sistemy ocenki na effektivnost' ugovorno-processual'noy deyatel'nosti / V. P. Bozh'ev, V. V. Urban // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2018. – № 4 (87). – S. 81–88.
3. Bykov V. M. Nachal'nik organa doznaniya kak uchastnik ugovornogo sudoproizvodstva so storony obvineniya / V. M. Bykov // Sledovatel'. – 2009. – № 3. – S. 35–39.
4. Val'kova T. V. Processual'nyy status i polnomochiya nachal'nika organa doznaniya i podrazdeleniya doznaniya: metod. rekomendacii / T. V. Val'kova, K. N. Emel'yanov. – Tyumen': Sib-press, 2012.
5. Davletov A. A. Ugovornoe sudoproizvodstvo Rossijskoj Federacii: kurs lekciy / A. A. Davletov. – 7-e izd. – Ekaterinburg, 2020.
6. ZHuk O. D. Metodika prokurorskogo nadzora za zakonnost'yu zaderzhaniya podobrevayemyh i soderzhaniya ih v IVS / O. D. ZHuk // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2016. – № 7. – S. 170–174.
7. Isaenko V. N. Prokurorskiy nadzor za ispolneniem zakonov organami, osushchestvlyayushchimi predvaritel'noe sledstvie, doznanie, operativno-rozysknuyu deyatel'nost': uchebnik i praktikum / V. N. Isaenko. – M.: YUrlitinform, 2020.

8. Kokorev L. D. Obshchestvennye i lichnye interesy v уголовном судопроизводстве / L. D. Kokorev // Pravovedenie. – 1977. – № 4.

9. Kornukov V. M. Mery processual'nogo prinuzhdeniya v уголовном судопроизводстве / V. M. Kornukov. – Saratov: Saratovskij juridicheskij institut, 1978.

10. Maslennikova L. N. Publichnoe i dispozitivnoe nachala v уголовном судопроизводстве Rossii: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk / L. N. Maslennikova. – M., 2000.

11. Murav'ev K. V. Mery processual'nogo prinuzhdeniya – osoby sredstva уголовно-правового vozdejstviya: doktrina, primeneniye, optimizaciya: monogr. / K. V. Murav'ev. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2017.

12. Nasonova I. A. O mekhanizmah, garantiruyushchih zakonnost' primeneniya zaderzhaniya i zaklyucheniya pod strazhu / I. A. Nasonova, YU. K. Vladimirova // Soyuz kriminalistov i kriminologov. – 2018. – № 3. – S. 115–118.

13. Petruhin I. L. Svoboda lichnosti i уголовно-processual'noe prinuzhdenie (Obshchaya koncepciya. Neprikosnovennost' lichnosti) / I. L. Petruhin. – M.: Nauka, 1985.

14. Pobedkin A. V. Narusheniya уголовно-processual'nyh norm v deyatel'nosti organov doznaniya, sredstva ih preduprezhdeniya i ustraneniya: monogr. / A. V. Pobedkin, S. N. Burcev. – M., 2010.

15. Spirin A. V. V poiskah vyhoda iz labirintov i tupikov stadii возбужdeniya уголовного дела / A. V. Spirin // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2019. – № 4. – S. 154–160.

16. Uголовно-processual'noe pravo (Uголовnyj process): ucheb. dlya vuzov / pod red. prof. E. K. Kutueva; nauch. red. i vstupitel'noe slovo prof. V. P. Sal'nikova. – 2-e izd., pererab. i dop. – SPb.: Sankt-Peterburgskij un-t MVD Rossii, 2019.

17. Uголовnyj process: ucheb. / pod red. V. S. Balakshina, YU. V. Kozubenko, A. D. Proshlyakova. – M.: Volters Kluver, 2011.

18. YAkovleva S. A. Zaderzhanie podozrevaemogo v mekhanizme realizacii principa neprikosnovennosti cheloveka i prava na svobodu peredvizheniya / S. A. YAkovleva // Rossijskij sledovatel'. – 2018. – № 3. – S. 49–52.

К вопросу о законодательной регламентации процессуального положения лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве

Стацюк Денис Николаевич,
Санкт-Петербургский университет МВД России
e-mail: stacyukspb@mail.ru

В статье излагается авторское виденье законодательной регламентации процессуального положения лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. В статье обосновывается положение о том, что законодательная регламентация процессуального статуса сотрудничающего со следствием лица должна временно обеспечивать реализацию прав и интересов как указанного лица, так и соучастника преступления. В этой связи автором обосновывается необходимость введения в уголовно-процессуальный закон трех правил: 1) о предупреждении сотрудничающего со следствием лица об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний; 2) о невозможности использования данных сотрудничающим со следствием лицом показаний против него самого в случае прекращения соглашения; 3) об обеспечении права соучастника сотрудничающего со следствием лица на конфронтацию с ним.

Ключевые слова: гарантии; баланс прав и интересов; соучастник преступления; лицо, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве; право на справедливое судебное разбирательство; право на конфронтацию.

On the question of legislative regulation of the procedural status of the person with whom a pre-trial cooperation agreement has been concluded

Statsyuk Denis Nikolaevich,
**St. Petersburg University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia**

The article describes the author's vision of the legislative regulation of the procedural situation of a person who has entered into a pre-trial cooperation agreement. The article substantiates the provision that the legislative regulation of the procedural status of a person cooperating with the investigation must simultaneously ensure the realization of the rights and interests of both the said person and his accomplice in the crime. In this regard, the author substantiates the need to introduce three rules into the criminal procedural law: 1) on the prevention of a person cooperating with the investigation of criminal liability for giving deliberately false testimony; 2) on the impossibility of using the data by the person cooperating with the investigation of testimony against himself in the event of termination of the agreement; 3) ensuring the right of an accomplice of the person cooperating with the investigation to confront him.

Key words: guarantees; balance of rights and interests; an accomplice in a crime; a person with whom a pre-trial cooperation agreement has been concluded; the right to a fair trial; the right to confrontation.

Немногим более десяти лет прошло с момента внедрения в российский уголовный процесс института досудебного соглашения о сотрудничестве. На первый взгляд можно сказать, что большинство дискуссионных вопросов его применения подверглись исследованию в уголовно-процессуальной науке, однако придание сотрудничающему лицу автономного процессуального статуса вновь привлекло к себе внимание.

Вопрос достижения баланса интересов сторон процесса, правовой регламентации прав и свобод участников уголовного судопроизводства на всем протяжении действия уголовно-процессуального законодательства являлся одной из центральных проблем.

Очевидно, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве затрагивает проблему обеспечения баланса прав и интересов сотрудничающего лица и

его соучастника преступления. При этом внимание как стороны научного сообщества, так и со стороны законодателя оказалось сосредоточенным на обеспечении прав и интересов преимущественно сотрудничающего лица.

Напомним, что относительно недавно система участников уголовного судопроизводства была дополнена новым участником, место для которого было определено в гл. 8 «Иные участники уголовного судопроизводства» в норме, следующей после ст. 56 «Свидетель», в ст. 56.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ). Такое нововведение вполне естественно привело к научной дискуссии среди ученых и практиков относительно его процессуального положения в уголовном судопроизводстве².

В этой связи совершенно справедливо возникает вопрос: какие именно обстоятельства подтолкнули законодателя принять беспрецедентное решение о придании заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве лицу, обособленного процессуального статуса? Не углубляясь в подробности истории проблемы, следует отметить, что предшествовала этому возникшая правовая неопределенность процессуального положения сотрудничающего со следствием лица в случае его привлечения для участия в процессуальных действиях по «основному» делу соучастника преступления из выделенного в отношении него уголовного дела в отдельное производство. Вместе с этим следует подчеркнуть, что заинтересованность в разрешении данной проблемы исходила именно от соучастника преступления, против которого использовались доказательства (в основном показания), полученные с участием сотрудничающего лица, не обеспеченные надлежащей гарантией достоверности³. Представляется, что законодательное урегулирование процессуального статуса сотрудничающего лица, носящего формальный характер, не способствовало разрешению указанной проблемы. Иначе, как можно объяснить сходство процессуальных статусов сотрудничающего со следствием лица и свидетеля, за исключением отсутствия у первого уго-

ловной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний.

Считаем, что разрешению вышеуказанной проблемы способствует разработанная нами авторская идея законодательной регламентации процессуального положения лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, теоретические положения которой ранее были освещены в научной литературе⁴.

Итак, по нашему мнению, одним из существенных вопросов является момент появления в уголовном процессе нового участника – лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. К сожалению, закон не дает четкого ответа на него. Очевидно, что его появление законодатель связывает с применением в отношении него процедуры выделения уголовного дела в отдельное от остальных соучастников преступления производство.

Практика показывает, что вопросу придания подозреваемому (обвиняемому), заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве, нового процессуального статуса, предусмотренного ст. 56.1 УПК РФ, уделяется второстепенное значение, поскольку указанная процедура выделения уголовного дела преимущественно рассматривается как мера поощрения, применяемая к сотрудничающему лицу при соблюдении условий соглашения.

Основанием возникновения процессуального положения лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, является момент заключения данного соглашения, в который по логике и должно происходить выделение уголовного дела в отношении него в отдельное производство. Однако законодатель так четко момент выделения уголовного дела в отношении заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве лица в отдельное производство не устанавливает, оставляя его определение на усмотрение правоприменителя и препятствуя единообразию складывающейся практики. В этой связи предлагаем ч. 3 ст. 317.3 УПК РФ дополнить следующим положением: *«После заключения досудебного соглашения о сотрудничестве следователем принимается решение о выделении в отдельное производство уголовного дела в отношении лица, его заключившего, в предусмотренном законом порядке, в соответствии со ст. 154 УПК РФ»*.

Представляется, что именно трансформация процессуального интереса лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, предопределила его место в системе участников уголовного судопроизводства и содержание его процессуального статуса. Следует отметить, что процессуальный интерес лица, заключившего досудебное соглашение о со-

¹ См.: Федеральный закон от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2018. № 45. Ст. 6831.

² См., например: Топчиева Т. В. К вопросу о статусе лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 73; Шадрин В. С. «Новый» участник уголовного судопроизводства – свидетельствующий соучастник // Российская юстиция. 2020. № 2. С. 34.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. №17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко» // СПС КонсультантПлюс.

⁴ См.: Стацюк Д. Н. К вопросу о процессуальном интересе лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (88). С. 143.

трудничестве, состоит в достижении минимального наказания либо освобождении от него, а также в том, чтобы его показания в случае прекращения соглашения не были использованы против него самого как обвинительные доказательства.

Из этого следует, что предупреждение сотрудничающего лица об уголовной ответственности за сообщение заведомо недостоверных сведений наряду с невозможностью их использования против него самого в случае перехода к обычному порядку производства («иммунитет по сделке») вовсе не противоречит его преобразованному процессуальному интересу. Предупреждение сотрудничающего со следствием лица об уголовной ответственности за лжесвидетельство – это гарантия достоверности его показаний и, следовательно, интересов его соучастника.

В науке уголовно-процессуального права высказывались различные мнения относительно обеспечения гарантией достоверности показаний лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, посредством привлечения к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Однако не все ученые-процессуалисты поддерживали такую идею, опираясь на фактическое положение сотрудничающего лица, приравнивая его к обвиняемому и соответственно сохраняя за ним право на защиту¹.

Законом предусмотрен механизм пересмотра приговора, вынесенного в отношении сотрудничающего со следствием лица, в случае последующего выявления факта лжесвидетельствования или сокрытия от следствия каких-либо существенных сведений, или прекращения досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 317.8 УПК РФ). Однако анализ следственно-судебной практики показывает, что обеспечить достоверность показаний лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, посредством применения предусмотренного законом механизма не всегда представляется возможным.

В подтверждение вышеуказанному следует привести уголовное дело №1-324/2020, оконченное производством Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Калининградской области по признакам составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210 УК РФ и ч. 3 ст. 171.2 УК РФ в отношении членов преступного сообщества Б., Д., М., Р., Н., С. В рамках расследования обвиняемые Н. и С. заключили досудебные соглашения о сотрудничестве, с последующим выделением в отношении последних уголовных дел в отдельное производство. В дальнейшем уголовное дело №1-530/2019 в отношении С. и уголовное дело №1-46/2020 в отношении Н. были рассмотрены Ленинградским районным судом г. Калининграда, приговор в отношении каждого из них вступил в законную силу². По истечении 6

месяцев уголовное дело №1-324/2020 в отношении остальных участников преступного сообщества поступило в Ленинградский районный суд г. Калининграда для рассмотрения по существу³. Решающее значение для привлечения лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, к предусмотренным законом «репрессивным» мерам зависит от того, насколько своевременно будет выявлен факт лжесвидетельствования. В случае выявления данного факта позднее срока в 1 год, предусмотренного ст. 401.6 УПК РФ, их применение будет невозможно. При этом орган конституционного контроля считает, что непредупреждение лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний компенсируется за счет наступления неблагоприятных последствий, которые влечет дача им не соответствующих действительности показаний в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве, обязывающего это лицо давать правдивые показания об известных ему обстоятельствах.

В этой связи полагаем, что баланс интересов лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, и его соучастника возможно обеспечить за счет предупреждения сотрудничающего лица об уголовной ответственности в случае выявления факта лжесвидетельствования и невозможности использования показаний указанного лица против него в случае рассмотрения его уголовного дела в общем порядке.

Как видно, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве существенно отразилось на реализации прав и интересов соучастника преступления, для обеспечения которых, по нашему мнению, необходим более действенный механизм. В качестве его основы предлагаем ч. 7 ст. 56.1 УПК РФ изложить в иной редакции: *«Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложных показаний в соответствии со статьей 307 Уголовного кодекса Российской Федерации»*. При этом в целях обеспечения прав и интересов сотрудничающего со следствием лица предлагаем нормы ч. 5 ст. 317.4 и ч. 3 ст. 317.6 УПК РФ дополнить положением следующего содержания: *«Показания обвиняемого, данные в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве, не могут быть использованы в качестве доказательств, в случае рассмотрения в отношении него уголовного дела в общем порядке»*.

Реализация интересов соучастника преступления сотрудничающего со следствием лица наряду с гарантиями от возможного оговора состоит и в обеспе-

дело № 1-46/2020 в отношении Н. // Архив Ленинградского районного суда г. Калининграда.

¹См.: Тисен О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве. дис. ... д-ра юрид. наук. Оренбург, 2017. С. 285.

²Уголовное дело № 1-530/2019 в отношении С., уголовное

³ Сайт Ленинградского районного суда г. Калининграда [Электронный ресурс]. URL: https://leningradsky-kl.n.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=141737879&case_uid=eb749b9e-5b0e-4295-8cbe-e4a65e92e785&delo_id=1540006.

чении его права на справедливое разбирательство. Обеспечение данного права обвиняемого является одной из актуальных задач не только для правовой системы России, но и для многих других государств, международных правозащитных судебных инстанций. В контексте института досудебного соглашения о сотрудничестве оно обретает свою специфику и особое значение.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве предполагает разрешение уголовного дела в отношении сотрудничающего со следствием лица отдельно от остальных соучастников. Оно зачастую рассматривается в первую очередь, что и порождает проблему обеспечения права соучастника на конфронтацию со свидетелем обвинения как элемента его права на справедливое судебное разбирательство, гарантированного Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (ст. 6)¹.

В научном сообществе подавляющее большинство ученых высказываются в пользу обеспечения реализации конвенционного права соучастника преступления на справедливое судебное разбирательство посредством определения очередности рассмотрения уголовных дел в отношении сотрудничающего лица и соучастника преступления на законодательном уровне, при этом отдается предпочтение преимущественно рассмотрению уголовного дела в отношении соучастника преступления в первоочередном порядке. Вместе с тем изменить сложившуюся практику рассмотрения вышеуказанных уголовных дел вряд ли возможно, поскольку она обусловлена наличием юридических оснований (дискреционное полномочие следователя, самостоятельно определять ход расследования уголовного дела) и фактических оснований (количество участников преступления и их защитников, потерпевших, их процессуальная позиция, объем материалов уголовного дела).

Полагаем, что обеспечение интересов соучастника преступления должно достигаться за счет обеспечения реализации права обвиняемого возражать против свидетеля обвинения (право на конфронтацию). Несмотря на положительную тенденцию внедрения указанного конвенционного права в отечественное уголовно-процессуальное законодательство, его реализация свидетельствует о несовершенстве правового регулирования. Указанный пробел выражается в том, что соучастник преступления и его защитник обладают правом на непосредственный допрос в суде лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Однако существующая практика показывает, что явившееся в суд сотрудничающее лицо дает показания или отказывается от их дачи, соответ-

ственно отказывается отвечать на вопросы стороны защиты. Таким образом, его показания, ранее данные в ходе предварительного расследования, оглашаются в суде независимо от того, была ли соучастнику преступления на предыдущей стадии обеспечена возможность оспорить показания указанного лица. Представляется, что правило оглашения показаний лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, должно распространяться не только на случаи неявки, исчерпывающий перечень которых определен законом (ч. 2 ст. 281 УПК РФ) при условии обеспечения возможности оспорить ранее данные показания, но и на случаи отказа от дачи показаний.

Несмотря на то, что общие правила допроса и оглашение показаний свидетелей и потерпевших предусмотрены УПК РФ для данных участников, однако, указанные правила распространяются и на лицо, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. В связи с этим предлагаем ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ в существующей редакции исключить и ввести часть 4.1 в следующей редакции: *«В случаях, предусмотренных пунктами 2–5 части 2–4 настоящей статьи, решение об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля, а равно о воспроизведении видеозаписи или киносъемки процессуальных действий, производимых с участием указанных лиц, принимается судом при условии предоставления возможности обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу оспорить эти доказательства»*.

Отсутствие объективной возможности (в силу принципа разумного срока уголовного судопроизводства) установить строгую очередность рассмотрения дела сначала в отношении соучастника сотрудничающего со следствием лица, а уже после в отношении него самого порождает проблему в случаях оправдания соучастника в связи с отсутствием события преступления. Полагаем, что судебное решение, вынесенное по делу соучастника, относится к новым обстоятельствам для отмены вступившего в законную силу приговора и возобновления производства по делу, поскольку на момент вынесения по делу сотрудничающего лица решение по делу соучастников преступления отсутствовало.

В этой связи реализация интереса лица, ранее заключившего соглашение о сотрудничестве и осужденного за совершение преступления, по которому в основном деле соучастники преступления были оправданы в связи с отсутствием события преступления, должна обеспечиваться посредством отмены постановленного в отношении него приговора. Для достижения единообразной судебной практики это должно найти отражение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. №16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», которое необходимо дополнить пунктом 28.1 следующего содержания: *«Вынесенный в отношении соучастников преступления оправдательный*

¹ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с Протоколом № 1 (подписан в Париже 20 марта 1952 г.), Протоколом № 4 «Об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый протокол к ней» (подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963 г.), Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г.)) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

приговор в связи с отсутствием события преступления является иным новым обстоятельством, предусмотренным п. 3 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, то есть является основанием для возобновления производства по уголовному делу в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве».

Библиографический список

1. Стацюк Д. Н. К вопросу о процессуальном интересе лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве / Д. Н. Стацюк // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 4 (88). – С. 142–151.
2. Тисен О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве. дис. ... д-ра юрид. наук / О. Н. Тисен. – Оренбург, 2017.
3. Топчиева Т. В. К вопросу о статусе лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве / Т. В. Топчиева // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2019. – № 1.
4. Шадрин В. С. «Новый» участник уголовного судопроизводства – свидетельствующий соучастник / В. С. Шадрин // Российская юстиция. – 2020. – № 2. – С. 33–36.

Bibliograficheskiy spisok

1. Stacyuk D. N. K voprosu o processual'nom interese lica, s kotorym zaklyucheno dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve / D. N. Stacyuk // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 4 (88). – S. 142–151.
2. Tisen O. N. Teoreticheskie i prakticheskie problemy instituta dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve v rossijskom ugovnom sudoproizvodstve. dis. ... d-ra yurid. nauk / O. N. Tisen. – Orenburg, 2017.
3. Topchieva T. V. K voprosu o statuse lica, v otnoshenii kotorogo ugovnoe delo vydeleno v otdel'noe proizvodstvo v svyazi s zaklyucheniem dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve / T. V. Topchieva // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – № 1.
4. SHadrin V. S. «Novyj» uchastnik ugovnogo sudoproizvodstva – svidetel'stvuyushchij souchastnik / V. S. SHadrin // Rossijskaya yusticiya. – 2020. – № 2. – S. 33–36.

К вопросу о противодействии терроризму и экстремизму посредством применения мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера

Тутынин Игорь Борисович,
Московский университет МВД России имени
В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент
e-mail: tutig@rambler.ru

В статье раскрывается значимость применения мер процессуального принуждения имущественного характера в целях противодействия терроризму и экстремизму, приводятся перечень и процессуальные особенности применения отдельных таких мер. Предложена конструкция наложения ареста на криптовалюту.

Ключевые слова: меры уголовно-процессуального принуждения; арест криптовалюты.

On the issue of countering terrorism and extremism through the use of measures of criminal procedural coercion of a property nature

Tutynin Igor Borisovich,
Moscow University of the MIA of Russia named
after V. J. Kikot, Candidate of Law, Associate Professor

The article describes the significance of the application of measures of procedural coercion of a property nature in order to counter terrorism and extremism, provides a list and procedural features of the application of individual such measures. The assumption of the construction of the seizure of the cryptocurrency is proposed.

Key words: measures of criminal procedural coercion; the arrest of cryptocurrency.

Противодействие преступности в целом и отдельным ее проявлениям в частности осуществляется различными правовыми способами. Немаловажное значение в этом арсенале средств занимают возможности применения уголовно-процессуальных институтов. Очевидно, что без надлежащего применения следственных действий, мер процессуального принуждения, других представителей уголовно-процессуального права добиться положительных результатов в уголовном судопроизводстве будет проблематично¹. Но еще большие неполученные результаты указанной деятельности могут быть об-

условлены неприменением (ненадлежащим применением) мер процессуального принуждения имущественного характера.

Не случайно ряд международных правовых актов, специально предназначенных для регулирования противодействия терроризму и экстремизму, например: Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма², Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма³, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма⁴, Европейская конвенция о пресечении терроризма⁵, Соглашение государств – участников Содружества Независимых Государств о сотрудничестве в материально-техническом обеспечении компетентных органов, осуществляющих

¹ См.: Волинская О. В., Грашичева О. Н. Проблема разграничения основания отказа в возбуждении уголовного дела и его прекращения в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ // Российский следователь. 2017. № 17. С. 11–14; Григорьев В. Н., Победкин А. В. Смена задачи в поисках ресурсов уголовного судопроизводства // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Томск, 2018. С. 35–43; Ендольцева А. В. Реализация конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве России // Уголовное судопроизводство. М., 2019. С. 25–30.

² Бюллетень международных договоров. 2003. № 5.

³ Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2008. № 49. Ст. 5827..

⁴ СЗ РФ. 2006. № 17 (ч. 1). Ст. 1785.

⁵ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3426.

борьбу с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма¹, и т. п., – особым образом предписывают необходимость использования экономических рычагов воздействия на лиц, причастных к террористической и экстремистской деятельности.

Безусловно, особое и незаменимое место среди всех уголовно-процессуальных институтов, обеспечивающих противодействие терроризму и экстремизму, занимает наложение ареста на имущество. Имея цель – обеспечить исполнение приговора в части возможной конфискации имущества, указанной в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, а также гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, данная мера процессуального принуждения является исключительным представителем обеспечительного средства в уголовном судопроизводстве. Ни один из институтов уголовного процесса выполнить данную обязанность не сможет. Аналоги из других отраслей российского права могут лишь создать предпосылки для успешного применения данной меры уголовно-процессуального принуждения в противодействии терроризму и экстремизму. Примером тому являются меры по замораживанию (блокированию) денежных средств или иного имущества, предусмотренные ч. 6 ст. 7 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»², меры, предусмотренные административным, налоговым, бюджетным и другими отраслями российского законодательства.

Именно поэтому уголовно-процессуальный закон установил отдельные правила об условиях, порядке и разновидностях применения наложения ареста на имущество. В то же время, по нашему мнению, неразрешенность в законе отдельных вопросов препятствует успешному противодействию терроризму и экстремизму.

Например, отсутствие в УПК РФ определения оснований и содержания решения о наложении ареста на имущество не способствует повышению законности и эффективности применения экономических средств противодействия терроризму и экстремизму. В частности, каких-либо требований указывать в судебном решении основания применения данной меры, перечень имущества, подлежащего аресту, его принадлежность, общую стоимость и место нахождения не содержится в УПК РФ. Имеется лишь частичное пояснение отдельных позиций в решении Верховного Суда Российской Федерации³. Ничего определенного закон не устанавливает об оценке, способе и месте хранения арестованного имущества. Нет установления закона о критериях избрания необходимой

степени принуждения при реализации решения о наложении ареста на имущество (оставить такое имущество на ответственное хранение у собственника либо изъять и передать арестованное имущество другим лицам).

Помимо наложения ареста на имущество, в уголовно-процессуальном законодательстве существуют и иные меры процессуального принуждения имущественного характера, которые, по нашему мнению, целесообразно использовать при противодействии терроризму и экстремизму.

Считаем, что не востребованным в полной мере остается потенциал (организационные и правовые возможности) таких мер процессуального принуждения имущественного характера, как залог, отстранение от должности, направление требований, поручений и запросов, истребование документов, назначение и производство проверок и ревизий, изъятие предметов и документов (вещественных доказательств), реституция, ограничение и в отдельных случаях запрет лицу, привлекаемому к уголовной ответственности участвовать в гражданско-правовых сделках и другие ограничения имущественных прав и интересов лиц⁴.

Весомое место в противодействии терроризму и экстремизму занимает вопрос о возможности перекладывания бремени доказывания законности происхождения арестованного имущества на заинтересованных лиц. Считаем, что это недопустимо в рамках уголовного судопроизводства, но целесообразно в рамках гражданского процессуального производства.

Полагаем, что в перспективе борьба с терроризмом и экстремизмом будет сопряжена с более интенсивным использованием достижений информационно-коммуникационных технологий, когда дознавателю и следователю будет представлен современный инструментарий, позволяющий без особых усилий и чрезмерных бюрократических преград осуществлять эффективный поиск имущества, подлежащего аресту, а затем результативно реализовывать правоограничение для достижения целей, предусмотренных законодательством.

Классический способ получения информации о наличии у лица собственности путем направления официального запроса различным государственным органам и «третьим лицам» будет использоваться все меньше и меньше. Правоприменителями используются возможности применения цифровых технологий при взаимодействии с такими органами и службами, как МРЭО, БТИ, Росреестр, территориальный орган Федеральной регистрационной службы (государственной регистрации недвижимости и сделок с ним) по субъекту Российской Федерации МЮ России. Не менее значимо оперативное и результативное сотрудничество посредством электронных запросов с

¹ СЗ РФ. 2012. № 27. Ст. 3719.

² СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Российская газета. 2017. № 125.

⁴ Тутынин И. Б. Теоретические основы уголовно-процессуального принуждения имущественного характера: моногр. М., 2017. С. 41.

такими представителями российского бизнеса, как банковские организации, операторы электронной платежной системы, доверительные управляющие, должностные лица, осуществляющие учет имущественных прав (прав требования) и др.

Недалеко то время, когда, помимо соответствующего обращения с просьбой предоставить информацию о наличии собственности, с помощью компьютерных технологий, будет реализовываться непосредственное правоограничение, как мы называем – обращение к «глобальному системному администратору», непосредственно исполняющему судебное решение о государственном принуждении.

Кроме того, достижения современных технологий все больше проникают в нашу жизнь¹. По данным Европола, начиная с середины 2014 г. европейская организованная преступность стала активно использовать связку Tor (теневой сегмент Интернета) – Биткойн. Связка используется как для коммуникаций, так и для развертывания преступной торговли, а также рекрутирования в преступные сети новых членов. По мнению исследовательских групп Интерпола и Европола, в ближайшее время темпы роста криптовалют будут носить экспоненциальный характер².

В связи с производством по уголовному делу при расследовании преступлений, связанных с использованием криптовалют и других виртуальных активов, российские правоприменители сталкиваются с необходимостью применять процессуальные средства принудительного характера. Но отечественное законодательство, как уголовно-процессуальное, так и иное, пока что не позволяет качественно использовать тот потенциал, который заложен в кодексах, предназначенных осуществлять противодействие различным видам преступности. Причин тому много. Они как технического, правового, организационного, так и иного характера.

Например, криптовалюта и другие виртуальные активы не отвечают всем требованиям, предъявляемым к имуществу. Для наложения ареста на указанные объекты необходимо наличие в распоряжении следователя (дознателя) приватного ключа, пароля для доступа к электронному кошельку лица. При размещении виртуальных активов на криптобирже, если она обладает как публичными, так и личными криптографическими ключами, криптовалюта должна исполнить требование о наложении ареста. Что исполнить в рамках нынешнего применения ст. 115 УПК РФ проблематично. Ограничение с криптовалютой, соз-

даваемой, циркулируемой и хранящейся без посредников (например, майнинг) или при так называемых трансграничных криптовалютах, коих подавляющее большинство, также сопряжено со значительными технико-правовыми трудностями.

До 31 декабря 2021 г. отечественные правоохранительные органы, в том числе Росфинмониторинг, Генеральная прокуратура РФ, Следственный комитет РФ, Минюст РФ, ФСБ РФ, ФТС, ФССП и Верховный Суд РФ, должны разработать механизм ареста и конфискации виртуальных активов у их владельцев³. И «светлое будущее» криптовалюты и блокчейна будет страховаться надежными антикриминальными инструментами, как правовыми, так и организационными⁴.

В заключение отметим, что ненадлежащее использование имущественной составляющей государственного принуждения в связи с противодействием терроризму и экстремизму не позволяет в должной мере использовать «эффект синергии», когда совместное единовременное воздействие психического, физического и имущественного не равно сумме действий этих же элементов по отдельности. Дозирование перечисленных компонентов в принуждении позволяет усилить либо смягчить силу его воздействия и в конечном итоге добиться ожидаемых целей наиболее эффективным средством.

Также считаем, что без надлежащего инструментария, позволяющего ограничивать возможность владеть, пользоваться и распоряжаться цифровыми финансовыми активами, цифровыми валютами, эффективно противодействовать терроризму и экстремизму будет невозможно. Поэтому предлагается следующая конструкция этапов наложения ареста на криптовалюту: 1) получение доказательств о существовании и держателе криптовалюты, ее связи с производством по уголовному делу, а также количественных (стоимостных) показателей; 2) получение надлежащего (судебного) решения на применение правоограничения в виде блокирования действий с криптовалютой; 3) получение доступа к операциям с криптовалютой, в том числе путем установления цифрового ключа, получения к нему доступа; 4) непосредственное ограничение (замораживание, блокирование), исключающее установленные в процессуальном решении транзакции в платежной системе; 5) дальнейшие правовые и технические действия органов юстиции, приводящие к минимизации негативных имущественных потерь, обусловленных применением правоограничения (обеспечение сохранности до завершения разбирательства по делу с определением последующей правовой судьбы криптовалюты).

¹ См.: Масленникова Л. Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию... в эру Industry 4.0 // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 138; Сумин А. А., Химичева О. В. Искусственный интеллект в уголовном процессе государств Азиатско-Тихоокеанского региона: общий обзор // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 2. С. 18.

² См.: Овчинский В. Финансовая «Матрица» [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/blogs/kriptovalyuta_blokchejn_i_kriminal (дата обращения: 16.05.2021).

³ Почему конфискация биткойнов и других криптовалют вне их регулирования чревата злоупотреблениями [Электронный ресурс]. URL: <https://forklog.com/pochemu-konfiskatsiya-bitkoinov-i-drugih-kriptovalyut-vne-ih-regulirovaniya-chrevata-zloupotrebleniyami/> (дата обращения: 16.05.2021).

⁴ Овчинский В. Указ. соч.

Библиографический список

1. Волинская О. В. Проблема разграничения основания отказа в возбуждении уголовного дела и его прекращения в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ / О. В. Волинская, О. Н. Грашичева // Российский следователь. – 2017. – № 17. – С. 11–14.
2. Григорьев В. Н. Смена задачи в поисках ресурсов уголовного судопроизводства / В. Н. Григорьев, А. В. Победин // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. – Томск, 2018. – С. 35–43.
3. Ендольцева А. В. Реализация конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве России / А. В. Ендольцева // Уголовное судопроизводство. – М.: Юрист, 2019.
4. Масленникова Л. Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию... в эру Industry 4.0 / Л. Н. Масленникова // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6.
5. Овчинский В. Финансовая «Матрица» / В. Овчинский // https://zavtra.ru/blogs/kriptoalyuta_blokchejn_i_kriminal.
6. Почему конфискация биткоинов и других криптовалют вне их регулирования чревата злоупотреблениями // <https://forklog.com/pochemu-konfiskatsiya-bitkoinov-i-drugih-kriptoalyut-vne-ih-regulirovaniya-chrevata-zloupotrebleniyami>.
7. Стельмах В. Ю. Участие юридического лица в уголовном деле / В. Ю. Стельмах // Российский судья. – 2020. – № 12. – С. 25–29.
8. Сумин А. А. Искусственный интеллект в уголовном процессе государств Азиатско-Тихоокеанского региона: общий обзор / А. А. Сумин, О. В. Химичева // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2020. – № 2.

Bibliograficheskij spisok

1. Volynskaya O. V. Problema razgranicheniya osnovaniya otказа v возбуждении уголовного дела i ego prekrashcheniya v sootvetstvii s p. 4 ch. 1 st. 24 UPK RF / O. V. Volynskaya, O. N. Grashicheva // Rossijskij sledovatel'. – 2017. – № 17. – С. 11–14.
2. Grigor'ev V. N. Smena zadachi v poiskah resursov уголовного судопроизводства / V. N. Grigor'ev, A. V. Pobedkin // Pravovye problemy ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti: sb. statej. – Tomsk, 2018. – С. 35–43.
3. Endol'ceva A. V. Realizaciya konstitucionnogo prava na poluchenie kvalificirovannoj yuridicheskoj pomoshchi v уголовном судопроизводстве Rossii / A. V. Endol'ceva // Uголовное судопроизводство. – М.: YUrist, 2019.
4. Maslennikova L. N. Transformaciya dosudebnogo proizvodstva v nachal'nyj etap уголовного судопроизводства, obespechivayushchij dostup k правосудию... v eru Industry 4.0 / L. N. Maslennikova // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2019. – № 6.
5. Ovchinskij V. Finansovaya «Matrica» / V. Ovchinskij // https://zavtra.ru/blogs/kriptoalyuta_blokchejn_i_kriminal.

Особенности предмета судебного контроля, реализуемого в соответствии со статьей 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

Умярова Регина Рушановна,
Нижегородская академия МВД России
e-mail: regina65765@mail.ru

Современный период характеризуется особой ценностью прав, свобод и законных интересов личности. В связи с этим законодателем был установлен судебный контроль, по которому суд, выполняя юрисдикционные функции, проверяет законность и обоснованность решений и действий должностных лиц органов предварительного расследования, ограничивающих права и свободы граждан. Таким образом, важным элементом выступает именно предмет судебного контроля, об особенностях которого говорится в статье.

Ключевые слова: судебный контроль; суд; права и свободы личности; следственные действия как предмет контроля; виды судебного контроля.

Features of the subject of judicial control, implemented in accordance with Article 165 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation

Umyarova Regina Rushanovna,
**Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal
Affairs of Russia**

The modern period is characterized by a special value of the rights, freedoms and legitimate interests of the individual. In this regard, the legislator established judicial control, according to which the court, performing its jurisdictional functions, checks the legality and validity of decisions and actions of officials of the preliminary investigation bodies that restrict the rights and freedoms of citizens. In this regard, an important element is the subject of judicial control, the features of which are described in the article.

Key words: judicial control; court; individual rights and freedoms; investigative actions as a subject of control; types of judicial control.

Конституция Российской Федерации закрепляет основополагающие права граждан, а их соблюдение является важнейшим признаком правового государства и должно быть обеспечено судебной практикой. Гарантия реализации конституционных прав участников уголовного судопроизводства также представляет собой важный вектор развития правового государства, что выступает необходимым условием достижения целей уголовного судопроизводства. Российское уголовно-процессуальное законодательство постоянно совершенствуется и модифицируется, однако, к сожалению, до сих пор имеющаяся система гарантий прав и свобод лиц, участвующих в уголовном процессе, несовершенна. Поэтому, можно сказать, что на сегодняшний день существует реальная возможность применения необоснованного ограничения конституционных прав и свобод граждан.

Установленная система гарантий, несомненно, вызывает критические позиции доктрины, профессиональных судей, сотрудников правоохранительных ведомств и является причиной научных дискуссий, в том числе направленных на поиск путей оптимизации и модернизации правовых средств, которые обеспечивают их соблюдение в уголовном судопроизводстве. В рамках проблем обеспечения прав и свобод граждан к дискуссионным моментам можно отнести и судебный контроль. Этот институт в отечественном праве постоянно эволюционировал, но, несмотря на это, всегда нес в себе защитную функцию по обеспечению прав участников судопроизводства от незаконных и необоснованных действий в лице уполномоченных субъектов процесса. Институт оперативного судебного контроля выражается в нескольких формах, однако наибольший интерес для

нас представляет судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, реализуемый в соответствии с нормами ст. 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). В последнее время именно эта форма судебной защиты является актуальной и постоянно обсуждается в научных сообществах.

Судебный контроль, осуществляемый в порядке ст. 165 УПК РФ, заключается в выполнении судом всесторонней, полной и объективной оценки юридических и фактических оснований производства следственных действий, которые реализуются на основе судебного решения (ч. 2 ст. 29 УПК РФ). То есть имеются основания утверждать, что суд фактически выступает гарантом законности и обоснованности проведения следственных действий, а также непосредственным гарантом обеспечения интересов, прав и свобод лиц, в отношении которых или с участием которых они производятся. Таким образом, в данном случае общим предметом контроля является законность и обоснованность действий и решений следователя или дознавателя при намерении провести следственное, процессуальное действие, осуществление которых возможно только по решению суда. Необходимые критерии судебного контроля, реализуемого по ст. 165 УПК РФ, закреплены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 19 (далее – ППВС РФ № 19)¹.

Достаточно интересное мнение относительно предмета судебного контроля имеет профессор Н. Н. Ковтун, который в своей работе анализирует проявление общего, особенного и единичного в предмете (данного) судебного контроля. Для нас интересна категория единичного. По мнению автора, предмет судебного контроля выражен в конкретном процессуальном действии или решении специальных полномоченных органов, содержащемся в ходатайстве следственных органов, адресованном суду, ограничивающем конкретное конституционное право участника процесса. Важно также отметить, что профессор отдельно разъясняет, что реальным предметом судебного контроля являются сведения, содержащиеся в документе (ходатайстве, адресуемом к суду), т. е. фактические основания для принятия процессуальных решений, а не сам материальный источник².

По идее, по нормам ст. 165 УПК РФ судебный контроль можно разделить на три отдельных подвида: предварительный, последующий и судебный контроль, закрепленный в ч. 31 ст. 165 УПК РФ. Однако далеко не все авторы выделяют последний как само-

стоятельную форму. Соглашаясь с Р. Н. Ласточкиной, мы (все же) относим его к отдельной разновидности судебного контроля³. При этом важно обратить внимание на тот факт, что это положение в принципе не должно содержаться в рассматриваемой статье, т. к. действия по реализации, утилизации, уничтожению вещественных доказательств не являются следственным (познавательным) действием, что противоречит сути и целевому назначению ст. 165 УПК РФ «Судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия».

Главным основанием ограничения подвидов исследуемой формы контроля, безусловно, является его непосредственный предмет. То есть помимо общего предмета судебного контроля, реализуемого в соответствии со ст. 165 УПК РФ, мы считаем методологически правильным выделить и непосредственный предмет проверки и оценки суда, который может быть принципиально различным.

Предварительный судебный контроль представляет собой средство превентивной защиты прав и свобод субъектов, принимающих участие в уголовном судопроизводстве, и реализуется до фактического осуществления следственных действий. Р. Н. Ласточкина под предметом судебного контроля в данном случае подразумевает законность и обоснованность решения должностного лица, настаивающего на необходимости реализации следственных действий, осуществление которых возможно только по решению суда⁴. Однако предмет этого подвида необходимо рассматривать в более широком смысле, учитывая все его особенности.

Итак, если объектом исследования для нас является судебный контроль, предусмотренный ст. 165 УПК РФ, то предметом – значимые с теоретической и практической точки зрения свойства, особенности и стороны объекта, которые включают в наш случае следующие обязательные элементы (критерии) процесса проверки и оценки суда:

1) *Законность*. На наш взгляд, этот критерий включает в себя две стороны: материальную и процессуальную. Материальная – прежде всего обязывает суд оценить и проверить точное и неуклонное соблюдение норм материального (уголовного) права. К примеру, при даче разрешения на контроль телефонных и иных переговоров (ст. 186 УПК РФ) убедиться, что ходатайство внесено по той категории преступлений, которые отнесены к категории средней тяжести, тяжких или особо тяжких. Процессуальная – представляет собой обязанность суда по проверке всех нормативных положений уголовно-процессуального

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217688/ (дата обращения: 19.01.2021).

² Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2002.

³ Ласточкина Р. Н., Язева Е. Е., Кулев А. Г. Судебный контроль в уголовном процессе: учебно-методическое пособие. Ярославль, 2017.

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)».

закона, которые формируют критерий законности рассмотрения и разрешения внесенного ходатайства. Это исходит из принципа, предусмотренного ст. 7 УПК РФ «Законность при производстве по уголовному делу». Судье необходимо убедиться, что вынесенное следователем постановление, направленное на (определенное) ограничение прав граждан, поступило по возбужденному уголовному делу, которое принято к производству надлежащим должностным лицом, а в случае выделения в отдельное производство – не было ли каких-либо нарушений норм УПК РФ, согласовано ли ходатайство следователя с руководителем следственного органа. Также необходимо проверить возможность истечения сроков предварительного расследования к моменту проверки постановления и иные обстоятельства.

2) *Обоснованность* вынесенного (следственного) решения заключается в проверке и оценке достаточности фактических оснований, подтверждающих необходимость проведения конкретного следственного действия (для целей доказывания). Обоснованность ходатайства судья проверяет путем изучения представленных следственными сотрудниками материалов по уголовному делу, где выясняет наличие фактических оснований для реализации испрашиваемого следственного действия. Здесь в предмет проверки суда входит проверка и оценка цели, условий, возможных результатов данного действия и т. п., то есть фактические основания, отражающие событие преступления, наличие хотя бы минимума данных о причастности конкретного лица к расследуемому преступлению, сведения о том, что реализация испрашиваемого действия может привести к желаемым результатам. Все эти сведения отражаются в имеющихся доказательствах и процессуальных документах (копия постановления о возбуждении уголовного дела, копии протоколов допроса, копия постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого и т. д.).

Отдельные исследователи могут полагать, что нельзя ограничиваться только свойствами законности и обоснованности. Для предварительного судебного контроля также элементом проверки, как кажется, может выступать *процессуальная форма* постановления о возбуждении перед судом ходатайства о проведении определенного следственного действия: проверялось ли ходатайство руководителем следственного органа или прокурором; при осуществлении предварительного расследования следственной группой (группой дознавателей) от кого именно поступило ходатайство, т. к. в соответствии с ППВС РФ № 19 право возбудить перед судом подобное ходатайство имеет только руководитель такой группы.

Мы категорически против данного подхода, поскольку все эти моменты охватываются свойством законности, проверить и оценить которое – обязанность суда. Проанализируем, к примеру, следственное действие – контроль и запись переговоров, предусмотренное ст. 186 УПК РФ. Закон содержит

обязательные условия, которые суд должен оценить с точки зрения законности и обоснованности.

Со стороны законности суду необходимо проверить: поступило ли ходатайство по возбужденному уголовному делу; относится ли деяние к категории средних, тяжких или особо тяжких; принято ли дело к производству должностным лицом; соответствует ли субъект, в отношении которого планируется провести контроль и запись телефонных переговоров, критерию ст. 186 УПК РФ (субъектом может быть подозреваемый, обвиняемый и иные лица, в чьих переговорах могут содержаться данные, имеющие значение для уголовного дела). При реализации контроля в интересах обеспечения безопасности участников процесса, субъектом может выступать потерпевший, свидетель или его близкие родственники, родственники или близкие лица. В указанном случае можно заметить неотъемлемую взаимосвязь законности и обоснованности, т. к. мы уже упомянули о последнем, говоря об условиях при применении контроля и записи переговоров к определенным субъектам.

Критерий законности (включая процессуальную форму) требует учета и характера реализуемого следственного действия. Одни следственные действия носят гласный (открытый) характер: как следствие, в процедуре контроля обязательно участие всех заинтересованных лиц (обвиняемый, защитник, потерпевший, его представитель и др.). Необеспечение этого права судом, как свидетельствует судебносудебная практика, однозначно влечет отмену постановленных решений суда. В то же время другие следственные действия носят тайный (конфиденциальный) характер, что в принципе исключает участие в процедуре проверки заинтересованных лиц. Надлежащая процессуальная форма и предмет проверки должны принять во внимание оба указанных факта как неотъемлемое свойство законности.

В этой связи можно предложить добавить в предварительный судебный контроль подсистему, которая будет дифференцировать на судебный контроль за законностью и обоснованностью производство следственных действий, носящих «конфиденциальный» (обыск в жилище, контроль и запись телефонных и иных переговоров и др.) и «гласный» характер (выемка предметов и документов, содержащих государственную тайну и др.).

Вторым подвидом контроля, закрепленного в нормах УПК РФ, является **последующий** контроль, который реализуется уже после производства следственного действия. Особенность заключается в том, что следственное действие, ограничивающее конституционные права и свободы гражданина, изначально реализуется не по судебному решению, а по постановлению следователя или дознавателя, что связано с обстоятельствами, не терпящими отлагательств, о чем нам говорит ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Действующий закон не дает понятия и перечня указанных исключительных случаев, как следствие, во многом они вырабатаны судебносудебной практикой, например:

основания для производства следственного действия возникли внезапно (во время производства другого следственного действия), есть реальная угроза утраты доказательств по делу, имеется необходимость задержания преступника, для пресечения преступной деятельности и т. п. Таким образом, суд прежде всего обязан проверить исключительность конкретного случая. Если такого случая не было, все полученные доказательства должны признаваться недопустимыми в соответствии со ст. 75 УПК РФ. При этом разрешение данного вопроса априори не может быть поставлено в зависимость от положительного результата следственных действий.

Только после установления наличия обстоятельств, не терпящих отлагательств, суд переходит к проверке законности, обоснованности и процессуальной формы реализации самого следственного действия. Судья проверяет и производит оценку достаточности фактических оснований, подтверждающих необходимость проведения конкретного следственного действия, и исследует материальную и процессуальную стороны законности, о которых было сказано выше. Суд устанавливает факт вручения копии постановления следователя, проверяет наличие понятых, удостоверяется, было ли обеспечено участие совершеннолетнего члена семьи при обыске, не было ли существенных нарушений прав и законных интересов лиц, участвующих в следственных действиях, и контролирует исполнение других необходимых условий проведения следственного действия. Общие правила реализации следственных действий закреплены в ст. 164 УПК РФ. Наконец, решив эти исходные моменты, суд должен определиться с допустимостью полученных в рамках данного следственного действия доказательств.

И последним подвидом, который, как мы отмечали, выделяется лишь отдельными учеными, является судебный контроль, закрепленный в **ч. 31 ст. 165 УПК РФ**. Объектом проверки здесь выступает ходатайство следственных органов об уничтожении вещественных доказательств по делу, а непосредственным предметом проверки и оценки суда выступает законность, обоснованность и процессуальная форма реализации данного процессуального действия (с учетом доводов следственных органов, заявлений и возражений сторон). Но, как уж было сказано выше, данное положение не должно содержаться в анализируемой статье в связи с тем, что оно не является следственным действием, а относится к процессуальным.

Важно заметить, что данный подвид реализуется на состязательной основе. В судебном заседании имеет право присутствовать и сторона защиты, и сторона обвинения. Неявка сторон по неуважительной причине не представляет препятствий для рассмотрения ходатайства судьей. Однако обязательным является уведомление заинтересованных сторон о времени, дате и месте проведения судебного заседания.

Таким образом, можно сделать вывод, что особенность предмета судебного контроля, реализуемого

в соответствии со ст. 165 УПК РФ, заключается в его многогранности и обширности. Имеется как общий предмет, так и непосредственные предметы относительно отдельных подвидов судебного контроля за законностью и обоснованностью производства следственных действий, о которых было сказано в статье.

Предмет судебного контроля достаточно сложная и многозначная тема, и нам необходимо обратить внимание на то, что само название ст. 165 УПК РФ несколько не соответствует её назначению и содержанию. Это выражается в двух положениях. Во-первых, не соответствует названию статьи ч. 5 ст. 165 УПК РФ, т. к. предмет последующего судебного контроля направлен не на получение судебного разрешения на производство следственного действия, а на проверку законности и обоснованности уже фактически реализованного следственного действия и на допустимость полученных при его осуществлении доказательств. Во-вторых, положение части 31 ст. 165 УПК РФ в принципе не может содержаться в рассматриваемой статье, т. к. действия по реализации, утилизации или уничтожению вещественных доказательств не являются следственным действием, что противоречит сути и целевому назначению ст. 165 УПК РФ. В связи с этим можно предложить следующий вариант решения данной проблемы.

Методологически правильным будет изменить действующее название статьи «Судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия» на следующее: «Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий». Нам могут возразить, что и это понятие не охватывает часть 31 нормы ст. 165 УПК РФ. Тем не менее, можно настаивать на этом названии, поскольку появление в уголовном процессе тех или иных вещественных доказательств так или иначе связано с производством следственных действий (осмотры, обыски, выемки и др.), что во многом объясняет позицию законодателя. Также можно оставить вышеуказанное название статьи, разработанное нами, и вынести положения части 31 ст. 165 УПК РФ в отдельную статью. Однако такой вариант мы считаем нерациональным.

Библиографический список

1. Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы: дис. ... д-ра юрид. наук / Н. Н. Ковтун. – Нижний Новгород, 2002.
2. Королев Г. Н. Предмет судебного контроля за предварительным расследованием: понятие и содержание / Г. Н. Королев // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: право. – 2001. – № 2. – С. 134–140.
3. Ласточкина Р. Н. Судебный контроль в уголовном процессе: учебно-методическое пособие / Р. Н. Ласточкина, Е. Е. Язева, А. Г. Кулев. – Ярославль: ЯрГУ, 2017.

Bibliograficheskij spisok

1. Kovtun N. N. Sudebnyj kontrol' v ugovnom sudoproizvodstve Rossii: ponyatie, sushchnost', formy: dis. ... d-ra yurid. nauk / N. N. Kovtun. – Nizhnij Novgorod, 2002.
2. Korolev G. N. Predmet sudebnogo kontrolya za predvaritel'nym rassledovaniem: ponyatie i sodержanie / G. N. Korolev // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: pravo. – 2001. – № 2. – S. 134–140.
3. Lastochkina R. N. Sudebnyj kontrol' v ugovnom processe: uchebno-metodicheskoe posobie / R. N. Lastochkina, E. E. Yazeva, A. G. Kulev. – YArslavl': YArGU, 2017.

О возбуждении уголовного дела после истечения сроков давности уголовного преследования в контексте решений Европейского суда по правам человека

Ушаков Андрей Юрьевич,
Нижегородский филиал ФГКОУ ВО
«Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета Российской Федерации»,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: ushakov.ay@skspba.ru

Кирынина Ирина Алексеевна,
Нижегородский филиал ФГКОУ ВО
«Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета Российской Федерации»
e-mail: kiry.78@mail.ru

В статье обращено внимание на ситуацию, возникающую из решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), в рамках которых на органы власти возлагается обязанность, помимо выплаты заявителю денежной компенсации, решить вопрос об уголовном преследовании, а именно, возбудить уголовное дело и провести надлежащее расследование для эффективной защиты нарушенных прав и свобод личности даже по тем делам, где истекли сроки давности.

Ключевые слова: уголовное преследование; сроки давности; решение ЕСПЧ; восстановление нарушенных прав.

On the initiation of a criminal case after the expiration of the statute of limitations for criminal prosecution in the context of decisions European Court of Human Rights

Ushakov Andrey Yurievich,
Nizhny Novgorod branch of FGKOU VO «St. Petersburg
Academy Investigative Committee of the Russian
Federation», Candidate of Law, Associate Professor

Kiryagina Irina Alekseevna,
Nizhny Novgorod branch of FGKOU VO «St. Petersburg
Academy Investigative Committee of the Russian
Federation»

The article draws attention to the situation arising from the decisions of the European Court of Human Rights (hereinafter – the ECHR), in which the authorities are obliged, in addition to paying the applicant monetary compensation, to resolve the issue of criminal prosecution, namely, to initiate a criminal case and conduct a proper investigation to effectively protect the violated rights and freedoms of the individual, even in cases where the statute of limitations has expired.

Key words: criminal prosecution; statute of limitations; ECHR decision; restoration of violated rights.

В следственной практике нередко возникают ситуации, когда Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) возлагает на органы власти обязанность,

помимо выплаты заявителю денежной компенсации, возбудить уголовное дело и провести надлежащее расследование с проведением всего комплекса след-

ственных действий для эффективной защиты нарушенных прав и свобод личности. В подобном случае производство по жалобе должно быть возобновлено ввиду новых обстоятельств, постановления судов, признавших законными решения об отказе в возбуждении уголовного дела, отменены, на компетентные органы возложена обязанность устранить допущенные нарушения, поскольку уголовно-процессуальный закон предусматривает пересмотр приговора, определения или постановления суда при наличии нового обстоятельства, обусловленного установленным ЕСПЧ нарушением положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела.

Позиция Страсбурга о реализации выносимых им постановлений в соответствии со ст. 46 Конвенции основана на том, что конкретные средства исполнения возложенных на государство-ответчика правовых обязательств избираются самим государством-ответчиком в рамках его национальной правовой системы с оговоркой, что они должны быть совместимы и взаимосвязаны с выводами, к которым пришел Европейский суд по правам человека в конкретном постановлении.

Принимая решения, ЕСПЧ не берет в расчет сроки давности уголовного преследования, что естественным образом обуславливает появление ряда вопросов, в первую очередь у лиц (органов, организаций, учреждений), которые сталкиваются с исполнением подобных решений, а именно: возможно ли возбуждение уголовного дела после их истечения? Насколько это необходимо и целесообразно для восстановления нарушенных прав заявителя? И какие правовые последствия повлечет буквальное исполнение решения ЕСПЧ, прямо противоречащего нормам Российского законодательства?

Напомним, что сроки давности привлечения к уголовной ответственности – правовой институт, хорошо известный в том числе и мировому сообществу. Российское уголовно-процессуальное законодательство относит их истечение к безусловным, беспелляционным основаниям отказа в возбуждении уголовного дела, априори влекущим невозможность его возбуждения. Кроме того, российским законодательством не предусмотрено ни одного основания или исключения из правил, при которых эта аксиома не работает. Подобные взгляды и доводы находят свое отражение и в теоретических изысканиях отдельных ученых, занимавшихся исследованием данных вопросов. М. О. Румянцева особо подчеркивает, что «не может быть начато производство по уголовному делу, если истекли сроки привлечения к уголовной ответственности»¹.

По мнению Т. Н. Долгих, истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 78 УК РФ), которое законодатель отождествляет и актив-

но использует наряду с истечением сроков давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УК РФ), препятствует даже возбуждению уголовного дела².

Необходимо отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно упоминал о недопустимости сохранения постоянной угрозы уголовного преследования для лиц, в отношении которых оно ранее инициировалось; нарушения их права на защиту, в том числе путем реализации института сроков давности уголовного преследования. Эта правовая позиция нашла свое отражение в определениях от 19 июня 2007 г. № 591-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Фирсовой М. А. на нарушение ее конституционных прав п. “а” ч. 1 ст. 78 УК РФ» и от 21 апреля 2011 года № 591-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Спирова А. А. на нарушение его конституционных прав ч. 3 ст. 214 УК РФ».

Возвращаясь к решениям ЕСПЧ по поводу обозначенных нами случаев, возникает ситуация, которая вроде бы требует безусловного исполнения принятого Страсбургским судом решения, но в то же время противоречит законодательству Российской Федерации.

Разрешение подобных правовых ситуаций уже случалось, и изначально оно было выражено в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П, в соответствии с которым был установлен приоритет международных обязательств Российской Федерации перед федеральными законами, но не перед Основным законом государства, имеющем высшую юридическую силу.

При невозможности исполнения решения Страсбургского суда вследствие того, что в части, обязывающей Российскую Федерацию к принятию мер индивидуального и общего характера, оно основано на положениях Конвенции в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией Российской Федерации, наделенным соответствующими полномочиями государственным органам надлежит обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации для решения вопроса о возможности применения мер как индивидуального, так и общего характера, обусловленных исполнением постановления ЕСПЧ.

В дальнейшем законодатель принял Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”». К юрисдикции Конституционного Суда РФ отнесена новая для национального законодательства категория дел о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека. Основанием к их рассмотрению служит усмотренная неопределенность в вопросе о том, подлежит ли в Российской Федерации исполнению решение межгосударственного органа по за-

¹ Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы: монография / М. О. Румянцев. М., 2019. С. 118.

² См.: Долгих Т. Н. Привлечение к уголовной ответственности // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.05.2021).

щите прав и свобод человека, основанного на положениях международного законодательства, когда его буквальное исполнение может привести к расхождению с Основным законом Российской Федерации.

Представляется, что подобный порядок в полной мере соответствует позиции ЕСПЧ о реализации выносимых им постановлений в соответствии со ст. 46 Конвенции, в связи с чем может быть применим к рассматриваемым в статье ситуациям в целях недопущения неоправданного ущемления прав неопределенного круга лиц.

Применение сроков давности уголовного преследования компетентными должностными лицами не может быть поставлено в зависимость от наличия или отсутствия решения ЕСПЧ, фактически отменяющего их для конкретного частного случая, – это устойчивый правовой институт, известный всем правовым системам, активно использующийся при исполнении международных обязательств в рамках правовой помощи по уголовным делам, подлежащий безусловному применению.

Если предположить, что российская сторона выполнит постановление ЕСПЧ в его буквальном изложении, т.е. компетентные должностные лица примут процессуальное решение о возбуждении уголовного дела за рамками истекших сроков давности, как это поможет заявителю, в чью пользу состоялось постановление ЕСПЧ? Каким образом его нарушенные права восстановятся?

По нашему мнению, эта правовая ситуация повлечет лишь вечную дилемму: будут приниматься решения о возбуждении уголовного дела с их последующим прекращением по нереабилитирующему основанию либо решения об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. А также следователи и дознаватели затратят максимальные организационные, временные, экономические ресурсы, которые по своей сути будут «безрезультативны».

Правовая позиция авторов обусловлена складывающейся следственной практикой в Следственном комитете Российской Федерации.

Так, в ходе неоднократных проверок, проводимых в порядке ст.144–145 УПК РФ по заявлению гражданина о причинение ему телесных повреждений сотрудниками милиции, принимались процессуальные решения об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления, последнее из которых вынесено 10 июня 2008 г..

Постановлением ЕСПЧ по делу «Коняев против России» от 26 марта 2019 г. установлено нарушение положений статьи 3 Конвенции в материальном и процессуальном аспектах.

Страсбург признал, что проведение доследственной проверки является недостаточным в случае несоблюдения компетентными органами требования эффективности расследования по заслуживающим внимание доводам в соответствии со ст. 3 Конвенции. Органы власти обязаны возбудить уголовное дело и

провести надлежащее расследование с выполнением всего арсенала следственных действий.

Суд пришел к выводу о том, что сотрудники милиции подвергли заявителя бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, а компетентные органы не выполнили возложенного на них бремени доказывания и не представили доказательств, опровергающих версию заявителя о происшедших событиях.

Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2019 г. по делу № 113-П19 упомянутый нами выше отказ в возбуждении уголовного дела по заявлению К. от 10 июня 2008 г. признан незаконным и необоснованным.

13 февраля 2020 г. постановлением руководителя следственного подразделения СК России по субъекту принято решение о восстановлении материалов проверки, производство процессуальных действий по восстановлению указанного материала в тот же день поручено следователю. По результатам проведенной первоначальной и дополнительной проверки 12 мая 2020 года вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по признакам преступлений, предусмотренных ст. 285, 286 УК РФ на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, а также на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т.е. в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

При этом правоприменитель указал, что требования закона о сроках давности уголовного преследования носят императивный характер. Процессуальное решение, на принятии которого настаивает Европейский суд по правам человека, при таких обстоятельствах будет являться прямым нарушением запрета, предусмотренного УПК РФ.

Важно понимать, что в конкретном случае сроки давности уголовного преследования истекли. Однако, если уголовное дело будет возбуждено и прекращено по очевидному основанию, это будет означать признание сотрудников милиции, в отношении которых инициировалась проверка, виновными, но их уголовное преследование прекращается по нереабилитирующему основанию, связанному с истечением сроков давности уголовного преследования. Таким образом, ЕСПЧ нивелирует итоги доследственной проверки, фактически заставляет правоприменителя принять единственно возможное решение, исключая возможность принятия процессуального решения с реабилитирующими последствиями в принципе.

Поэтому правоприменитель в условиях подобного правового коллапса, находится в ситуации, когда он вынужден указать, что при очевидном отсутствии признаков состава преступления сроки давности уголовного преследования истекли.

Представляется, что денежная компенсация, присужденная ЕСПЧ заявителю в случае констатации нарушений Конвенции, – это более реальная и адекватная мера восстановления нарушенных прав и справедливости. По крайней мере, она не приведет к юридическому коллапсу и не позволит нивелировать

значимость такого правового института как сроки давности привлечения к уголовной ответственности.

Правоприменителю при появлении неопределенности в вопросе о том, подлежит ли в Российской Федерации исполнению решение межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, основанного на положениях международного законодательства, когда его буквальное исполнение может привести к расхождению с Основным законом Российской Федерации, следует обращаться за разъяснениями в Конституционный Суд РФ, т. к. именно к его юрисдикции отнесено рассмотрение этого вопроса. Подобный порядок в полной мере соответствует позиции ЕСПЧ о реализации выносимых им постановлений в соответствии со ст. 46 Конвенции.

В любом случае применение сроков давности преследования не может быть поставлено в зависимость от наличия или отсутствия решения ЕСПЧ, фактически отменяющего их для конкретного частного случая, – это устойчивый правовой институт, известный всем правовым системам, активно использующийся при исполнении международных обязательств в рамках правовой помощи по уголовным делам, подлежащий безусловному применению.

В заключение также хотелось бы привести слова В. Т. Томина, который говорил, что право не может быть эффективно реализовано, опираясь на одно лишь принуждение. Необходимо учитывать и внутренние (духовные) стимулы. В противном случае есть реальная угроза трансформации его из инструмента охранения развития общества и государства в средство его разрушения¹.

Библиографический список

1. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы: монография / М. О. Румянцева. – М.: Юстицинформ, 2019.
2. Долгих Т. Н. Привлечение к уголовной ответственности / Т. Н. Долгих // СПС «КонсультантПлюс».
3. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики / В. Т. Тomin. – М.: Юрайт, 2009.

Bibliograficheskij spisok

1. Vozbuzhdenie ugodovnogogo dela: problemy i perspektivy: monografiya / M. O. Rummyanceva. – M.: YUsticinform, 2019.
2. Dolgih T. N. Privlechenie k ugodovnojoj otvetstvennosti / T. N. Dolgih // SPS «Konsul'tantPlyus».
3. Ugodovnyj process: aktual'nye problemy teorii i praktiki / V. T. Tomin. – M.: YUrajt, 2009.

¹ См.: Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики / В. Т. Тomin. М., 2009. С. 173.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

УДК 342.95

Административная деятельность по противодействию незаконному обороту наркотиков в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV)

Анисифорова Марьям Владимировна,
Всероссийский научно-исследовательский институт
МВД России; Московский государственный
юридический университет имени О. Е. Кутафина
(МГЮА), кандидат юридических наук
e-mail: maribuchneva@mail.ru

Состояние административной деликтности в области незаконного оборота и потребления наркотиков существенно изменяется под влиянием социально-экономической обстановки в стране. Не удивительно, что угрозы в этой области усугубились в связи с распространением новой опасной коронавирусной инфекции. Чтобы улучшить обеспеченность и повысить устойчивость административно-правовой деятельности по противодействию незаконному обороту наркотиков, разберем содержательные и целевые особенности соответствующей юрисдикционной работы органов исполнительной власти в период пропаганды 2019-nCoV.

Ключевые слова: административно-юрисдикционная деятельность; незаконный оборот наркотиков; новая коронавирусная инфекция; режим повышенной готовности; самоизоляция.

Administrative activities to combat drug trafficking in the context of the spread of a new coronavirus infection (2019-nCoV)

Anisiforova Maryam Vladimirovna,
Federal State Institution «All-Russian Research Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia»;
Moscow State Law University named after O. E. Kutafina
(Moscow State Law Academy), Candidate of Law

The state of administrative delinquency in the area of illicit drug trafficking and consumption changes significantly under the influence of the socio-economic situation in the country. Not surprisingly, threats in this area have been exacerbated by the spread of a dangerous new coronavirus infection. In order to improve the security and increase the sustainability of administrative and legal activities to counter drug trafficking, we will analyze the content and target features of the relevant jurisdictional work of the executive authorities during the propagation of 2019-nCoV.

Key words: administrative and jurisdictional activities; drug trafficking; new coronavirus infection; high alert; self-isolation.

Больше года прошло с тех пор, как Россия встала на путь «сопротивления» последствиям распространения новой опасной коронавирусной инфекции (2019-nCoV).

Губительная инфекционная болезнь, унесшая жизни 98 033 чел. в стране и 2 786 891 во всем мире¹, была

¹ Данные представлены по состоянию на 29 марта 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: koronavirustoday.ru (дата обра-

внесена в перечень заболеваний, которые представляют опасность для окружающих наряду с малярией, туберкулезом, холерой и некоторыми другими¹. Для того чтобы предотвратить негативные последствия от эпидемии, был принят целый комплекс мер, как социально-экономических, направленных на поддержку граждан, оказавшихся в сложной жизненной ситуации по причине пандемии коронавирусной инфекции и бизнеса (малого и среднего)², так и правовых. Результатом законопроектной деятельности, направленной на повышение санитарно-эпидемиологической безопасности населения, стали сразу несколько законопроектов, вносящих изменения в административное и уголовное законодательство в части установления административной ответственности за невыполнение гражданином или организацией правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения, завышение цен на лекарства, распространение в сети «Интернет» и средствах массовой информации «фейковых» новостей об эпидемии³, а также уголовно-правовых санкций за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан⁴, и т. п.

Особенности правовой регламентации запретов и ограничений в условиях 2019-nCoV выразились в особом режиме, именуемом режимом повышенной готовности, а также конкретных ограничительных мероприятий, устанавливаемых для обеспечения этого режима, – это, прежде всего, меры ограничения передвижения, самоизоляция, пропускной режим, обязанность использования средств индивидуальной защиты органов дыхания и рук в общественных местах. За невыполнение указанных требований многими законодательными актами субъектов Российской Федерации были установлены меры административной ответственности (в г. Москве и Московской области, г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области, респу-

щения 29.03.2021).

¹ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» // СПС «КонсультантПлюс».

² Из доклада А. Г. Силуанова о мерах поддержки экономики от 31 марта 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru> (дата обращения 29.03.2021).

³ См.: Части 10.1, 10.2 и 11 ст. 13.15, ч. 4 ст. 14.4.2, ч. 1 и 2 ст. 20.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (введены Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях») // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Статья 207.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (введена Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации») // СПС «КонсультантПлюс».

бликах Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Ингушетия, Карелия и др.).

При этом, несмотря на то что преодоление последствий новой коронавирусной инфекции стало «сердцевинной» государственной и общественной потребности, национальным интересом, никуда не делись проблемы преступности и административной деликтности и системные задачи по обеспечению правоохранительной работы органов исполнительной власти. Для того чтобы такая работа продолжала оставаться упорядоченной, последовательной и эффективной, в условиях 2019-nCoV необходимо предпринимать еще больше усилий, чем обычно.

Не стали исключением в этом смысле меры противодействия противоправной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотиков⁵. С одной стороны, в период пандемии из-за недоступности крупных контрабандных поставок определенных видов наркотиков, поступающих в основном на территорию Российской Федерации через границу с бывшими советскими республиками (странами Средней Азии), можно было рассчитывать на снижение объемов афганского героина или латиноамериканского кокаина. Но, с другой стороны, в таких условиях наркорынок переориентировался на иные виды наркотиков, которые можно производить самостоятельно из прекурсоров. Это в первую очередь синтетические (и полусинтетические) наркотические средства и психотропные вещества, изготавливаемые в лабораторных условиях.

Для опасений в данном отношении есть достаточное оснований, которые позволяют нам спрогнозировать отдельные риски, вызванные пандемией, и предложить возможные пути их снижения.

Во-первых, 2019-nCoV обусловил серьезный экономический спад и, как результат, лишь усугубил положение наиболее уязвимых социальных групп. Известно, что социально-экономическое положение людей очень тесно связано с проблемами наркомании и незаконного оборота наркотиков: часть людей с низким социально-экономическим статусом втягивается в незаконную деятельность для заработка, другая – с целью компенсации расстройств на почве неустойчивых социальных связей, различных внешних и внутренних проблем. В самом общем виде можно сказать, что безработица и необеспеченность населения не лучшим образом влияют на состояние дел в области незаконного оборота наркотиков. Они отражаются на количестве граждан с заболеванием наркоманией и числе совершаемых правонарушений в этой сфере (административных правонарушений и преступлений).

В этом смысле важное значение имеет экономическое стимулирование граждан не только в период

⁵ В настоящей статье под «наркотиками» понимаются наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры, растения и части растений, их содержащие, аналоги, новые потенциально опасные психоактивные и одурманивающие вещества.

ограничений, но и спустя некоторое время после их снятия. К примеру, следовало бы рассмотреть вопрос о дополнительных выплатах отдельным группам населения: работникам медицинской и социальной сфер, находящимся в зонах риска заражения, семьям с несовершеннолетними детьми и др.

Во-вторых, еще одним риском усугубления проблемы наркомании в условиях распространения коронавирусной инфекции является недостаточная медицинская обеспеченность системы профилактики соответствующих заболеваний. В условиях, когда основной объем работы медицинских учреждений и организаций связан с противодействием 2019-nCoV, вопросы предупреждения наркомании уходят на задний план.

Исключить этот риск позволит выделение дополнительных средств и расширение в целом масштабов медицинской профилактики злоупотребления наркотиками. Нельзя допускать пробелов в охвате людей наркологической помощью ни в каких условиях, а тем более социально и экономически тяжелых.

В-третьих, существенную угрозу представляет пандемия с точки зрения увеличения масштабов охвата незаконной деятельности в области оборота наркотиков на цифровых сервисах в сети «Интернет». Эта деятельность сама по себе отличается конспиративными формами, однако еще больше усилился ее латентный и агрессивный информационно-пропагандистский характер в связи с введением режимных мер, прежде всего, самоизоляции граждан. В таких условиях люди гораздо больше времени стали проводить в информационном пространстве. Обучающиеся и работники были переведены на дистанционные форматы. А, что особенно опасно, фактически все свое время в интернете стали проводить подростки, молодежь, которые являются основным объектом внимания злоумышленников, втягивающих их в противоправную деятельность в сфере незаконной торговли и распространения наркотиков. При этом ограничение передвижения граждан можно рассматривать только в качестве временной и довольно мнимой меры нейтрализации последствий незаконной деятельности в области оборота наркотиков, поскольку гораздо тяжелее результаты незаконного воздействия на сознание людей и формирование в них стойкого интереса к наркотикам.

Прогнозируя этот риск, следовало бы активизировать работу органов Роскомнадзора, внутренних дел по пресечению попыток вербовок, прежде всего, несовершеннолетних граждан через социальные сети в наркобизнес.

В-четвертых, в качестве еще одного риска в сфере незаконного оборота наркотиков, связанного с пандемией, следует рассматривать временные меры, которые были приняты для урегулирования правового положения иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации. В частности, иностранцам было разрешено пользоваться некоторыми документами без продления срока их действия (ви-

зой, разрешением на временное проживание, видом на жительство)¹. Нахождение на территории страны так называемых «безвизовых» иностранцев в пандемию является очевидной угрозой усиления проблемы незаконного оборота наркотиков, поскольку именно мигранты, значительную часть которых составляют низкоквалифицированные работники, чаще всего вовлекаются в незаконную деятельность по распространению наркотиков либо сами выступают ее организаторами, тем более в отсутствие официальных источников заработка.

В этой связи преодолению нежелательной миграционной ситуации способствует создание дополнительных условий для поддержания трудовой функции оставшихся в стране иностранных работников.

В-пятых, из-за рисков распространения новой опасной коронавирусной инфекции фактически были приостановлены мероприятия по контролю и надзору за юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Государственные меры поддержки выразились в минимизации количества плановых выездных проверок бизнеса, продлении сроков действия некоторых разрешительных документов, а проведение внеплановых проверок допущалось только в исключительных случаях.

В то же время указанные послабления могут рассматриваться в качестве угроз безопасности в области оборота наркотиков, т. к. правильный и своевременный контроль и надзор за законной деятельностью в этой сфере позволяет препятствовать злоумышленному использованию наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. По своей сути административно-правовые меры, реализуемые в ходе государственной контрольно-надзорной деятельности, являются основой предупреждения незаконного оборота и немедицинского потребления наркотиков.

В данном контексте ослабить риски, связанные с освобождением от проверок, позволит, к примеру, уточнение поднадзорных организаций, на которых такие правила не будут иметь распространение, недопущение в отношении субъектов предпринимательства, осуществляющих такую деятельность, возможности проведения проверок с использованием средств дистанционного взаимодействия². Еще раз

¹См.: Указ Президента Российской Федерации от 15 декабря 2020 г. № 791 «О продлении действия временных мер по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СПС «КонсультантПлюс».

²См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2020 г. № 1969 «Об особенностях формирования ежегодных планов проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на 2021 год, проведения проверок в 2021 году и внесении изменений в пункт 7 Правил подготовки органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля ежегодных планов проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СПС «КонсультантПлюс».

следует подчеркнуть, что речь идет только о тех субъектах хозяйственной деятельности – юридических лицах и индивидуальных предпринимателях, которые осуществляют законную деятельность в области оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Именно их деятельности сопутствуют рассматриваемые риски, поскольку чаще всего утечка, к примеру, прекурсоров осуществляется из мест их легального оборота. Распознавание таких случаев крайне важно, и соответствующая деятельность административно-юрисдикционных органов должна носить постоянный характер.

В целом игнорирование текущей обстановки и состояния общественной безопасности в стране в связи с пандемией не допустимо. Выявление рисков и потенциальных угроз в этой сфере имеет принципиальное значение для планирования правоохранительной деятельности, корректировки задач органов исполнительной власти на ближайшую и долгосрочную перспективы.

При этом каждый из рассмотренных рисков возможно обратить при желании в свою пользу. Риск таит в себе не только опасность и вред, но и может восприниматься как конструктивный элемент. Выявление и анализ рисков есть ключ к решению многих проблем обеспечения безопасности и правопорядка. К примеру, повышенный интерес молодежи к интернет-пространству в период самоизоляции можно использовать для внедрения онлайн-серверов с функцией ежедневных обновлений о вреде потребления наркотиков, принимаемых мерах государственной поддержки лиц, больных наркоманией (такой опыт доступного для граждан, имеющих мессенджер «WhatsApp», сервера был внедрен в Сингапуре для целей борьбы с ложными сведениями о пандемии 2019-нCoV). Или же может быть организована дополнительная платформа предоставления медицинской помощи работниками сферы здравоохранения в онлайн-формате (соответствующий опыт имеется в Катаре).

Можно привести и другой пример. В условиях ослабления обычного режима проведения мероприятий по контролю и надзору за субъектами малого и среднего предпринимательства становятся доступными альтернативные инициативные формы контроля, целью которых является профилактика нарушения обязательных требований, в том числе осуществляемые без взаимодействия с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями (например, наблюдение за соблюдением обязательных требований при распространении рекламы или в средствах массовой информации и в сети «Интернет»¹).

Итак, мы признаем, что пандемия влияет на проблему незаконного оборота наркотиков. При этом

борьба с распространением новой коронавирусной инфекции не может оправдывать недостатки в деятельности правоохранительных органов по пресечению административных правонарушений и преступлений, связанных с наркотиками. Напротив, принимая во внимание все риски и угрозы усугубления рассматриваемых проблем в условиях 2019-нCoV, следует обратить внимание на совершенствование форм и методов административно-правовой деятельности по противодействию незаконному обороту запрещенных или ограниченных в обороте химических веществ. И, конечно же, первостепенное внимание должно быть уделено мерам административно-предупредительного характера, обоснованию и внедрению новых эффективных программ профилактики правонарушений наркотической направленности. Улучшения ситуации или хотя бы поддержания ее на прежнем уровне нельзя будет добиться и без усиления мер контроля и надзора, в том числе за субъектами предпринимательства, осуществляющими хозяйственную деятельность в области законного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Поэтому важна деятельность всех субъектов системы противодействия незаконному обороту наркотиков, нельзя ограничиваться только реализацией правоохранительных функций органами внутренних дел или таможенными органами. Каждый из органов исполнительной власти принимает соответствующие меры в установленной для него сфере деятельности, а значит – вносит свой неоценимый вклад в освобождение нашего общества от проблем наркотизма.

Библиографический список

1. Из доклада А. Г. Силуанова о мерах поддержки экономики от 31 марта 2020 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru>.

Bibliografickij spisok

1. Iz doklada A. G. Siluanova o merah podderzhki ekonomiki ot 31 marta 2020 g. [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://government.ru>.

¹ См.: Часть 1 ст. 8.3 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СПС «КонсультантПлюс».

Ответственность за превышение средней скорости: способ обеспечения безопасности дорожного движения или нарушение прав водителей

Соболев Олег Васильевич,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук
e-mail: sov120192@yandex.ru

Домченко Артём Сергеевич,
Уральский государственный юридический
университет, кандидат юридических наук
e-mail: artem.domchenko@yandex.ru

Статья посвящена обзору Законопроекта № 494136-7 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части уточнения условий привлечения к административной ответственности». Данным законопроектом устанавливается ограничение на привлечение водителей к административной ответственности за нарушение скоростного режима на основании информации о средней скорости движения на участке дороги. Данная статья написана в жанре, который был популярен в дореволюционной науке, но мало используется в наши дни. Жанр предполагает дискуссию двух ученых, отстаивающих разные позиции по одной научной проблеме. В итоге авторы предполагают свои обоснования «за» и «против» принятия данного законопроекта.

Ключевые слова: фотовидеофиксация; средняя скорость; безопасность дорожного движения; специальные технические средства, скоростной режим.

Responsibility for exceeding the average speed: a way to ensure road safety or violation of drivers rights

Sobolev Oleg Vasil'evich,
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of
Russia, Candidate of Law

Domchenko Artyom Sergeevich,
Ural State Law University, Candidate of Law

The article is devoted to the review of the Draft Law No. 494136-7 «On Amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in terms of clarifying the conditions for bringing to administrative responsibility». This draft law establishes a restriction on bringing drivers to administrative responsibility for violating the speed limit on the basis of information about the average speed of traffic on a road section. This article is written in a genre that was popular in pre-revolutionary science, but is not actively used today. The genre involves a discussion between two scientists defending different positions on the same scientific problem. As a result, the authors suggest their own justifications for and against the adoption of this bill.

Key words: photo and video recording; average speed; road safety; special technical means, speed limit.

Применение технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, в целях фиксации правонарушений в области безопасности дорожного движения крайне негативно воспринимается подавляющим большинством водителей. Градус общественного напряжения стал настолько высок,

что ситуации с разрушениями, поджогами и уничтожениями технических средств автоматической фотовидеофиксации стали вполне обыденной практикой¹.

¹ Решетов М. Война с треногами: Почему водителям не нужно враждебно относиться к нестационарным камерам // Российская газета. 2019. 24 июля.

На значимость автоматической фотовидеофиксации правонарушений обратил внимание Президент России В. В. Путин, отметив: «...цель их установки – снижение аварийности и травматизма на дорогах, сохранение жизни людей»¹. При этом Президент России указал и на проблему недобросовестного размещения приборов фиксации на дорогах, что идет вразрез с главной целью автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения.

Как отмечают специалисты: «...средства автоматической фотовидеофиксации нарушений ПДД имеют большой потенциал для профилактики и предупреждения правонарушений в сфере дорожного движения, они дисциплинируют водителей, напоминая о необходимости соблюдать ПДД»². Однако в связи с повышенным вниманием к применению средств фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения любое изменение нормативной регламентации в указанной сфере вызывает огромный общественный резонанс.

Не исключением стал и принятый в первом чтении Государственной Думой Российской Федерации Законопроект № 494136-7 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части уточнения условий привлечения к административной ответственности»³. Законодатели решили внести ряд изменений в положения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)⁴ с целью установления запрета на привлечение к административной ответственности по ст. 12.9 КоАП РФ за превышение установленной скорости движения при условии, что скорость движения транспортного средства измерялась путем расчета средней скорости на участке дороги, в нескольких точках которой установлены приборы фотовидеофиксации.

Безусловно, законодательная инициатива неоднозначная и найдётся множество тех, кто будет поддерживать законопроект, и тех, кто будет придерживаться диаметрально противоположной точки зрения. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть данную инициативу и постараться оценить плюсы и минусы данного законопроекта. Для этого остановимся на трех дискуссионных моментах: правомерность применения средств фотовидеофик-

сации превышения средней скорости; нормативное закрепления понятия «средняя скорость»; метрологический расчет приборов.

1. Правомерность применения⁵

1.1. Из положений Раздела 10 Правил дорожного движения (далее – ПДД)⁶ следует, что водитель обязан соблюдать скоростные ограничения установленного режима как в конкретный момент, так и на протяжении всего пути следования. Данное обстоятельство обуславливает возможность определения места совершения административного правонарушения, предусмотренного любой из частей ст. 12.9 КоАП РФ, в качестве участка дороги (проезжей части) с его строгой индивидуализацией, а также времени совершения указанного административного правонарушения в качестве временного интервала⁷. Иными словами, является обоснованным и оправданным привлечение лица к административной ответственности в случае фиксации превышения установленной скорости движения транспортного средства на участке дороги на основании расчета средней скорости движения транспортного средства на данном участке, а также фиксации нарушения правил расположения транспортного средства на участке проезжей части дороги на основании фиксации расположения транспортного средства в начале и в конце данного участка.

Кроме того, несмотря на отсутствие в действующей редакции КоАП РФ категории «средняя скорость», тем не менее подлежат применению интервальные параметры скоростного режима: В то же время, по общему правилу, основанием привлечения к административной ответственности является совокупность следующих оснований: 1) нормативное основание – нарушение административно-правового запрета; 2) фактическое основание – совершение административного правонарушения; 3) процессуальное основание – издание правоприменительного акта⁸.

То есть в случае фиксации превышения установленной скорости движения транспортного средства на основании расчета средней скорости движения налицо все три основания для привлечения к административной ответственности по соответствующей части ст. 12.9 КоАП РФ:

а) нарушение нормативно установленного скоростного режима (независимо от того, на каком участке дороги или в каком конкретном месте совершено

¹ Стенограмма заседания Госсовета по вопросам развития сети автомобильных дорог и обеспечения безопасности дорожного движения от 26 июня 2019 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60825> (дата обращения: 25.02.2021).

² Майоров В. И., Дымберов А. Д., Молчанов П. В. Правовые проблемы применения специальных технических средств автоматической фотовидеофиксации нарушений Правил дорожного движения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3. С. 76.

³ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/494136-7> (дата обращения: 02.02.2021).

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1.

⁵ По каждому дискуссионному вопросу сначала будут представлены доводы против принятия данного законопроекта, а затем поддерживающие данный законопроект.

⁶ Постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 47. Ст. 4531.

⁷ Майоров В. И., Бекетов О. И. Административная ответственность в сфере обеспечения безопасности дорожного движения: современные тенденции и перспективы // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 4. С. 566–567.

⁸ Маркарян П. К. Понятие административной ответственности в науке и законодательстве // Бизнес в законе. 2010. № 4. С. 123.

правонарушение), установленного разд. 10 ПДД;

б) превышение скорости, выраженное в превышении средней скорости движения транспортного средства (а значит, установление факта нарушения скоростного режима вообще);

в) фиксация состоявшегося административного правонарушения уполномоченным должностным лицом, обеспечивающим соблюдение ПДД, в соответствующем протоколе и постановлении по делу об административном правонарушении.

Вывод: следует считать правомерным привлечение лица к административной ответственности в случае фиксации превышения установленной скорости движения транспортного средства на участке дороги на основании расчета средней скорости движения транспортного средства на данном участке, а также фиксации нарушения правил расположения транспортного средства на участке проезжей части дороги на основании фиксации расположения транспортного средства в начале и в конце данного участка. Иное означало бы возможность ухода от административной ответственности, предусмотренной ст. 12.9 КоАП РФ, что и обусловило возникновение разного рода злоупотреблений и обхода закона со стороны лиц, нарушающих нормативно установленный скоростной режим движения транспортного средства¹.

1.2. Положения разд. 10 ПДД определяют, что каждый случай нарушения скоростного режима должен быть строго индивидуализирован в целях привлечения водителя (собственника, владельца) транспортного средства к административной ответственности по соответствующей части ст. 12.9 КоАП РФ, что в первую очередь означает: 1) необходимость учета конкретных обстоятельств нарушения скоростного режима (место, время, климатические условия, возможность аварийной ситуации при движении с более низкой или высокой скоростью по сравнению с нормативно установленной, физическое состояние лица, управляющего транспортным средством, и т. д.); 2) квалификацию нарушения скоростного режима по ст. 12.9 КоАП РФ как административного правонарушения на основе лишь проверенных фактов, исключающих любые домыслы, догадки и необоснованные расчеты, т. е. подразумевающую юридическую ответственность за правонарушения, совершенные на конкретном участке дороги в данный момент времени; 3) недопустимость привлечения к административной ответственности лиц за нарушение каких-либо усредненных показателей, таких как «средняя скорость движения транспортного средства на определенном участке дороги».

В то же время привлечение к административной ответственности за нарушение скоростного режи-

ма, определенного по средней скорости движения транспортного средства, нарушает ряд принципов, характеризующих институт административной ответственности в Российской Федерации, в частности принцип презумпции невиновности (ч. 1 и 4 ст. 1.5 КоАП РФ): лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина, а все неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, толкуются в пользу этого лица.

Действительно, учет средней скорости движения транспортного средства в целях квалификации деяния, нарушающего требования разд. 10 ПДД и диспозиции ст. 12.9 КоАП РФ, вызывает неустрашимые сомнения в виновности лица, управляющего транспортным средством, как минимум в части определения того правонарушения, которое им совершено. То есть совершенно неясным становится, какое из правонарушений, указанных в ст. 12.9 КоАП РФ, допустил водитель на конкретном участке дороги: превысил ли он скорость на 20, 40, 60, 80 км/ч. Именно от конкретных числовых показателей, измеряемых в километрах в час (не в средней скорости движения на участке дороги), зависит, по какой из частей ст. 12.9 КоАП РФ будет квалифицировано нарушение скоростного режима: по 1-й, 2-й, 3-й, 4-й или 5-й части названной статьи. Мало того, категория «средняя скорость движения транспортного средства» отсутствует в КоАП РФ и ПДД, но к тому же ее использование в правоприменительной практике создает правовую неопределенность, т. е. обоснованные сомнения в виновности лица в совершении конкретного правонарушения, которое предусмотрено ст. 12.9 КоАП РФ.

Вместе с тем привлечение к административной ответственности за нарушение скоростного режима, определенного по «средней скорости движения транспортного средства», противоречит принципу индивидуализации, который выражается в том, что при привлечении лица к административной ответственности необходимо исходить именно из учета конкретных обстоятельств, в том числе характера правонарушения, степени вины правонарушителя, обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность².

Вывод: фиксация превышения средней скорости движения транспортного средства в целях привлечения к административной ответственности согласно ст. 12.9 КоАП РФ не соответствует требованиям разд. 10 ПДД, а также диспозиции ст. 12.9 КоАП РФ, противоречит принципам презумпции невиновности, индивидуализации и правовой определенности, исключает нормативное и фактическое основание для привлечения к административной ответственности по соответствующим частям ст. 12.9 КоАП РФ.

¹ См.: Решение Вологодского областного суда от 14 мая 2019 г. по делу № 7-405/2019; решение Ленинского районного суда г. Ижевска от 13 мая 2019 г. по делу № 12-82/2019; решение Московского городского суда от 8 августа 2018 г. по делу № 7-7846/2018; решение Московского городского суда от 18 октября 2017 г. по делу № 7-13720/2017 // СПС «Консультант Плюс».

² См.: Ястребов О. А. Принципы законодательства об административных правонарушениях: вопросы совершенствования // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 8. С. 153.

II. Легальное определение

2.1. Авторы проекта федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части уточнения условий привлечения к административной ответственности» № 494136-7 в пояснительной записке указывают, что ни в статье 12.9 КоАП РФ, ни в Правилах дорожного движения нет такого понятия, как «средняя скорость».

С подобным аргументом категорически нельзя согласиться. В пункте 3.14 ГОСТ Р 57144-2016 представлено понятие «средняя скорость движения транспортного средства», под которой понимается характеристика, равная отношению длины контролируемого участка ко времени, затраченному транспортным средством на преодоление данного участка¹.

Как известно, в пункте 10.1 ПДД закреплена обязанность водителя по соблюдению скоростного режима и скоростных ограничений с учетом интенсивности и условий движения. Далее, в ПДД конкретизируются ограничения допустимой скорости движения в зависимости от места передвижения (населенные пункты (не более 20 км/ч, не более 60 км/ч), вне населенных пунктов (110 км/ч, 90 км/ч, 70 км/ч, 60 км/ч, 50 км/ч). Градация ограничения скорости движения обуславливается требованиями обеспечения безопасности дорожного движения.

Важно отметить, что действующая система правового регулирования рассматривает любое транспортное средство и его эксплуатацию в качестве источника повышенной опасности. Об этом свидетельствуют положения п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»². Как следует из данного положения, «источником повышенной опасности следует признать любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и других объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами»³.

Таким образом, любое лицо, которое получило право на управление транспортным средством, обя-

зано эксплуатировать транспортное средство в соответствии с установленными скоростными ограничениями, независимо от места, условий передвижения и вида транспортного средства. Исходя из того, что ПДД используют термин «скорость движения», при условии нормативного закрепления ограничения скорости можно определить и среднюю скорость движения. При этом в отдельном нормативном закреплении данный термин не нуждается в связи с тем, что водитель транспортного средства обязан управлять транспортным средством со средней скоростью в пределах установленных скоростных ограничений.

Иными словами, средняя скорость автомобиля должна соответствовать допустимым ограничениям не только в точках дислокации специальных технических средств фотовидеофиксации и не только в местах размещения контрольных пунктов Госавтоинспекции, а на всем пути следования транспортного средства. Соблюдение данной обязанности вытекает из специального статуса лица, имеющего право управления транспортным средством.

Согласно ст. 25 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»⁴ право на управление транспортным средством является специальным правом, доступ к которому предоставляется лицам, сдавшим соответствующие экзамены. В силу положений пункта 6 постановления Правительства РФ от 24 октября 2014 г. № 1097 «О допуске к управлению транспортными средствами»⁵ экзамены состоят из теоретической и практической части. В свою очередь, теоретическая часть экзамена предполагает проверку у кандидата знаний ПДД (п. 12 постановления Правительства от 24 октября 2014 г. № 1097).

Вывод: отсутствие прямого закрепления в ПДД и КоАП РФ понятия «средняя скорость» не требует дополнительной конкретизации в нормативных правовых актах. Правила дорожного движения предписывают строгие требования к скорости движения транспортных средств, устанавливая конкретные ограничения. Таким образом, водитель в силу своего специального правового статуса обязан соблюдать скоростной режим и ограничения скорости на всем пути следования, принимать необходимые меры для безопасности дорожного движения.

2.1. Стоит в связи с этим отметить то обстоятельство, что отсутствие нормативно закреплённого понятия «средняя скорость движения транспортного средства» в целях административно-правовой квалификации нарушения скоростного режима, а также невозможность точно соотнести совершенное правонарушение с конкретными частями ст. 12.9 КоАП РФ, как было продемонстрировано ранее, исключают два из

¹ ГОСТ Р 57144-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Специальные технические средства, работающие в автоматическом режиме и имеющие функции фото- и киносъемки, видеозаписи, для обеспечения контроля за дорожным движением. Общие технические требования // СПС «Консультант Плюс».

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Российская газета. 2010. № 24.

³ Там же.

⁴ Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 50. Ст. 4873.

⁵ Постановление Правительства РФ от 24 октября 2014 г. № 1097 «О допуске к управлению транспортными средствами» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 44. Ст. 6063.

трех оснований для привлечения к административной ответственности (нормативное и фактическое), поскольку невозможно установить, какой именно административно-правовой запрет нарушен, а также имелся ли факт того или иного нарушения.

Кроме того, обращаясь к элементарным основам физики, видим: «Средней путевой скоростью движения материальной точки называется скалярная величина, равная отношению пройденного пути S к промежутку времени Δt , за которое этот путь пройден». В то же время «скорость движения материальной точки есть векторная физическая величина»¹, то есть такая, которая подразумевает помимо прочего определение направления движения. **«Средняя скорость»** – это та скорость, с которой должно двигаться тело равномерно, чтобы пройти данное расстояние за то же время, за которое оно его прошло, двигаясь неравномерно. **Мгновенная скорость** – это векторная величина. Поэтому кроме ее нахождения (нахождения ее модуля) необходимо знать, как она направлена. Понятие о средней скорости основано на мысленной замене неравномерного движения равномерным. Иногда понятие средней скорости является очень удобным, но для решения главной задачи механики оно не подходит. Поэтому вводится понятие мгновенной скорости»². Из сказанного следует вывод, что средняя скорость является скалярной величиной, выраженной единым числовым значением, не учитывающим иные характеристики движущегося тела, то есть его направление (маршрут), возможность остановки на пути и т. д.

Описанные физические закономерности учтены в постановлении Верховного Суда РФ от 7 октября 2019 г. № 36-АД19-3, отказавшем в привлечении к административной ответственности по ст. 12.9 КоАП РФ за превышение «средней скорости движения транспортного средства»: «...транспортное средство могло двигаться **по иному маршруту**... проследовать на иной участок дороги... и выехать на автодорогу перед второй камерой видеозаписи... без превышения установленной скорости... **часть времени – транспортное средство могло не двигаться**..., а участок автодороги между установленными камерами преодолеть с большей скоростью...».

Вывод: привлечение к административной ответственности за превышение средней скорости движения транспортного средства отрицательно оценивается в практике Верховного Суда РФ в связи с невозможностью установления конкретного места и времени совершения административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.9 КоАП РФ, а также нарушением требований к территориальной под-

судности, что исключает возможность привлечения к административной ответственности лиц по ст. 12.9 КоАП РФ ввиду нарушения скоростного режима, развившегося в превышении средней скорости движения транспортного средства.

III. Метрологический расчет

3.1. Чрезвычайно важным обстоятельством, которое исключает какую-либо необоснованность, произвол, необъективность в расчетах при фиксации правонарушений за превышение показателей среднего значения скорости движения транспортных средств, является то, что каждое техническое средство проходит проверку и испытание качества, которое подтверждается государственным свидетельством.

В соответствии со ст. 26.8 КоАП РФ под специальными техническими средствами понимаются измерительные приборы, утвержденные в установленном порядке в качестве средств измерения, имеющие соответствующие сертификаты и прошедшие метрологическую поверку. Показания специальных технических средств отражаются в протоколе об административном правонарушении или постановлении по делу об административном правонарушении, вынесенном в случае, предусмотренном частью 3 ст. 28.6 названного кодекса.

Согласно ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений»³ в сфере государственного регулирования обеспечения единства измерений к применению допускаются средства измерений утвержденного типа, прошедшие поверку в соответствии с положениями данного Федерального закона, а также обеспечивающие соблюдение установленных законодательством Российской Федерации об обеспечении единства измерений обязательных требований, включая обязательные метрологические требования к измерениям, обязательные метрологические и технические требования к средствам измерений, и установленных законодательством Российской Федерации о техническом регулировании обязательных требований.

В соответствии с ч. 1 ст. 13 указанного Федерального закона средства измерений, предназначенные для применения в сфере государственного регулирования обеспечения единства измерений, до ввода в эксплуатацию, а также после ремонта подлежат первичной поверке, а в процессе эксплуатации – периодической поверке.

Согласно ч. 4 ст. 13 Федерального закона от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений» результаты поверки средств измерений удостоверяются знаком поверки, и (или) свидетельством о поверке, и (или) записью в паспорте (формуляре) средства измерений, заверяемой подписью поверителя и знаком поверки.

Об этом требовании идет речь в п. 7.1. и 8.1.2. ГОСТ

¹ Курс физики: учеб. пособие / Н. М. Рогачев. Самара, 2017. С. 13–14.

² Неравномерное движение. Средняя скорость. Мгновенная скорость [Электронный ресурс]. URL: <https://interneturok.ru/lesson/physics/10-klass/mechanikakinematika/neravnomernoe-dvizhenie-srednyaya-skorost-mgnovennaya-skorostkonspekt> (дата обращения: 11.02.2021).

³ Федеральный закон от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 26. Ст. 3021.

Р 57144-2016, где сказано, что комплект поставки технических средств автоматической фиксации должен включать в себя свидетельство о первичной поверке, методику поверки. Маркировка технических средств автоматической фотовидеофиксации должна содержать информацию о сертификации. Таким образом, без соответствующих документов, подтверждающих поверку технических средств фотовидеофиксации, они не могут эксплуатироваться. Более того, ГОСТ Р 57144-2016 предоставляет возможность измерения скорости с использованием комплексов по средней скорости между зонами контроля (зональный контроль).

Эксперты отмечают: «...средняя скорость рассчитывается с использованием средств измерения времени и координат в зонах контроля. Использование контроля по средней скорости позволяет контролировать протяженные участки с использованием ограниченного числа камер и одновременно исключает резкое изменение скоростного режима транспортных средств в зонах контроля. При использовании средней скорости на контролируемом участке количество фотоматериалов зависит от числа используемых камер (регистраторов). На каждом регистраторе должно быть сделано не менее двух фотоизображений, включая увеличенное фотоизображение государственного регистрационного знака. Распознавание государственного регистрационного знака проводится на каждом регистраторе в момент прохождения зоны контроля, средняя скорость рассчитывается только для транспортных средств с распознанными государственными регистрационными знаками на каждом регистраторе»¹.

Вывод: ГОСТ Р 57144-2016 предполагает возможность фиксации нарушений правил дорожного движения техническими средствами на основе метода зонального контроля, основанного на измерениях средней скорости движения транспортного средства в границах контролируемого участка. Прямо об этом говорится в п. 4.2. ГОСТ Р 57144-2016, где указано, что по способу измерения скорости движения транспортных средств технические средства автоматической фотовидеофиксации выделяются в отдельную группу – средства, вычисляющие среднюю скорость транспортного средства.

Таким образом, при наличии свидетельства о поверке прибора и сертификации технические средства фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения могут использоваться в том числе и для фиксации нарушений, связанных с превышением установленной скорости по среднему значению. Отказ от эксплуатации данных приборов приведет к дестабилизации скоростных режимов и увеличению тяжести последствий ДТП.

3.2. Стоит также учитывать технические параме-

тры самих средств фотовидеофиксации нарушений, выразившихся в превышении средней скорости движения, и возникающие при этом проблемы, способные оказать существенное влияние на квалификацию деяния по ст. 12.9 КоАП РФ, вызвав обоснованные сомнения правоприменителя в виновности водителя.

Так, В. Д. Головкиным и С. В. Назаровым подготовлено исследование, посвященное проблемам реализации технических средств обеспечения безопасности дорожного движения (фотовидеофиксации), в котором, в частности, указывается (в связи с фиксацией превышения средней скорости движения транспортного средства): «Недостатком радарного метода контроля скорости можно считать возможность присвоения измеренной скорости одного автомобиля другому, находящемуся в непосредственной близости, то есть ложная идентификация транспортного средства. Причиной данного недостатка является то обстоятельство, что фиксацию транспортного средства осуществляет камера, а измерение скорости – радар с достаточно широким лучом. Причем измерение скорости и формирование необходимых фотоматериалов могут быть разнесены во времени...»².

Вывод: фиксация и расчет средней скорости посредством применяемых сегодня технических средств может столкнуться с рядом нерешаемых проблем (идентификации транспортного средства; необходимости применения средств фотовидеофиксации более усложненной характеристики, позволяющей точно и неоднократно фиксировать нарушение скоростного режима; возможности надлежащего функционирования средств фотовидеофиксации в соответствующих метеорологических и дорожных условиях). В условиях наличия указанных и иных проблем также будет затруднительным определение превышения именно средней скорости движения транспортного средства, а полученные при этом с помощью соответствующих технических средств данные могут быть недостоверными и вызвать обоснованные сомнения в виновности лиц, «превысивших среднюю скорость движения транспортного средства» в ходе его эксплуатации.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что последствия принятия данного законопроекта не являются однозначными. Безусловно, система административных наказаний и институт административной ответственности в своем модельном представлении должны способствовать обеспечению безопасности дорожного движения и профилактики ДТП. Кроме того, стоит признать, что применение автоматических средств фотовидеофиксации является неотъемлемой частью обеспечения безопасности дорожного движения и с каждым годом автоматические средства будут продолжать модернизироваться и развиваться. Но чрезвычайно важно, чтобы любая законодательная инициатива в сфере применения автоматических средств фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения принималась с

¹ Головкин В. Д., Назаров С. В. Технические средства обеспечения безопасности дорожного движения. Фотовидеофиксация: технические требования и реализация // Транспортное право. 2017. № 2. С. 18.

² Там же С. 20.

учетом мнения общественности и при неуклонном соблюдении баланса частных и публичных интересов.

Библиографический список

1. Головкин В. Д. Технические средства обеспечения безопасности дорожного движения. Фотовидеофиксация: технические требования и реализация / В. Д. Головкин, С. В. Назаров // Транспортное право. – 2017. – № 2. – С. 16–20.

2. Курс физики: учеб. пособие / Н. М. Рогачев. – Самара, 2017.

3. Майоров В. И. Административная ответственность в сфере обеспечения безопасности дорожного движения: современные тенденции и перспективы / В. И. Майоров, О. И. Бекетов // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – Т. 16. – № 4. – С. 563–567.

4. Майоров В. И. Правовые проблемы применения специальных технических средств автоматической фотовидеофиксации нарушений Правил дорожного движения / В. И. Майоров, А. Д. Дымберов, П. В. Молчанов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 3. – С. 69–77.

5. Маркарян П. К. Понятие административной ответственности в науке и законодательстве / П. К. Маркарян // Бизнес в законе. – 2010. – № 4. – С. 122–125.

6. Неравномерное движение. Средняя скорость. Мгновенная скорость [Электронный ресурс]. – URL: <https://interneturok.ru/lesson/physics/10-klass/mechanikakinematika/neravnomernoe-dvizhenie-srednyaya-skorost-mgnovennaya-skorostkonspekt>.

7. Решетов М. Война стреногами: почему водителям не нужно враждебно относиться к нестационарным камерам / М. Решетов // Российская газета. – 2019. – 24 июля.

8. Ястребов О. А. Принципы законодательства об административных правонарушениях: вопросы совершенствования // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 8. – С. 148–153.

Bibliograficheskij spisok

1. Golovkin V. D. Tekhnicheskie sredstva obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya. Fotovideofiksaciya: tekhnicheskie trebovaniya i realizaciya / V. D. Golovkin, S. V. Nazarov // Transportnoe pravo. – 2017. – № 2. – С. 16–20.

2. Kurs fiziki: ucheb. posobie / N. M. Rogachev. – Samara, 2017.

3. Majorov V. I. Administrativnaya otvetstvennost' v sfere obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sovremennye tendencii i perspektivy / V. I. Majorov, O. I. Beketov // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. – 2019. – Т. 16. – № 4. – С. 563–567.

4. Majorov V. I. Pravovye problemy primeneniya special'nyh tekhnicheskikh sredstv avtomaticheskoy fotovideofiksacii narushenij Pravil dorozhnogo dvizheniya / V. I. Majorov, A. D. Dymberov, P. V. Molchanov // YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. – 2016. – № 3. – С. 69–77.

5. Markaryan P. K. Ponyatie administrativnoj otvetstvennosti v nauke i zakonodatel'stve / P. K. Markaryan // Biznes v zakone. – 2010. – № 4. – С. 122–125.

6. Neravnomernoe dvizhenie. Srednyaya skorost'. Mgnovennaya skorost' [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://interneturok.ru/lesson/physics/10-klass/mechanikakinematika/neravnomernoe-dvizhenie-srednyaya-skorost-mgnovennaya-skorostkonspekt>.

7. Reshetov M. Vojna s trenogami: pochemu voditelyam ne nuzhno vrazhdebno odnosit'sya k nestacionarnym kameram / M. Reshetov // Rossijskaya gazeta. – 2019. – 24 iyulya.

8. Yastrebov O. A. Principy zakonodatel'stva ob administrativnyh pravonarusheniyah: voprosy sovershenstvovaniya // Vestnik universiteta im. O. E. Kutafina (MGYUA). – 2015. – № 8. – С. 148–153.

ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

УДК 343.97

Одурманивающие вещества как угроза современному обществу: проблемы и перспективы

Ржанникова Светлана Сергеевна,
Уральский юридический институт МВД России
e-mail: ssr80@mail.ru

В статье рассмотрены проблемы правового регулирования оборота одурманивающих веществ, особенности их воздействия на организм. Анализируются последствия их употребления, способы сбыта, возможности идентификации при химико-токсикологическом исследовании, а также установления факта опьянения ими в ходе освидетельствования. Вносятся предложения по регулированию их продажи и оборота, связанные с правоприменительной практикой расследования преступлений, совершенных в состоянии опьянения одурманивающими веществами.

Ключевые слова: одурманивающие вещества; веселящий газ; закись азота; опьянение; химико-токсикологическое исследование.

Intoxicating substances as a threat to modern society: problems and prospects

Rzhannikova Svetlana Sergeevna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

The article discusses the problems of legal regulation of the turnover of intoxicating substances, the peculiarities of their effect on the body, analyzes the consequences of their use, methods of sale, the possibility of identification during chemical and toxicological research, as well as establishing the fact of intoxication with them during the examination, proposals are made to regulate their sale and traffic related to the law enforcement practice of investigating crimes committed in a state of intoxication with intoxicating substances.

Key words: intoxicating substances; laughing gas; nitrous oxide; intoxication; chemical and toxicological examination.

В последние годы участились случаи гибели молодых людей из-за вдыхания так называемого веселящего газа – закиси азота, которая обычно используется в промышленных и медицинских целях. В медицине она применяется в виде масочного наркоза, в хозяйственных целях – в качестве консерванта при упаковке продуктов, а также для проведения промышленных сварочных работ. Данная тенденция начала формироваться среди молодежи в 2012 г. – стало популярным «вдыхать шарики», т. е. дышать закаченной в воздушные шары закисью азота.

Об опасности вдыхания газа говорят неоднократные случаи гибели его потребителей. Так, в марте 2020 г. в одном из частных домов поселка Ярега Ре-

спублики Коми обнаружено тело тринадцатилетней девочки с надетым на голову пакетом. Рядом с телом находился баллон с закисью азота, причиной смерти явилась асфиксия¹. В это же время в квартире жилого дома в г. Москве обнаружены тела украинских шахматистов 1993 и 2001 годов рождения, которые погибли вследствие асфиксии, вызванной употреблением закиси азота².

Действующее российское законодательство не содержит определения понятия «одурманивающие

¹ См.: <https://m.gazeta.ru/amp/social/2020/03/23/13018009.shtml> (дата обращения: 10.04.2021).

² См.: <https://www.interfax.ru/moscow/698024> (дата обращения: 10.04.2021).

вещества», они не входят ни в один из известных списков, т. к. не являются ни наркотическими, ни психотропными, ни сильнодействующими, ни ядовитыми. Данные вещества используются в медицине, промышленности, в технических или бытовых целях, и их гражданский оборот ничем не ограничен, однако их употребление способно вызвать изменения в психике и поведении человека. Об отсутствии в законодательстве термина «одурманивающие вещества», а также их перечня в последнее время высказывались разные ученые¹.

Единственным списком, содержащим перечень одурманивающих веществ, является список к протоколу № 51/7-96 от 9 октября 1996 г., составленный Постоянным комитетом по контролю наркотиков при Минздраве России². Данный комитет, являясь межведомственным экспертным органом, определял критерии для включения веществ в списки одурманивающих и психотропных, а также выпускал сводные таблицы по определению небольшого, крупного и особо крупного размера наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, изъятых из незаконного оборота, что становилось основной для вынесения приговора по соответствующим уголовным делам.

Однако с принятием в 2006 г. Постановления Правительства № 76³ данные списки перестали быть легитимными, как и деятельность самого комитета. В 2007 г. Комитет по контролю наркотиков при Минздраве России фактически перестал действовать, а с 2011 г. был окончательно упразднен. В настоящее время составленный Комитетом список одурманивающих веществ, содержащий 12 позиций, не имеет какой-либо юридической силы и не может быть применен на практике, однако проблема бесконтрольного потребления данных веществ остается насущной.

Например, ситуация с новыми наркотическими средствами была другая. В начале 2000-х гг. среди потенциальных потребителей наркотических средств и

психотропных веществ вырос спрос на так называемые «легальные» или «авторские» наркотики, курительные смеси – «спайсы», содержащие наркотические вещества, не включенные в списки. Длительное время данные вещества не были включены ни в один из списков и распространялись бесконтрольно. Щедрое предложение сформировало широкий круг потребителей, готовых платить деньги за чувство эйфории. И только лишь с момента внесения изменений в Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах»⁴ началась активная борьба государства с оборотом курительных смесей, «легальные» наркотики перестали быть легальными, но остался круг лиц, заинтересованных в их потреблении.

Закись азота, согласно письму Росздравнадзора от 25 июля 2006 г. «О производстве и использовании медицинских газов», включена в государственный реестр лекарственных средств. Обе части реестра размещены на сайте Росздравнадзора⁵, но сам реестр так и не был опубликован официально, а следовательно, фактически он не имеет правового значения.

До января 2021 г. одурманивающий газ находился в свободной продаже и ограничений на реализацию не имел. В Интернете можно было найти много сайтов, продающих закись азота. На данных электронных ресурсах, как и на многих других, посвященных продаже и доставке пищевой закись азота, имелся раздел «Законность», в котором акцентировалось внимание на том, что «новички» напрасно опасаются приобретать «веселящий газ», поскольку его приобретение, хранение и перевозка не запрещены законодательством Российской Федерации, а употребление газа не отражается на здоровье негативно, учитывая, что закись азота активно применяется в медицине и пищевой промышленности. При этом авторами этих рекламных записей не указывалось, что в пищевой промышленности закись азота применяется в очень малом процентном соотношении к тому продукту, в который она вводится (например, во взбитых сливках – употребление взбитых сливок не предполагает вдыхания газа, т. к. после извлечения сливок из упаковки под давлением, газ быстро испаряется).

В медицине же закись азота в качестве масочного наркоза подается в разбавленном виде вместе с кислородом, концентрация газа составляет не свыше 80% на первоначальном этапе введения наркоза, а затем концентрацию газа снижают до 50–60 %. Данные мероприятия проводятся при постоянном контроле врача-анестезиолога-реаниматолога, который все время следит за состоянием пациента посредством монитора, не допуская у пациента кислородного голодания. Если начинают обнаруживаться признаки патологического воздействия газа, его подача врачом прекращается и за три – четыре вдоха легкие паци-

¹ См., например: Фильченко А. П. Категория «одурманивающие вещества» в российском законодательстве // Академическая мысль. 2020. № 3(12). С. 68–72; Евтеев С. П. Пробелы правового регулирования оборота «одурманивающих веществ» // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2019. № 1 (49). С. 131–136; Степанюк О. С., Степанюк А. В. Проблема определения содержания понятия «одурманивающие вещества», содержащегося в статье 151 Уголовного кодекса РФ // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 4-6. С. 101–103.

² Список одурманивающих веществ (по состоянию на 1 ноября 2005 г.) // Новые лекарственные препараты. 2005. Вып. 11.

³ Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 УК РФ [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 7 февраля 2006 г. № 76. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁴ О наркотических средствах и психотропных веществах [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 8 января 1998 № 3-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁵ См.: <http://grls.rosminzdrav.ru/grls.aspx>.

ента освобождаются от газа.

При употреблении закиси азота в чистом виде путем ее самостоятельного бесконтрольного вдыхания, например из воздушного шарика, по причине активного вытеснения кислорода из легких у потребителя быстро развивается состояние опьянения, а затем кислородное голодание, вызванное нарушением кислородного обмена, и выведение углекислого газа из организма, становится трудно дышать. При этом сохраняется и основной эффект вдыхания газа – эйфория, которая препятствует человеку каким-либо образом сопротивляться эффекту кислородного голодания и предпринять активные действия по минимизации негативного эффекта. Помимо проблем с дыханием в долгосрочной перспективе при регулярном употреблении газ вызывает торможение синтеза клеточной ДНК, нарушает метаболизм витамина В12 и фолиевой кислоты¹.

Кроме того, как показывает практика, «веселящий газ» вызывает возникновение зависимости сродни наркотической, дезорганизует мыслительную деятельность, затрудняет функционирование мышц, ухудшает зрительное и слуховое восприятие. Фактически употребление закиси азота вызывает опьянение: потеря концентрации, легкость, спутанность сознания, как результат – приподнятое настроение и беспричинный смех. Такой эффект достигается даже при однократном употреблении газа. Таким образом, употребление закиси азота опасно не только для самого потребителя, но и для окружающих.

В феврале 2019 г. большой общественный резонанс вызвала авария, произошедшая на Невском проспекте в г. Санкт-Петербурге: молодой человек, управляя автомобилем BMW X6, вылетел на тротуар, проехал по тротуару более 100 м, не предпринимая попыток остановиться, в результате чего двое человек погибли, еще троих доставили в больницу в тяжелом состоянии с различными травмами. Следствием было установлено, что молодой человек, управлявший иномаркой, находился в состоянии опьянения, вызванном употреблением «шариков», т. е. закиси азота².

Немаловажным является тот факт, что после употребления закиси азота в крови и моче человека не остается каких-либо следов, которые могут быть обнаружены при химико-токсикологическом исследовании. Остается только сам эффект опьянения.

Как следует из обстоятельств указанного дела, факт употребления закиси азота был установлен, благодаря выявлению состояния опьянения при медицинском освидетельствовании, по показаниям

самого виновника аварии и в результате осмотра автомобиля, в котором были найдены доказательства употребления – баллон с закисью азота.

Совершение преступления в состоянии опьянения, в соответствии с положениями ст. 63 ч.1 УК РФ, может быть признано судомотягчающим обстоятельством, а для квалификации действий виновного по ст. 264, 264.1 УК РФ (нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств; нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию) либо для привлечения нарушителя к административной ответственности по ст. 20.21, 12.8 КоАП РФ (появление в общественных местах в состоянии опьянения; управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения; передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения) установление факта опьянения имеет решающее значение для квалификации.

В целях установления наличия либо отсутствия факта опьянения нарушитель направляется на медицинское освидетельствование, которое проводится в соответствии с требованиями Минздрава³, целью данного освидетельствования является в том числе установление фактов употребления одурманивающих веществ.

Исходя из особенностей воздействия закиси азота на организм, в случае доставления на освидетельствование лица, употреблявшего данное вещество, состояние «опьянения», а точнее, одурманивания, возможно будет установить только при проявлении у него клинических признаков опьянения, указанных в приложении № 3 к Порядку проведения медицинского освидетельствования.

Учитывая сложившуюся практику по административным и уголовным делам, акт медицинского освидетельствования на состояние опьянения, оформленный только лишь на основании установления клинических признаков, вполне может быть оспорен и исключен из числа доказательств, т. к. установление указанных выше признаков опьянения без подтверждения их иными доказательствами (например, результатами химико-токсикологического исследования) может быть оценено как субъективное восприятие поведения и состояния освидетельствуемого врачом или фельдшером.

В конце декабря 2020 г. принят Федеральный закон, согласно которому «производство, изготовление, закупка, поставка, хранение, перевозка, пересылка закиси азота, а равно ее реализация (сбыт), пропаганда, в том числе посредством информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, использование (потребление) закиси азота, распространение информации о реализации (сбыте) закиси азота

¹ Маслов С. С., Булычева О. С. Токсическое действие закиси азота на организм человека [Электронный ресурс] // Материалы V Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум-2013». URL: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013003881> (дата обращения: 03.04.2021).

² См.: <https://www.spb.kp.ru/daily/27020.5/4082696> (дата обращения: 15.04.2021).

³ См.: О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) [Электронный ресурс]: приказ Минздрава России от 18.12.2015 г. № 933н. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

не в целях производства пищевой продукции, продовольственных товаров, продуктов питания, а также не для медицинского, промышленного или технического применения запрещаются»¹. Сейчас на упомянутых Интернет-ресурсах по-прежнему ведется продажа закиси азота, но с оговоренным ограничением – только юридическим лицам.

Указанные попытки введения ограничения свободной продажи закиси азота являются, безусловно, положительным примером. Но они в целом не решают основную проблему – бесконтрольное обращение одурманивающих веществ.

В примечании к ст. 12.8 КоАП РФ содержится формулировка: «Употребление веществ, вызывающих алкогольное или наркотическое опьянение, либо психотропных, новых потенциально опасных психоактивных веществ или иных, вызывающих опьянение веществ запрещается»².

Несмотря на возможность довольно широкого толкования понятия «иные вещества, вызывающие опьянение» остается неопределенность в вопросах:

1. Входят ли в состав данного понятия одурманивающие вещества?

2. Если да, то каков механизм освидетельствования на предмет опьянения вследствие их воздействия?

3. Каков механизм фиксации факта опьянения одурманивающими веществами?

В этой связи необходимо на законодательном уровне ввести понятие «одурманивающее вещество», установить критерии отнесения веществ к одурманивающим, актуализировать и ввести в действие список одурманивающих веществ. Тогда на основании списка и критериев не только закись азота, но и иные одурманивающие вещества, оказывающие негативное воздействие на организм человека и приводящие к неблагоприятным последствиям, возможно будет ограничить в обороте.

Также в усовершенствовании нуждается и методика производства химико-токсикологического исследования. Необходима разработка научно обоснованных, апробированных методов выявления факта опьянения газообразными одурманивающими веществами.

Библиографический список

1. Евтеев С. П. Проблемы правового регулирования оборота «одурманивающих веществ» / С. П. Евтеев // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2019. – № 1 (49). – С. 131–136.

¹ Об ограничении оборота закиси азота в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 29 декабря 2020 г. № 472-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

2. Маслов С. С. Токсическое действие закиси азота на организм человека [Электронный ресурс] / С. С. Маслов, О. С. Булычева // Материалы V Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум-2013». URL: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013003881> (дата обращения: 03.04.2021).

3. Список одурманивающих веществ (по состоянию на 1 ноября 2005 г.) // Новые лекарственные препараты. – 2005. – Вып. 11.

4. Степанюк О. С. Проблема определения содержания понятия «одурманивающие вещества», содержащегося в статье 151 Уголовного кодекса РФ / О. С. Степанюк, А. В. Степанюк // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 4-6. – С. 101–103.

5. Фильченко А. П. Категория «одурманивающие вещества» в российском законодательстве / А. П. Фильченко // Академическая мысль. – 2020. – № 3 (12). – С. 68–72.

Bibliograficheskiy spisok

1. Evteev S. P. Probely pravovogo regulirovaniya oborota «odurmanivayushchih veshchestv» / S. P. Evteev // Vestnik Vserossiyskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. – 2019. – № 1 (49). – S. 131–136.

2. Maslov S. S. Toksicheskoe dejstvie zakisi azota na organizm cheloveka [Elektronnyj resurs] / S. S. Maslov, O. S. Bulychева // Materialy V Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferencii «Studencheskiy nauchnyj forum-2013». URL: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013003881> (data obrashcheniya: 03.04.2021).

3. Spisok odurmanivayushchih veshchestv (po sostoyaniyu na 1 noyabrya 2005 g.) // Novye lekarstvennye preparaty. – 2005. – Vyp. 11.

4. Stepanyuk O. S. Problema opredeleniya soderzhaniya ponyatiya «odurmanivayushchie veshchestva», soderzhashchegosya v stat'e 151 Ugolovnogo kodeksa RF / O. S. Stepanyuk, A. V. Stepanyuk // Sovremennye tendencii razvitiya nauki i tekhnologii. – 2016. – № 4-6. – S. 101–103.

5. Fil'chenko A. P. Kategoriya «odurmanivayushchie veshchestva» v rossijskom zakonodatel'stve / A. P. Fil'chenko // Akademicheskaya mysl'. – 2020. – № 3 (12). – S. 68–72.

ДИСКУССИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

УДК 343

К вопросу о правовом статусе медицинского работника

Санина Наталья Петровна,
Государственная Дума Федерального Собрания
Российской Федерации, доктор медицинских наук,
профессор
e-mail: kafedra02@mail.ru

Чупрова Антонина Юрьевна,
Нижегородская академия МВД России,
доктор юридических наук, профессор
e-mail: 3959400@mail.ru

Предметом исследования являются проблемы определения правового статуса медицинских работников. На основе анализа состояния проблем кадрового дефицита в здравоохранении был сделан акцент на установлении соотношения между неудовлетворенностью медицинских работников неопределенностью своего правового статуса и оттоком специалистов из медицины. В статье сделаны выводы о целесообразности корректировки законодательства об основах охраны здоровья граждан в части его дополнения положениями, определяющими правовой статус медицинского работника и гарантии социальной защиты медицинского работника в связи с осуществлением им медицинской деятельности.

Ключевые слова: медицинский работник; дефицит медицинских кадров; правовой статус медицинского работника; социальные гарантии; права медицинских работников.

On the question of the legal status of a medical worker

Sanina Natalia Petrovna,
State Duma of the Federal Assembly of the Russian
Federation, Doctor of Medical Sciences, Professor

Chuprova Antonina Yuryevna,
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal
affairs of Russia, Doctor of Law, Professor

The subject of the study is the problem of determining the legal status of medical workers. Based on the analysis of the state of the problems of personnel shortage in healthcare, the emphasis was placed on establishing a correlation between the dissatisfaction of medical workers with the uncertainty of their legal status and the outflow of specialists from medicine. The article draws conclusions about the expediency of adjusting the legislation on the basics of public health protection in terms of supplementing it with provisions defining the legal status of a medical worker and guarantees of social protection of a medical worker in connection with the implementation of their medical activities.

Key words: medical worker; shortage of medical personnel; legal status of medical worker; social guarantees; rights of medical workers.

События двух последних лет, в первую очередь пандемия коронавирусной инфекции с ее волнообразным течением, со всей очевидностью обозначили роль медицинского работника не только как социально значимой фигуры, но и как фактора, обеспечивающего поступательное социально-экономическое развитие общества.

Более того, в Стратегии национальной безопасности, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 15 декабря 2015 г. № 683, здравоохранение называется в числе стратегических национальных приоритетов (ст. 31 Стратегии). Стратегической целью государственной политики в сфере охраны здоровья граждан определено в том числе повышение качества и доступности медицинской помощи (ст. 71 Стратегии). Проблемы обеспечения доступности медицинской помощи и реализации гарантий ее оказания населению рассматриваются в качестве факторов, влияющих на национальную безопасность страны (ст. 73 Стратегии).

Действительно, вопрос о здоровье человека, качестве человеческого капитала не может быть решен без активного участия медицинского работника. Однако, когда речь заходит о самих медицинских работниках, вырисовываются многочисленные проблемы, в том числе и застарелые, но до сих пор не решенные. Для минимизации их негативного воздействия на медицину разработан Национальный проект «Здравоохранение», реализуемый в стране с 2019 г. Одним из самых важных направлений его реализации являются вопросы преодоления кадрового дефицита и качество подготовки медицинских работников – наиболее актуальные проблемы любой отрасли.

О кадровом дефиците врачей и среднего медицинского персонала начали говорить еще несколько десятилетий назад. По сообщению информационного агентства Regnum, в стране систематически снижается уровень обеспеченности средним медицинским персоналом. Так, с 2000 по 2011 г. этот показатель уменьшился с 96,0 до 92,4 человек на 10 тыс. населения, хотя, согласно международным нормам, обеспеченность медсестрами должна достигать 117,5 на 10 тыс. человек. При этом данные о дефиците медицинских сестер существенно разнятся. В апреле 2012 г. министр здравоохранения и социального развития Т. А. Голикова сообщила, что России не хватает 800 тысяч медсестер. Через год, в начале апреля 2013 г., новый министр здравоохранения В. И. Скворцова привела другие данные – дефицит медсестер в стране достигает 270 тысяч человек и продолжает расти¹.

В этот же период дефицит врачей составил 40 тыс. человек. Особая нехватка специалистов ощущалась по следующим специальностям: анестезиология-реаниматология – 33 %; неонатология – 35 %; онкология – 14 %; наркология – 32 %; патологическая анатомия – 35 %; педиатрия – 27 %; фтизиатрия – 33 %².

¹ Vademecum [Электронный ресурс] // URL: <https://vademecum.ru/news/2014/11/12/> (дата обращения: 16.06.2021).

² Савинкина Л. А., Шепелова Т. С. Проблема дефицита меди-

Надо отметить, что Министерство здравоохранения, осознавая серьезность проблемы, разработало меры по преодолению кадрового дефицита. В письме Министерства здравоохранения РФ от 9 апреля 2013 г. № 16-5/10/2-2540 «О методических рекомендациях по сохранению медицинских кадров в системе здравоохранения» определены причины ухода медицинских работников из профессии, причины отказа молодых специалистов заниматься медицинской практикой, предложены основные направления возвращения медицинских работников в медицину³.

Проблема дефицита медицинских кадров была вызвана в основном недостаточным притоком в отрасль молодых специалистов и высоким уровнем текучести кадров. Согласно данным проведенных Минздравом исследований, в 2013 г. лишь 21 % врачей в возрасте до 35 лет были готовы работать в сельских и отдаленных районах, 17 % выпускников медицинских вузов рассматривали такое направление своей деятельности. Еще 17 % опрошенных молодых специалистов планировали сменить место работы в государственных и муниципальных медицинских организациях. Причинами таких решений Минздрав назвал: остановку в профессиональном развитии (65 % студентов и 61 % молодых специалистов); тяжелые условия труда (47 % студентов и 36 % молодых специалистов); несоответствие требований к качеству медицинской помощи на фоне низкой материально-технической оснащенности медицинских организаций (42 % студентов и 31 % молодых врачей); отсутствие социальных условий (34 % студентов и 31 % молодых врачей).

Рекомендации органам отраслевого управления в субъектах федерации и на муниципальном уровне заключались в целесообразности совершенствования механизмов и условий целевого набора абитуриентов; реализации мер социальной поддержки медицинских специалистов на этапе послевузовской и последипломной подготовки; во внедрении системы непрерывного профессионального развития медицинских кадров; в улучшении материального положения медицинских работников; развитии материально-технической базы медицинских организаций; решении жилищных проблем; оплате жилищно-коммунальных услуг; во внеочередном предоставлении мест в детских садах для детей врачебного и среднего медицинского персонала и т. п. В целом это перечень мер социальной поддержки медицинских работников, который в различных вариантах отражен и в последующих документах, касающихся рассматриваемой проблемы.

По прошествии более пяти лет вопрос о дефиците медицинских кадров не утратил свою актуальность. На совещании по вопросу модернизации первичного

цинских кадров и пути ее разрешения // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6.

³ О методических рекомендациях по сохранению медицинских кадров в системе здравоохранения [Электронный ресурс]: письмо Министерства здравоохранения РФ от 9 апреля 2013 г. № 16-5/10/2-2540 // СПС «КонсультантПлюс».

звена здравоохранения, состоявшемся под руководством Президента России 2 октября 2019 г., министр здравоохранения В. И. Скворцова вновь обратила внимание на дефицит медицинских кадров, определив некоторые направления его преодоления, в частности, повышение эффективности трудоустройства с помощью мер социальной поддержки как на федеральном уровне – развитие программ «Земский фельдшер», «Земский доктор», так и на региональном уровне. В качестве особого значимого направления поддержки медицинских работников было обозначено обеспечение достойной и справедливой заработной платы¹.

В объемной статье заместителя министра здравоохранения Т. В. Семеновой «Кадровый дисбаланс и его устранение в здравоохранении» речь все так же ведется о кадровом дефиците и, кроме того, определяются подходы министерства к снижению остроты проблемы. К ним относятся: социальная поддержка и финансирование, программы «Земский доктор» и «Земский фельдшер», целевое обучение, целевое планирование. Новым из всего отраженного в статье комплекса мер является предложение внедрить для функционирования сельских больниц и оказания квалифицированной медицинской помощи вахтовый метод².

Вопросам обеспечения здравоохранения квалифицированными кадрами основное внимание было уделено и на круглом столе «О мерах, направленных на сокращение кадрового дефицита в здравоохранении», который прошел в Общественной палате РФ. Традиционные предложения Министерства здравоохранения не устроили участников мероприятия. Так, представители регионального здравоохранения подчеркнули необходимость фактически вернуть распределение молодых специалистов в медицине³.

Председатель Комитета Госдумы по охране здоровья Д. А. Морозов обратил внимание участников, что кадровый голод в здравоохранении носит не оперативный, а стратегический характер, для решения которого требуется консолидация усилий всех уровней власти.

Проблемы, которые обсуждались до вспышки коронавирусной инфекции, особенно остро встали во время пандемии и создали серьезные трудности в ее начальном периоде: не хватало медицинского персонала, не хватало необходимого медицинского оборудования. Мобилизация усилий российского здравоохранения позволила преодолеть все сложности, однако дефицит кадров и медицинских учреждений,

просчеты оптимизационной политики в организации оказания медицинской помощи, акцент на коммерческие результаты медицинских организаций независимо от форм собственности, ограничение финансирования привели к серьезному сокращению оказания плановой, а во многих случаях и срочной медицинской помощи. На эти аспекты обратили внимание участники круглого стола «Уроки пандемии», который проходил в ОНФ (Общероссийский народный фронт «За Россию») и собрал представителей федеральных структур, представителей практически всех регионов страны, общественные формирования медицинских работников и пациентские организации. Доктор Л. М. Рошаль, сопредседатель ОНФ и президент СМС «Национальная медицинская палата», обратил внимание на многие положительные стороны советской медицины, которые сохранились в российском здравоохранении, и на решение проблемы кадров – государственное распределение выпускников медицинских вузов.

Следует отметить, что распределение специалистов сохранилось и в государствах постсоветского пространства, а также и в странах Евросоюза. Представляется, что данное направление решения кадровой проблемы в здравоохранении относится к числу наиболее эффективных. О возможности вернуть распределение выпускников государственных медицинских вузов неоднократно высказывался и Д. А. Медведев. В 2008 г., говоря о возможности введения распределения в государственных медицинских вузах вопреки желанию студентов, Дмитрий Медведев заметил, что «нужно иногда и власть употребить», в 2016 г. на партийном форуме «Единой России» по вопросам здравоохранения отметил, что в России может быть возвращена система распределения выпускников медицинских вузов по стране⁴.

По мнению Л. М. Рошалья, кадровый дефицит в здравоохранении создан искусственно: «В 90-е годы было ликвидировано распределение выпускников медвузов, что больно ударило по первичному звену, особенно в сельской местности. Посчитайте, сколько мы за эти годы недополучили врачей и медицинских сестер. Стал расти частный сектор, который забирает последних врачей. Пока все попытки, все договорные отношения не привели к существенному увеличению числа врачей»⁵.

Как представляется, вернуть распределение выпускников медицинских вузов целесообразно, как

¹ Совещание по вопросу модернизации первичного звена здравоохранения 2 октября 2019 года [Электронный ресурс] // URL: kremlin.ru (дата обращения: 16.06.2021).

² Семенова Т. В. Кадровый дисбаланс и его устранение в здравоохранении [Электронный ресурс] // URL: <https://ockk.ru/2019/10/25/> (дата обращения: 16.06.2021).

³ Ишков С. Дефицит кадров в здравоохранении [Электронный ресурс] // URL: <http://mospravda.ru/2020/02/26/143508/> (дата обращения: 16.06.2021).

⁴ Российский премьер пообещал вернуть распределение выпускников медицинских вузов [Электронный ресурс] // URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/raspredelenie-vozvraschaetsya-no-poka-tolko-v-meditsinskie-vuzy> (дата обращения: 16.06.2021).

⁵ Шевченко Р. Нацмедпалата предлагает принять федеральный закон «О первом рабочем месте в здравоохранении» [Электронный ресурс] // URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Nacmedpalata-predlagaet-prinyat-federalnyi-zakon-O-pervom-rabochem-meste-v-zdravoohranenii.html> (дата обращения: 16.06.2021).

предлагается Национальной медицинской палатой, с использованием законодательного механизма в частности с принятия Федерального закона «О первом рабочем месте в здравоохранении»¹.

Идея гарантировать предоставление первого рабочего места гражданам РФ, получившим профессиональное образование, неоднократно обсуждалась в комитетах Госдумы. Данная система успешно реализуется во многих зарубежных странах, в частности, во Франции, Германии и т. д.

Выпускник, направленный по распределению на место работы, должен в соответствии с законом иметь, помимо предоставляемых другим медицинским работникам в конкретной местности, определенные дополнительные социальные гарантии, касающиеся заработной платы, предоставления жилья и возможности приобрести его на льготных условиях, предоставления детям вне очереди мест в дошкольных учреждениях и т. п. Кроме того, молодому специалисту необходимо предоставить возможность повышать свою квалификацию за счет медицинской организации, а также льготы при поступлении в ординатуру после того, как он отработает установленное законом время по месту назначения. Вопрос о времени – три года или больше – требует подробного анализа, поскольку позиции в медицине по этому вопросу неоднозначны. Основные положения закона о первом рабочем месте целесообразно изложить в Федеральном законе об основах охраны здоровья граждан.

Вопрос о принудительном труде и нарушении положений ст. 37 Конституции РФ достаточно часто поднимается в медицинском сообществе применительно к системе распределения выпускников медицинских вузов представителями частной медицины. Однако в данном случае такая постановка проблемы не корректна.

Следует иметь в виду, что согласно ст. 43 Конституции РФ в России гарантируется право на общедоступное и бесплатное дошкольное, основное общее и среднее профессиональное образование в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях. Высшее бесплатное образование Конституцией не гарантируется. Тем не менее государство, выполняя свои социальные обязательства, предоставляет возможность получения бесплатного образования, вкладывая в качественное обучение будущих врачей огромные средства. Это обстоятельство служит прямым основанием для использования механизма распределения медицинских работников с учетом потребности государства в сокращении значительного дефицита медицинских кадров. Аналогичный подход к решению кадровых проблем отражен, например, в законодательстве о полиции.

¹ Шевченко Р. Леонид Рошаль: ситуация с кадрами – критичная [Электронный ресурс] // URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Leonid-Roshal-situaciya-s-kadrami-kritichnaya.html> (дата обращения: 16.06.2021).

Как отмечается в Постановлении Конституционного Суда РФ от 15 марта 2005 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 278 и статьи 279 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 4 статьи 69 Федерального закона “Об акционерных обществах” в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами ряда граждан», свобода труда в сфере трудовых отношений проявляется, прежде всего, в договорном характере труда, в свободе трудового договора².

В тех случаях, когда человек, выбирая сферу деятельности, в том числе имеющую определенные ограничения, добровольно предлагает свои услуги, его труд не может рассматриваться как принудительный. Это обстоятельство подчеркнуто в ст. 2 Конвенции № 29 Международной организации труда «Относительно принудительного или обязательного труда»³, ратифицированной нашей страной.

Осуществляемое в стране целевое обучение не способно в обозримом периоде решить эту проблему в здравоохранении, поскольку оно, в силу его необязательности для вузов, не обеспечивает необходимого для преодоления кадрового дефицита количества специалистов. Так, квота приема на целевое обучение по специальностям «лечебное дело», «педиатрия» за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета составила в 2019 г. 60 % бюджетных мест (распоряжение Правительства РФ от 18 мая 2019 г. № 979-р). Но эта цифра отражает максимально возможный прием на целевые места. Сколько мест по квоте реально было занято, не известно.

Следует уточнить, что в нашей стране перспективное планирование необходимого числа медицинских работников на среднесрочный и долгосрочный период не ведется в отличие, например, от государств Евросоюза. В основе текущих плановых показателей заложены объемы медицинской помощи, рассчитанные исходя из маломеняющихся объемов гарантированной государством бесплатной медицинской помощи без учета влияния иных показателей, что становится основой воспроизводства дефицита врачей⁴. Подобный подход существенно увеличивает в после-

² По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 278 и статьи 279 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 4 статьи 69 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 15 марта 2005 г. № 3-П // СПС «КонсультантПлюс».

³ Относительно принудительного или обязательного труда: Конвенция № 29 Международной организации труда (принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-й сессии Генеральной конференции МОТ) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Шейман И. М., Сажина С. В. Кадровая политика в здравоохранении: как преодолеть дефицит врачей // Мир России. 2018. № 3. С. 131.

дующем необходимые инвестиции в сферу здравоохранения¹.

Каждый год из российского здравоохранения уходят 8–10 % врачей. Только 2–2,5 % из них выходят на пенсию, остальные разочаровываются в профессии или в условиях работы. В 2018 г. в систему здравоохранения поступили на работу 56 496 врачей, а ушли по разным причинам 55 880. То есть прирост на всю страну составил около 600 человек. Основными причинами нехватки кадров являются выход на пенсию, естественная убыль, эмиграция. При этом ряды медиков в государственных лечебно-профилактических учреждениях не пополняются². Нельзя не отметить, что не решают кадровый голод и федеральные и региональные программы «Земский доктор» и «Земский фельдшер». Уровень заработной платы в таких случаях не играет особой роли, как и суммы подъемных. По словам профессора Л. М. Рошаля, есть регионы, где предлагают жилье и неплохую зарплату, но туда все равно не едут³.

В этой ситуации реализовать национальную программу «Здравоохранение» без использования определенного объема властных полномочий со стороны государства достаточно сложно. В странах Евросоюза, на опыт которых часто ссылаются противники распределения, контроль качества подготовки специалистов в медицине возлагается на медицинские сообщества, но государство достаточно жестко контролирует и регулирует численность медицинских кадров и их распределение по секторам здравоохранения и специальностям. Причем государственное вмешательство в определение структуры и необходимой численности врачей значительно усилилось и затронуло медицинские учебные заведения. Квоты на прием в медицинские вузы устанавливаются государством без учета источника финансирования обучения так же, как и регулирование трудоустройства подготовленных специалистов. Так, во Франции, наряду с жестким регулированием ординатуры, прежде всего по специальности «общая медицинская практика», планируется число рабочих мест, совпадающее с числом обучающихся, конкретные регионы и медицинские организации, где они будут работать. Так что большинство выпускников, за исключением лучших студентов с наиболее высоким рейтингом, которым предоставляется право выбора, приблизительно знают, где они будут работать⁴. О рабстве, связанном с распределением выпускников, никто во Франции не упоминает.

Обращая внимание на позитивную роль государства в системе обеспечения французского здравоохранения кадрами, нельзя не отметить, что этот опыт

заслуживает внимания и вполне может быть использован в нашей стране. Любое государство наделено такими основными функциями, как лечить, учить, охранять граждан и четко определять статус, права и обязанности тех, кто эти функции реализует.

В ситуации, когда одна из основных функций государства, связанная с его обязанностью предоставить гражданам равный доступ к качественной и доступной медицинской помощи, слабо реализуема, необходимо комплексно решить проблему статуса медицинского работника, ответив в законе на вопрос о правах и обязанностях медицинского работника и государства по отношению к медицинскому работнику. Тем более что статус представителей образовательного и силового блока, а также их основные права и обязанности законодательно определены.

В Федеральных законах «О полиции» от 7 февраля 2011 № 3-ФЗ⁵ (далее – Закон о полиции) и «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ⁶ (далее – Закон о службе в ОВД) определяются основные положения, касающиеся правового положения (статуса), порядка прохождения службы, служебной дисциплины, служебного времени и времени отдыха, гарантий социальной защиты сотрудников органов внутренних дел, подготовки кадров и государственного заказа на подготовку кадров для органов внутренних дел. В соответствии с ч. 3 ст. 10 Закона о службе в ОВД правовое положение (статус) сотрудника органов внутренних дел определяется данным Федеральным законом и федеральными законами, регулирующими особенности прохождения службы в органах внутренних дел. Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷ регулирует отношения, связанные с денежным довольствием и пенсионным обеспечением сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, обеспечением жилыми помещениями, медицинским обеспечением сотрудников, а также уволенных со службы в органах внутренних дел, членов их семей и лиц, находящихся на их иждивении, а также с предоставлением им иных социальных гарантий. Этот же закон устанавливает особенности дополнительных социальных гарантий, предоставляемых отдельным

⁵ О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

⁶ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 49 (Ч. 1). Ст. 7020.

⁷ О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2011. № 30 (Ч. 1). Ст. 4595.

¹ Восканян Р. О., Ващенко Т. В. Финансовое обеспечение формирования инновационной инфраструктуры: анализ международной практики // Научные исследования и разработки. Экономика. 2017. Т. 5. №. 3. С. 27.

² См.: Ишков С. Указ. соч.

³ См.: Шевченко Р. Указ. соч.

⁴ Шейман И. М., Сажина С. В. Указ. соч. С. 130.

группам сотрудников ОВД. В Законе о полиции раскрывается правовое положение сотрудника полиции, его права и обязанности, гарантии правовой защиты сотрудников органов внутренних дел, особенности их ответственности, устанавливается, что лица, получившие образование в образовательных организациях МВД, обязаны заключить контракт на прохождение службы в ОВД на срок не менее пяти лет, т. е. порядок их распределения¹.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (далее – Закон об образовании) установлен правовой статус педагогического работника, под которым понимается совокупность прав и свобод (в том числе академических прав и свобод), трудовых прав, социальных гарантий и компенсаций, ограничений, обязанностей и ответственности, которые установлены законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации (ст. 47). Более того, в ч. 2 ст. 47 подчеркивается, что в Российской Федерации признается особый статус педагогических работников в обществе и создаются условия для осуществления ими профессиональной деятельности. Педагогическим работникам в Российской Федерации предоставляются права и свободы, меры социальной поддержки, направленные на обеспечение их высокого профессионального уровня, условия для эффективного выполнения профессиональных задач, повышение социальной значимости, престижа педагогического труда. В пятой главе Закона об образовании подробно и четко регламентированы права и свободы педагогических работников, касающиеся режима их труда и отдыха, права на возмещение расходов и льготное жилье педагогам сельских школ и иных учебных заведений, гарантии их реализации, а также их обязанности и ответственность.

В то же время особый статус, да и просто статус медицинского работника законодательно не определен. Обязанность государства лечить, как отмечалось выше, входит в триаду основных и наиболее важных для граждан функций государства, поэтому вполне естественно, что государство просто обязано установить правовой статус медицинского работника и обеспечивающий этот статус пакет социальных прав и гарантий. Признание особого статуса медицинского работника, безусловно, повысит престиж медицинской профессии и может стать начальным этапом снижения оттока специалистов из медицины. В настоящее время социальные гарантии и права оказались разбросаны по многочисленным, по-разному толкуемым в регионах нормативным актам, в первую очередь ведомственным.

В законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в ст. 72 перечисляются права медицинских работников. Общие формулировки

указанной статьи не предполагают конкретизации, отсутствуют какие-либо упоминания о режиме труда и отдыха, о праве на жилье, на достойную заработную плату, о гарантиях компенсации участия медицинских работников в аккредитации специалистов, об особых льготах, предоставляемых врачам и иным медицинским работникам сельских медицинских учреждений, страховании профессионального риска. Не содержится в законе положений о государственном заказе на подготовку специалистов-медиков в образовательных учреждениях Минздрава и иных учебных заведениях, порядке трудоустройства и льготах, предоставляемых молодым специалистам, что создает условия для воспроизводства структурных диспропорций.

Не отражены в действующем законе и особенности профессии. Хотя для всех очевидно, что многие медицинские специальности относятся к сферам повышенного риска, однако медицинскому работнику не предоставляется право на риск, право на оказание медицинской помощи в ситуации крайней необходимости.

Тем не менее это является чрезвычайно важным для обеспечения правовой защиты медиков с учетом существующей в настоящее время градации медицинских организаций на уровни. Медицинские организации подразделяются на три уровня, исходя из уровня оснащенности, квалификации медицинской персонала и направлений оказания медицинской помощи. В связи с этим в больницах первого уровня объем возможной медицинской помощи, оказываемой пациентам, существенно ограничен. Вместе с тем в результате оптимизации число полноценных больниц в малонаселенных регионах сократилось, расстояние между ними увеличилось. Нередко перед медицинскими работниками больниц первого уровня встает вопрос: как быть в ситуации, когда состояние больного требует экстренного хирургического вмешательства, а конкретный вид операций в больницах первого уровня проводить нельзя и своевременно доставить пациента в больницу более высокого уровня не представляется возможным?

Например (реальная ситуация), в больницу поступил пациент с перитонитом. Хирург, поставив диагноз, сообщил родственникам, что в его учреждении такие виды оперативных вмешательств не проводятся, пациента следует отправить в учреждение второго уровня, которое находится в двухстах километрах от его населенного пункта. Понимая, что за несколько часов перемещения больного на автотранспорте по сельским дорогам, его состояние может существенно измениться, родственники упростили доктора (вполне квалифицированного специалиста с большим стажем) сделать операцию. Нарушив нормативные акты и должностные инструкции, определяющие объемы компетенции медицинских работников организации первого уровня, врач спас больного. С учетом особенностей организации медицинской помощи в стране таких ситуаций становится все больше. В этом

¹ См.: О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ.

случае либо врач отказывается помочь больному, направляя его в другое учреждение, либо сам оказывается в ситуации возможных неприятностей. В законе и иных нормативных актах этот вопрос не разрешен, хотя и в уголовном (ст. 39 УК РФ), и в административном (ст. 2.7 КоАП РФ) законодательстве имеются нормы о крайней необходимости. Законодательное решение вопроса о праве медицинского работника на профессиональный риск и право на несоблюдение нормативных предписаний в состоянии крайней необходимости могло бы разрешить многие коллизии.

Безусловно, государство предпринимает определенные усилия для стабилизации оттока медицинских кадров из профессии, но, как справедливо заметил Председатель Комитета Госдумы по охране здоровья Д. А. Морозов, кадровый голод в здравоохранении носит не оперативный, а стратегический характер, для решения которого требуется консолидация усилий всех уровней власти¹. В этом смысле было бы и справедливо, и целесообразно положения об особом статусе медицинских работников, их правах, социальных гарантиях, особенностях профессии, обязанностях и ответственности отразить в федеральном законодательстве, в частности в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», и распространить на всех представителей этой медицинской профессии.

Библиографический список

1. Vademecum [Электронный ресурс]. – URL: <https://vademec.ru/news/2014/11/12>.
2. Восканян Р. О. Финансовое обеспечение формирования инновационной инфраструктуры: анализ международной практики / Р. О. Восканян, Т. В. Ващенко // Научные исследования и разработки. Экономика. – 2017. – Т. 5. – №. 3. – С. 27–33.
3. Ишков С. Дефицит кадров в здравоохранении [Электронный ресурс] / С. Ишков. – URL: <http://mospravda.ru/2020/02/26/143508>.
4. Российский премьер пообещал вернуть распределение выпускников медицинских вузов [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/raspredelenie-vozvraschaetsya-no-poka-tolko-v-meditsinskie-vuzy>.
5. Савинкина Л. А. Проблема дефицита медицинских кадров и пути ее разрешения / Л. А. Савинкина, Т. С. Шепелова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6.
6. Семенова Т. В. Кадровый дисбаланс и его устранение в здравоохранении [Электронный ресурс] / Т. В. Семенова // URL: <https://ockk.ru/2019/10/25>.
7. Шевченко Р. Леонид Рошаль: ситуация с кадрами – критичная [Электронный ресурс] / Р. Шевченко. – URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Leonid-Roshal-situaciya-s-kadrami-kritichnaya.html>.
8. Шевченко Р. Нацмедпалата предлагает принять федеральный закон «О первом рабочем месте в здравоохранении» [Электронный ресурс] / Р. Шев-

ченко. – URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Nacmedpalata-predlagaet-prinyat-federalnyi-zakon-O-pervom-rabochem-meste-v-zdravoohranenii.html>.

9. Шейман И. М. Кадровая политика в здравоохранении: как преодолеть дефицит врачей / И. М. Шейман, С. В. Сажина // Мир России. – 2018. – № 3. – С. 130–153.

Bibliograficheskij spisok

1. Vademecum [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://vademec.ru/news/2014/11/12>.
2. Voskanyan R. O. Finansovoe obespechenie formirovaniya innovacionnoj infrastruktury: analiz mezhdunarodnoj praktiki / R. O. Voskanyan, T. V. Vashchenko // Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Ekonomika. – 2017. – T. 5. – №. 3. – S. 27–33.
3. Ishkov S. Deficit kadrov v zdravoohranenii [Elektronnyj resurs] / S. Ishkov. – URL: <http://mospravda.ru/2020/02/26/143508>.
4. Rossijskij prem'er poobeshchal vernut' raspredelenie vypusnikov medicinskih vuzov [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/raspredelenie-vozvraschaetsya-no-poka-tolko-v-meditsinskie-vuzy>.
5. Savinkina L. A. Problema deficita medicinskih kadrov i puti ee razresheniya / L. A. Savinkina, T. S. Shepelova // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2014. – № 6.
6. Semenova T. V. Kadrovyy disbalans i ego ustranenie v zdravoohranenii [Elektronnyj resurs] / T. V. Semenova // URL: <https://ockk.ru/2019/10/25>.
7. Shevchenko R. Leonid Roshal': situaciya s kadrami – kritichnaya [Elektronnyj resurs] / R. Shevchenko. – URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Leonid-Roshal-situaciya-s-kadrami-kritichnaya.html>.
8. Shevchenko R. Nacmedpalata predlagaet prinyat' federal'nyj zakon «O pervom rabochem meste v zdravoohranenii» [Elektronnyj resurs] / R. Shevchenko. – URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Nacmedpalata-predlagaet-prinyat-federalnyi-zakon-O-pervom-rabochem-meste-v-zdravoohranenii.html>.
9. Shejman I. M. Kadrovaya politika v zdravoohranenii: kak preodolet' deficit vrachej / I. M. Shejman, S. V. Sazhina // Mir Rossii. – 2018. – № 3. – S. 130–153.

¹ См.: Шевченко Р. Указ. соч.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

УДК 342.565

Цифровизация правосудия в Российской Федерации

Карасев Анатолий Тиханович,
Уральский юридический институт МВД России,
доктор юридических наук, профессор
e-mail: a.t.karasev@mail.ru

Савоськин Александр Владимирович,
Уральский государственный экономический
университет, доктор юридических наук, доцент
e-mail: savoskinav@yandex.ru

Мещерягина Вероника Александровна,
Уральский государственный экономический
университет, кандидат юридических наук
e-mail: mesheryagina@yandex.ru

Публикация посвящена анализу современных средств цифровизации судопроизводства и не затрагивает вопросов информатизации судов в целом, а также электронных форм доступа к информации о деятельности судов. Анализируется понятие «цифровизация правосудия» и смежные с ним категории. В статье освещаются электронные формы подачи обращений в суды и использование видеоконференцсвязи при проведении судебных заседаний. Отдельное внимание уделено планам по созданию суперсервиса «Правосудие онлайн» на основе портала государственных услуг.

Ключевые слова: цифровизация правосудия; цифровизация судопроизводства; видеоконференцсвязь; информатизация суда; электронное судопроизводство.

Digitalization of justice in the Russian Federation

Karasev Anatoly Tihanovich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Doctor of Law, Professor

Savoskin Alexander Vladimirovich,
Ural State Economic University, Doctor of Law,
Associate Professor

Meshcheryagina Veronika Alexandrovna
Ural State Economic University, Candidate of Law

The publication is devoted to the analysis of modern means of digitalization of legal proceedings. The publication does not consider issues of informatization of courts, does not study electronic forms of access to information on the activities of courts. The concept of «digitalization of justice» is analyzed, related legal categories are studied. The article examines electronic forms of filing applications to the court, as well as the use of video conferencing during court hearings. Special attention is paid to the super service «Justice Online» on the portal of State Services.

Key words: digitalization of justice; digitalization of legal proceedings; video conferencing; informatization of the court; electronic court proceedings.

Современное российское правосудие – это особый вид государственной деятельности, осуществляемой судами посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Сущность судопроизводства состоит в рассмотрении и разрешении дел в особой процедуре в соответствии с принципами и нормами права, содержащимися как в международных, так и внутринациональных нормативных правовых актах, для обеспечения защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод либо законных интересов участников процесса.

За последние годы все разновидности судопроизводств претерпели глобальные изменения ввиду все более активного развития цифровизации и информатизации общественных отношений¹. Однако для того, чтобы понимать сущность современного отечественного цифрового судопроизводства, важно проследить весь процессуальный механизм и ответить на ряд вопросов. Во-первых, о том, насколько полно и эффективно существующая система правосудия учитывает изменения, связанные с цифровизацией общества. Во-вторых, необходимо понять, какие трудности возникают (могут возникнуть) и какие преимущества появляются (могут появиться) в ходе внедрения цифровых технологий в работу судов. И, наконец, в-третьих, решить, способна ли цифровизация породить новое качество судопроизводства, радикально изменив его основы, преобразовав тем самым всю систему общественной жизни.

Для начала отметим, что термин «цифровое правосудие» часто употребляется в контексте схожих терминов: «электронное судопроизводство», «цифровизация судопроизводства», «цифровые права».

В действующем законодательстве отсутствует легальное, нормативно-закрепленное понятие «цифровизация»², при этом в правовой науке и средствах массовой информации наиболее распространенным является термин «цифровые права», который включает право людей на создание и использование цифровых произведений, доступ к компьютерам и коммуникационным сетям, а в нормативных актах с 2019 г. доминирует уже термин «цифровизация».

Согласно ч. 2 ст. 45 Конституции РФ каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Таким образом, каждый человек или организация может выбрать любой не запрещенный законом способ защиты своих прав. Одним из установленных законодательством способов является судебная защита. В ч. 1 ст. 46 Консти-

туции РФ закреплена гарантия на судебную защиту прав и свобод каждого. Судебная защита представляет собой систему действий судебных органов по рассмотрению и разрешению судебного дела и исполнению решения. В качестве судебной защиты может рассматриваться как отдельное судебное действие (постановление приговора, принятие мер обеспечения иска, применение или отмена меры пресечения, вынесение частного определения), так и в целом деятельность суда по уголовному или гражданскому делу, а также деятельность всей судебной системы³.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П, отметил, что правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах, федеральный законодатель, устанавливая порядок его отправления, обязан предусмотреть механизм (процедуру), который гарантировал бы вынесение правосудных, т. е. законных, обоснованных и справедливых, судебных решений.

Таким образом, право на судебную защиту – это гарантия, предоставляемая государством каждому для обеспечения восстановления его прав, нарушенных иными физическими лицами, юридическими лицами, решениями и действиями (бездействием) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц, путем правосудия (ст. 52 Конституции РФ).

Очевидно, что право на судебную защиту косвенно можно отнести к категории цифровых прав. Однако организация приема жалоб, размещение судебных решений посредством телекоммуникационной сети «Интернет» и т. д., навряд ли трансформирует право на судебную защиту в «цифровое конституционное право». Соответственно, возникает вопрос: что понимать под цифровизацией правосудия и насколько корректно употреблять этот термин?

Проанализировав первые нормативные правовые акты, регулирующие изучаемую сферу, отметим переход от термина «информатизация судебной системы и судов» (Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы на 2002–2006 годы», утверждена постановлением Правительства РФ от 20 ноября 2001 г. № 805) к «электронное обеспечение правосудия» (Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы на 2007–2012 годы», утверждена постановлением Правительства РФ от 21 сентября 2006 г. № 583), а после – «электронное правосудие» (Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», утверждена постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406, далее – ФЦП 2013–2020). Более нигде в норма-

¹ См.: Шипилов А. Н. Цифровизация правосудия // Судья. 2019. № 3 (99). С. 21–22.

² Карасев А. Т., Кожевников О. А., Мещерягина В. А. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации // Антиномии. 2019. № 3. С. 99–119.

³ См.: Приженникова А. Н., Коляда Г. Ю. Цифровизация правосудия: теоретические и практические аспекты // Образование и право. 2020. № 2. С. 240–250.

тивных правовых актах России термин «электронное правосудие» не встречается, представлены лишь схожие термины: «электронная подпись» (Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи»); «электронная трудовая книжка» (Трудовой кодекс РФ от 31 июля 2002 г.); «дистанционное электронное голосование» (Федеральный закон от 23 мая 2020 г. № 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве»); «электронные документы и бланки процессуальных документов» (Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ и др.).

Обращаясь к толковым словарям можно встретить следующее определение термина «электронный» – основанный на электронной технологии. Данный термин предназначен для того, чтобы охватить любое или все устройства, или системы, действующие на основе электричества (Справочник технического переводчика); все, что относится к свойствам, взаимодействию, влиянию и т. д., ионов и других микро-частиц; электронная оболочка атома (Толковый словарь Русского языка под редакцией Д. В. Дмитриева); то, что относится к электронам; электронная теория, рассматривающая электрические явления как результат совокупного действия множества элементарных электрических зарядов электронов, исходя из законов движения электронов (словарь иностранных слов русского языка).

Очевидно, что использование этого термина сегодня неоднозначно¹, и в нормативных актах законодатель пока не определился с терминологией, поэтому ее следует пояснить, отграничив цифровизацию правосудия от иных, схожих понятий.

Здесь уместен инструментальный подход, преобладающий в доктрине гражданского процесса: гражданское правосудие воспринимается как своего рода «производство», а цифровые технологии в нем – как «инструменты», средства осуществления данной деятельности. С точки зрения данного подхода внедрение в гражданский процесс цифровых технологий, ускоряющих и упрощающих взаимодействие между его участниками, должно способствовать повышению эффективности данной деятельности, более быстрому и качественному достижению результата такой деятельности – рассмотрению и разрешению конкретного гражданского дела, при этом сущность процесса отправления правосудия не меняется.

Именно в этом аспекте мы можем говорить о цифровом судопроизводстве в процессуальных стадиях: начиная с подачи электронного обращения в суд и заканчивая вынесением электронного судебного акта – то есть о совершении процессуальных действий судом или участниками процесса в электронной форме. В данном смысле «цифровизация правосудия» – это

средство обеспечения перехода к системе электронной подачи обращений в суд и автоматизированного распределения дел между судьями; внедрения средств информатизации судебного разбирательства (от использования видеоконференцсвязи и электронных доказательств до применения искусственного интеллекта в оценке доказательств и вынесения решений); а также онлайн-взаимодействия и электронного оборота между всеми участниками судебного судопроизводства на базе личных кабинетов (судьи, стороны и иные участники судебного процесса). В самом широком смысле цифровизация судопроизводства не может ограничиваться сугубо процессуальной (процедурной) составляющей рассмотрения дел и должна включать широкое информирование о деятельности судов и доступ к информации об их деятельности. Однако в силу ограниченности объема публикации мы обозначим узкое толкование цифровизации правосудия в значении «цифровизация судопроизводства»².

В настоящее время цифровизация судопроизводства в России уже частично произошла. К 2020 г. повсеместно обеспечена возможность электронного обращения в суд и возможность участия в судебных заседаниях посредством видеоконференцсвязи. Поэтому далее рассмотрим эти формы цифровизации правосудия подробнее.

1. Прежде всего отметим, что **возможность электронного обращения в суд**, относится не только к процессуальным обращениям (т. е. подаваемым в рамках рассмотрения судебных дел), но и к допускаемым законом внепроцессуальным обращениям (обычным заявлениям, жалобам, запросам информации и т. п.). В России особенно актуальным является вопрос: насколько вводимые электронные процедуры подачи обращений действительно упрощают доступ к суду и соответствуют принципу равенства, не допускают необоснованного ограничения права на судебную защиту? А также, в частности, можно ли считать оправданным установление подзаконным актом (приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ) дополнительных требований к форме электронного обращения по сравнению с традиционной письменной формой? По нашему мнению подобная дифференциация правового регулирования, очевидно, оправдана в силу специфики электронной формы, необходимости установления дополнительных технических требований, связанных с прохождением заявителем процедуры идентификации и аутентификации, заверением документа электронной подписью. Вместе с тем серьезные сомнения вызывает установление Судебным департаментом таких требований к заполняемой заявителем на сайте форме, которые связаны не с технической стороной, а с представлением дополнительных сведений как о самом заявителе, так и об иных участниках процесса (то есть об

¹ Солдаткина О. Л. Проблемы формирования понятийного аппарата концепции цифровизации правосудия // Информационное право. 2020. № 3. С. 23–27.

² Софийчук Н. В., Колпакова Л. А. К вопросу о доступе граждан к правосудию в условиях цифровизации судопроизводства // Lexrussica (Русский закон). 2020. № 11 (168). С. 71–80.

ответчике, третьих лицах, других заинтересованных лицах). Причем эти сведения не требуются вовсе либо являются факультативными при оформлении иска в традиционной бумажной форме.

Если обратиться к практике работы государственных электронных приемных, то придется констатировать, что в настоящее время подавляющее большинство из них не дают возможности отслеживать судьбу обращения.

Начало процесса создания специализированных государственных сайтов для подачи обращений граждан заложил Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», согласно п. 2 ст. 10 которого гарантировалась «подача заявителем запроса и иных документов, необходимых для предоставления государственной или муниципальной услуги... с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг».

Говоря о специализированных интернет-порталах, посредством которых граждане могут направлять свои обращения в судебные органы, следует выделить создание единого информационного пространства всех судов (кроме Конституционного Суда РФ) в федеральной системе ГАС «Правосудие».

ГАС «Правосудие» начала создаваться в 2004 г. как территориально распределенная информационная система федеральных судов общей юрисдикции, органов судейского сообщества и органов системы Судебного департамента. С принятием Закона о доступе к информации о деятельности судов на ГАС «Правосудие» также была возложена задача создания единого информационного пространства федеральных судов и мировых судей как совокупности обеспечивающих информационное взаимодействие Верховного Суда Российской Федерации, федеральных судов, мировых судей, органов судейского сообщества и системы Судебного департамента баз данных и банков данных, технологий их ведения и использования, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей, функционирующих на основе единых принципов и общих правил.

На сегодняшний день портал ГАС «Правосудие» является территориально распределенной автоматизированной информационной системой, предназначенной для формирования единого информационного пространства судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Для того чтобы подавать документы в электронном виде, необходимо зарегистрироваться в личном кабинете, на документы необходимо проставить электронную цифровую подпись.

Интернет-портал создан в виде веб-сайта с общим доступом, на главной странице которого выведены в отдельные блоки все функции, которые на данный момент могут быть предложены пользователю. Гражданин может выбрать интересующую его тему самостоятельно, а в случае затруднений или возникших вопросов обратиться в техподдержку ГАС «Правосудие».

Для пользования сайтом не требуется регистрация, формы поиска также не требуют никаких данных, кроме тех, по которым и будет совершаться анализ информации и выдача нужной пользователю. Во всех разделах, где предусмотрена подача обращения, гражданину нужно заполнить форму, оставив свои контакты для связи. В будущем, возможно, будет создана система регистрации пользователей и единый личный кабинет (пока подобная процедура предусмотрена только в разделе Верховного Суда РФ).

Стоит отметить, что ГАС «Правосудие» – это не единственный интернет-портал для направления обращений, жалоб и иных документов в электронном виде. Так, в настоящее время анонсировано создание суперсервиса «Правосудие онлайн» на платформе портала Госуслуг. Этот суперсервис не только позволит подавать обращения в суд в электронном виде (т. е. станет дополнительным каналом подачи исковых и аналогичных заявлений), но и позволит автоматически определять подсудность дел и автоматически рассчитывать размер госпошлины, предоставит возможность оплаты государственной пошлины непосредственно на портале Госуслуг, возможность получать все уведомления и знакомиться с материалами дела в личном кабинете¹.

2. Применение видеоконференцсвязи в судебных процессах предусматривается всеми процессуальными кодексами (но пока недоступно для конституционного процесса). Вместе с тем главный недостаток современной «судебной» видеоконференцсвязи заключается в том, что для подключения к ней гражданин должен явиться в иной суд. С одной стороны, это безусловно «упрощает жизнь» участникам судебного заседания, избавляя от необходимости прибыть в суд для разбирательства, находящийся в ином городе или даже ином субъекте РФ. С другой стороны, такая организация видеоконференцсвязи уже не отвечает ожиданиям общества и современным возможностям цифровых средств (в том числе по идентификации участников судебного процесса).

Согласно данным Судебного департамента в 2019 г. апелляционными судами субъектов РФ рассмотрено 5,3 тыс. дел (0,3 % от общего числа рассмотренных в этой инстанции дел) с использованием систем видеоконференцсвязи (в 2018 г. – 5,5 тыс. дел, или 0,3 % от общего числа рассмотренных в этой инстанции дел).

Видеоконференц-связь в судебном процессе – это способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио-и видеoinформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами (п. 1.5 Регламента организации применения видеоконференцсвязи в федеральных судах общей юрисдикции, утвержденного приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2008 г. № 401, далее – Регламент).

¹ Официальный сайт проектируемых суперсервисов на портале Госуслуг [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gosuslugi.ru/superservices/judgment>.

В п. 12. Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации, утвержденной постановлением Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 25 декабря 2013 г. № 1002, под системой видеоконференцсвязи понимается комплекс программно-аппаратных средств арбитражных судов, позволяющих проводить обмен информацией между арбитражными судами посредством передачи аудио- и видеосигналов в режиме реального времени. В пункте 16 Регламента указано, что судебные заседания в режиме видеоконференцсвязи могут проводиться только при наличии в судах технической и организационной возможностей и только в залах судебных заседаний, оснащенных программно-техническим комплексом ВКС ГАС «Правосудие», подключенным к ведомственной сети передачи данных ГАС «Правосудие». Согласно п. 3.4 Регламента в целях информационного обеспечения взаимодействия при организации проведения судебных заседаний в режиме видеоконференцсвязи на официальных сайтах федеральных судов общей юрисдикции интернет-портала Государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие» в разделе «Справочная информация» / «Видеоконференцсвязь» размещается следующая информация: адрес суда; разница во времени между городами России и Москвой; номера залов судебных заседаний, оборудованных системой видеоконференцсвязи; номера телефонов (факсов) ведомственной сети видеоконференцсвязи; наличие технической возможности видеоконференцсвязи; расписание видеоконференцсвязи (при наличии); периоды доступности (недоступности) залов судебных заседаний в случае, если по каким-либо дням сеансы проводятся не в конкретном зале; контактные данные лиц, ответственных за техническое обеспечение видеоконференцсвязи (фамилия, имя, отчество, должность, номер телефона). Необходимо отметить, что применение видеоконференцсвязи в судах предусмотрено Федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы».

Путем использования систем видеоконференцсвязи в судебном заседании могут участвовать: лица, участвующие в деле (истцы, ответчики, заявители, заинтересованные лица, третьи лица), а также свидетели, эксперты, специалисты и переводчики. При этом по смыслу ч. 2 ст. 152, ст. 327, 386, 391.10, 396 ГПК РФ видеоконференцсвязь может быть использована при проведении судебных заседаний на любой стадии гражданского процесса: в предварительном судебном заседании; при разрешении споров по существу судом первой инстанции; при рассмотрении дела в судебном заседании, назначаемом для разрешения отдельных процессуальных вопросов (например, для разрешения заявления лица, участвующего в деле, о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам). Гражданское процессуальное законодательство предусматривает единственный прямой запрет (ч. 6 ст. 10 ГПК РФ) на использование систем видеоконфе-

ренцсвязи – их применение не допускается в закрытом судебном заседании.

Основания и порядок использования систем видеоконференцсвязи в гражданском процессе определяются ст. 155.1 ГПК РФ, содержание которой позволяет выделить следующие базовые аспекты:

1) использование систем видеоконференцсвязи в гражданском процессе поставлено в прямую зависимость от наличия в конкретном суде, где проводится соответствующее судебное заседание, технической возможности ее осуществления;

2) инициатива использования систем видеоконференцсвязи (в форме адресованного суду ходатайства) может исходить от лиц, участвующих в деле, их представителей, свидетелей, экспертов, специалистов и переводчиков. Кроме того, такое процессуальное решение может быть принято судом по собственной инициативе;

3) судом для проведения судебного заседания могут быть использованы системы видеоконференцсвязи других судов (по месту жительства, месту пребывания или месту нахождения лиц, чье участие в процессе обеспечивается таким образом), для участия в деле лиц, находящихся в местах лишения свободы или в местах содержания под стражей;

4) обеспечивающий суд (либо администрация учреждения в местах содержания под стражей или в местах лишения свободы) проверяет явку соответствующих лиц и устанавливает их личность, берет подписку у свидетелей, экспертов, переводчиков о разъяснении им судом, рассматривающим дело, прав и обязанностей и предупреждении об ответственности за их нарушение.

Уголовно-процессуальное законодательство определяет несколько иной порядок использования систем видеоконференцсвязи. По общему правилу, установленному ч. 1 ст. 240, ч. 6.1 ст. 261 УПК РФ, подсудимый участвует в судебном заседании непосредственно. В исключительных случаях в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства суд вправе при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 205–206, 208, ч. 4 ст. 211, ч. 1 ст. 212, ст. 275, 276, 279 и 281 УК РФ, по ходатайству любой стороны принять решение об участии в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, путем использования систем видеоконференцсвязи. Напротив, свидетель и потерпевший могут быть допрошены судом первой инстанции путем использования систем видеоконференцсвязи без каких-либо ограничений относительно категории дела (ч. 4 ст. 240 УПК РФ). При этом в соответствии с ч. 4 ст. 278.1 УПК РФ до начала допроса судья суда по месту нахождения свидетеля по поручению председательствующего в судебном заседании суда, рассматривающего уголовное дело, удостоверяет личность свидетеля. Подписку свидетеля о разъяснении ему прав, обязанностей и ответственности и предоставленные свидетелем документы суда по месту нахождения свидетеля направляет

председательствующему в судебном заседании суда, рассматривающего уголовное дело.

При рассмотрении уголовного дела в апелляционном и кассационном порядке, а также при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, осужденному, содержащемуся под стражей и заявившему о своем желании присутствовать при рассмотрении жалобы, представления либо при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, по решению суда обеспечивается право участвовать в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видеоконференцсвязи (ч. 1, 2 ст. 389.12, ст. 399, ст. 401.13 УПК РФ). Форма такого участия определяется судом. Вопрос об участии в судебном заседании суда апелляционной или кассационной инстанции путем использования систем видеоконференцсвязи потерпевшего, его законного представителя решается судом при наличии соответствующего ходатайства, заявленного в течение 10 суток со дня получения извещения о проведении судебного заседания.

Внешне схожей с видеоконференцсвязью формой участия граждан в судебном заседании является применение прямых интернет-трансляций судебных заседаний, которые нашли отражение в российском законодательстве (ст. 54 Федерального Конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»; ст. 6, 15.1 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»; ч. 7 ст. 10 ГПК РФ; ч. 7 ст. 11 АПК РФ с изменениями, внесенными Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 223-ФЗ; ч. 5 ст. 11 КАС РФ). Однако это лишь внешняя схожесть формы. Разница заключается в том, что интернет-трансляция обеспечивает гласность судебного разбирательства, но подключение предполагает пассивную роль наблюдателя и не обеспечивает осуществление участника судебного разбирательства своих процессуальных прав. Главное ее преимущество – возможность подключиться к ней из любой точки пространства, где есть доступ к сети Интернет. В то же время главным недостатком применяемой в судопроизводстве видеоконференцсвязи как раз и является необходимость прибытия в специально оборудованное средствами специальной связи место (прежде всего в другой суд, пусть и расположенный в том населенном пункте, где проживают / находятся участники процесса).

Еще одна проблема – это фактическая нехватка оборудования для видеоконференцсвязи (далеко не каждый зал судебных заседаний оборудован соответствующими техническими средствами). Так, в Арбитражном суде г. Санкт-Петербурга при рассмотрении дела № СИП-727/2017, связанного с нарушением интеллектуальных прав, суд не смог удовлетворить ходатайство стороны об использовании видеоконференцсвязи из-за отсутствия такой технической возможности по причине проведения сеанса видеоконференцсвязи в зале, оснащенном такой системой, заседания «по иным делам в соответствии с графиком

арбитражного суда».

Таким образом, суды зачастую отказывают в видеоконференции из-за невозможности проведения судебного заседания в оснащенной помещении вследствие его загруженности, а также проблем, связанных с большой территориальной удаленностью и разницей в часовых поясах¹. Еще один момент связан с тем, что использование видеоконференцсвязи не всегда позволяет лицам, участвующим в судебном процессе, оперативно излагать свою позицию, особенно в сложных делах с большим количеством доказательств или в делах, предполагающих активный допрос участников судебного заседания.

Решением этой и других проблем как раз и должен стать суперсервис портала Госуслуг «Правосудие онлайн», поскольку на его платформе будет реализована возможность организации видеоконференцсвязи не только с любого компьютера, но даже с телефона, и из любой точки пространства, где есть доступ к сети Интернет. А проблема идентификации участников судебного процесса будет снята подтверждением их личности в Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА) портала Госуслуг.

Вместе с тем использование видеоконференцсвязи, будучи прогрессивным шагом, на практике осложняется качеством связи. Иногда заседание суда прерывается из-за потери звука или изображения и участникам заседания приходится ждать возобновления сеанса связи, а иногда и повторять те моменты, которые были озвучены ранее. Из-за низкого качества видеосвязи участникам заседания в ряде случаев не удавалось донести до суда свою позицию, вследствие чего суд не мог правильно оценить их доводы. При этом надо учесть, что в судах районного звена отсутствуют специалисты по информационным технологиям, которые могли бы оперативно осуществлять техническое сопровождение и решать возникающие технические проблемы.

В заключение отметим, что вопросы цифровизации судебной системы резко обострились в связи со стремительным распространением вируса COVID-19, который обнажил множество недостатков в реализации конституционно гарантированного права на судебную защиту и доступ к суду в электронной форме. Например, в России с 19 марта по 10 апреля 2020 г. был приостановлен личный прием граждан в судах, было рекомендовано обращаться в судебные органы через электронные интернет-приемные судов, при этом было указано, что рассмотрению в очном порядке подлежат только дела безотлагательного характера, в то время как иные споры при наличии технической возможности рекомендовано рассматривать путем использования систем видеоконференцсвязи (постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 18 марта 2020 г. № 808).

¹ Малько А. В., Афанасьев С. Ф., Борисова В. Ф., Кротова Н. В. Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия // Государство и право. 2020. № 10. С. 151–159.

Представляется, что, с одной стороны, цифровизация судопроизводства в России (в том числе на базе суперсервиса «Правосудие онлайн») соответствует конституционному содержанию принципа доступа к правосудию, поскольку облегчает гражданам подачу обращений, поиск значимой по делу процессуальной информации и создает альтернативный электронный способ участия в судебных заседаниях, с другой стороны, цифровизация судов не должна реализовываться в ущерб требованиям полноты, своевременности и объективности рассмотрения судебных дел, независимо от качества работы сети Интернет, а применение любого вида информационных технологий в процессуальной деятельности суда не должно быть произвольным или случайным. Цифровизация правосудия должна стать результатом объективного, взвешенного и целесообразного решения уполномоченных органов власти, направленного на повышение доступности и комфортности отправления правосудия, но не в ущерб его качеству.

Библиографический список

1. Карасев А. Т. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации / А. Т. Карасев, О. А. Кожевников, В. А. Мещерягина // *Антиномии*. – 2019. – № 3. – С. 99–119.
2. Малько А. В. Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия / А. В. Малько, С. Ф. Афанасьев, В. Ф. Борисова, Н. В. Кроткова // *Государство и право*. – 2020. – № 10. – С. 151–159.
3. Приженникова А. Н. Цифровизация правосудия: теоретические и практические аспекты / А. Н. Приженникова, Г. Ю. Коляда // *Образование и право*. – 2020. – № 2. – С. 240–250.
4. Солдаткина О. Л. Проблемы формирования понятийного аппарата концепции цифровизации правосудия / О. Л. Солдаткина // *Информационное право*. – 2020. – № 3. – С. 23–27.
5. Софийчук Н. В. К вопросу о доступе граждан к правосудию в условиях цифровизации судопроизводства / Н. В. Софийчук, Л. А. Колпакова // *Lexrussica (Русский закон)*. – 2020. – № 11 (168). – С. 71–80.
6. Шипилов А. Н. Цифровизация правосудия / А. Н. Шипилов // *Судья*. – 2019. – № 3 (99). – С. 21–22.

Bibliograficheskiy spisok

1. Karasev A. T. Cifrovizaciya pravootnoshenij i ee vliyanie na realizaciju otidel'nyh konstitucionnyh prav grazhdan v Rossijskoj Federacii / A. T. Karasev, O. A. Kozhevnikov, V. A. Meshcheryagina // *Antinomii*. – 2019. – № 3. – С. 99–119.
2. Mal'ko A. V. Problemy cifrovizacii v sfere osushchestvleniya pravosudiya / A. V. Mal'ko, S. F. Afanas'ev, V. F. Borisova, N. V. Krotkova // *Gosudarstvo i pravo*. – 2020. – № 10. – С. 151–159.
3. Prizhennikova A. N. Cifrovizaciya pravosudiya: teoreticheskie i prakticheskie aspekty / A. N. Prizhennikova, G. YU. Kolyada // *Obrazovanie i pravo*. – 2020. – № 2. – С. 240–250.

4. Soldatkina O. L. Problemy formirovaniya ponyatijnogo apparata koncepcii cifrovizacii pravosudiya / O. L. Soldatkina // *Informacionnoe pravo*. – 2020. – № 3. – С. 23–27.

5. Sofijchuk N. V. K voprosu o dostupe grazhdan k pravosudiyu v usloviyah cifrovizacii sudoproizvodstva / N. V. Sofijchuk, L. A. Kolpakova // *Lexrussica (Russkij zakon)*. – 2020. – № 11 (168). – С. 71–80.

6. SHipilov A. N. Cifrovizaciya pravosudiya / A. N. SHipilov // *Sud'ya*. – 2019. – № 3 (99). – С. 21–22.

Договорно-правовые источники конституционного права Российской Федерации: понятие и виды

Кривошеев Егор Вячеславович,
Южно-Уральский государственный университет
e-mail: ekrivosheev@yandex.ru

Статья посвящена вопросу отнесения договоров к источникам правового регулирования конституционных правоотношений. Сформулировано авторское определение договорно-правовых источников конституционного права как актов-документов, являющихся результатом соглашения субъектов конституционного права и содержащих нормы права, регулирующие конституционные правоотношения. Определены виды договорно-правовых источников конституционного права. Сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства в части заключения, выполнения и применения отдельных видов договоров.

Ключевые слова: источник права; международный договор; внутригосударственный договор; конституция; соглашение; конституционные правоотношения.

Contractual legal sources of constitutional law of the Russian Federation: concept and types

Krivosheev Egor Vyacheslavovich,
South Ural State University

The paper deals with the issue of attributing treaties to sources of legal regulation of constitutional legal relations. The author's definition of contractual legal sources of constitutional law is formulated as acts-documents that contain the rules of law regulating constitutional legal relations and are the result of an agreement of the subjects of constitutional law. The types of contractual legal sources of constitutional law are determined. Suggestions for improving the current legislation of conclusion, implementation and application of certain types of treaties are formulated.

Key words: source of law; international treaty; domestic treaty; constitution; agreement; constitutional legal relations.

В 2020 году в Конституцию Российской Федерации¹ были внесены самые масштабные изменения с момента ее принятия. С одной стороны, конституционные поправки имели целью уточнить направления развития России как социального государства, с другой стороны, поправки были направлены на совершенствование государственного аппарата и механизмов защиты государственного суверенитета. В частности, Конституция России была дополнена ст. 79.1 о том, что «Российская Федерация принимает меры по... недопущению вмешательства во внутренние дела государства». С этой же целью был обновлен текст ст. 79, согласно которой теперь «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской

Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации». В то же время положения этой статьи предусматривают возможность участия России в межгосударственных объединениях, в том числе и в целях передачи им части своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации. В связи с этим вопросы исследования международных договоров и иных источников конституционного права России становятся особенно актуальными.

Мировой опыт конституционно-правового развития различных государств свидетельствует о существовании широкого круга источников правового регулирования конституционных правоотношений. При этом одни источники, по верному замечанию А. С. Автономова, получили повсеместное распространение и «характерны для всех исторических эпох, которым известно право как общественное

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. 2020. 4 июля.

явление»¹. Это нормативные акты, судебные прецеденты и правовые обычаи. Тем не менее есть и иные источники конституционного права, которые действуют только в отдельные исторические периоды и лишь в отдельных странах. К таким источникам, в частности, относятся договоры.

Вместе с тем источником права (в т. ч. и конституционного) может выступать только нормативный договор – акт-документ, содержащий юридические нормы². По мнению С. С. Алексеева, юридические особенности нормативного договора позволяют отнести его к нормативным правовым актам³. Однако нормативные договоры отличаются от нормативных правовых актов, т. к. они являются результатом соглашения субъектов права, даже если ими являются органы власти. В то же время нормативный договор отличается и от других договоров, имеющих индивидуальный характер (договоров-сделок)⁴.

Договоры, являющиеся источниками конституционного права, по верному убеждению Е. В. Колесникова, характеризуются рядом признаков. Во-первых, такие договоры направлены на установление, изменение или прекращение правовых отношений, в связи с чем их заключение всегда порождает юридические последствия. Во-вторых, договор является результатом свободного волеизъявления и согласования интересов сторон. В-третьих, договор обладает юридической силой, является общеобязательным и подлежит добросовестному выполнению, т. к. любая из сторон может воспользоваться различными способами защиты и охраны своих интересов⁵.

Поскольку источники права в юридическом смысле представляют собой формы выражения права, при помощи которых государство устанавливает обязательность правил поведения⁶, под договорно-правовым источником конституционного права представляется возможным понимать акт-документ, являющийся результатом соглашения субъектов конституционного права и содержащий нормы права, регулирующие конституционные правоотношения.

Следует отметить, что договор как источник конституционного права в России получил признание не сразу. В советское время источники конституционного (государственного) права отождествлялись исключительно с нормативными правовыми актами,

издаваемым органами советской власти. Договоры самостоятельным источником конституционного (государственного) права не признавались. Однако с образованием Российской Федерации договор как форма регулирования конституционно-правовых отношений получил широкое распространение.

Так, первым договором о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов Российской Федерации стал заключенный в Москве 31 марта 1992 г. Федеративный договор⁷, который, как считает М. А. Митюков, является «результатом политического компромисса, повлиявшим на конституционную модернизацию федерализма в стране»⁸.

Принятая в 1993 г. Конституция Российской Федерации в качестве приложения Федеративный договор не содержит, его положения не были инкорпорированы в ее текст, а были имплементированы в содержание отдельных ее норм. В связи с этим следует согласиться с Б. Л. Железновым и Р. Х. Губейдуллиным в том, что этот договор являлся самостоятельным актом, обладающим по отношению к действующей Конституции России вспомогательным характером⁹.

Необходимо заметить, что в Конституции Российской Федерации содержатся нормы о возможности заключения договоров по самым различным вопросам. При этом в одних статьях возможность договорного регулирования конституционно-правовых отношений закреплена прямо, а в других – вытекает из них. В частности, в соответствии с ч. 3 ст. 11 Конституции Российской Федерации разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации может осуществляться на договорной основе путем заключения соответствующих договоров. Согласно ч. 3 ст. 78 Конституции Российской Федерации органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации по соглашению с федеральными органами исполнительной власти могут передавать им осуществление части своих полномочий. В ч. 4 ст. 66 Конституции Российской Федерации предусматривается возможность регулирования отношений автономных округов, входящих в состав края или области, договором между органами государственной власти автономного округа и, соответственно, органами государственной власти края или области. В то же вре-

¹ Автономов А. С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 2012. С. 17.

² См.: Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. М., 2010. Т. 3. С. 440.

³ См.: Алексеев С. С. Государство и право. М., 2014. С. 47.

⁴ См.: Плюснина О. В. Основные критерии разграничения индивидуальных договоров от договоров нормативного содержания // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 3. С. 86–88.

⁵ См.: Колесников Е. В. Источники российского конституционного права: вопросы теории и методологии: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2000. С. 26.

⁶ См.: Советское государственное право / под общ. ред. Н. Я. Куприца. М., 1950. С. 11.

⁷ См.: Федеративный договор от 31 марта 1992 г. // НПП «Гарант-Сервис». URL: <https://constitution.garant.ru/act/federative/170280/> (дата обращения: 03.12.2020).

⁸ Митюков М. А. Конституция и Федеративный договор: проблемы соотношения (политико-правовые дискуссии мая 1990 – апреля 1992 гг.) // Lex russica (Русский закон). 2016. № 3 (112). С. 92.

⁹ См.: Железнов Б. Л., Губейдуллин Р. Х. Федеративный договор 1992 года и современный российский федерализм // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 4. С. 176.

мя возможность заключения договоров между иными субъектами Российской Федерации вытекает из положений ч. 3 ст. 66 Конституции Российской Федерации о том, что границы между субъектами Российской Федерации могут быть изменены с их взаимного согласия, а также из п. «в» ч. 2 ст. 125 о том, что Конституционный Суд России разрешает дела о соответствии Конституции договоров между региональными органами государственной власти. При этом предмет таких договоров не указывается. Следовательно, они могут заключаться по самым разным вопросам. Так, например, сегодня распространены договоры о сотрудничестве между субъектами Российской Федерации.

Кроме того, Конституция Российской Федерации в ч. 4 ст. 15 провозгласила международные договоры частью российской правовой системы. Закрепив этот принцип в качестве одной из основ конституционного строя, она не назвала эти договоры источником конституционного права. В связи с этим сегодня одни ученые считают, что международные договоры являются источником конституционного права России¹, а другие эту позицию не разделяют².

Полагаем, что международные договоры Российской Федерации следует признать источником конституционного права в связи с тем, что они широко используются в правоприменительной практике. В. Д. Зорькин по этому поводу отмечает, что Конституционный Суд России «не только привлекает международно-правовую аргументацию в качестве дополнительного довода в обоснование своих правовых позиций... но и приводит ее для разъяснения смысла и значения конституционного текста»³. Так, например, в определении от 5 марта 2009 г. № 376-О-П⁴ Конституционный Суд России сослался на положения Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, в постановлении от 25 октября

2018 г. № 38-П⁵ – на Конвенцию Международной организации труда № 132.

Исходя из вышесказанного, к договорно-правовым источникам конституционного права Российской Федерации относятся международные договоры Российской Федерации и договоры о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти, о передаче осуществления части полномочий между федеральными и региональными органами исполнительной власти, об отношениях между органами государственной власти края или области и автономного округа, входящего в их состав, о границах между субъектами Российской Федерации, а также о сотрудничестве между субъектами Российской Федерации.

В свою очередь, как считает М. С. Саликов, договорно-правовые источники конституционного права можно разделить на две большие группы: международные договоры и внутригосударственные договоры⁶. При этом последние можно также разделить – на горизонтальные (стороны – субъекты Российской Федерации) и вертикальные (стороны – Российская Федерация и ее субъекты). Таким образом, к горизонтальным договорам относятся договоры о сотрудничестве, о границах между регионами, а также и между теми субъектами федерации, которые образуют «сложносоставной» субъект Российской Федерации. К вертикальным договорам относятся договоры о разграничении предметов ведения и полномочий, а также и о передаче осуществления части полномочий.

Международные договоры в соответствии с ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»⁷ делятся на межгосударственные (заключены от имени Российской Федерации), межправительственные (заключены от имени Правительства Российской Федерации), договоры межведомственного характера (заключены от имени федеральных органов исполнительной власти или уполномоченных организаций). При этом перечень таких органов и организаций не уточняется. Представляется, что межведомственные договоры среди федеральных органов исполнительной власти могут заключать только федеральные министерства, т. к. согласно указу Пре-

¹ См., например: Колесников Е. В. Источники российского конституционного права: вопросы теории и методологии: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2000; Овсянников Ж. И. Источники (формы) российского права: (общетеоретическое и конституционно-правовое исследование). М., 2016; Проблемы науки конституционного права / отв. ред. А. Н. Кокотов, М. И. Кукушкин. Екатеринбург, 1998.

² См., например: Ильиных А. В. Международный договор и источники конституционного права Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006.

³ Зорькин В. Д. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в реализации Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1 (54). С. 34.

⁴ По жалобе гражданина Алексева Романа Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2009 г. № 376-О-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 26. Ст. 3264.

⁵ По делу о проверке конституционности части первой статьи 127 и части первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М. В. Данилова, К. В. Кондакова и других: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 октября 2018 г. № 38-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 45. Ст. 6978.

⁶ См.: Проблемы науки конституционного права / отв. ред. А. Н. Кокотов, М. И. Кукушкин. Екатеринбург, 1998. С. 61.

⁷ О международных договорах Российской Федерации: Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757.

зидента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»¹ федеральные службы и федеральные агентства издают исключительно индивидуальные правовые акты. В связи с этим федеральному законодателю следовало бы внести соответствующие изменения в закон, определив и перечень уполномоченных организаций.

Необходимо отметить, что сегодня в России и иные федеральные органы власти заключают договоры с иностранными государствами. В частности, в настоящее время распространена практика заключения Генеральной прокуратурой Российской Федерации договоров с иностранными органами прокуратуры и юстиции. Однако под действие Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» они не подпадают, т. к. Генеральная прокуратура Российской Федерации хотя и является федеральным органом, но не входит в систему органов исполнительной власти. Следовательно, отнести такие договоры к межведомственным международным договорам Российской Федерации нельзя.

Необходимо отметить, что договоры не всегда носят наименование «договор». Международные договоры могут называться соглашениями, конвенциями, протоколами, декларациями, хартиями и т. д. Внутригосударственные договоры носят наименование «договор» или «соглашение». В связи с этим О. Е. Кутафин договоры этой группы разделял на конституционно-правовые договоры и конституционно-правовые соглашения².

Важно заметить, что сегодня для того, чтобы договоры в качестве источников конституционного права признавались всеми без исключения (и учеными и правоприменителями), необходимо решить ряд проблем, в том числе с их официальным опубликованием. Анализ практики договорно-правового регулирования конституционных правоотношений показал, что далеко не все международные и внутригосударственные договоры публикуются официально для всеобщего сведения ввиду несоблюдения или отсутствия порядка их официального опубликования. В связи с этим представляется необходимым усилить контроль за соблюдением действующего законодательства в части опубликования договоров, а также и устранить имеющиеся пробелы по данному вопросу.

Таким образом, Конституция Российской Федерации ввела в систему источников конституционного права договоры как форму регулирования конституционно-правовых отношений. Договорно-правовые источники конституционного права отличаются

большим видовым разнообразием, могут быть объединены в группы. Договоры, в отличие от законов, обладают большей гибкостью, позволяя наиболее оперативно и эффективно решать различные вопросы. Вместе с тем действующее законодательство по вопросам заключения, выполнения и применения отдельных видов международных и внутригосударственных договоров носит фрагментарный характер, что негативно сказывается на реализации органами государственной власти возможностей по использованию договорно-правовой формы регулирования конституционных правоотношений.

Библиографический список

1. Автономов А. С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран / А. С. Автономов. – М.: ИЦ РИОР: ИНФРА-М, 2012.
2. Алексеев С. С. Государство и право / С. С. Алексеев. – М.: Проспект, 2014.
3. Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. / С. С. Алексеев. – М.: Статут, 2010. – Т. 3.
4. Железнов Б. Л. Федеративный договор 1992 года и современный российский федерализм / Б. Л. Железнов, Р. Х. Губейдуллин // Вестник экономики, права и социологии. – 2011. – № 4. – С. 174–177.
5. Зорькин В. Д. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в реализации Конвенции о защите прав человека и основных свобод / В. Д. Зорькин // Сравнительное конституционное обозрение. – 2006. – № 1 (54). – С. 34–38.
6. Ильиных А. В. Международный договор и источники конституционного права Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Ильиных. – Тюмень, 2006.
7. Колесников Е. В. Источники российского конституционного права: вопросы теории и методологии: дис. ... д-ра юрид. наук / Е. В. Колесников. – Саратов, 2000.
8. Кутафин О. Е. Избранные труды: в 7 т. / О. Е. Кутафин. – М.: Проспект, 2011. – Т. 2.
9. Митюков М. А. Конституция и Федеративный договор: проблемы соотношения (политико-правовые дискуссии мая 1990 – апреля 1992 гг.) / М. А. Колесников // Lex russica (Русский закон). – 2016. – № 3 (112). – С. 91–111.
10. Овсепян Ж. И. Источники (формы) российского права: (общетеоретическое и конституционно-правовое исследование) / Ж. И. Овсепян. – М.: Проспект, 2016.
11. Плюснина О. В. Основные критерии разграничения индивидуальных договоров от договоров нормативного содержания / О. В. Плюснина // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 3. – С. 86–88.
12. Проблемы науки конституционного права / отв. ред. А. Н. Кокотов, М. И. Кукушкин. – Екатеринбург: Изд-во Ур. гос. юрид. акад., 1998.

¹ О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 11. Ст. 945.

² Кутафин О. Е. Избранные труды: в 7 т. М., 2011. Т. 2. С. 144, 176, 247.

13. Советское государственное право / под общ. ред. Н. Я. Куприца. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950.

Bibliograficheskiy spisok

1. Avtonomov A. S. Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnyh stran / A. S. Avtonomov. – М.: IC RIOR: INFRA-M, 2012.

2. Alekseev S. S. Gosudarstvo i pravo / S. S. Alekseev. – М.: Prospekt, 2014.

3. Alekseev S. S. Sobranie sochinenij: v 10 t. / S. S. Alekseev. – М.: Statut, 2010. – Т. 3.

4. ZHeleznov B. L. Federativnyj dogovor 1992 goda i sovremennyy rossijskiy federalizm / B. L. ZHeleznov, R. H. Gubejdullin // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. – 2011. – № 4. – С. 174–177.

5. Zor'kin V. D. Rol' Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii v realizacii Konvencii o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod / V. D. Zor'kin // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. – 2006. – № 1 (54). – С. 34–38.

6. Il'inyh A. V. Mezhdunarodnyj dogovor i istochniki konstitucionnogo prava Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / A. V. Il'inyh. – Tyumen', 2006.

7. Kolesnikov E. V. Istochniki rossijskogo konstitucionnogo prava: voprosy teorii i metodologii: dis. ... d-ra jurid. nauk / E. V. Kolesnikov. – Saratov, 2000.

8. Kutafin O. E. Izbrannye trudy: v 7 t. / O. E. Kutafin. – М.: Prospekt, 2011. – Т. 2.

9. Mityukov M. A. Konstituciya i Federativnyj dogovor: problemy sootnosheniya (politiko-pravovye diskussii maya 1990 – aprelya 1992 gg.) / M. A. Kolesnikov // Lex russica (Russkij zakon). – 2016. – № 3 (112). – С. 91–111.

10. Ovsepyan ZH. I. Istochniki (formy) rossijskogo prava: (obshcheteoreticheskoe i konstitucionno-pravovoe issledovanie) / ZH. I. Ovsepyan. – М.: Prospekt, 2016.

11. Plyusnina O. V. Osnovnye kriterii razgranicheniya individual'nyh dogovorov ot dogovorov normativnogo soderzhaniya / O. V. Plyusnina // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. – 2012. – № 3. – С. 86–88.

12. Problemy nauki konstitucionnogo prava / otv. red. A. N. Kokotov, M. I. Kukushkin. – Ekaterinburg: Izd-vo Ur. gos. jurid. akad., 1998.

13. Sovetskoe gosudarstvennoe pravo / pod obshch. red. N. YA. Kuprica. – М.: Gos. izd-vo jurid. lit., 1950.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ИХ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

УДК 343.72

Право на неприкосновенность частной жизни и право на защиту данных: проблемы соотношения

Кильдеев Рифат Расимович,
Пензенский государственный университет
e-mail: rif-kildeev@yandex.ru.

В статье рассмотрено содержание права на неприкосновенность частной жизни, его основные признаки. Показан процесс появления данного права в российском и зарубежном конституционализме. Показано, что технологический прогресс обуславливает выделение самостоятельного права – права на защиту данных. Представлен анализ зарубежных актов, а также директив Европейского Союза.

Ключевые слова: права человека; неприкосновенность; частная жизнь; защита данных; конституция.

The right to privacy and the right to data protection: balance issues

Kildeev Rifat Rasimovich,
Penza State University

The article examines the content of the right to privacy, its main features. The process of the emergence of this right in Russian and foreign constitutionalism is shown. It is shown that technological progress determines the allocation of an independent right - the right to data protection. The analysis of foreign acts, as well as directives of the European Union is presented.

Key words: human rights; inviolability; privacy; data protection; constitution.

Право на неприкосновенность частной жизни выступает устоявшейся категорией, признанной многими конституциями мира, международно-правовыми актами. Российская Конституция не является здесь исключением, предусматривая указанное право в статье 23, одновременно закрепляя смежные правомочия – право на личную и семейную тайну, тайну переписки и некоторые другие.

Интересен генезис права на неприкосновенность частной жизни в американской доктрине, получившей свое дальнейшее воплощение во многих западноевропейских конституциях. Точкой отсчета считается произведение двух американских юристов Сэмюэла Д. Уоррена и Л. Д. Брандейса «Право на неприкосновенность частной жизни»¹, опубликованное

в журнале Гарвардского университета в 1890 г. Примечательно, что С. Д. Уоррен был однокурсником Л. Брандейса, ставшего впоследствии судьей Верховного Суда США, отличавшегося своими либеральными взглядами. Посыл американских юристов основывался на постоянном развитии права, где реликтовые права, нашедшие свое закрепление в конституциях и иных актах, служат основой для появления новых прав, обусловленных изменениями в социальной жизни. Таким образом, происходило преобразование права на жизнь – от защиты от физического вмешательства до признания психической стороны каждого человека, выраженного в праве «быть оставленным в покое». Мысли, эмоции и ощущения требовали юридического признания, к тому же, как указывали авторы: «Пресса во всех направлениях переступает очевидные рамки приличия».

Данная линия формирования права на неприкосновенность частной жизни поддерживалась во многих странах. Российский ученый И. А. Покровский,

¹ Warren Samuel D., Brandeis Louis D. The Right to Privacy [Электронный ресурс] // Harvard Law Review. 1890. Vol. IV. № 5. Pr. 193–220. URL: <https://louisville.edu/law/library/special-collections/the-louis-d-brandeis-collection/the-right-to-privacy>.

отталкиваясь от исследования актуальных проблем гражданского права, ссылаясь на появление новых субъективных прав: «...на тайну писем, на собственное изображение и т.д. или более общо – о правах на охранение интимной сферы (*“Das Recht auf die eigene Geheimsphäre”*), или на утверждение индивидуальности (*“Das Recht auf Behauptung der Individualität”*)»¹. Здесь следует учитывать особенности влияния на российскую юриспруденцию немецких школ.

Долгое время право на неприкосновенность частной жизни не получало свое нормативное закрепление. Более распространенной стала практика включения в каталог основных прав права на тайну почтовой связи и телефонных переговоров. Статья 128 Конституции СССР 1936 г. закрепляла тайну переписки. Только после Второй мировой войны международные и различные национальные документы расширили объем основных прав и свобод человека и гражданина. Статья 12 Всеобщей Декларации прав человека (принята Генеральной ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) провозгласила запрет на произвольное вмешательство в личную и семейную жизнь, хотя в данном документе ничто не указывает на появление нового права (норма-запрет в большей мере несет в себе характер гарантии). Статья 17 Международного Пакта о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) продолжила традицию, установив: «Никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию». Часть 2 статьи 17 гарантировала соблюдение данного права указанием на «защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств».

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) в статье 8 предусмотрела право каждого на уважение его личной и семейной жизни. В Конституции США идеи Сэмюэла Д. Уоррена и Л. Д. Брандейса нашли свое отражение в практике Верховного Суда США, выделившего *«The Right to Privacy»* из IV Поправки к Конституции США, закрепляющей право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и арестов. Такой подход обусловлен особенностями американской конституционной системы. Текстуально IV Поправка имеет узкое значение (относясь в большей мере к уголовно-процессуальному аспекту защиты личности), но она получила в решениях высшей судебной инстанции Америки расширительное толкование. В 1965 г. судья У. О. Дуглас, основной автор решения по делу «Грисвольд против штата Коннектикут» (*Griswold v. Connecticut*), вывел право на неприкосновенность частной жизни

из IV Поправки, указав, что именно общее право создало «определённые сферы (*“полутени”*) неприкосновенности частной жизни». Право на неприкосновенность личности, как и иные основные права, предусмотренные в первых пяти Поправках к Конституции США, создают эманации для защиты зон приватности: «Неуказанные чётко в Конституции права из сферы «полутеней» охраняют различные аспекты неприкосновенности частной жизни»². В этой части двое судей в Особых мнениях попытались обосновать иную основу для права на неприкосновенность частной жизни (из IX и XIV Поправок). Однако именно позиция У. О. Дугласа нашла свое последующее подтверждение в практике Верховного Суда США³.

Современные конституционные источники сохраняют некоторую противоречивость. Так, в ряде стран отсутствует конституционное закрепление права на неприкосновенность частной жизни (яркий пример – Конституция Франции), в ряде есть указание на тайну почтовой связи и переписки (Конституция Италии и Основной закон ФРГ). Иной момент: европейские страны ориентируются в вопросах защиты прав человека на Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, в особенности на смысл, вкладываемый в ее положения Европейским Судом по правам человека. К тому же особое значение на европейском пространстве принимают директивы Европейского Союза, посвященные различным аспектам правовой жизни граждан стран данного континента.

Есть некоторые разночтения в формулировании права. Выше приводилось указание на Европейскую Конвенцию, где статья 8 предусматривает право на уважение частной жизни. В российской и зарубежной юридической науке анализировалось право на частную жизнь, имеющую весьма широкое понимание⁴. Хотя здесь следует учесть различия в переводе понятия «Privacy», предлагающего два варианта: 1) неприкосновенность частной жизни; 2) частная жизнь. Предлагалось также вернуться к советской модели, где предусматривалось право на охрану личной жизни⁵. Но и в данном случае – «трудности перевода», поскольку происходят на русский текст (официальный перевод) Европейской Конвенции о правах и свободах человека и гражданина, где статья 8 трактуется сквозь право на «уважение личной жизни» (что

¹ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 125.

² Франковски С., Гольдман Р., Лентовска Э. Верховный Суд США о гражданских правах и свободах. Варшава, 1997. С. 36.

³ Van Alstyne W. W. Closing the Circle of Constitutional Review from *Griswold v. Connecticut* to *Roe v. Wade*: An Outline of a Decision Merely Overruling *Roe* // *Duke Law Journal*. 1990. Vol. 1989. № 6. Pp. 1677–1688.

⁴ Цадыкова Э. А. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

⁵ Левицкая Е. А. Проблемы соотношения международных стандартов в сфере охраны личной и семейной жизни с публичным правом России // *Международное публичное и частное право*. 2017. № 6. С. 32–35.

в общем-то не соответствует англоязычному тексту). М. Н. Малеина выделяла совокупность прав, обеспечивающих автономию личности, в которую включались как отдельные правомочия право на тайну частной жизни и право на неприкосновенность частной жизни¹. О. Е. Кутафин определял самостоятельный институт неприкосновенности в конституционном праве, в структуру которого входила неприкосновенность частной жизни². Г. Б. Романовский указывал на ключевое содержание частной жизни, которая и является первичным элементом неприкосновенности³.

Развитие информационных технологий обусловило рост числа различных баз данных. Систематизация, обработка, классификация различных сведений позволяют объединить разрозненные источники информации, представляя единую картину о конкретном лице. Этот процесс происходил практически одновременно с появлением автоматической обработки. Это послужило основанием для появления первых международных актов, посвященных защите конфиденциальности в личной сфере человека и гражданина. Конституции зарубежных стран также оценили потенциальные угрозы, предусмотрев некоторые гарантии. Например, ст. 18 Конституции Республики Македония закрепляет: «Гарантируется надежность и тайна личных данных. Гражданам гарантируется защита от посягательств на неприкосновенность личности и нанесения ущерба от собранной информации и обработанных данных». Тайна личных данных гарантируется ст. 38 Конституции Республики Словения. Есть дополнительные гарантии – запрет их использования в противоречии целям сбора. Защита личных данных предусматривается в ст. 37 Конституции Республики Хорватия. Не является исключением и Российская Конституция, предусмотревшая в ст. 24 запрет на сбор информации о личной жизни гражданина без его согласия.

На европейском уровне произошло быстрое осознание потенциальных угроз системе прав человека и конфиденциальности личной жизни гражданина. Это послужило основанием для разработки и принятия Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (заключена в г. Страсбурге 28 января 1981 г.). Российская Федерация присоединилась к этому международному документу, что подтверждено Федеральным законом от 19 декабря 2005 г. № 160-ФЗ, но с некоторыми оговорками. Применительно к борьбе с терроризмом и иными антигосударственными проявлениями обратим внимание на сделанное государством заявление: Российская Федерация «оставляет за собой право устанавливать ограничения права субъекта персон

альных данных на доступ к персональным данным о себе в целях защиты безопасности государства и общественного порядка».

Европейская практика исходит из того, что правоохранительные органы, осуществлявшие сбор персональных данных, должны ознакомить гражданина с таким фактом после того, как отпала надобность в сборе данных либо уже реализованы цели такого сбора, а уведомление лица не станет препятствием для достижения правоохранительных целей. Рекомендация Комитета министров ЕС, регулирующая использование персональных данных в деятельности полиции (принята 17 сентября 1987 г. № R(87)15), закрепляет, что такое уведомление осуществляется «по возможности». Национальное законодательство ряда стран содержит некоторые исключения, в числе которых обеспечение безопасности государства. Если анализировать законодательство Германии, то такие исключения как раз предусматриваются в нормативных актах, направленных на противодействие терроризму и враждебной деятельности иностранных государств, а именно:

– Закон от 13 августа 1968 г. об ограничении тайны переписки, почтовых отправлений и телекоммуникаций – Gesetz zur Beschränkung des Brief-, Post- und Fernmeldegeheimnisses (Gesetz zu Artikel 10 Grundgesetz, G 10)⁴;

– Закон от 20 декабря 1990 г. о Федеральной службе разведки – Gesetz über den Bundesnachrichtendienst (BND-Gesetz – BNDG)⁵;

– Закон о совместной работе Федерации и земель в вопросах защиты Конституции и о Федеральном ведомстве по охране Конституции (Закон о защите федеральной конституции) – Bundesverfassungsschutzgesetz (BVerfSchG)⁶.

Закон G 10 был обжалован в Европейском Суде по правам человека (хотя обжалование в большей мере носило политический характер, поскольку заявителями выступали лица, которые не подвергались уголовному преследованию или оперативной разработке). Итогом разбирательства в европейской инстанции стало Постановление от 6 сентября 1978 г. «По делу Класс и другие против Германии». В числе самостоятельных претензий выступала необязательность уведомления гражданина о сборе его персональных данных правоохранительными органами. Отчасти их требование было поддержано в Федеральном конституционном суде Германии, допустившим такое уведомление, но при отсутствии противоречия целям расследования: «Если таковое уведомление произошло, то лицо может обратиться в суд с требованием о проверке законности проведенных мероприятий (в порядке административного судопроизводства), а

¹ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2001. С. 153.

² Кутафин О. Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. М., 2004.

³ Романовский Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни в конституциях, законе и юридической науке // Гражданин и право. 2016. № 4. С. 15–27.

⁴ Gesetz zu Artikel 10 Grundgesetz [Электронный ресурс]. URL: https://dejure.org/BGBl/1968/BGBl_I_S_949.

⁵ BNDG [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bndg/BJNR029790990.html>.

⁶ BVerfSchG [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bverfschg/BJNR029700990.html>.

может потребовать взыскания вреда в гражданском судопроизводстве»¹. Европейский Суд по правам человека согласился с мнением Федерального конституционного суда, допустив отсутствие уведомления, признав национальные правила соответствующими базовым принципам защиты прав человека².

Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных не стала закреплять самостоятельное право человека на защиту данных. В преамбуле Конвенции и ст. 1 (определяющей ее предмет и цели) указывается на приверженность соблюдения права на неприкосновенность частной жизни. Защита данных обозначена как гарантия неприкосновенности частной жизни, что нашло свое последующее подтверждение в практике Европейского Суда по правам человека. В частности, в Постановлении от 4 декабря 2008 г. по делу «С. и Марпер (S. and Marper) против Соединенного Королевства» (жалобы № 30562/04, 30566/04) была сделана прямая ссылка на Конвенцию 1981 г. с указанием необходимости закрепления в национальном законодательстве гарантий «эффективной защиты хранящихся персональных данных от ненадлежащего использования и злоупотреблений»³. Гарантии защиты данных рассматриваются и в российской юридической литературе (причем достаточно широко, применительно ко многим информационным ресурсам⁴).

Распространение информационных технологий привело к тому, что многими учеными статус Конвенции 1981 г. оценивается весьма скептически. К. В. Нам признает ее устаревшей и не отвечающей реалиям новых достижений в области техники передачи и обработки данных⁵. Действительно, в рамках Европейского Союза действует Общий регламент защиты персональных данных (General Data Protection Regulation; GDPR⁶), вступивший в силу в 2016 г. Именно этот документ отвечает современному состоянию цифровых технологий, но его применение возможно только в

пределах Евросоюза. Российская Федерация, не являясь участником этой международной организации, не может ни участвовать, ни имплементировать Общий регламент в свою правовую систему.

По-видимому, изменения в цифровом пространстве повлияли на содержание Хартии Европейского Союза об основных правах, закрепившей в статье 8 самостоятельное право на защиту данных (помимо права на уважение частной и семейной жизни, предусмотренного статьей 7). В зарубежной научной литературе такой подход признается прогрессивным и обеспечивающим максимальную защиту от возможных злоупотреблений при работе с личными данными⁷. К тому же специально подчеркивается, что право на защиту данных приобрело межотраслевой характер и получило связи с иными правами: право на свободу выражения мнений, право на безопасность, право на международный обмен⁸. Действительно, в проблеме защиты данных произошла концентрация многих аспектов, получивших в последнее время максимальную актуальность. Перечислим только некоторые из них:

1. Глобализация информационного пространства. В настоящее время максимальное распространение получили облачные технологии, при которых размещение баз данных происходит на удаленных серверах, нередко находящихся на территории иных государств (по отношению к пользователям).

2. Кибербезопасность. Уже сейчас получает активное распространение кибертерроризм. Кстати, во многих странах подобные деяния криминализируются в виде специального состава уголовного преступления (статья 421-2-5-2 Уголовного кодекса Франции, статья 270-quinquies Уголовного кодекса Италии (в редакции 2015 г.), Закон Пакистана 2016 г. о предотвращении электронных преступлений⁹ и др.). Государства, различные компании тратят огромные средства на обеспечение безопасности своих информационных ресурсов, хранящихся на цифровых носителях. Появляется такой вид мошенничества как кража личности (подмена лица в электронном обороте при получении различных финансовых выгод).

3. Монетизация информационных ресурсов. Приведем простой пример – доход блогеров зависит напрямую от числа подписчиков. Точно также владелец электронных площадок, на базе которых происходит информационный обмен, капитализирует свой актив с ростом числа участников. Так, капитализация «Uber Technologies Inc.» (не имеющей в собственности ни одной машины такси) составляет более 100 миллиар-

¹ Романовский Г. Б. Ограничения прав человека в целях противодействия терроризму в Германии // Гражданин и право. 2018. № 3. С. 18–29.

² Безрукова О. В., Капитонова Е. А., Кулешова Г. П. Терроризм, права человека и демократические ценности в России и за рубежом. М., 2019.

³ Информация о постановлении ЕСПЧ от 4 декабря 2008 г. по делу «С. и Марпер (S. and Marper) против Соединенного Королевства» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 4.

⁴ Амелин Р. В. Правовой режим государственных информационных систем: моногр. / под ред. С. Е. Чаннова. М., 2016.

⁵ Нам К. В. Особенности развития правового регулирования оборота и защиты персональных данных // Вестник гражданского права. 2020. № 5. С. 73–89.

⁶ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the Protection of Natural Persons with Regard to the Processing of Personal Data and on the Free Movement of Such Data, and Repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32016R0679>.

⁷ Lynskey O. Deconstructing data protection: the «Added-value» of a right to data protection in the EU legal order // International and Comparative Law Quarterly. 2014. Vol. 63. № 3. Pp. 569–597.

⁸ McCarty-Snead S.S., Hilby A.T. Research Guide to European Data Protection Law // International Journal of Legal Information. 2014. Vol. 42. № 2. Pp. 348–417.

⁹ Prevention of Electronic Crimes Act, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://pcsw.punjab.gov.pk>.

дов долларов США, а капитализация ПАО «Газпром» – около 70 миллиардов долларов США.

Появление нового права – права на защиту данных – поддерживается многими российскими учеными-юристами. Так, А. С. Федосин предлагает собственное видение права на защиту данных, основанное на исключении возможности каких-либо действий с персональными данными без согласия субъекта персональных данных, а также обеспечении возможности субъектов персональных данных контролировать действия операторов обработки с их персональными данными. Автор также выделяет право на конфиденциальность персональных данных, обусловленное, в свою очередь, конституционным правом на защиту персональных данных¹. Автор отчасти использовал логику судей Верховного Суда США, применивших логику эманации общих прав. Н. А. Дмитрик добавляет: «Переход от защиты неприкосновенности частной жизни к защите данных о человеке (персональных данных) обычно обосновывается развитием компьютерных технологий, позволившим обрабатывать большие массивы информации, обогащая ее»².

Таким образом, подведем итоги. История возникновения права на неприкосновенность частной жизни связана с выделением его из устоявшихся на тот исторический момент прав (в частности, права на жизнь). Технический прогресс показывал, что вторжение в интимное пространство личности усиливалось с появлением новых изобретений. Как ответная реакция произошло формулирование права на тайну телефонных переговоров и тайну связи. Сейчас наблюдается схожая ситуация, когда развитие цифровых технологий, глобализация информационного пространства диктуют усиление защитных мер в вопросах обеспечения конфиденциальности. Технические особенности передачи и обработки электронных файлов нередко разрывают связь с их обладателем и субъектом данных, что снижает возможности использования только права на неприкосновенность частной жизни в вопросах эффективной защиты. Именно поэтому в отечественной и зарубежной юридической литературе активно внедряется необходимость появления нового права человека – права на защиту данных, нуждающегося в своем конституционном закреплении и отраслевой конкретизации.

Библиографический список

1. Lyskey O. Deconstructing data protection: the «Added-value» of a right to data protection in the EU legal order / O. Lyskey // *International and Comparative Law Quarterly*. – 2014. – Vol. 63. – № 3. – Pp 569–597.

¹ См.: Федосин А. С. Защита конституционного права человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни при автоматизированной обработке персональных данных в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2009.

² Дмитрик Н. А. История, смысл и перспективы института персональных данных // *Вестник гражданского права*. 2020. № 3. С. 43–82.

2. McCarty-Snead S. S. Research Guide to European Data Protection Law / S. S. McCarty-Snead, A. T. Hilby // *International Journal of Legal Information*. – 2014. – Vol. 42. – № 2. – Pp. 348–417.

3. Van Alstyne W. W. Closing the Circle of Constitutional Review from *Griswold v. Connecticut* to *Roe v. Wade*: An Outline of a Decision Merely Overruling *Roe* / W. W. Van Alstyne // *Duke Law Journal*. – 1990. – Vol. 1989. – № 6. – Pp. 1677–1688.

4. Warren Samuel D. The Right to Privacy [Электронный ресурс] / Samuel D. Warren, Louis D. Brandeis // *Harvard Law Review*. – 1890. – Vol. IV. – № 5. – Pp. 193–220. – URL: <https://louisville.edu/law/library/special-collections/the-louis-d.-brandeis-collection/the-right-to-privacy>.

5. Амелин Р. В. Правовой режим государственных информационных систем: моногр. / Р. В. Амелин; под ред. С. Е. Чаннова. – М.: ГроссМедиа, 2016. – 338 с.

6. Безрукова О. В. Терроризм, права человека и демократические ценности в России и за рубежом / О. В. Безрукова, Е. А. Капитонова, Г. П. Кулешова и др. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 232 с.

7. Дмитрик Н. А. История, смысл и перспективы института персональных данных / Н. А. Дмитрик // *Вестник гражданского права*. – 2020. – № 3. – С. 43–82.

8. Кутафин О. Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации / О. Е. Кутафин. – М.: Юрист, 2004. – 407 с.

9. Левицкая Е. А. Проблемы соотношения международных стандартов в сфере охраны личной и семейной жизни с публичным правом России / Е. А. Левицкая // *Международное публичное и частное право*. – 2017. – № 6. – С. 32–35.

10. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита / М. Н. Малеина. – М.: МЗ Пресс, 2001. – 242 с.

11. Нам К. В. Особенности развития правового регулирования оборота и защиты персональных данных / К. В. Нам // *Вестник гражданского права*. – 2020. – № 5. – С. 73–89.

12. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – М.: Статут, 1998. – 353 с.

13. Романовский Г. Б. Ограничения прав человека в целях противодействия терроризму в Германии / Г. Б. Романовский // *Гражданин и право*. – 2018. – № 3. – С. 18–29.

14. Романовский Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни в конституциях, законе и юридической науке / Г. Б. Романовский // *Гражданин и право*. – 2016. – № 4. – С. 15–27.

15. Федосин А. С. Защита конституционного права человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни при автоматизированной обработке персональных данных в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. С. Федосин. – Саранск, 2009. – 27 с.

16. Франковски С. Верховный Суд США о гражданских правах и свободах / С. Франковски, Р. Гольдман, Э. Лентовска. – Варшава: Бега, 1997. – 254 с.

17. Цадыкова Э.А. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э. А. Цадыкова – М., 2007. – 24 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Lynskey O. Deconstructing data protection: the «Added-value» of a right to data protection in the EU legal order / O. Lynskey // International and Comparative Law Quarterly. – 2014. – Vol. 63. – № 3. – Рр 569–597.

2. McCarty-Snead S. S. Research Guide to European Data Protection Law / S. S. McCarty-Snead, A. T. Hilby // International Journal of Legal Information. – 2014. – Vol. 42. – № 2. – Рр. 348–417.

3. Van Alstyne W. W. Closing the Circle of Constitutional Review from *Griswold v. Connecticut* to *Roe v. Wade*: An Outline of a Decision Merely Overruling *Roe* / W. W. Van Alstyne // Duke Law Journal. – 1990. – Vol. 1989. – № 6. – Рр. 1677–1688.

4. Warren Samuel D. The Right to Privacy [Elektronnyj resurs] / Samuel D. Warren, Louis D. Brandeis // Harvard Law Review. – 1890. – Vol. IV. – № 5. – Рр. 193–220. – URL: <https://louisville.edu/law/library/special-collections/the-louis-d.-brandeis-collection/the-right-to-privacy>.

5. Amelin R. V. Pravovoj rezhim gosudarstvennyh informacionnyh sistem: monogr. / R. V. Amelin; pod red. S. E. CHannova. – М.: GrossMedia, 2016. – 338 с.

6. Bezrukova O. V. Terrorizm, prava cheloveka i demokraticheskie cennosti v Rossii i za rubezhom / O. V. Bezrukova, E. A. Kapitonova, G. P. Kuleshova i dr. – М.: YUritinform, 2019. – 232 с.

7. Dmitrik N. A. Istoriya, smysl i perspektivy instituta personal'nyh dannyh / N. A. Dmitrik // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2020. – № 3. – С. 43–82.

8. Kutafin O. E. Neprikosновенность в конституционном праве Rossijskoj Federacii / O. E. Kutafin. – М.: YUrist", 2004. – 407 с.

9. Levickaya E. A. Problemy sootnosheniya mezhdunarodnyh standartov v sfere ohrany lichnoj i semejnoy zhizni s publichnym pravom Rossii / E. A. Levickaya // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. – 2017. – № 6. – С. 32–35.

10. Maleina M. N. Lichnye neimushchestvennye prava grazhdan: ponyatie, osushchestvlenie, zashchita / M. N. Maleina. – М.: MZ Press, 2001. – 242 с.

11. Nam K. V. Osobennosti razvitiya pravovogo regulirovaniya oborota i zashchity personal'nyh dannyh / K. V. Nam // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2020. – № 5. – С. 73–89.

12. Pokrovskij I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava / I. A. Pokrovskij. – М.: Statut, 1998. – 353 с.

13. Romanovskij G. B. Ogranicheniya prav cheloveka v celyah protivodejstviya terrorizmu v Germanii / G. B. Romanovskij // Grazhdanin i pravo. – 2018. – № 3. – С. 18–29.

14. Romanovskij G. B. Pravo na neprikosновенность chastnoj zhizni v konstituciyah, zakone i yuridicheskoy nauke / G. B. Romanovskij // Grazhdanin i pravo. – 2016. – № 4. – С. 15–27.

15. Fedosin A. S. Zashchita konstitucionnogo prava cheloveka i grazhdanina na neprikosновенность chastnoj zhizni pri avtomatizirovannoj obrabotke personal'nyh dannyh v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / A. S. Fedosin. – Saransk, 2009. – 27 с.

16. Frankovski S. Verhovnyj Sud SSHA o grazhdanskih pravah i svobodah / S. Frankovski, R. Gol'dman, E. Lentovska. – Varshava: Bega, 1997. – 254 с.

17. Cadykova E. A. Konstitucionnoe pravo na neprikosновенность chastnoj zhizni: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / E. A. Cadykova – М., 2007. – 24 с.

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

УДК 343.34

Правовое регулирование и противодействие преступлениям в сфере возврата просроченной задолженности на примере Российской Федерации и некоторых стран Содружества Независимых Государств

Дубов Егор Игоревич,
Нижегородская академия МВД России
e-mail: egordubov1997@yandex.ru

В статье представлен сравнительно-правовой анализ регламентации деятельности по возврату просроченной задолженности на примере Российской Федерации и представителей стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) в лице Республики Беларусь и Республики Казахстан. Автор приводит контрастный пример разного уровня регулирования таких отношений, а также высказывает свои предложения по совершенствованию отечественного законодательства на основании положительного опыта стран ближайшего зарубежья.

Ключевые слова: коллекторская деятельность; возврат просроченной задолженности; сравнительно-правовой анализ; преступление; уголовная ответственность.

Legal regulation and counteraction to crimes in the field of repayment of overdue debts on the example of the Russian Federation and some countries of the Commonwealth of Independent States

Dubov Egor Igorevich,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal
Affairs of Russia

The article presents a comparative legal analysis of the regulation of activities for the return of overdue debts on the example of the Russian Federation and representatives of the Commonwealth of Independent States countries represented by the Republics of Belarus and Kazakhstan. The author gives a contrasting example of different levels of regulation of such relations, and also expresses his proposals for improving domestic legislation based on the positive experience of the countries of the nearest abroad.

Key words: collection activity; repayment of overdue debts; comparative legal analysis; crime; criminal responsibility.

В России деятельность по возврату просроченной задолженности (далее – ВПЗ) является достаточно проблемной сферой. В первую очередь это связано с тем, что данный сектор кредитно-финансовых отношений затрагивает не только экономические взаимоотношения между кредитором и должником, но и вытекающие из этого проблемы социального,

правового, политического и иного характера. Случаи, связанные с использованием со стороны «взыскателей» незаконных способов возврата долгов, анонсируемые как в средствах массовой информации¹,

¹ Чайка взял на контроль дело о поджоге коллектором дома семьи должников // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/492224> (дата обращения: 01.03.2021).

так и официальными лицами правоохранительных органов¹, других представителей государственной власти², повлияли на то, что государство решительно вмешалось в регулирование проблемного института. В 2016 г. был принят федеральный закон о регламентации деятельности, которую чаще всего в нашей стране называют «коллекторская». Несмотря на принятые меры, с каждым годом количество жалоб на нелегальных участников рынка взыскания в нашем государстве становится только больше³. В этой связи автор предпринимает попытку изучения положительного опыта регламентации заявленных отношений, а также противодействия преступным деяниям в данной сфере в некоторых странах ближнего зарубежья, а именно в Республике Беларусь и Республике Казахстан, в целях выработки предложений по совершенствованию отечественного законодательства.

Полагаем, что основным методом научного познания, используемым для достижения поставленной цели исследования, станет сравнительно-правовой анализ. Также в качестве инструментария автор будет обращаться к всеобщему методу научного познания – диалектическому, а также общелогическим методам – анализу и аналогии.

Как справедливо отмечает В. В. Кусакин, проводя сравнительно-правовое исследование по вопросам уголовно-правового противодействия преступлениям в России и некоторых странах СНГ, сравнительно-правовой метод является одним из основных, он позволяет еще больше узнать право собственной страны, характерные черты которого ярко видны при сравнении с зарубежным законодательством⁴.

Автор, изучая доктринальные позиции ученых, занимающихся исследованием зарубежного опыта и противодействия преступлениям в сфере ВПЗ, приходит к выводу, что подобный сравнительно-правовой анализ проводился преимущественно в отношении государств, относящихся к англо-саксонской правовой семье⁵.

Стремление научного сообщества изучить опыт стран англо-саксонской правовой системы вполне объяснимо, ведь сама по себе сфера возврата просроченных долгов зародилась в Соединенных Штатах Америки. Поэтому интерес со стороны ученых-правоведов вполне логичен, ведь познание вопросов, связанных с противодействием преступлениям в сфере коллекторской деятельности, невозможно представить без познания такого опыта в стране, являющейся родоначальником отношений профессионального взыскания. Вместе с тем научная новизна настоящего исследования заключается в попытке автора впервые провести сравнительно-правовое исследование регулирования и уголовно-правового противодействия преступным деяниям в обозначенной сфере в аспекте сопоставления российского законодательства и законодательства некоторых стран СНГ.

Интересным с научной точки зрения является изучение правовой действительности у одного из представителей стран постсоветского пространства в лице Республики Казахстан, где идет активная регламентация исследуемого направления кредитного-финансового сектора. К примеру, в данной стране установлены специальные нормы, предусматривающие ответственность за преступления в сфере коллекторской деятельности.

Совершенно противоположной выглядит ситуация в соседней для нашего государства Республике Беларусь. Близость с Россией выражается не только в общих исторических корнях государств, дружбе народов, но и в проблемах, существующих в обеих странах. В частности, имеющиеся в российском государстве предпосылки, обуславливающие криминализацию сферы возврата долгов, характерны и для Республики Беларусь. Поэтому игнорирование не-

¹ См.: Решение коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29.04.2019 № 2км/2 по вопросу «О проблемах выявления и раскрытия преступлений в финансово-кредитной системе», объявленное приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 04.07.2019 № 447.

² См.: Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О запрете привлечения иных лиц для взаимодействия с должником» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2021).

³ См.: Количество жалоб на черных коллекторов в 2020 году выросло на треть // [Электронный ресурс]. URL: https://pravov.ru/news/229247/?desc_search= (дата обращения: 01.03.2021).

⁴ См.: Кусакин В. В. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за преступления против безопасности дорожного движения: опыт стран СНГ // Вестник ВУиТ. 2018. № 3. С. 21–28.

⁵ См., например: Гусев Д. Н. Коллекторские агентства в Великобритании: история и опыт регулирования // Регламентация банковских операций. Документы и комментарии. 2007.

№ 5. С. 11–15; Зеничев Н. А. Использование незаконных тактик взыскания денежных средств коллекторскими агентствами и методы борьбы с ними в странах англо-саксонской правовой семьи // Baikal Research Journal. 2016. Т.7. № 1. С. 19; Зеничев Н. А. Проблемы соблюдения законодательства в сфере коллекторской деятельности на примере Соединенных Штатов Америки // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 8. С. 44–47; Пыхтин С. В. Принципы добросовестной практики деятельности коллекторских агентств в Великобритании // Международное публичное и частное право. 2015. № 3. С. 33–36; Алексеева Д. Г., Иванов О. М., Пыхтин С. В. Проблемы правового регулирования коллекторской деятельности // Приложение к журналу «Хозяйство и право». 2015. № 4. С. 11–18; Екимов М. В. Коллекторская деятельность в Российской Федерации и США: понятие и правовое регулирование // Право и современные государства. 2012. № 5. С. 34–39; Осипова М. А. Правовое регулирование коллекторской деятельности: Россия и зарубежный опыт // Известия БГУ. 2016. №5. С. 793–799; Цепкова Т. М., Филиппов С. А. Некоторые вопросы исполнительного производства российского и зарубежного законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 2 (97). С. 159–164; Галкина Е. А. Правовое регулирование коллекторской деятельности в Великобритании // Вестник Российского университета кооперации. 2009. № 1 (3). С. 125–127.

обходимости регламентации новых рыночных отношений и вызовов со стороны недобросовестных взыскателей долгов может сильно криминализировать их, что будет отражаться на социальном напряжении, экономике страны и политической ситуации в целом. Предлагаем перейти к анализу правового регулирования каждого из вышеупомянутых государств.

Республика Казахстан. В целом правовое регулирование деятельности по возврату просроченной задолженности в Республике Казахстан (далее – РК) очень схоже с порядком, установленным в Российской Федерации. При этом сценарий вмешательства высших органов государственной власти в части принятия специального закона, призванного упорядочить работу коллекторов, не имеет ничего общего с отечественным. Основными причинами его введения стали не резонансные преступления, выражающиеся в использовании недобросовестными сборщиками долгов противоправных способов взыскания образовавшейся «просрочки». Как отмечает А. М. Рахимова, «взглянув на опыт России, законодатели решили не ждать появления криминала и радикальных методов выбивания долгов, а предпочли выстроить в Республике Казахстане четкую систему взыскания, которая бы работала строго в правовом поле»¹. В этой связи в Республике Казахстане с 2017 г. вступил в законную силу Закон Республики Казахстан от 6 мая 2017 г. № 62-VI «О коллекторской деятельности» (далее – Закон РК № 62-VI)². Схожесть с российским законом заключается в том, что организации, желающие заниматься взысканием просроченных долгов, должны быть зарегистрированы и включены в специальный реестр. Отличие выражается в органе государственного контроля за ведением реестра. В соответствии с Постановлением Правления Агентства РК по регулированию и развитию финансового рынка от 30 марта 2020 г. № 49 «Об утверждении Правил прохождения учетной регистрации и ведения реестра коллекторских агентств» данная функция возложена не на судебных приставов, как в нашей стране, а на Национальный Банк РК – аналогичен Центральному Банку Российской Федерации. Вместе с тем, исходя из самого наименования специализированного нормативно-правового акта РК, в отличие от российского закона, в нем содержится законодательное толкование понятия «коллекторская деятельность». Так, в ст. 1 Закона РК № 62-VI прописано, что это «деятельность коллекторского агентства, направленная на досудебные взыскание и урегулирование задолженности, а также на сбор информации, связанной с задолженностью».

Интересным с точки зрения инновационных внедрений в Республике Казахстан по вопросу контро-

ля за деятельностью по возврату долгов является появление в этом государстве такого института, как частные судебные приставы. Подобная инициатива наблюдается и в нашей стране как среди представителей научного сообщества, так и со стороны государственных органов. Так, например, ФССП России в своем обзоре бюджетных расходов на реализацию собственных полномочий, затрагивая аспект, связанный с оптимизацией своих функций, в том числе за счет поэтапного внедрения элементов частного исполнения судебных решений, приводит в качестве образца опыт именно казахских коллег. Приставы отмечают, что инновационный подход является эффективной мерой по переходу от публично-правового порядка исполнения судебных решений к частно-правовому. По итогу делается вывод о том, что для прагматизации трат бюджетных средств, а также для повышения уровня продуктивности всей системы исполнительного производства стоит рассмотреть возможность появления в нашем государстве частных исполнителей-взыскателей³.

Несмотря на положительные стороны введения частных приставов, существуют факты, подтверждающие существование схемы неправомерного взыскания просроченной задолженности коллекторскими организациями, действующими совместно с частными судебными исполнителями. Так, согласно сведениям Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, многочисленные жалобы на деятельность профессиональных сборщиков долгов и частных судебных приставов позволили выявить следующую противоправную модель взаимодействия: руководители компаний, включенных в «коллекторский реестр», оформляют на аффилированных лиц специальные лицензии, дающие право заниматься частным судебным исполнением, после чего регистрируют организацию под видом негосударственных приставов. Такие юридические лица, в соответствии с национальным законодательством, получают доступ к специальной базе – «Автоматизированной информационной системе органов исполнительного производства», где содержится личная и персональная информация о должниках, их имуществе и прочие сведения, напрямую затрагивающие интересы должников⁴. Помимо незаконно получаемой информации, коллекторы приобретают исключительные полномочия, заключающиеся в возможности исполнения взыскания с помощью ареста, реализации имущества должника, наложения ограничения на выезд, опечатывания имущества и других мер принудительного

¹ Рахимова А. М. Некоторые аспекты осуществления коллекторской деятельности в Казахстане // Вестник Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета. 2018. № 1 (37). С. 48–51.

² Закон Республики Казахстан от 6 мая 2017 г. № 62-VI «О коллекторской деятельности» // Казахстанская правда. 2017. № 88 (28467).

³ Обзор бюджетных расходов на реализацию функций и полномочий Федеральной службы судебных приставов [Электронный ресурс]. URL: <http://budget.gov.ru/epbs/faces/p/Бюджет> (дата обращения: 01.03.2021).

⁴ Коллекторлар мен жеке сот орындаушыларыны ызметін тексеру нәтижелері туралы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Казахстан URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities> (дата обращения: 01.03.2021).

исполнения, предусмотренных в ст. 32 Закона Республики Казахстан от 2 апреля 2010 г. № 261-IV «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей».

Яркий пример закрепления уголовной специальной нормы, предусматривающей ответственность за противоправную коллекторскую деятельность, отражен в УК РК. Легальное толкование понятия «коллекторская деятельность» позволило законодателю включить в две статьи уголовного закона указанную терминологию и тем самым ввести специальные нормы уголовно-правовой охраны в сфере взыскания просроченных долгов. Сравнительное исследование показало, что они схожи с двумя российскими запретами, обозначенными в УК РФ. Статья 214 УК

РК «Незаконное предпринимательство, незаконная банковская, микрофинансовая или коллекторская деятельность» предусматривает уголовно-правовые запреты, выраженные в отечественном уголовном законе как минимум в двух нормах – это ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство» и ст. 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность». При этом мы видим, что казахский законодатель не относит «коллекторскую деятельность» и «микрофинансовую деятельность» ни к предпринимательству, ни к банковской сфере, а, наоборот, разграничивает их.

Еще один уголовный запрет мы бы хотели рассмотреть в виде сравнительной таблицы сопоставления положений уголовного законодательства РФ и РК.

Таблица 1

Сравнительная характеристика уголовного законодательства РФ и РК, предусматривающего ответственность за незаконную коллекторскую деятельность

Уголовный кодекс Республики Казахстан	Уголовный кодекс Российской Федерации
<p>ст. 223 УК РК «Незаконные <i>получение, разглашение или использование</i> сведений, составляющих коммерческую либо банковскую тайну, налоговую тайну, полученную в ходе горизонтального мониторинга, тайну предоставления микрокредита, тайну коллекторской деятельности, а также информации, связанной с легализацией имущества»</p>	<p>ст. 183 УК РФ «Незаконные <i>получение и разглашение</i> сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну»</p> <p>ч. 1 <i>Собирание</i> сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, путем похищения документов, подкупа или угроз, а равно иным незаконным способом.</p> <p>ч. 2 Незаконные <i>разглашение или использование</i> сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, без согласия их владельца лицом, которому она была доверена или стала известна по службе или работе</p>

Исходя из приведенного сравнения, мы наблюдаем схожесть рассмотренных норм. При этом в Республике Казахстан в качестве обособленного предмета преступного посягательства рассматривают такой вид тайны, как «коллекторская». Это легко объясняется положениями, закрепленными в приведенном выше Законе РК № 62-VI, где в ст. 11 раскрывается основное содержание такого вида тайны, а также определяется, что за незаконное разглашение или использование может наступить ответственность, предусмотренная национальным законодательством.

Республика Беларусь. Согласно данным Статистической бюллетени № 1 (247) Национального Банка Республики Беларусь (далее – НБ РБ) можно наблюдать динамику роста объема просроченной задолженности физических лиц перед банками страны. Так, если в начале 2019 г. такой показатель составлял порядка 33 млн белорусских рублей, то на начало 2020 г. он вырос до 35,4 млн¹. В этой связи можно говорить о том, что в Республике Беларусь, как и в России, имеется тенденция увеличения закредитованности населения, что

в конечном итоге сказывается и на показателе образующейся «просрочки» по долговым обязательствам граждан. Так же, как и в России, в белорусском законодательстве отсутствует легальное определение термина «коллекторская деятельность». Вместе с тем в отличие от России здесь не существует никаких нормативно-правовых актов, регулирующих профессиональных сборщиков долгов. При этом нельзя сказать, что взысканием просроченных платежей по кредиту никто не занимается. Неоднозначность в вопросе существования коллекторских организаций в Республике Беларусь объясняется тем, что отсутствие специального закона сокращает формы взаимодействия кредитора и должника до одной единственной. Сущность ее заключается в заключении договора возмездного оказания услуг. В этой связи отечественное понимание коллекторской деятельности как сотрудничества между кредитором и взыскателем посредством агентского договора или договора цессии в Республике Беларусь представить проблематично. Неосуществимость подобной сольватации объясняется тем, что в государстве право на покупки прав требования по долговому обязательству имеют только банковские или иные кредитные организации, под критерии которых белорусские коллекторские компании точно не подходят.

¹ Национальный Банк Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Статистический бюллетень. 2020. № 1(247). URL: https://www.nbrb.by/publications/bulletin/stat_bulletin_2020_01.pdf (дата обращения: 01.03.2021).

Однако отсутствие специализированного законодательства, а вместе с этим и официально зарегистрированных организаций, основная цель которых связана с возвратом просроченных долгов, не исключает наличия преступных деяний в сфере возврата долгов. Противозаконные способы взыскания в Республике Беларусь чаще всего квалифицируются по следующим статьям уголовного законодательства: ст. 208 «Вымогательство», ст. 383 «Самоуправство» и ст. 384 «Принуждение к выполнению обязательств»¹.

Резюмируя все вышеизложенное, нами было сформулированы следующие выводы, основанные на изучении положительного опыта стран ближнего зарубежья:

1. В первую очередь стоит заметить, что Республика Казахстан является ярким примером страны постсоветского пространства, где понятие «коллекторская деятельность» имеет законодательное закрепление. Это обстоятельство свидетельствует о том, что в этом государстве уделяется особое внимание новым общественным отношениям, которые затрагивают и социально-экономическое и политическое направления жизнедеятельности страны в целом. По нашему мнению, подобное вмешательство требуется и в отечественном законодательстве. Зарубежный опыт может служить аргументом в пользу целесообразности введения обозначенной дефиниции в отечественном законодательстве.

2. Придание понятию «коллекторская деятельность» легального характера позволило законодателю РК ввести специальные уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за преступления в сфере возврата просроченных долгов. В этой связи при дальнейшем рассмотрении вопросов, связанных с предложениями по совершенствованию отечественного уголовно-правового механизма противодействия преступлениям в рассматриваемой сфере, аргументация наших выводов может быть подкреплена положительным опытом стран ближнего зарубежья.

3. Интересным с точки зрения криминологического противодействия и предупреждения преступлений в России представляется и новый способ совершения преступлений незаконными взыскателями долгов, а именно преступной схемы, связанной с взаимодействием коллекторов и частных судебных приставов в Республике Казахстан. Учитывая, что в России давно ведутся разговоры о появлении такого института частно-правового характера, использование положительного опыта казахских правоохранителей может быть полезным для будущего противодействия таким преступлениям в Российской Федерации.

4. Изучая опыт Республики Беларусь, можно отметить, что, например, социально-экономических проблем, связанных в первую очередь с высокой закредитованностью населения, достаточно много. В этой

связи, основываясь на опыте России, можно предположить, что игнорирование необходимости регламентации новых отношений и вызовов со стороны недобросовестных взыскателей долгов может сильно криминализировать их, что будет отражаться на социальном напряжении, экономике страны, внутри и внешнеполитической ситуации в целом.

Библиографический список

1. Алексеева Д. Г. Проблемы правового регулирования коллекторской деятельности / Д. Г. Алексеева, О. М. Иванов, С. В. Пыхтин // Приложение к журналу «Хозяйство и право». – 2015. – № 4. – С. 11–18.
2. Галкина Е. А. Правовое регулирование коллекторской деятельности в Великобритании / Е. А. Галкина // Вестник Российского университета кооперации. – 2009. – № 1 (3). – С. 125–127.
3. Гусев Д. Н. Коллекторские агентства в Великобритании: история и опыт регулирования / Д. Н. Гусев // Регламентация банковских операций. Документы и комментарии. – 2007. – № 5. – С. 11–15.
4. Екимов М. В. Коллекторская деятельность в Российской Федерации и США: понятие и правовое регулирование // Право и современные государства. – 2012. – № 5. – С. 34–39.
5. Зеничев Н. А. Проблемы соблюдения законодательства в сфере коллекторской деятельности на примере Соединенных Штатов Америки / Н. А. Зеничев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 8. – С. 44–47.
6. Зеничев Н. А. Использование незаконных тактик взыскания денежных средств коллекторскими агентствами и методы борьбы с ними в странах англо-саксонской правовой семьи / Н. А. Зеничев // Baikal Research Journal. – 2016. – Т. 7. – № 1.
7. Кусакин В. В. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за преступления против безопасности дорожного движения: опыт стран СНГ / В. В. Кусакин // Вестник ВУиТ. – 2018. – № 3. – С. 21–28.
8. Осипова М. А. Правовое регулирование коллекторской деятельности: Россия и зарубежный опыт / М. А. Осипова // Известия БГУ. – 2016. – № 5. – С. 793–799.
9. Пыхтин С. В. Принципы добросовестной практики деятельности коллекторских агентств в Великобритании / С. В. Пыхтин // Международное публичное и частное право. – 2015. – № 3. – С. 33–36.
10. Рахимова А. М. Некоторые аспекты осуществления коллекторской деятельности в Казахстане / А. М. Рахимова // Вестник Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета. – 2018. – № 1 (37). – С. 48–51.
11. Цепкова Т. М. Некоторые вопросы исполнительного производства российского и зарубежного законодательства / Т. М. Цепкова, С. А. Филиппов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 2 (97). – С. 159–164.

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 76. 2/50.

Bibliograficheskij spisok

1. Alekseeva D. G. Problemy pravovogo regulirovaniya kollektorskoj deyatel'nosti / D. G. Alekseeva, O. M. Ivanov, S. V. Pyhtin // Prilozhenie k zhurnalu «Hozyajstvo i pravo». – 2015. – № 4. – S. 11–18.
2. Galkina E. A. Pravovoe regulirovanie kollektorskoj deyatel'nosti v Velikobritanii / E. A. Galkina // Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii. – 2009. – № 1 (3). – S. 125–127.
3. Gusev D. N. Kollektorskie agentstva v Velikobritanii: istoriya i opyt regulirovaniya / D. N. Gusev // Reglamentaciya bankovskih operacij. Dokumenty i kommentarii. – 2007. – № 5. – S. 11–15.
4. Ekimov M. V. Kollektorskaya deyatel'nost' v Rossijskoj Federacii i SSA: ponyatie i pravovoe regulirovanie // Pravo i sovremennye gosudarstva. – 2012. – № 5. – S. 34–39.
5. Zenichev N. A. Problemy soblyudeniya zakonodatel'stva v sfere kollektorskoj deyatel'nosti na primere Soedinennyh SHtatov Ameriki / N. A. Zenichev // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2014. – № 8. – S. 44–47.
6. Zenichev N. A. Ispol'zovanie nezakonnyh taktik vyzskaniya denezhnyh sredstv kollektorskimi agentstvami i metody bor'by s nimi v stranah anglo-saksonskoj pravovoj sem'i / N. A. Zenichev // Baikal Research Journal. – 2016. – T. 7. – № 1.
7. Kusakin V. V. Sravnitel'no-pravovoj analiz ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya protiv bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: opyt stran SNG / V. V. Kusakin // Vestnik VUI. – 2018. – № 3. – S. 21–28.
8. Osipova M. A. Pravovoe regulirovanie kollektorskoj deyatel'nosti: Rossiya i zarubezhnyj opyt / M. A. Osipova // Izvestiya BGU. – 2016. – № 5. – S. 793–799.
9. Pyhtin S. V. Principy dobrosovestnoj praktiki deyatel'nosti kollektorskih agentstv v Velikobritanii / S. V. Pyhtin // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. – 2015. – № 3. – S. 33–36.
10. Rahimova A. M. Nekotorye aspekty osushchestvleniya kollektorskoj deyatel'nosti v Kazahstane / A. M. Rahimova // Vestnik Kazahskogo gumanitarno-yuridicheskogo innovacionnogo universiteta. – 2018. – № 1 (37). – S. 48–51.
11. Cepkova T. M. Nekotorye voprosy ispolnitel'nogo proizvodstva rossijskogo i zarubezhnogo zakonodatel'stva / T. M. Cepkova, S. A. Filippov // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. – 2014. – № 2 (97). – S. 159–164.

Проблемы выявления и предупреждения банкротства организации на ранней стадии

Овчаренко Павел Андреевич,
Уральский промышленно-экономический техникум
e-mail: pavel2579@yandex.ru

Овчаренко Диана Анатольевна,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
e-mail: diana.obozhina@gmail.com

Статья посвящена проблемам выявления и предупреждения банкротства российских компаний. В Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» отсутствует указание о проведении финансового анализа организаций на стадии предупреждения банкротства. Кроме того, при проведении финансового анализа в нормативных актах не урегулирован вопрос обобщения результатов, не решена проблема резких переходов оценки показателей и пороговых значений коэффициентов. Необходимо принять поправки в нормативные акты, направленные на устранение пробелов в законодательстве, в том числе путем проведения обязательного финансового анализа на предмет банкротства с использованием модели Альтмана и обязательного опубликования сведений о его результатах в Едином федеральном реестре сведений о фактах деятельности юридических лиц.

Ключевые слова: финансовый анализ; платежеспособность; предупреждение банкротства; объективное банкротство; текущая ликвидность; модель Альтмана.

Identification and prevention problems early bankruptcy organization

Ovcharenko Pavel Andreevich,
Ural Industrial and Economic College

Ovcharenko Diana Anatolyevna,
Ural Federal University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin

The article is devoted to the problems of identifying and preventing bankruptcy of Russian companies. The Bankruptcy Law does not contain an indication of conducting a financial analysis of organizations at the stage of bankruptcy prevention. In addition, when conducting financial analysis, the issue of generalization of results is not regulated in regulatory acts, the problem of abrupt transitions in the assessment of indicators and threshold values of coefficients is not resolved. It is necessary to adopt amendments to regulations aimed at eliminating gaps in legislation, including by conducting a mandatory financial analysis for bankruptcy using the Altman model and the mandatory publication of information about its results in the Unified Federal Register of Information on the Facts of Activities of Legal Entities.

Key words: financial analysis; solvency; bankruptcy prevention; objective bankruptcy; current liquidity; Altman's model.

В целях предупреждения банкротства компании для руководителей, учредителей, акционеров и иных заинтересованных лиц большое значение имеет ее достоверная бухгалтерская отчетность, по которой

возможно провести своевременный финансовый анализ и оценку активов. Данный анализ позволит принять меры по предупреждению банкротства организации и других негативных последствий, в том чис-

ле субсидиарной ответственности руководителей, учредителей и контролирующих организацию лиц.

Кроме того, в коммерческой деятельности компании с целью отбора для дальнейшего сотрудничества контрагентов также необходима информация, которая позволит снизить возможные убытки от взаимодействия, поэтому своевременный анализ платежеспособности контрагента приобретает большое практическое значение в предпринимательской сфере.

Более того, своевременное проведение финансового анализа компании, позволяет ее руководителю либо собственнику определить вероятность банкротства, принять своевременные меры по предупреждению несостоятельности, например, привлечению финансовой помощи (санации) реструктуризации долга, продажи части имущества, репрофилированию, закрытию убыточных производств и т. д. Кроме того, своевременный финансовый анализ контрагента поможет избежать неоправданных рисков, в том числе, связанных с оспариванием сделок в процедурах банкротства.

В Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ отсутствует указание о проведении финансового анализа для обычных организаций на стадии предупреждения. Кроме того, при проведении финансового анализа в нормативных актах не урегулирован вопрос: как обобщить полученные коэффициенты, решить проблему противоречия коэффициентов? До сих пор остаются проблемными вопросы установления пороговых значений, существуют резкие «переходы» от положительной оценки, когда организация является платежеспособной и финансово устойчивой, к другой, резко отрицательной, когда компания признается банкротом.

С целью устранения данного пробела отечественные и зарубежные специалисты предлагают различные методики финансового анализа. Наиболее популярной является модель Э. Альтмана, которая уже используется для финансового анализа акционерных обществ, акции которых находятся в федеральной собственности. На наш взгляд, модель Альтмана при необходимом урегулировании в нормативных актах может найти успешное применение в практике предупреждения банкротства российских компаний при проверке контрагентов, а также арбитражными управляющими при проведении финансового анализа организаций-должников.

В России исследованию вопросов данной проблематики послужили труды: И. Ю. Беляева, А. Н. Бирюкова, А. В. Варварина, А. А. Докукиной, О. П. Зайцева, Г. Г. Кадыкова, В. В. Ковалева, И. А. Ковалевской, А. В. Колышкина, В. А. Пареной, Г. В. Савицкой, Р. С. Сайфулина и других авторов.

Практическая значимость заключается в том, что

полученные выводы и предложения можно применять при подготовке финансового анализа арбитражным управляющим, при составлении заключений кредиторам, налоговым органам, руководителям и иным заинтересованным лицам.

Банкротство и меры по его предупреждению

Согласно п. 2 ст. 2 Закона о банкротстве несостоятельность (банкротство) – это признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

Таким образом, для несостоятельных организаций из законодательной дефиниции можно выделить несколько признаков банкротства²:

а) неспособность в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по гражданско-правовым денежным обязательствам и (или) по обязательным платежам, а также требования работников и бывших работников о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда;

б) удостоверение факта такой неспособности арбитражным судом.

Кроме того, исторически сложилось, что несостоятельность организации-должника исполнить требования кредиторов исходит из критериев неплатежеспособности и недостаточности имущества (абз. 36 и 37 ст. 2; абз. 6 п. 1 ст. 9; абз. 1 п. 2 ст. 61.2; абз. 1 п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве).

Недостаточность имущества – превышение размера денежных обязательств и обязанностей по уплате обязательных платежей должника над стоимостью имущества (активов) должника (абз. 36 ст. 2 Закона о банкротстве).

Неплатежеспособность – прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств. При этом недостаточность денежных средств предполагается, если не доказано иное (абз. 37 ст. 2 Закона о банкротстве).

Понятие «неплатежеспособность» характеризуется следующими двумя элементами³:

1. Прекращение платежей. При этом размер основной задолженности по гражданско-правовым денежным обязательствам (в том числе по хозяйственным договорам, прочим сделкам) либо из трудовых правоотношений по оплате труда работников или по недоимкам, по налогам и страховым взносам для ор-

¹ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 20.04.2021) (далее – Закон о банкротстве) // Российская газета. 2002. № 209-210.

² См.: Ершов И.В. Банкротство хозяйствующих субъектов. М., 2019. С. 23.

³ См.: Шишмарева Т. П. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и практика его применения: учебное пособие для экзамена по Единой программе подготовки арбитражных управляющих. М., 2015. С. 12.

ганизаций должен быть не менее 300 тыс. руб., а для должника-гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, – не менее 500 тыс. руб. (п. 2 ст. 6, п. 2 ст. 213.3 Закона о банкротстве). Кроме того, подлежащие применению за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства неустойки (штрафы, пени), проценты за просрочку платежа, убытки в виде упущенной выгоды, подлежащие возмещению за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, а также иные имущественные и (или) финансовые санкции, в том числе за неисполнение обязанности по уплате обязательных платежей, не учитываются при определении наличия признаков банкротства должника (п. 2 ст. 4 Закона о банкротстве).

2. Длительный характер неплатежей. Согласно Закону о банкротстве общий срок неисполнения денежных обязательств либо прекращения обязательных платежей, по истечении которого для должника наступают правовые последствия в виде несостоятельности, составляет 3 месяца (п. 2 ст. 3 Закона о банкротстве). Для некоторых должников может быть установлен специальный срок неплатежей, имеющий значение для арбитражного суда при возбуждении дела о банкротстве. Например, в соответствии п. 1 ст. 189.8 Закона о банкротстве для банков этот срок составляет 14 дней, для стратегических организаций – 6 месяцев (п. 3 ст. 190 Закона о банкротстве).

Российское законодательство регулирует ряд процедур, направленных на восстановление платежеспособности организаций, применяемых уже на стадии банкротства должника, – финансовое оздоровление, внешнее управление. Однако законодатель не ставит главной целью ликвидацию организации-банкрота и распродажу его активов в целях удовлетворения требований кредиторов и государства. С точки зрения развития партнёрства государства и частного бизнеса остаётся приоритетным направление по предотвращению негативных последствий в виде банкротства компаний, а также экономических потерь в виде убытков для кредиторов. Поэтому досудебное восстановление нормальной хозяйственной деятельности предприятия дает возможность не допустить ее ликвидацию в ходе конкурсного производства и субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц.

Данные мероприятия именуются в законодательстве мерами по предупреждению банкротства, осуществляются заинтересованными лицами либо иными лицами и регулируются гл. III Закона о банкротстве. Законодательством не устанавливаются ограничения в применении мер по предупреждению банкротства предприятий-должников.

Предупреждение банкротства предприятия может включать следующие мероприятия: санацию (финансовую помощь), продажу части активов, репрофилирование производства, реструктуризацию задолженности компании, взыскание дебиторской задолженности.

Меры по предупреждению банкротства определяются заинтересованными лицами исходя из анализа финансового положения должника, экономических возможностей и с учетом норм гражданского и корпоративного законодательства. При этом меры, направленные на восстановление платежеспособности должника, могут быть также приняты кредиторами или иными лицами на основании гражданско-правового соглашения с должником (п. 3 ст. 30 Закона о банкротстве).

Стоит отметить, что если платежеспособность организации не восстановлена, то у руководителя либо собственника возникает обязанность обратиться в суд с заявлением о банкротстве (ст. 9 Закона о банкротстве).

Неисполнение руководителем юридического лица данной обязанности влечет привлечение к административной ответственности (п. 5 ст. 14.13 КоАП РФ). В случае непринятия предупредительных мер руководителем, участниками и иными контролирующими должника лица несут риск быть привлечены к субсидиарной ответственности (глава III.2 Закона о банкротстве).

Стоит отметить, что при наличии обстоятельств и оснований любой кредитор или уполномоченный орган вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом, независимо от того, принимает должник меры по предупреждению банкротства или нет. В целом обращение в суд с заявлением кредитора влечет негативные последствия для должника, даже в случае принятия им самостоятельных мер, направленных на предупреждение банкротства (например, он вряд ли сможет получить отсрочку по уплате долга на период санации). Право кредитора на обращение в суд с заявлением о признании должника банкротом может быть ограничено лишь в рамках соглашения с должником, когда кредитор участвует в мерах по предупреждению банкротства и восстановлению его платежеспособности.

Экономические критерии банкротства

В настоящее время оценка эффективности деятельности российских компаний невозможна без анализа их экономических показателей (в том числе с целью предупреждения банкротства предприятия). Важными экономическими критериями признаков банкротства являются сведения бухгалтерской (финансовой) отчетности организации, которые в том числе должны быть своевременно представлены учредителям, участникам, акционерам компании для принятия мер по предупреждению банкротства организации.

Согласно п. 1 ст. 13 Федерального закона о бухгалтерском учете, бухгалтерская (финансовая) отчетность должна давать достоверное представление о финансовом положении экономического субъекта на отчетную дату, финансовом результате его деятельности и движении денежных средств за отчетный период, необходимое пользователям этой отчетности для принятия экономических решений.

Стоит отметить, что в соответствии с Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 444-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О бухгалтерском учете”» лицо вправе обратиться с запросом и получить бухгалтерскую отчетность практически любой компании в ФНС России либо посмотреть ее на сайте ФНС «Прозрачный бизнес».

Нами была проанализирована финансовая отчетность некоторых крупных компаний-должников, которая была рассмотрена с позиции следующих подзаконных актов:

1. Постановление Правительства РФ от 25 июня 2003 г. № 367

«Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа».

2. Приказ Минэкономразвития РФ от 21 апреля 2006 г. № 104 «Об утверждении Методики проведения Федеральной налоговой службой учета и анализа финансового состояния и платежеспособности стратегических предприятий и организаций».

3. Приказ Минфина России от 28 августа 2014 г. № 84н (ред. от 21.02.2018) «Об утверждении Порядка определения стоимости чистых активов».

4. Приказ Росимущества от 30 декабря 2014 г. № 530 «Об утверждении Методических рекомендаций по ежеквартальному мониторингу деятельности управляющих компаний, которым переданы функции единоличных исполнительных органов акционерных обществ, акции которых находятся в федеральной собственности и которые не включены в специальный перечень, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 января 2003 г. N 91-р».

5. Приказ Минэкономразвития России от 26 июня 2019 г. № 382 «Об утверждении Методики проведения анализа финансового состояния заинтересованного лица в целях установления угрозы возникновения признаков его несостоятельности (банкротства) в случае единовременной уплаты этим лицом налога и о признании утратившим силу приказа Минэкономразвития России от 18 апреля 2011 г. № 175».

Наряду с методиками, изложенными в нормативных актах, вероятность банкротства была рассмотрена при помощи зарубежной модели Альтмана, которая уже стала использоваться для анализа финансового состояния предприятий с крупным государственным участием.

Кроме того, при определении признаков банкротства необходимо принимать правовую позицию, изложенную п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53, где сказано, что **объективное банкротство** – это момент, в который должник стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе по уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов.

Недостаточность имущества (объективное банкротство) – один из важнейших критериев несостоятельности организации-должника.

Для установления момента объективного банкротства необходимо определить **стоимость чистых активов организации**.

Расчет чистых активов. Стоимость чистых активов – важнейший из показателей в российской практике с точки зрения анализа финансовой отчетности компании. Порядок определения стоимости чистых активов утвержден приказом Минфина РФ от 28 августа 2014 г. № 84н для различных юридических лиц – хозяйственных обществ, государственных и муниципальных унитарных предприятий, производственных кооперативов, жилищных накопительных кооперативов, хозяйственных партнерств, за исключением кредитных организаций и акционерных инвестиционных фондов. Чистые активы определяются как разность между величиной принимаемых к расчету активов организации и величиной принимаемых к расчету обязательств организации. Величина чистых активов представляет собой разницу между стоимостью всех средств организации (имущества, земли, денежных средств и т. д.) и суммой всех ее обязательств (задолженности по уплате налогов и платежей в бюджет, кредитов и т. п.). Объекты бухгалтерского учета на забалансовых счетах при определении стоимости чистых активов к расчету не принимаются.

Чистые активы – это величина, определяемая путем вычитания из суммы активов организации, принимаемых к расчету, суммы ее обязательств, принимаемых к расчету¹.

Размер чистых активов предприятия должен превышать размер его уставного капитала.

Когда стоимость чистых активов предприятия по окончании финансового года меньше размера уставного капитала, установленного законодательством либо собранием его участников (учредителей), тогда заинтересованным лицам (руководителям, учредителям, участникам) необходимо:

1) уменьшить уставный капитал до размера, допустимого законом;

2) рассмотреть вопрос о ликвидации организации;

3) если размер чистых активов отрицательный на сумму свыше 300 000 руб., тогда возникает обязанность руководителя должника обратиться в арбитражный суд с заявлением о банкротстве.

Формула расчета чистых активов:

Чистые активы = (Активы баланса – задолженность учредителей) – (Долгосрочные обязательства + Краткосрочные обязательства – Доходы будущих периодов).

В практической деятельности при финансовом анализе компаний используется более простая формула расчета чистых активов (без учета задолженности учредителей).

¹ См.: Кондраков Н. П. Бухгалтерский (финансовый, управленческий учет). М., 2018. С. 76.

Таблица 1

Расчет чистых активов компаний-должников в преддверии банкротства

Ком- пании	За 1 год, предшествовавший банкротству	За 2 года, предшествовавшие банкротству
1	1 028 тыс. руб.	1 035 тыс. руб.
2	276 131 тыс. руб.	848 055 тыс. руб.
3	169 657 тыс. руб.	167 810 тыс. руб.
4	1 265 тыс. руб.	35 772 тыс. руб.
5	450 790 тыс. руб.	476 234 тыс. руб.

В нашем случае в период, предшествовавший банкротству, у рассматриваемых организаций отсутствовал признак объективного банкротства, что с практической точки зрения, при проведении только расчета чистых активов данных компаний при заключении с ними сделок, чревато различными рисками, в том числе по основаниям ст. 61.2 и ст. 61.3 Закона о банкротстве.

Анализ финансового состояния должника предусмотрен ст. 70 Закона о банкротстве. Важным нормативным актом, устанавливающим правила его проведения, является постановление Правительства РФ от 25 июня 2003 г. № 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа». В данном документе определен порядок проведения экономического анализа, принципы, методы и условия, необходимые для его проведения, указаны цели, которые должны быть достигнуты в результате проведенного исследования, в том числе о вероятности восстановления платежеспособности организации. Руководители, участники, акционеры, менеджеры часто используют данные методики для проведения анализа на предмет выявления признаков банкротства организаций, в том числе для принятия управленческих решений для предупреждения банкротства или в предпринимательской сфере при анализе платежеспособности контрагентов.

Согласно данным методикам наиболее важными показателями, позволяющими оперативно определить критерий (не) платежеспособности организации, являются коэффициенты текущей ликвидности и платежеспособности по текущим обязательствам.

Коэффициент текущей ликвидности характеризует обеспеченность организации оборотными средствами для ведения хозяйственной деятельности и своевременного погашения обязательств и определяется как отношение ликвидных активов к текущим обязательствам организации.

Данный коэффициент важен тем, что указывает, сможет ли компания рассчитаться по текущим обязательствам и при этом сохранить внеоборотные активы для возобновления деятельности при нормализации ситуации.

Формула расчета коэффициента текущей ликвидности:

$\text{Клт} = \frac{\text{Оборотные активы}}{\text{Краткосрочные обязательства}}$

При оценке платежеспособности организации считается допустимым коэффициент текущей ликвидности в пределах от 1–2,5, в зависимости от сферы ее деятельности. Значение коэффициента меньше 1 указывает, что структура баланса является неудовлетворительной, а организация – неплатежеспособной. Коэффициент, указывающий на превышение оборотных активов над краткосрочными обязательствами, также нежелателен, т. к. указывает на неэффективное использование своих активов¹.

Таблица 2

Расчет коэффициентов текущей ликвидности компаний-должников в преддверии банкротства

Ком- пании	За 1 год, предшествовавший банкротству	За 2 года, предшествовавшие банкротству
1	1,1	1,02
2	1,1	1,2
3	1,2	2
4	1,3	1,4
5	0,75	2,29

В нашем случае практически все коэффициенты текущей ликвидности указывают, что у данных компаний оборотных средств было достаточно, чтобы покрыть свои краткосрочные обязательства перед кредиторами.

Степень платежеспособности по текущим обязательствам определяет текущую платежеспособность организации, объемы ее краткосрочных заемных средств и период возможного погашения организацией текущей задолженности перед кредиторами за счет выручки. Рассчитывается как отношение текущих обязательств компании к величине среднемесячной выручки².

Формула расчета степени платежеспособности по текущим обязательствам:

$\text{СПто} = \frac{\text{Краткосрочные обязательства}}{\text{Среднемесячная выручка}}$

Согласно сложившимся правилам проведения финансового анализа, высокий коэффициент указывает на низкую платежеспособность организации, и, наоборот, небольшое значение указывает на высокую вероятность погашать краткосрочные обязательства перед кредиторами за счет выручки в установленные сроки. Значение степени платежеспособности по текущим обязательствам от нуля до трех месяцев указывает, что организация способна погашать задолженность перед контрагентами в сроки, но если коэффициент превышает три месяца, то это указывает на признак несостоятельности в виде длящегося характера прекращения платежей.

¹ См.: Кондраков Н.П. Указ. соч.

² Екимова К. В., Шубина Т. В. Финансы организаций (предприятий): учеб. М., 2013, С. 179.

Таблица 3

**Расчет коэффициентов степени
платежеспособности по текущим
обязательствам компаний-должников в
преддверии банкротства**

Ком- пании	За 1 год, предшество- вавший банкротству	За 2 года, предшество- вавшие банкротству
1	50 мес.	6 мес.
2	8 мес.	8 мес.
3	11 мес.	5 мес.
4	2 мес.	1 мес.
5	1 139 мес.	2 657 мес.

В нашем случае, практически всем организациям был необходим длительный срок (а у некоторых – сверх сроки), чтобы покрыть текущие обязательства перед кредиторами. На наш взгляд, полученный результат может быть вызван тем, что данный показатель не учитывает специфику деятельности компаний. Например, строительным организациям необходимо постоянное привлечение денежных средств, а объём выручки зависит от конкретных сроков сдачи в эксплуатацию объектов капитального строительства.

Согласно проведенному финансовому анализу предприятий также были выявлены следующие противоречивые факты: с одной стороны указывающие на отсутствие признаков объективного банкротства (активы покрывают обязательства), а с другой – выявляющие признаки неплатежеспособности организаций, которые при определенных условиях также могут иметь противоречивую оценку, в частности коэффициенты платежеспособности по текущим обязательствам противоречат коэффициентам текущей ликвидности.

Стоит отметить, что ряд российских методик, в том числе Правила проведения финансового анализа, утвержденные постановлением Правительства РФ от 25 июня 2003 г. № 367, не имеют установленных нормативных значений. Только степень платежеспособности по текущим обязательствам, имеет правовое значение в размере меньшем или равном 3 месяцам, что регламентировано положениями п. 2 ст. 3 Закона о банкротстве.

Однако в постановлении Правительства РФ не поясняется, как обобщить результаты анализа, проведенного по большому массиву показателей и коэффициентов.

Существует проблема оценки арбитражным судом финансового анализа в качестве доказательства по делу о банкротстве при разрешении вопроса о целесообразности признания должника банкротом. Суды практически не исследуют данное доказательство по делу, ограничиваясь решением собрания кредиторов, что чаще всего ведет к признанию организации банкротом, конкурсному производству и последующей ее ликвидации.

В настоящее время существует ряд методик, предложенных отечественными (О. Г. Савицкой¹) и зарубежными специалистами, с помощью которых оценивается вероятность банкротства предприятий. Модели отличаются друг от друга в зависимости от целей и задач анализа, информационной базы, исходных данных бухгалтерского и финансового учета, очередности поставленных аналитических и управленческих задач².

Самые ранние исследования (E. Altman³, W. Beaver⁴) по проблематике финансового анализа в США и Западной Европе в целях предупреждения банкротства компаний относятся ко второй половине 1960-х гг.

Модель Альтмана

Данная модель – одна из самых популярных методик прогнозирования вероятности банкротства компании, которая существует в различных вариантах. Данная методика позволяет разделить предприятия на вероятных должников-банкротов и организации, банкротство которым не угрожает.

В 1983 г. Альтманом была обнародована модель для закрытых фирм, в которой коэффициент финансирования оценивался по данным финансовой отчетности, что не ограничивало сферы ее применения исключительно публичными компаниями⁵.

Главным преимуществом модели Альтмана в прогнозировании несостоятельности компании является большая точность – до 90,9 % за год до признания банкротом. При этом классическая пятифакторная Z-модель представляет один из основных методов оценки вероятности банкротства компаний и широко используется в США и странах ЕС.

Формула расчета коэффициента Z по пятифакторной модели Альтмана:

$$Z = 0,717 \cdot X_1 + 0,847 \cdot X_2 + 3,107 \cdot X_3 + 0,42 \cdot X_4 + 0,998 \cdot X_5$$

Оценка коэффициента Z по пятифакторной модели Альтмана:

Если $Z > 2,9$ – зона финансовой устойчивости («зеленая» зона).

¹ См.: Савицкая Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятий АПК [Электронный ресурс]: учеб. М., 2019.

² См.: Попов В. Б., Кадыров Э. Ш. Анализ моделей прогнозирования вероятности банкротства предприятий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2014. Т. 1. № 27 (66). С. 118–128; Власова И. А., Докукина А. А. Сравнительный анализ моделей прогнозирования банкротства предприятий в российских условиях // Актуальные вопросы современной науки. 2016. № 46. С. 168–175.

³ См.: Altman E. I. Financial ratios, discriminant analysis, and the prediction of corporate bankruptcy // The Journal of Finance. 1968. September. PP. 589–609.

⁴ См.: Beaver W. H. Financial ratios as predictors of failure // Journal of Accounting Research. Vol. 4. Empirical Research in Accounting: Selected Studies. 1966. P. 71–111.

⁵ См.: Altman E. I. Corporate Financial Distress. A Complete Guide to Predicting, Avoiding, and Dealing with Bankruptcy. Wiley-Interscience, John Wiley and Sons, 1983.

Если $1,23 < Z < 2,9$ – зона неопределенности («серая» зона).

Если $Z < 1,23$ – зона финансового риска («красная» зона).

Стоит отметить, что в соответствии с приказом Росимущества от 30 декабря 2014 г. № 530 «Об утверждении Методических рекомендаций по ежеквартальному мониторингу деятельности управляющих компаний, которым переданы функции единоличных исполнительных органов акционерных обществ, акции которых находятся в федеральной собственности и которые не включены в специальный перечень, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 января 2003 г. № 91-р» данная модель Альтмана была рекомендована российским акционерным обществам с государственным уча-

стием, акции которых находятся в федеральной собственности, в целях мониторинга предупреждения банкротства.

Кроме того, классическая пятифакторная модель Альтмана стала использоваться в России для дополнений при проведении финансового анализа, осуществляемого в соответствии постановлением Правительства РФ от 25 июня 2003 г. № 367, например: постановление Девятого ААС от 6 мая 2020 г. № 09АП-3959/20 по делу № А40-129950/2015; постановление Седьмого ААС от 28 марта 2018 г. № 07АП-11146/16 по делу № А03-7852/2016; постановление Двадцатого ААС от 4 августа 2016 г. № 20АП-2865/16, по делу № А54-3901/2013; постановление АС Московского округа от 30 декабря 2014 г. № Ф05-20/2012 по делу № А40-3459/2011.

Таблица 4

Формула расчетов коэффициентов X1, X2, X3, X4, X5

Коэффициенты	Формула расчета	Расчет по РСБУ	Расчет по МСФО
X1	X1 = Оборотный капитал / Активы	стр. 1200-стр.1500/ стр.1600	Working Capital / Total Assets
X2	X2= Чистая прибыль / Активы	стр. 2400 / стр. 1600	Retained Earnings / Total Assets
X3	X3 = Прибыль до налогообложения / Активы	стр. 2300 / стр. 1600	EBIT / Total Assets
X4	X4 = Капитал / Обязательства	стр.1300 / (стр. 1400+стр. 1500)	Value of Equity / Book
X5	X5 = Выручка / Активы	стр. 2110 / стр. 1600	Sales / Total Assets

Рассчитаем коэффициент Z должников, используя пятифакторную модель Альтмана: $Z = 0.717 \cdot X1 + 0.847 \cdot X2 + 3.107 \cdot X3 + 0.42 \cdot X4 + 0.998 \cdot X5$

Таблица 5

Расчет показателей Z компаний-должников в преддверии банкротства

Компания	За 1 год, предшествовавший банкротству	За 2 года, предшествовавшие банкротству
1	$0,3 < 1,23$ компания в зоне финансового риска («красная» зона)	$1,23 < 2,03 < 2,9$ компания в зоне неопределенности («серая» зона)
2	$0,1 < 1,23$ компания в зоне финансового риска («красная» зона)	$1,23 < 1,36 < 2,9$ компания в зоне неопределенности («серая» зона)
3	$0,3 < 1,23$ компания в зоне финансового риска («красная» зона)	$1,23 < 1,6 < 2,9$ компания в зоне неопределенности («серая» зона)
4	$1,23 < 2,34 < 2,9$ компания в зоне неопределенности («серая» зона)	$3.03 > 2,9$ компания в зоне финансовой устойчивости («зеленая» зона)
5	$0.084 < 1,23$ зона финансового риска («красная» зона). Банкротство	$0.339 < 1,23$ зона финансового риска («красная» зона). Банкротство

На наш взгляд, преимущество расчетов показателей Z заключается в том, что обобщает показатели и коэффициенты, отражает различные аспекты деятельности предприятия, в том числе в динамике прогнозирования, разрешает проблему противоречий коэффициентов.

Выводы

Преимуществом модели Альтмана является ее гибкость и возможность на основании анализа финансовой отчетности заблаговременно обнаружить, что компания находится в «серой зоне» (за 1 год), информировать собственников, учредителей, акци-

онеров на предмет будущего банкротства предприятия и необходимости принятия мер, направленных на предупреждение несостоятельности: санации, модернизации предприятия, репрофилирования производства, повышения квалификации персонала, изменения системы управления организации, дополнительного выпуска акций, увеличения размера уставного капитала за счет взносов учредителей или третьих лиц и прочее.

Применение модели Альтмана в целях диагностики банкротства, дает дополнительный положительный эффект при использовании наряду с коэффициентами финансового анализа, указанными в постановлении Правительства РФ от 25 июня 2003 г. № 367, т. к. позволяет увидеть оценку финансовой устойчивости компании с точки зрения трех разных показателей («зеленая», «серая» и «красная» зона).

Модель Альтмана также устраняет проблемные вопросы резких «переходов» от положительной оценки, когда организация является платежеспособной, до резко отрицательной, когда компания признается банкротом.

На наш взгляд, использование модели Альтмана позволяет устранить такой серьезный пробел в постановлении Правительства РФ, как обобщении результатов финансового анализа, проведенного по большому массиву показателей и коэффициентов, представление на обозрение конкурсным кредиторами.

Также использование данной модели возможно в целях проверки контрагентов при заключении договоров, что позволит снизить возможные убытки от неисполнения обязательств. Более того, позволит компании в налоговых спорах с ФНС доказывать свою должную осмотрительность и осторожность на момент заключения сделок с контрагентами.

Полагаем, что в целях предупреждения банкротства компании, в том числе при ведении переговоров с кредиторами либо при переговорах о финансовой помощи третьих лиц, целесообразно дополнительно проводить анализ финансовой отчетности с использованием модели Альтмана.

Кроме того, в настоящее время суды практически не исследуют финансовый анализ в качестве доказательства по делу, ограничиваясь решением собрания кредиторов, что чаще всего ведет к признанию организации банкротом, конкурсному производству и последующей ее ликвидации. На наш взгляд, диагностика банкротства с использованием данной модели позволит снизить актуальность проблемы оценки арбитражными судами финансового анализа в качестве доказательства по делу о банкротстве, в том числе при разрешении вопроса о целесообразности признания должника банкротом и введении процедуры конкурсного производства.

Считаем, что необходимо принять *поправки* в правовые акты, направленные на устранение пробелов в законодательстве, в том числе путем проведения обязательного финансового анализа на предмет

банкротства с использованием данной методики на стадии предупреждения банкротства либо в процессе реорганизации, ликвидации организаций и в соответствии Законом о банкротстве, Федеральным законом о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, обязать публиковать результаты данного анализа в Едином федеральном реестре о фактах деятельности юридических лиц (ЕФРСФДЮЛ).

Кроме того, необходимо закрепить использование модели Альтмана в правовых актах, регламентирующих проведение финансового анализа при банкротстве, путем внесения поправок в постановление Правительства РФ от 25 мая 2003 г. № 367.

Библиографический список

1. Altman E. I. Corporate Financial Distress. A Complete Guide to Predicting, Avoiding, and Dealing with Bankruptcy / E. I. Altman. Wiley-Interscience, John Wiley and Sons, 1983.
2. Altman E. I. Financial ratios, discriminant analysis, and the prediction of corporate bankruptcy / E. I. Altman // The Journal of Finance. – 1968. – September. – PP. 589–609.
3. Beaver W. H. Financial ratios as predictors of failure / W. H. Beaver // Journal of Accounting Research. – Vol. 4. Empirical Research in Accounting: Selected Studies. – 1966. – PP. 71–111.
4. Власова И. А. Сравнительный анализ моделей прогнозирования банкротства предприятий в российских условиях / И. А. Власова, А. А. Доукина // Актуальные вопросы современной науки. – 2016. – № 46. – С. 168–175.
5. Егорова И. С. Особенности анализа показателей финансово-хозяйственной деятельности экономического субъекта в рамках обязательного аудита // Аудитор. – 2018. – № 1. – С. 36 – 43.
6. Екимова К. В. Финансы организаций (предприятий): учеб. / К. В. Екимова, Т. В. Шубина. – М.: ИНФРА-М, 2013.
7. Ершов И. В. Банкротство хозяйствующих субъектов / И. В. Ершов. – М.: Проспект, 2019.
8. Кондраков Н. П. Бухгалтерский (финансовый, управленческий учет) / Н. П. Кондраков. – М.: Изд-во Проспект, 2018.
9. Попов В. Б., Кадыров Э. Ш. Анализ моделей прогнозирования вероятности банкротства предприятий / В. Б. Попов, Э. Ш. Кадыров // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. – 2014. – Т. 1. – № 27 (66). – С. 118–128.
10. Пучкова С. И. Анализ финансовой устойчивости компаний на основе моделей прогнозирования банкротства / С. И. Пучкова, Ю. Д. Сотнева, М. А. Семенова // Аудитор. – 2020. – № 3. – С. 46–53.
11. Савицкая Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятий АПК [Электронный ресурс]: учеб. / Г. В. Савицкая. – 8-е изд., испр. – М.: Инфра-М, 2019.

12. Шишмарева Т. П. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и практика его применения: учебное пособие для экзамена по Единой программе подготовки арбитражных управляющих / Т. П. Шишмарева. – М.: Статут, 2015.

Bibliograficheskij spisok

1. Altman E. I. Corporate Financial Distress. A Complete Guide to Predicting, Avoiding, and Dealing with Bankruptcy / E. I. Altman. Wiley-Interscience, John Wiley and Sons, 1983.

2. Altman E. I. Financial ratios, discriminant analysis, and the prediction of corporate bankruptcy / E. I. Altman // The Journal of Finance. – 1968. – September. – RR. 589–609.

3. Beaver W. H. Financial ratios as predictors of failure / W. H. Beaver // Journal of Accounting Research. – Vol. 4. Empirical Research in Accounting: Selected Studies. – 1966. – PR. 71–111.

4. Vlasova I. A. Sravnitel'nyj analiz modelej prognozirovaniya bankrotstva predpriyatij v rossijskikh usloviyah / I. A. Vlasova, A. A. Dokukina // Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki. – 2016. – № 46. – S. 168–175.

5. Egorova I. S. Osobennosti analiza pokazatelej finansovo-hozyajstvennoj deyatel'nosti ekonomicheskogo sub'ekta v ramkah obyazatel'nogo audita // Auditor. – 2018. – № 1. – S. 36 – 43.

6. Ekimova K. V. Finansy organizacij (predpriyatij): ucheb. / K. V. Ekimova, T. V. SHubina. – M.: INFRA-M, 2013.

7. Ershov I. V. Bankrotstvo hozyajstvuyushchih sub'ektov / I. V. Ershov. – M.: Prospekt, 2019.

8. Kondrakov N. P. Buhgalterskij (finansovyy, upravlencheskij uchet) / N. P. Kondrakov. – M.: Izd-vo Prospekt, 2018.

9. Popov V. B., Kadyrov E. SH. Analiz modelej prognozirovaniya veroyatnosti bankrotstva predpriyatij / V. B. Popov, E. SH. Kadyrov // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie. – 2014. – T. 1. – № 27 (66). – S. 118–128.

10. Puchkova S. I. Analiz finansovoj ustojchivosti kompanij na osnove modelej prognozirovaniya bankrotstva / S. I. Puchkova, YU. D. Sotneva, M. A. Semenova // Auditor. – 2020. – № 3. – S. 46–53.

11. Savickaya G. V. Analiz hozyajstvennoj deyatel'nosti predpriyatij APK [Elektronnyj resurs]: ucheb. / G. V. Savickaya. – 8-e izd., ispr. – M.: Infra-M, 2019.

12. SHishmareva T. P. Federal'nyj zakon «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» i praktika ego primeneniya: uchebnoe posobie dlya ekzamena po Edinoj programme podgotovki arbitraznyh upravlyayushchih / T. P. SHishmareva. – M.: Statut, 2015.

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА

УДК 343.9

Об основных направлениях деятельности в сфере профилактики немедицинского потребления наркотиков на территории Свердловской области

Алимпиев Сергей Александрович,
Уральский государственный экономический
университет, кандидат юридических наук, доцент
e-mail: Alimpuss@mail.ru

В статье исследуются основные направления деятельности субъектов профилактики немедицинского потребления наркотиков на территории Свердловской области. Дается анализ, оценка и динамика результатов такой деятельности органов образования, воспитания и науки, физической культуры, спорта и туризма, молодежной политики, культуры области.

Ключевые слова: наркотические средства; психотропные вещества; зависимость; лечение; первичная профилактика; органы исполнительной власти; субъект; профилактика; некоммерческие организации; предупреждение; спрос; досуг; наркоситуация; государство; здоровье; несовершеннолетний; пациент; общество; негативное отношение; потребление; сбыт; безопасность; наркосодержащие растения.

On the main areas of activity in the field prevention of non-medical drug use in the Sverdlovsk region

Alimpiev Sergey Aleksandrovich,
Ural State University of Economics,
Candidate of Law, Associate Professor

The article examines the main activities of subjects of prevention of non-medical drug use in the territory of the Sverdlovsk region, including the analysis, evaluation and dynamics of the results of such activities of educational and scientific bodies, physical culture, sports and tourism, youth policy, culture of the region.

Key words: narcotic drugs; psychotropic substances; addiction; treatment; primary prevention; executive authorities; subject; prevention; non-profit organizations; prevention; demand; leisure; drug situation; state; health; minor; patient; society; negative attitude; consumption; marketing; safety; drug-containing plants.

Повышение эффективности профилактики немедицинского потребления наркотиков с приоритетом мероприятий первичной профилактики в целях снижения спроса на наркотики является одной из задач, стоящих перед органами государственной власти Свердловской области. В такой работе принимают участие многие органы исполнительной власти региона, в первую очередь органы образования и науки, физической культуры, спорта и туризма, молодежной политики, культуры.

Так, Министерством образования организовано взаимодействие с образовательными организация-

ми высшего образования по вопросам подготовки и переподготовки специалистов по направлению психолого-педагогического образования с федеральным государственным автономным образовательным учреждением высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования «Уральский государственный педагогический университет», а также с государственным автономным образовательным учреждением дополнительного профессионального образования Сверд-

ловской области «Институт развития образования», по развитию системы психолого-педагогического сопровождения несовершеннолетних – через центры психолого-медико-педагогической помощи.

В рамках исполнения своих полномочий по установлению незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ обучающимися Министерство образования ежегодно организует проведение процедуры тестирования обучающихся, направленной на раннее выявление незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ. Порядок проведения СПТ-тестирования определен отдельным приказом Министерства образования и науки Российской Федерации¹.

Для специалистов органов местного самоуправления, осуществляющих управление в сфере образования, и преподавателей проведены вебинары, на которых обсуждаются вопросы воспитательной работы, профилактики девиантного поведения и зависимостей, вопросы проведения СПТ-тестирования.

Кроме того, в целях распространения эффективных практик, технологий и методов работы по вопросам профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, девиантных форм поведения, профилактики наркомании, зависимостей, создания и развития доступной социально-психологической службы для обучающихся Министерством образования на регулярной основе проведены: Всероссийская научно-практическая конференция: «Психология образования в фокусе перемен: национальные приоритеты, научные подходы, эффективные практики», III Съезд психологов образования Свердловской области и иные научно-представительские мероприятия.

В целях защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, защиты их от всех форм дискриминации, физического или психического насилия, оскорбления, грубого обращения, сексуальной и иной эксплуатации в Свердловской области действует единый телефон доверия, который объединяет 6 телефонных линий, подключенных к общедоверительному номеру, функционирующих круглосуточно в городах: Екатеринбург, Нижний Тагил, Артемовский, Нижняя Тура, Первоуральск, Богданович.

Одним из направлений профилактики аддиктивного поведения несовершеннолетних является организация их занятости и досуга в свободное от учебы время. Миссия дополнительного образования заключается в развитии мотивации подрастающего поколения к познанию, творчеству, труду и спорту².

¹ Об утверждении Порядка проведения социально-психологического тестирования лиц, обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а также в образовательных организациях высшего образования [Электронный ресурс]: приказ Министерства здравоохранения РФ от 16 июня 2014 г. № 658. URL: <http://www.consultant.ru>.

² Фарваев А. А. Профилактика незаконного оборота наркотиков среди несовершеннолетних // Экологическая безопасность, здоровье и образование: сб. статей XII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых,

В соответствии с проектом «Успех каждого ребенка» национального проекта «Образование» при федеральной поддержке разработана практика развития региональной системы, которая предусматривает внедрение механизмов адресной поддержки детей для получения доступного дополнительного образования и реализации талантов детей с учетом индивидуальных потребностей и особенностей детей различных категорий.

Также на территории области сформирован навигатор дополнительного образования детей в Свердловской области (66.pfdo.ru) – платформа, на которой размещена информация о дополнительных общеобразовательных программах различной направленности и организациях, которые их реализуют. Функционируют три детских технопарка: «Кванториум Свердловской области», «Кванториум г. Первоуральск», «Кванториум РЖД», – и организации по работе с молодежью (далее – УРМ), в том числе «Дом молодежи» и «Региональный центр патриотического воспитания». Данные учреждения ежегодно организуют множество областных молодежных мероприятий, участие в которых является бесплатным.

В соответствии с Законом Свердловской области «О молодежи в Свердловской области»³ УРМ являются субъектами молодежной политики. УРМ осуществляют работу по исполнению полномочий местного значения в рамках реализации мероприятий по работе с детьми и молодежью. УРМ являются ключевым звеном в системе социального воспитания детей и подростков. Деятельность учреждений направлена на организацию свободного времени детей, подростков, молодежи, развитие интересов, способностей, активной познавательной, трудовой, культурно-творческой деятельности, сохранение духовно-нравственного формирования личности. Работа учреждения ориентирована на организацию содержательного досуга детей, подростков и молодежи, воспитание морально и физически здорового человека, профилактику правонарушений и преступлений. Деятельность учреждений строится по программно-проектным методам.

УРМ осуществляют взаимодействие с территориальными комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – ТКДН). Подростки, состоящие на учете в ТКДН, посещают учреждения по индивидуальной программе развития.

В ряде муниципальных образований учреждения молодежной политики организуют работу молодежных бирж труда, где приоритетное право при трудоустройстве имеют молодые люди группы риска.

Отдельным направлением в работе УРМ является патриотическое воспитание молодежи. Специалисты УРМ организуют мероприятия по патриотическому, гражданско-патриотическому воспитанию молодежи

аспирантов и студентов. 2019. С. 317–319.

³ О молодежи в Свердловской области: закон Свердловской области от 29 октября 2013 г. № 113-ОЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.

жи, по допризывной подготовке молодежи к военной службе, гармонизации межнационального диалога. На базе УРМ осуществляют деятельность военно-патриотические клубы, волонтерские организации.

Также в муниципальных УРМ действуют кружки и секции для подростков и молодежи. Все услуги УРМ предоставляются на бесплатной основе.

В целях повышения эффективности деятельности по сохранению и укреплению здоровья подростков, профилактике употребления наркотических средств и психоактивных веществ продолжено проведение ежегодной Всероссийской акции «За здоровье и безопасность наших детей». Мероприятия Акции проводятся в соответствии с рекомендациями Министерства образования и науки Российской Федерации.

Министерство физической культуры и спорта Свердловской области осуществляет руководство отраслью и координирует деятельность муниципальных органов управления в сфере физической культуры, спорта и молодежной политики, физкультурно-спортивных обществ, регионального отделения ДОСААФ России по Свердловской области, региональных спортивных федераций и ассоциаций по видам спорта.

В настоящее время в Свердловской области физической культурой и спортом занимаются больше полутора миллионов человек, что составляет около 45 % от численности населения региона в возрасте от 3 до 79 лет. Ежегодно наблюдается устойчивая тенденция роста численности населения Свердловской области, систематически занимающегося физической культурой и спортом.

В Свердловской области культивируется свыше ста видов спорта, к наиболее популярными в нашем регионе относятся следующие: плавание, футбол, волейбол, легкая атлетика, фитнес-аэробика, баскетбол, лыжные гонки, хоккей, настольный теннис, шахматы.

Важной составляющей работы по созданию благоприятных условий для занятий физической культурой и спортом среди различных возрастных групп и категорий граждан является обеспечение условий для развития детского спорта.

Министерством здравоохранения Свердловской области реализуются мероприятия по первичной профилактике наркотической зависимости среди населения, направленные на своевременное предупреждение причин наркомании, сокращение спроса на наркотики. Осуществляется информационно-просветительская работа: на сайтах медицинских организаций, в средствах массовой информации размещаются сведения по профилактике наркотической зависимости. Врачи психиатры-наркологи принимают участие в тематических телепрограммах по вопросам профилактики зависимостей и здорового образа жизни на местных и региональных телеканалах. Противодействие распространению запрещенной информации, в том числе по категории «Наркотические средства», входит в число приоритетных задач. В целях пресечения преступлений, совершаемых в

сети Интернет, в Свердловской области организована работа по выявлению и блокированию сайтов, размещающих рекламу наркотических средств на различных интернет-ресурсах. В частности, сотрудниками Управления по контролю за оборотом наркотиков Главного управления МВД России по Свердловской области организована и проведена работа по выявлению и блокированию интернет-сайтов, на которых размещена реклама наркотических средств и психотропных веществ.

Важным направлением деятельности в области снижения спроса на наркотики является целенаправленная профилактическая работа с группами риска и организованными коллективами, направленная на разъяснение пагубности незаконного потребления наркотиков, а также недопущение первого потребления наркотиков.

С этой целью в Свердловской области продолжается реализация мероприятий по оздоровлению наркоситуации посредством проведения разноплановых профилактических акций, основной целью которых является формирование у населения, особенно у подростков и молодежи, активной жизненной позиции и стойкого неприятия наркотиков.

Методические рекомендации, информация о сроках, целях, задачах, формах и планах проведения мероприятий Всероссийских акций антинаркотической направленности «За здоровье и безопасность наших детей», «Сообща, где торгуют смертью», «СТОП/ВИЧ/СПИД» размещаются на официальном сайте Министерства образования и сайтах образовательных организаций.

В периоды проведения акции «Сообща, где торгуют смертью» в образовательных организациях вместе с сотрудниками Управления по контролю за оборотом наркотиков Главного управления МВД России по Свердловской области, учреждений здравоохранения, представителей общественных и волонтерских организаций организованы и проведены: профилактические беседы, конкурсы плакатов по антиалкогольной, антинаркотической тематике, встречи воспитанников и обучающихся с врачами-наркологами наркологического диспансерного отделения, с участием инспекторами отделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Кроме того, в образовательных организациях проведено анкетирование обучающихся среднего и старшего звена с целью выявления уровня осведомленности, отношения к наркотическим и сильно действующим психотропным веществам, а также выявления лиц, склонных к их употреблению. На информационных стендах, официальных сайтах в образовательных организациях размещен Комплекс правил и мер по ограничению доступа детей к информации в сети Интернет с рекламой наркотических средств «Родительский контроль».

В целях повышения эффективности деятельности по сохранению и укреплению здоровья детей и молодежи, профилактики употребления наркотических

средств и психоактивных веществ продолжено проведение ежегодной Всероссийской акции «За здоровье и безопасность наших детей». В акции принимают участие все образовательные организации Свердловской области. Мероприятия акции проводятся ежегодно с 2007 г. в соответствии с рекомендациями Министерства образования и науки Российской Федерации: с 1 февраля по 30 апреля, с 1 июня по 31 августа, с 3 октября по 28 декабря. В периоды проведения этапов акции центр «Ладо» организует консультирование для педагогов по современным формам и методам своевременного выявления первичных признаков девиантного поведения и злоупотребления наркотиками; консультирование для руководителей по разъяснению требований законодательства Российской Федерации в сфере профилактики наркомагии и противодействия незаконному обороту наркотиков.

В целях предупреждения распространения наркомании среди несовершеннолетних, выявления фактов их вовлечения в преступную деятельность, связанную с незаконным оборотом наркотиков, повышения уровня осведомленности населения о последствиях потребления наркотиков и об ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации за их незаконный оборот, образовательные организации Свердловской области принимают активное участие в ежегодной Всероссийской межведомственной комплексной оперативно-профилактической операции «Дети России».

В целях координации проведения профилактической операции в Свердловской области сформирован межведомственный оперативный штаб при Главном Управлении Министерства внутренних дел Российской Федерации по Свердловской области, в состав которого включены в том числе представители Министерства образования.

В периоды проведения операции «Дети России» в образовательных организациях проводятся:

- профилактические беседы: «Что такое зависимость», «Умей сказать «Нет!», «Я – за здоровый образ жизни», «Мир без вредных привычек»;
- конкурсы плакатов по антиалкогольной, антинаркотической тематике: «Мы за здоровье», «Сделай правильный выбор»;
- профилактические рейды: «Мы против курения», «Жизнь стоит того, чтобы жить!», «Молодежь выбирает здоровье»;
- беседы медицинских работников образовательных организаций: «Вредные привычки», «Наркотики – это свобода или зависимость, полет или падение?», «Я выбираю здоровые привычки», «Снюс – мифы и реальность», «Наркотики нам не нужны!»;
- беседы сотрудников прокуратуры об ответственности за употребление психоактивных веществ: «Предупрежден – значит вооружен», «Ступеньки здоровья»; беседы врача-нарколога: «Твой выбор», «Влияние вредных привычек на физическую и умственную

работоспособность», «Твое здоровье в твоих руках», «Беда ходит рядом»;

- конкурсы мультимедийных презентаций: «Мы – здоровое поколение», «Мое здоровье в моих руках»;
- оформление стендов: «Я против!», «Наркотики – жизнь или смерть», «Наркомания – угроза обществу»;
- информационно-библиотечные мероприятия по продвижению в молодежной среде здорового образа жизни: «Будущее в твоих руках!», «За здоровый образ жизни», «Завтра начинается сегодня», «Я выбираю жизнь»;
- игры, ток-шоу, квесты, спартакиады, викторины: «В поисках клада Здоровья», «Слагаемые здоровья», «Мы выбираем счастливое будущее», «Будь здоров» и другие мероприятия.

В проведении мероприятий операции «Дети России» принимают участие сотрудники ГУ МВД, прокуратуры Свердловской области, Следственного управления Следственного комитета России по Свердловской области, учреждений здравоохранения Свердловской области, добровольческие организации и волонтерские объединения.

В рамках проведения Международного дня борьбы с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков Министерством образования разработан и реализован план проведения месячника антинаркотической направленности и популяризации здорового образа жизни на территории Свердловской области.

На базе загородных оздоровительных лагерей Свердловской области проведены: всероссийские спортивные соревнования школьников «Президентские состязания» и Всероссийские спортивные игры школьников «Президентские спортивные игры» (региональный этап на базе загородного оздоровительного лагеря «Зарница», Березовский городской округ); тематическая смена «Трезвость! Лидерство! Успех!» для участников областного межведомственного социально-педагогического проекта «Будь здоров» на базе загородного оздоровительного лагеря «Дружба и другие мероприятия.

В подведомственных образовательных организациях в рамках месячника проведены спортивные эстафеты, турниры по волейболу, баскетболу, по мини-футболу. В организации и проведении спортивных мероприятий активное участие приняли подшефные организации, волонтерские отряды, специалисты, сотрудники ТКДН, ОПДН и управления социальной политики.

В образовательных организациях проведены консультации для родителей и подростков по вопросам профилактики наркотической зависимости. Активное участие в организации мероприятий Акции принимают волонтерские отряды, созданные на базе образовательных организаций. Совместно с Управлением по контролю за оборотом наркотиков организовано участие обучающихся во Всероссийском конкурсе социальной рекламы антинаркотической направлен-

ности и пропаганды здорового образа жизни «Спасем жизнь вместе».

Кроме того, немаловажную роль в профилактике аддиктивного поведения играет занятость несовершеннолетних в летний период. В соответствии с законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» служба занятости населения в качестве субъекта системы профилактики в муниципальных образованиях Свердловской области реализует предусмотренные в части содействия трудовому устройству несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства, проведении профессиональной подготовки функции¹.

В приоритетном порядке рабочие места предоставлялись несовершеннолетним гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации и нуждающимся в помощи государства, в том числе состоящим на всех видах профилактического учета, освободившимся из мест отбывания наказания, детям из многодетных и малообеспеченных семей, детям-сиротам, детям-инвалидам.

В заключение хотелось бы еще раз обратить внимание на сложность и актуальность проблемы, связанной в целом с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Видится, что противостоять наркоугрозе должно не только государство в лице различных органов исполнительной власти федерального, регионального и местного уровней, но и все общество, каждый из нас, и здесь важно действовать сплоченно и организованно.

Библиографический список

1. Гараев С. Г. Особенности профилактики подростков употребляющих наркотики и алкоголь / С. Г. Гараев // Экономика и социум. – 2019. – № 6 (61).
2. Фарваев А. А. Профилактика незаконного оборота наркотиков среди несовершеннолетних / А. А. Фарваев // Экологическая безопасность, здоровье и образование: сб. статей XII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. – 2019. – С. 317–319.

Bibliograficheskiy spisok

1. Garaev S. G. Osobennosti profilaktiki podrostkov upotreblyayushchih narkotiki i alkogol' / S. G. Garaev // Ekonomika i socium. – 2019. – № 6 (61).
2. Farvaev A. A. Profilaktika nezakonnoy oborota narkotikov sredi nesovershennoletnih / A. A. Farvaev // Ekologicheskaya bezopasnost', zdorov'e i obrazovanie: sb. statej XII Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenykh, aspirantov i studentov. – 2019. – S. 317–319.

¹ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru>.

Конституционно-правовой статус оружия, имеющего особую ценность, как основа формирования его специального правового режима

Голубых Никита Владимирович,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: ngolubykh2@mvd.ru

Пушкарев Артемий Леонидович,
Уральский юридический институт МВД России
e-mail: apushkarev38@mvd.ru

В статье обозначается проблема, заключающаяся в отсутствии необходимой правовой дифференциации правового режима оружия в целом и оружия, имеющего особую ценность, в частности и показываются ее негативные последствия: необоснованное привлечение лиц к юридической ответственности, назначение необоснованно строгого наказания, создание препятствий в реализации прав на доступ и оборот культурных ценностей, сдерживание полноценного развития данной сферы экономики и науки. Решение указанной проблемы заключается в создании системы адекватного специального правового регулирования оборота оружия, имеющего особую ценность, в том числе дифференциации подходов к уголовной ответственности в данной сфере. Для формирования данной системы требуется определить конституционно-правовой статус оружия, имеющего особую ценность.

Ключевые слова: оружие; оружие, имеющее особую ценность; правовой режим оружия.

The constitutional legal status of a weapon having a special value as a basis for the formation of its special legal regime

Golubykh Nikita Vladimirovich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor

Pushkarev Artemy Leonidovich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

The article outlines the problem of the lack of the necessary legal differentiation of the legal regime of weapons in general and weapons of particular value, in particular, and shows its negative consequences: unjustified bringing persons to legal responsibility, imposing unreasonably severe punishment, creating obstacles in the exercise of access rights and the turnover of cultural property, restraining the full development of this sphere of economy and science. The solution to this problem is to create a system of adequate special legal regulation of the circulation of weapons, which is of particular value, including the differentiation of approaches to criminal liability in this area. For the formation of this system, it is required to determine the constitutional and legal status of weapons that are of particular value.

Key words: weapons; weapons of particular value; legal regime of weapons.

В последнее время внимание общественности и органов власти обращено к вопросам оборота оружия в нашей стране. Это обусловлено серией трагических событий, связанных с вооруженными нападениями на образовательные организации, и иными участвовавшими случаями незаконного применения

оружия, в первую очередь огнестрельного¹. Особую

¹ Назовем лишь некоторые происшествия последних десяти лет: 2 июля 2011 г. – вооруженное нападение на поселок Сагра, Свердловская область; 17 октября 2018 г. – вооруженное нападение на Керченский политехнический колледж; 14 ноября 2019 г. – стрельба в Амурском колледже стро-

настороженность у общественности вызывает тот факт, что в большинстве указанных инцидентов использовалось легальное оружие.

Естественной общественной реакцией на эти события стало требование не допустить повторения аналогичных происшествий путем ужесточения правил оборота оружия и усиления ответственности за их нарушение¹. Необходимые поправки в законодательство разрабатываются и, надо ожидать, будут приняты.

Не вызывает сомнения, что сфера владения и использования оружия должна иметь систему жестких ограничений и запретов, обеспеченных мерами юридической ответственности, а любые пробелы и недоработки должны своевременно устраняться. Но мы хотели бы обратить внимание еще на одну проблему, имеющую место в области правового режима оружия и тесно связанную с процессом ужесточения его оборота. Речь идет о слабой разработанности правового режима оружия, имеющего особую ценность. Что не позволяет на практике дифференцировать правовое регулирование оборота оружия в целом и оружия, имеющего особую культурную, историческую, художественную и иную ценность, в частности.

Индикатором наличия данной проблемы, ее глубины и трагичности можно обозначить постановление Конституционного Суда РФ от 14 июня 2014 г. № 18-П, где, в частности, указано: «Признать положение ч. 4 ст. 222 УК РФ, предусматривающее уголовную ответственность за незаконный сбыт холодного оружия, не соответствующим Конституции РФ... в той мере, в какой – в системе сохраняющего неопределенность правового регулирования оборота холодного оружия, имеющего культурную ценность, приводящую к его произвольному истолкованию и применению, – данное законоположение не предполагает возможность учета специфики использования такого оружия...». Нас не должно смущать указание лишь на холодное оружие, поскольку оценка законодательства, данная высшей судебной инстанцией, в равной мере может быть распространена на все виды оружия, имеющего особую ценность.

Несмотря на поручение Правительства РФ, данное отраслевым ведомствам еще в 1998 г.², к настоящему

времени полной стройной системы законодательных и подзаконных актов, регулирующих оборот оружия, имеющего особую ценность, не создано. В указанной области правового регулирования имеются отдельные нормативные акты различной юридической силы и отраслевой принадлежности, к сожалению, не лишенные значительного количества пробелов и противоречий³. При этом общественные отношения здесь развиты достаточно сильно и имеют большое значение для сохранения и развития культурного, исторического, художественного и научного потенциала страны.

Изучение проблемы незаконного оборота оружия, имеющего особую ценность, и его потенциальной общественной опасности показывает, что это относительно самостоятельное криминологическое явление, обладающее существенными особенностями относительно детерминации, личности преступника, механизма индивидуального преступного поведения, а значит, требующее особых подходов при профилактике.

В этой связи ужесточение правового режима оборота оружия и ответственности за его незаконный оборот, исходящее из свойств оборота обычного оружия, в условиях фактического отсутствия адекватного специального режима оружия, имеющего особую ценность, приведет к негативным последствиям в сфере оборота и использования оружия, имеющего особую ценность.

Основным и, пожалуй, единственным путем решения обозначенной проблемы является дальнейшее развитие законодательства в области оборота оружия, имеющего особую ценность, исходя из полной и точной реализации его конституционно-правового статуса. Условием является точное определение основ конституционно-правового статуса рассматриваемого оружия, опирающееся на анализ норм Основного закона государства.

Как и для любой другой сферы правового регулирования, основы правового режима оружия, имеющего особую ценность, находят свое закрепление в нормах Конституции Российской Федерации⁴. В связи с этим считаем возможным употреблять термин «кон-

ского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» // СПС «Гарант».

³ В качестве примеров специальных актов, принятых в данной сфере можно назвать: Постановление Правительства РФ от 4 сентября 2019 г. № 1151 «Об утверждении Правил проведения государственной экспертизы оружия, имеющего культурную ценность, копий старинного (антикварного) оружия и реплик старинного (антикварного) оружия» // СПС Гарант; Постановление Правительства РФ от 5 июня 2020 г. № 827 «Об утверждении Правил приобретения, коллекционирования экспонирования, учета, хранения, перевозки и транспортировки оружия, имеющего культурную ценность, государственными и муниципальными музеями» // СПС «Гарант».

⁴ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СПС «Гарант».

ительства и жилищно-коммунального хозяйства; 11 мая 2021 г. – вооруженное нападение на школу № 175, г. Казань; 30 мая 2021 г. – стрельба по прохожим в г. Екатеринбурге. Также необходимо отметить немалое количество предотвращенных преступлений и инцидентов, связанных с использованием холодного и пневматического оружия (см., например: Случаи предотвращения вооруженных нападений на учебные заведения в России [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200904/napadenie-1576727803.html>; Случаи стрельбы в российских школах. Хронология [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/7114399>).

¹ Путин потребовал срочно проработать новые правила оборота оружия после ЧП в Казани [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11340191>.

² См.: Пункт 5 постановления Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота граждан-

ституционно-правовой статус оружия, имеющего особую ценность».

Начать анализ норм необходимо с указания на то, что термин «оружие, имеющее особую ценность» в тексте Конституции РФ отсутствует. Отсутствуют также и нормы, прямо посвященные рассматриваемому виду оружия. Однако это вовсе не говорит о малозначительности данных общественных отношений или пробеле в их конституционном регулировании.

Обозначим нормы Конституции РФ, формирующие фундамент правового режима оружия, имеющего особую ценность:

– ч. 4 ст. 8 – равное признание и защита частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности;

– ст. 15 – юридическая иерархия действующих источников права и основные требования к ним;

– ч. 3 ст. 17 – запрет нарушения прав и свобод других лиц при осуществлении своего правового статуса;

– ст. 19 – равенство прав и свобод человека и гражданина, равенство всех перед судом;

– ч. 1 ст. 34 – свобода экономической деятельности, возможность ее ограничения только федеральным законом;

– ст. 35 – частная собственность;

– ч. 1 ст. 44 – свобода творчества;

– ч. 2, 3 ст. 44 – право на участие культурной жизни, доступ к культурным ценностям, обязанность заботиться об их сохранении;

– ч. 2 ст. 45 – право на защиту своих прав и свобод всеми не запрещенными законом способами.

Нельзя забывать, что данные конституционные предписания не только являются маяками (ориентирами) для разработки и принятия норм меньшей юридической силы, но и, имея прямое действие, сами регулируют соответствующие общественные отношения.

Сопоставляя действующее законодательство в области оборота оружия, имеющего особую ценность, с приведенными конституционными положениями, мы можем определить пробелы и противоречия в названном отраслевом законодательстве, дать оценку правоприменительной практике.

Так, например, вызывает сомнение конституционность норм Федерального закона «Об оружии»¹, суживающих понятие оружия, имеющего культурную ценность, в сравнении с конституционным широким пониманием культурной ценности; и т.д.

Определяя особенности конституционно-правового статуса оружия, имеющего особую ценность, мы можем дать следующие его основные характеристики, оценив их с позиции соответствия действующего законодательства в области оборота оружия нормам Конституции РФ.

Во-первых, субъекты прав на оружие, имеющее особую ценность, обладают равным объемом прав и исполняют одинаковые обязанности. Исходя из

общих начал, права граждан в отношении оружия, имеющего культурную ценность, не могут ставиться в зависимость от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Однако изучение нормативного материала, в частности Федерального закона «Об оружии», показывает, что из указанного правила имеются отдельные исключения. Так, особый правовой режим предусмотрен для холодного клинкового оружия, предназначенного для ношения с казачьей формой, а также с национальными костюмами народов Российской Федерации. Кроме того, законом предусмотрена возможность снижения возраста для приобретения оружия субъектами Российской Федерации.

Во-вторых, указанный вид оружия относится к имуществу и подпадает под правовой режим собственности. Оружие, имеющее культурную ценность, может находиться в государственной, муниципальной, частной и иных формах собственности, которые признаются и защищаются от посягательств и нарушений в равной мере. Собственник оружия, имеющего культурную ценность, вправе владеть, пользоваться и распоряжаться им единолично или совместно с другими лицами (собственниками). Лишение оружия возможно только по решению суда. Однако использование оружия имеет ряд ограничений. В частности, использовать его может исключительно лицо, получившее соответствующее разрешение.

В-третьих, Конституция РФ признает право гражданина использовать оружие, имеющее культурную ценность, для функций, связанных с культурной жизнью и доступом к культурным ценностям, а также для защиты своих прав и свобод. Очевидно, что право на приобретение к культурным ценностям равно признается за всеми гражданами, но его реализация встречает естественное препятствие, связанное с опасными свойствами оружия.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Действующее правовое регулирование общественных отношений в сфере оборота оружия, имеющего особую ценность, требует дальнейшего совершенствования, ориентируясь на конституционно-правовой статус данного вида оружия, его дифференциацию с обычным оружием и выстраивание системы правовых норм различной юридической силы и отраслевой принадлежности, призванных полно и непротиворечиво регулировать соответствующие отношения.

Библиографический список

1. Корецкий Д. А. Криминальная армалогия: учение о правовом режиме оружия / Д. А. Корецкий. – Санкт-Петербург, 2006.
2. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций / А. В. Наумов. – М., 2018.

¹ Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» // СПС «Гарант».

3. Случаи предотвращения вооруженных нападений на учебные заведения в России [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20200904/napadenie-1576727803.html>.

4. Случаи стрельбы в российских школах. Хронология [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/info/7114399>.

5. Путин потребовал срочно проработать новые правила оборота оружия после ЧП в Казани [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/11340191>.

Bibliograficheskij spisok

1. Koreckij D. A. Kriminal'naya armalogiya: uchenie o pravovom rezhime oruzhiya / D. A. Koreckij. – Sankt-Peterburg, 2006.

2. Naumov A. V. Rossijskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': kurs lekcij / A. V. Naumov. – M., 2018.

3. Sluchai predotvrashcheniya vooruzhennyh napadenij na uchebnye zavedeniya v Rossii [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://ria.ru/20200904/napadenie-1576727803.html>.

4. Sluchai strel'by v rossijskih shkolah. Hronologiya [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://tass.ru/info/7114399>.

5. Putin potreboval srochno prorabotat' novye pravila oborota oruzhiya posle CHP v Kazani [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/11340191>.

Нормативно-правовое регулирование организации подготовки кадров для Екатеринбургской Губмилиции в первые годы становления Советской власти

Гребенщикова Ирина Васильевна,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук
e-mail: grebenshikova_iv@mail.ru

Данная статья посвящена вопросам правового регулирования организации курсов подготовки младшего комсостава при Екатеринбургской Губмилиции в первые годы становления Советской власти. На основании документов Государственного архива Свердловской области в статье обозначена дата организации первых курсов по подготовке сотрудников для рабоче-крестьянской милиции. Изучены и систематизированы нормативные правовые акты, определяющие организацию обучения милиционеров на курсах и в школах ликвидации безграмотности, а также проведения политико-массовых мероприятий.

Ключевые слова: рабоче-крестьянская милиция; подготовка кадров; Екатеринбургская Губмилиция; циркуляры; приказы; директивы; постановления; нормативно-правовая база; квалифицированные опытные сотрудники; курсы; Губрозыск; школы ликвидации безграмотности при коммунистических ячейках; культурно-просветительная работа; программа обучения; распорядок дня; права и обязанности курсантов.

Legal regulation of the organization of personnel training for the Yekaterinburg Gubernia Police in the early years of the formation of Soviet power

Grebenschikova Irina Vasilyevna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law

This article is devoted to the issues of legal regulation of the organization of training courses for junior command personnel at the Yekaterinburg Gubmilitsiya in the early years of the formation of Soviet power. Based on the documents of the State Archives of the Sverdlovsk Region, the article indicates the date of the organization of the first courses for training employees for the RCM. Studied and systematized the normative legal acts that determine the organization of training for police officers in courses and schools for the elimination of illiteracy, as well as the conduct of political mass events.

Key words: workers 'and peasants' militia; personnel training; Yekaterinburg Gubmilitsiya; circulars; orders; directives; decrees; legal framework; qualified experienced employees; courses; Gubrozysk; schools for the eradication of illiteracy under communist cells; cultural and educational work; training program ; daily routine; rights and obligations of cadets.

Формирование кадрового потенциала во все времена является одной из приоритетных задач, требующих от руководства кадровыми подразделениями особого внимания. Особенно остро проблема кадров ощущалась в первые годы становления Советского государства. Нехватка квалифицированных и опытных сотрудников Советской рабоче-крестьянской

милиции (далее – РКМ), созданной в соответствии с постановлением НКВД РСФСР 10 ноября (28 октября) 1917 г.¹, не позволяла в должной мере выполнять обязанности по охране революционного порядка и гражданской безопасности, борьбе с бандитизмом и т. п.

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. М., 1919. С. 12.

Так, уже в 1918 г. в Москве были организованы первые курсы подготовки младшего и среднего состава¹.

В соответствии с циркуляром Главного управления Советской РКМ от 15 августа 1919 г. № 6881 было объявлено о создании Всероссийской школы инструкторов милиции и Всероссийских курсов Уголовного розыска в городе Москве, которые начали свою деятельность по подготовке кадров для РКМ 10 сентября 1919 г. в соответствии с циркуляром Главного управления Советской рабоче-крестьянской милиции НКВД РСФСР от 25 августа 1919 г. № 6563.

В Екатеринбургской губернии формирование органов рабоче-крестьянской милиции началось сразу после победы над Колчаком в августе 1919 г.

В соответствии с донесением заведующего Екатеринбургской Губмилицией от 18 ноября 1919 г. № 116 состав общегражданской и железнодорожной милиции был следующим: в Екатеринбургском уезде – 709 и 198 соответственно; Уфимском уезде – 294 и 108; Верхнетурском уезде – 504 и 112; Ирбитском уезде – 168 и 11; Шадринском уезде – 228 и 15; Камышловском уезде – общегражданской милиции – 164 чел., железнодорожная милиция находилась еще на стадии формирования².

При создании в Екатеринбургской губернии подразделений РКМ, как и по всей территории Советского государства, встал вопрос отсутствия в нужном количестве квалифицированных опытных сотрудников. Так, Екатеринбургской Губмилиции предложено было направить на подготовку во Всероссийскую школу инструкторов милиции и Всероссийские курсы Уголовного розыска 8 человек: 5 – в школу и 3 – на курсы. Как следует из сообщения заведующим Губернским отделом управления по Екатеринбургской губернии от 31 октября 1919 г. № 38, поскольку циркуляр о проведении подготовки кадров для РКМ в Екатеринбургскую Губмилицию поступил с большим опозданием, только 31 октября 1919 г., на обучение никто не был направлен³.

Начиная с 1920 г., в соответствии с приказом Губмилиции от 9 февраля 1920 г. № 4⁴ были организованы курсы при Губмилиции в городе Екатеринбурге по подготовке младшего командного состава, продолжительностью от 1,5 до 2 месяцев, набор по 60–80 человек. Руководителем курсов был назначен опытный сотрудник, за счет должности Губмилиции, Большедворов. В год создания у курсов своего штата не было, специально выделенных средств на содержание школы тоже не имелось. Все хозяйственные расходы производились за счет Екатеринбургской Губмилиции.

Для организации курсов подготовки младшего состава сотрудниками Екатеринбургской Губмилиции была подготовлена программа обучения в соответствии с темами докладов, которые были переданы в инспекторский отдел от каждого подразделения Губмилиции и от Губрозыска.

На основании циркуляра Екатеринбургской Губмилиции от 3 июня 1920 г. № 1758 было предложено всем начальникам уездно-городской милиции командировать сотрудников в город Екатеринбург из числа младших и старших милиционеров на месячные курсы при Губмилиции⁵. Командированные сотрудники должны были быть «грамотными и патриотически настроенными» или «сочувствующими коммунистической партии» либо «вполне заслуживающими внимания».

В соответствии с данным циркуляром все командированные должны были быть хорошо обмундированы и укомплектованы должным довольствием на все время курсов и продовольствием на дорогу. На месте командированные получали все продукты широкого употребления и помещение для проживания.

Этим же циркуляром было обозначено количество – 125 чел.

Основанием для командирования для обучения на курсах от Губрозыска являлся приказ по Губрозыску от 2 июля 1920 г. № 176, параграф 2⁶.

Для подготовки помещения для проведения занятий для состава начальник курсов 1 июня 1920 г. № 132⁷ обратился в Губернский отдел народного образования с просьбой о разрешении перевозки парт, находящихся в здании по ул. Архиерейской, 5, в клуб Зиновьева, и таковые в срочном порядке были выделены.

О создании курсов в соответствии с циркуляром от 27 ноября 1920 г. № 1750 было направлено сообщение в Главное управление Советской РКМ от 5 декабря 1920 г. № 366⁸.

Первыми курсантами в количестве 125 человек были сотрудники Екатеринбургской губернии и уездов: Екатеринбургская губерния – 26 чел., Шадринский уезд – 15 чел., Камышловский уезд – 15 чел., Ирбитский уезд 15 чел., Верхотурский уезда – 7 чел., Алапаевский уезд – 10 чел., Надеждинский уезд – 10 чел., Красноуфимский уезд – 15 чел., Нижнетагильский уезд – 10 чел., от Губрозыска – 2 чел.⁹

Всем обучающимся на курсах выдавались специальные удостоверения с угловым штампом организации, заверенные печатью и подписанные начальниками тех подразделений (губерний или уездов), которыми данные лица были откомандированы на курсы. В удостоверении содержались следующие сведения: ФИО, срок командирования на курсы и инфор-

¹ Климов А. Ю., Потемкин И. А. Зарождение системы подготовки кадров высшего и среднего командного состава советской милиции // Закон и право. 2019. № 10. С. 37.

² Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 9р. Оп. 1. Д. 24. С. 89.

³ ГАСО. Ф. 9р. Оп. 1. Д. 2. С. 12.

⁴ Там же. Д. 115. С. 9.

⁵ ГАСО. Ф. 9р. Оп. 1. Д. 2. С. 11.

⁶ ГАСО. Ф. 9р. Оп. 1. Д. 87. С. 104.

⁷ Там же. Д. 253. С. 23.

⁸ Там же. Д. 115. С. 9.

⁹ Там же. Д. 20. С. 18.

мация о том, что все Советские организации должны оказывать командированному милиционеру полное содействие.

Открытие первых курсов состоялось 6 июля 1920 г. в помещении клуба милиции имени Зиновьева. На открытии курсов с приветственным словом выступили сотрудники Екатеринбургской Губмилиции. Занятия с курсантами проводились в соответствии с программой обучения курсантов, состоящей из нескольких разделов, связанных с деятельностью практических подразделений Губмилиции, разработанной инспекторским отделом Екатеринбургской Губмилиции. На основании данной программы обучения был определен распорядок дня для курсантов.

Занятия проводили практические сотрудники Губмилиции в связи с тем, что штат милицейской школы и курсов подготовки первоначально отсутствовал. Так, в соответствии с уведомлением Екатеринбургского Губрозыска от 25 июня 1920 г. № 2657 лекторами для чтения лекций были назначены Нилов и Уланов¹. В первую очередь читали лекции раздела «оперов», связанные с вопросами изучения конституционного законодательства, судопроизводства, общей теории права, административного права, гражданского и уголовного права, преступлений из практики, судебной экспертизы царской и советской республики.

Следующий раздел лекций был от Губрозыска. Здесь освещались вопросы организации Губрозыска и его состава; обязанностей и прав командного состава и сотрудников милиции; теории розыска; регистрации преступников; дактилоскопии, фотографии и антропометрии.

Также изучались вопросы, связанные с устройством Всероссийской чрезвычайной комиссии, ее правами, целью и задачами; принципами работы; борьбой с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями.

Для курсантов были организованы практические занятия в районах милиции г. Екатеринбурга по несению службы и «исполнению бумаг».

Экзамены первого выпуска состоялись 11 сентября 1920 г. Для участия в проведении экзаменов в соответствии с указанием Екатеринбургского Губрозыска от 3 сентября № 2829 был командирован начальник Екатеринбургского губернского уголовного розыска М. С. Уланов². После выпуска курсанты были командированы к местам своего прежнего места службы.

Воспитание в духе патриотизма и преданности идее большевиков были приоритетными для РКМ, особенно в годы становления Советской власти. Так, культурно-просветительная работа на курсах среди милиционеров, в том числе и Губмилиции, осуществлялась посредством проведения в клубах лекций, митингов, концертов и спектаклей. На территории Екатеринбургской губернии имелось 2 действующих клуба – в городе Екатеринбурге и городе Ирбите, в

остальных же уездах культурно-просветительная работа проводилась через клубы других общественных организаций путем слияния сил для совместной обозначенной работы.

В соответствии с циркуляром Екатеринбургского Губернского военного комиссариата Уральского военного округа от 4 декабря 1919 г. № 203, Екатеринбургской Губмилиции было предписано сообщить об имеющейся штатной численности с точным указанием даты и номера приказа об утверждении штата в Губернский военный комиссариат для составления требовательной ведомости на выдачу оружия в соответствии с приказом Реввоенсовета республики № 789³.

Регулирование вопросов, связанных с ремонтом вышедшего из строя оружия, производилось в соответствии с циркуляром Екатеринбургского Губернского военного комиссариата Уральского военного округа от 19 июля 1919 г. № 22/ 71803.

Оплата труда производилась согласно Декрету Совнаркома от 21 марта 1919 г. и постановлению о тарифных поясах РСФСР от 12 марта 1919 г. № 55/607, данный порядок оплаты вступал в силу с 1 февраля 1919 г.

В соответствии с телеграфным распоряжением Наркомпрода № 52/Н снабжение продуктами питания сотрудников милиции было учтено в общем плане снабжения населения и выдавалось им в первую очередь.

3 апреля 1919 г. СНК РСФСР принимает Декрет «О создании рабоче-крестьянской милиции». В соответствии с данным Декретом милиция становится военизированной, ее деятельность осуществляется в соответствии с уставами и наставлениями Красной Армии. Обязательными для изучения являются военное дело, строевая подготовка.

Кадры Советской РКМ пополнялись и за счет иных источников. Так, в соответствии с Декретом от 25 декабря 1919 г. № 367 в Екатеринбургскую Губмилицию от Республиканской коммунистической партии было призвано 40 чел., местными Военкомами – 44 чел.⁴

В соответствии с постановлением Совета рабочей и крестьянской обороны от 13 февраля 1920 г. «О предоставлении права красноармейцам, родившимся в 1891 г. и ранее, поступать на службу в милицию» еще одним источником комплектования РКМ становятся военнослужащие Красной Армии⁵.

Вместе с тем ввиду низкого образовательного уровня принимаемых на службу в Губмилицию были организованы школы ликвидации безграмотности при коммунистических ячейках, с использованием библиотеки и читальни: таковых в Губернии было 9, общее количество обучающихся в них – 1141⁶. Обучение в данных школах проходило под руководством коллектива милиции при участии отдела образова-

¹ ГАСО. Ф. 9р. Оп. 1. Д. 242. С. 9.

² ГАСО. Ф. 9р. Оп. 1. Д. 87. С. 4.

³ ГАСО. Ф. 9р. Оп. 1. Д. 1. С. 109.

⁴ ГАСО. Ф. 9р. Оп. 1. Д. 72. С. 202.

⁵ URL: http://мвд.рф/history/1917_1940.

⁶ ГАСО. Ф. 9р. Оп. 1. Д. 242. С. 9 (об.).

ния. Так, в докладе начальника Екатеринбургской Губмилиции от 7 мая 1923 г. № 6027 отмечено, что «деятельность таких школ успешна» и «через данные школы прошли обучение 79 человек»¹. Помимо обучения в школах также проводилась культурно-массовая работа.

Если призванные на службу сотрудники милиции отказывались посещать школу, то они подлежали увольнению со службы, т. к. неграмотный милиционер не может быть проводником законов.

Важным для подготовки кадров для РКМ становится 1921 год.

В соответствии с Ордером 3 февраля 1921 г. № 132 жилищным отделом Екатеринбургского Комунотдела для проведения курсов младшего комсостава официально было выделено здание по адресу: г. Екатеринбург, ул. Архьерейская, д. 9².

Согласно приказу Главного управления милиции НКВД РСФСР от 17 апреля 1921 г. № 69/с губернские курсы подготовки младшего комсостава были организованы на штатной основе. Также были утверждены Положение и Программа курсов подготовки младшего комсостава. При Екатеринбургской Губернской милиции были открыты командные курсы³. 1 июля 1921 г. было организовано трехмесячное обучение курсантов первого созыва; выпустилось 56 человек.

В отпуск направлялись согласно приказу Главного Управления милиции НКВД РСФСР от 19 июня 1921 г. № 65. Смета курсов милиции была послана 8 июля 1921 г. за № НР 597/с.

Обучение проводилось по ранее разработанным программам по каждому предмету, например: по Советской конституции, арифметике, русскому языку и литературе, отдельная программа по подготовке агентов уголовного розыска. По отдельному расписанию ежедневно проводились занятия по политической грамоте.

Занятия с курсантами проводились по 7 учебных часов ежедневно (из докладной начальника курсов от 4 августа 1921 г. № 94)⁴, кроме этого, уделялось время для повторения и закрепления изученного ранее материала. В связи с такой нагрузкой курсантам необходимо было усиленное питание, основного тылового обеспечения было недостаточно, поэтому дополнительно курсантов обеспечивали фронтным пайком или использовали иные ресурсы для увеличения продовольственного обеспечения.

С июля 1921 г. принимаемый на работу на штатной основе педагогический состав зачислили на все виды довольствия⁵.

В соответствии с приказом Главного управления милиции НКВД РСФСР в конце 1921 г. курсы подготовки начсостава были реорганизованы в губернские

школы милиции. В связи с этим курсы подготовки младшего комсостава при Екатеринбургской Губмилиции были реорганизованы в школу милиции по подготовке комсостава при Екатеринбургской Губмилиции. Обучение курсантов в школе милиции было организовано 1 января 1922 г., количество их составляло 54 чел.

Согласно предписанию административного отдела Екатеринбургской Губмилиции от 9 ноября 1922 г. № 1370 подавались сведения о состоянии и деятельности школы милиции при Екатеринбургской Губмилиции⁶.

В школе был разработан внутренний распорядок, в соответствии с которым определялись права и обязанности курсантов⁷. Все курсанты составляли одну группу.

У курсантов были следующие права и обязанности:

- по требованию дежурного по классу прибыть на свое место в классе с необходимыми методическими материалами (пособиями);
- нахождение в аудитории допускалось без головного убора и шинели, при входе в класс преподавателя либо другого лица из командования курсами подается команда «смирно» и производится доклад о готовности к проведению занятий;
- во время проведения занятий курсанты должны были соблюдать все правила вежливости и приличия; запрещалось сидеть развалившись, класть локти на парты, заниматься посторонними делами и разговорами, а также иметь на партах книги и пособия, не относящиеся к проводимому предмету;
- если курсант не понял какого-либо вопроса, то он мог задать вопрос преподавателю и ожидать ответа на него;
- задавать преподавателю вопросы, не относящиеся к предмету, строго запрещалось;
- выход курсанта из класса был возможен только с разрешения преподавателя;
- вызов курсанта из класса разрешался только с ведома начальника учебной части или дежурного по курсам;
- курение табака разрешалось только в специально отведенной для этого курительной комнате;
- необходимо было соблюдать чистоту, выносить мебель из класса можно было только по разрешению начальника учебной части;
- при получении необходимой учебной литературы курсант должен осмотреть ее и если были найдены повреждения, то сообщить об этом начальнику учебной части;
- при проведении занятий курсанты должны были записывать сказанное преподавателем в особые тетради для дальнейшего повторения изучаемого материала;
- изучение преподаваемого материала курсантами являлось их служебной обязанностью.

¹ ГАСО. Ф. 9-р. Оп. 1. Д. 22. С. 51.

² ГАСО. Ф. 9-р. Оп. 1. Д. 242. С. 17.

³ ГАСО. Ф. 9-р. Оп. 2. Д. 359. С. 45.

⁴ ГАСО. Ф. 9-р. Оп. 2. Д. 247. С. 19.

⁵ ГАСО. Ф. 9-р., Оп. 2. Д. 246. С. 63.

⁶ ГАСО. Ф. 9-р., Оп. 2. Д. 359. С. 44.

⁷ Там же. Д. 311. С. 1–6.

Расписание составлялось на каждую неделю. Начальствующий состав посещал занятия для осуществления контроля за их проведением.

Во исполнении приказа Главмилиции № 225/с (1921 г.)¹, в соответствии с распоряжением от 10 февраля 1922 г. № 1544², начальником курсов при Губмилиции в Екатеринбургскую Губмилицию направлялись следующие срочные донесения: стремленная ведомость по учету личного состава, лошадей и вооружения – ежемесячно к 10 числу по состоянию на 1 число прошедшего месяца; строевая ведомость о боевой и специальной подготовке – ежеквартально к 20 числу по состоянию на 1 число прошедшего месяца; именной список комсостава, административно хозяйственных работников и канцелярского персонала – ежегодно к 20 января по состоянию на 1 января; сведения о некомплекте комсостава, административно хозяйственных работников и канцелярском персонале – ежеквартально к 20 числу по состоянию на 1 число прошедшего месяца.

Вещевое довольствие выделялось по норме № 1 в соответствии с приказом № 246/с³.

После окончания курсов выдавалось свидетельство с угловым штампом, подписанное начальником курсов, заведующим учебной частью и лектором, в котором прописывались все изученные предметы.

В заключение отметим, что создание курсов подготовки младшего комсостава, а также школ ликвидации безграмотности при коммунистических ячейках было острой необходимостью не только в отдельно взятой губернии, но и в целом Советскому государству. Первые курсы милиции в Екатеринбургской губернии были созданы в 1920 г. за счет штата Екатеринбургской Губмилиции в соответствии с приказом этого же органа. Нормативно были урегулированы вопросы размещения, оплаты командировочных расходов, вещевого и продовольственного довольствия. Хотелось бы добавить, что нехватка как пропитания, так и вещевого обмундирования была проблемой не только на курсах, но и во всех военизированных подразделениях Советской РКМ и РККА. Обучение осуществлялось на основании планов, разработанных Губмилицией. Тематика лекции в основном была практической направленности. Безусловно, при организации и курсов младшего комсостава, и школ требовалось создание нормативных правовых документов, среди которых основную массу составляли циркуляры и приказы, некоторые из них имели гриф «секретно».

В соответствии с распоряжением Екатеринбургской Губмилиции от 20 октября 1922 г. № 8033⁴ все издаваемые нормативные правовые акты, за исключением распоряжений о внутреннем распорядке и обучении курсантов, необходимо было согласовывать с Екатеринбургской Губмилицией.

Акты были машинописными, а также писались от руки. Екатеринбургской Губмилиции удалось организовать подготовку кадров младшего начсостава, в кратчайшие сроки урегулировав все вопросы, связанные с организацией деятельности курсов и школ. Организация данных курсов послужила началом процесса подготовки сотрудников для Советской рабочей крестьянской милиции.

Библиографический список

1. Государственный архив Свердловской области. – Фонд № Р-9. – Оп. 1. – Д. 1, 2, 22, 24, 72, 87, 115, 242; Оп. 2. – Д. 35, 246, 247, 311, 354, 359.
2. Климов А. Ю. Зарождение системы подготовки кадров высшего и среднего командного состава советской милиции / А. Ю. Климов, И. А. Потемкин // Закон и право. – 2019. – № 10. – С. 36–41.
3. URL: http://мвд.рф/history/1917_1940.

Bibliografickij spisok

1. Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti. – Fond № R-9. – Op. 1. – D. 1, 2, 22, 24, 72, 87, 115, 242; Op. 2. – D. 35, 246, 247, 311, 354, 359.
2. Klimov A. YU. Zarozhdenie sistemy podgotovki kadrov vysshego i srednego komandnogo sostava sovetskoj milicii / A. YU. Klimov, I. A. Potemkin // Zakon i pravo. – 2019. – № 10. – S. 36–41.
3. URL: http://mvd.rf/history/1917_1940.

¹ ГАСО. Ф. 9-р. Оп. 2. Д. 35. С. 73.

² Там же. Д. 359. С. 67.

³ ГАСО. Ф. 9-р. Оп. 2. Д. 359. С. 59.

⁴ ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 359. С. 113.

Защита прав несовершеннолетних в цифровом пространстве в целях противодействия терроризму*

Романовский Владислав Георгиевич,
Пензенский государственный университет,
кандидат юридических наук
e-mail: up406@mail.ru

В статье рассматриваются формы государственного регулирования социальных сетей в условиях нарастания террористических угроз. Показана необходимость защиты молодежной аудитории от противоправного контента. Представлен зарубежный опыт мониторинга социальных сетей. Подчеркивается, что эффективность противодействия террористическим угрозам в цифровом пространстве зависит от взаимодействия государства с институтами гражданского общества.

Ключевые слова: интернет; социальные сети; государственное регулирование; терроризм; ограничения.

Protecting the rights of minors in the digital space in order to counter terrorism

Romanovsky Vladislav Georgievich,
Penza State University, Candidate of Law

The article examines the forms of state regulation of social networks in the context of growing terrorist threats. The need to protect the youth audience from illegal content is shown. The foreign experience of monitoring social networks is presented. It is emphasized that the effectiveness of countering terrorist threats in the digital space depends on the interaction of the state with the institutions of civil society.

Key words: internet; social networks; government regulation; terrorism; restrictions.

Пандемия, объявленная в силу быстрого распространения коронавирусной инфекции, ускорила многие процессы, которые ранее обозначались как имеющие потенциал в своем развитии. Больше всего эти слова применимы к развитию цифровых технологий и их внедрению в нашу повседневную жизнь. Необходимость соблюдения социальной дистанции привела, с одной стороны, к усилению автономного существования каждого из нас, а с другой – к актуализации различных онлайн-площадок, позволяющих указанную автономию нивелировать (хотя бы в какой-то мере). Различные мессенджеры, сети стали каждодневным средством получения информации и общения.

Специфическая терминология, вытекающая из «цифрового права», активно внедряется и в юридическое пространство. Предлагаемые технологические решения ускоряют иные науки, призванные представить свою оценку внедряемых новелл. Право здесь не исключение. В обществе есть понимание недопустимости бесконтрольности интернет-пространства. Кибертехнологии осваивают не только добросовестные пользователи интернета. Преступный элемент

моментально осознал перспективы перехода в «цифровое поле»: интернет-мошенничество завоевывает все большее пространство в структуре преступности; террористические организации взяли на вооружение сетевые модели управления, осуществляя вербовку своих сторонников с помощью различных мессенджеров; DarkNet у многих стал ассоциироваться как платформа для наркоторговли, детской порнографии, продажи оружия.

В то же время весь мир представляет перспективы развития указанных технологий и степень их влияния на все стороны нашей социальной жизни. Цифровая экономика способствует международному торговому обмену, упрощая внешние связи субъектов предпринимательской деятельности. Упрощается доступ к государственным услугам, на иной уровень переходит прозрачность органов публичной власти. Однако открытость и размывание границ создают угрозу правам личности, прежде всего, связанным с обеспечением конфиденциальности персональных данных. На международном уровне принята Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г.

* Публикация выполнена по гранту Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых кандидатов наук № МК-390.2021.2.

№ 68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век», в которой подчеркивается важность соблюдения всех международных обязательств, связанных с защитой права на неприкосновенность частной жизни. В ней специально указывается, что незаконный или произвольный (фактически между этими признаками ставится знак равенства в части международных последствий) сбор личных данных представляет собой «крайне интрузивное деяние»¹.

В цифровой век по ряду обстоятельств наиболее уязвимыми становятся несовершеннолетние. Во-первых, именно они активные участники информационного обмена с помощью различных интернет-платформ. В науке используется число Данбара, указывающее на ограничение количества постоянных социальных связей, которые человек может поддерживать. Причем выделяются общий и близкий круги связей. Длительное время для *Homo sapiens* это число ограничивалось 150–200 и 15–20 соответственно. Сейчас, как метко отмечает Т. Черниговская: «А что мы имеем сейчас, в XXI веке? Загляните в свой телефон! Я в своем увижу тысячи людей, которых так или иначе знаю, но их на самом деле больше. Наша нейронная сеть может это выдержать?»². Приведенная проблема для несовершеннолетнего актуализируется еще и тем, что в силу возраста ребенок еще не может провести дифференциацию полезных связей.

Во-вторых, именно молодежи свойственен максимализм, повышенная требовательность к справедливости, склонность к рискованному поведению. На этом строятся многие социальные игры на основе создания альтернативной реальности – Alternate Reality Games (ARG), где главный принцип основан на девизе «this is not a game» – «это не игра» (TINAG). С учетом становления психологии несовершеннолетнего необходимо понимать, что ARG может поломать верификацию – процедуру проверки истинности знаний. ARG может использоваться в различных целях: в рекламных для продвижения продукции (как, например, игра «The Beast», нацеленная на интерес к фильму Стивена Спилберга «A.I. Artificial Intelligence» 2001 г.); создания навыков социального общежития в игровом виде (как, например, Oxenfree, сочетающая мистические элементы и вопросы выборы поведения); сочетания игры, головоломок и выполнения внешних заданий (игра The White Door).

Наиболее трагичные последствия негативного использования ARG связывают с игрой «Синий кит», в рамках которой манипулирование сознанием подростка завершалось его суицидом. Грамотное построение постепенного влияния основывалось на постоянном отсеке тех молодых людей, которые не подвержены абсолютному постороннему воздей-

ствию. Большой группе выдаются изначально безобидные задания, которые с переходом на следующий уровень усложняются и приобретают характер противоправного деяния. Все это маскировалось под модные квесты. Окончательный уровень, при подходе к которому ребенок, по сути, превращался в зомби, обозначался как переход в новую реальность. Его достижение связывалось с уничтожением всех следов игры и совершением акта самоубийства. По различным подсчетам число жертв «Синего кита» составляет около тысячи загубленных душ. После придания огласке российская общественность ознакомилась с таким понятием, как «группа смерти». Правовым следствием стало появление новых состав в Уголовном кодексе РФ (ст. 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» и ст. 110.2 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства»), хотя на необходимость криминализации деяний, направленных на побуждение к самоубийству, в российской юридической науке указывалось и ранее³.

Террористические организации взяли на вооружение ARG, используя пошаговый путь к радикализации («от нуля до героя»), когда на первых шагах сложно определить конечный результат. Так, в сети Интернет размещаются сайты с известными для молодежи логотипами. Например, в докладе немецкой организации Jugendschutz.net «Исламизм в сети» за 2018 год приводятся примеры последовательного вовлечения молодежи в салафитские организации:

- создание сайтов с привлекательной для молодежи символикой, ассоциируемой либо с популярными художественными фильмами, либо с комиксами, компьютерными играми, либо с образами киногероев. Один из сайтов, распространяющий пропагандистские ролики, использует логотип успешного художественного фильма «Marvel's The Avengers: Infinity War» («Мстители Marvel: Война бесконечности»). Подобное размещение нацелено на первичную восприимчивость и привлечение внимания к основному контенту;

- публикация видеороликов с апеллированием к известным молодежным кумирам с идеологическим объяснением их достижений. Таким образом происходит выбор целевой группы для точного донесения необходимой информации. Классическим примером пропагандистского воздействия стал видеоролик (более 50 тысяч просмотров) с комментарием боя ММА между Конором МакГреггором и Хабибом Нурмагомедовым, в котором проводилась связь победы Хабиба с его религиозными убеждениями;

- публичные дебаты в социальных сетях с акцентированием внимания на дискриминации представителей национальных и религиозных меньшинств. Средством преодоления такой несправедливости выступает объединение «всех мусульман» и размежевание с остальным социумом;

¹ Романовский Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни в конституциях, законе и юридической науке // Гражданин и право. 2016. № 4. С. 15–27.

² Татьяна Черниговская: «Учитель – священная фигура. Это слово пишется с большой буквы» [Электронный ресурс]. URL: <https://apkprou.ru/news/detail/271>.

³ Романовский Г. Б. О самоубийстве в российском праве // Вопросы правоведения. 2012. № 2. С. 125–148.

– распространение в социальных сетях и интернете символической информации, направленной на пропаганду определенных убеждений. Так, в апреле 2018 г. исламистская группа «Поколение ислама» призвала к «штурму Twitter» под хэштегом #NichtOhneMeinKopftuch. Его цель – протест против запрета на ношение хиджабов. Молодежь целенаправленно призывалась к распространению хэштега во всех доступных социальных сетях;

– популяризация теорий заговоров – «способ восприятия реальности, основанный на идее о том, что миром правят тайные силы»¹. Наибольшую известность приобрели теории о «тайном правительстве», управляющем миром, и специальной постановке террористических актов, нацеленных на отвлечение основного населения страны от актуальных социальных проблем².

Каждый из приведенных нарративов сам по себе не содержит негативной информации, вписываясь в рамки правомерного поведения. Использование того или иного «входа» в пропагандистское поле не всегда указывает на вступление в террористическую организацию. В то же время это определенное «сито», позволяющее выявить потенциальных сторонников. Нельзя не учитывать, что первые шаги в интернете террористических организаций основывались на прямой трансляции проповедей (манифестов) своих руководителей, где Усама бен Ладен (лидер «Аль-Каиды» – запрещенной организации в Российской Федерации) или Абу Бакр аль-Багдади (лидер ИГИЛ, запрещенной организации в Российской Федерации) прямо определяли цели своих организаций, оправдывая террористические атаки и нападения на мирных граждан. В этой части мировое сообщество быстро адаптировалось к новым угрозам, сайты с такими сведениями цензурятся, блокируются и закрываются.

Но и террористические организации подстраиваются под изменчивость обстоятельств. Все большее распространение получают небольшие видеоролики, позволяющие их быстро загрузить с любого мобильного устройства, изображения с символикой организаций, аватарки – идентификаторы сторонников, короткие посты в социальных сетях. Особое значение приобретают хэштеги, способствующие быстрому поиску необходимой информации и выявлению сторонников террористической идеологии³. Как только было выявлено использование мессенджеров для координации действий террористов и агитации сторонников, последовали значимые ограничительные меры, которые расширяются во многих странах

по настоящее время. Показательным можно считать Акт о борьбе с терроризмом и безопасности границ (Counter-Terrorism and Border Security Act, 2019)⁴, принятый в Великобритании в феврале 2019 г., заметно расширивший перечень противоправных действий в цифровом пространстве. Преступными стали не просто агитация и пропаганда терроризма, но и его «безрассудная поддержка», позволяющая привлекать граждан за выражение мнений в пользу террористической деятельности вне цели такого распространения информации; любое использование террористической символики в интернет-пространстве, даже если отсутствует реальное членство в запрещенной организации; просмотр цифрового контента с информацией, «которая может быть использована в террористических целях»⁵. Подобная инициатива вызвала критику со стороны правозащитных организаций (в частности, «Репортеры без границ» объявили закон угрозой для свободы прессы)⁶.

Интересна ситуация с российским мессенджером Telegram, вокруг которого в течение нескольких лет происходили юридические баталии в нашей стране. В 2017 г. заместитель Прокурора Итальянской Республики Ф. Полина в официальном докладе прямо обозначил мессенджер как рекомендуемый сторонниками исламистов для координации преступных действий⁷. Особенностью приложения выступает высокий уровень скорости обмена информацией с его безопасностью и сквозным шифрованием. К тому же Telegram позволяет создавать секретный чат, уничтожающий по таймеру информацию (после прочтения) у всех пользователей чата. Зарубежные исследователи признают, что Telegram сыграл важную роль в вербовке и координации террористических атак ИГИЛ в Европе⁸. Несмотря на профилактическую работу администраторов, создаются в массовом порядке Telegram-каналы, быстро консолидирующие сторонников и распространяющие террористический контент. Причем «жизнь» таких каналов исчисляется всего несколькими часами. Быстрота «заливки» огромного информационного массива указывает на то, что администраторы обладают хорошим оборудо-

¹ Яблоков И. Русская культура заговора: Конспирологические теории на постсоветском пространстве. М., 2020.

² 2018 Bericht. Islamismus im Netz / http://www.jugendschutz.net/fileadmin/download/pdf/Bericht_2018_Islamismus_im_Internet.pdf.

³ Стишинский М. Джихадистская пропаганда в интернете и социальных медиа // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 158–164.

⁴ Counter-Terrorism and Border Security Act, 12th February 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2019/3/contents/enacted>.

⁵ Безрукова О. В., Капитонова Е. А., Кулешова Г. П. и др. Терроризм, права человека и демократические ценности в России и за рубежом. М., 2019.

⁶ Grierson J. Counter-terror bill is a threat to press freedom, say campaigners [Электронный ресурс] // The Guardian. 2018. 25 Oct. URL: <https://www.theguardian.com/media/2018/oct/25/counter-terror-bill-is-a-threat-to-press-freedom-say-campaigners>.

⁷ Polino F. Il Contrasto alle nuove Forme di Terrorismo internazionale [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magistraturaindipendente.it/il-contrasto-alle-nuove-forme-di-terrorismo-internazionale.htm>.

⁸ Bloom M., Tiflati H., Horgan J. Navigating ISIS's Preferred Platform: Telegram // Terrorism and Political Violence. 2017. Vol. 31. № 6. Pp. 1242–1254.

ванием для хранения в электронном виде данных и их моментального размещения. Указывается, что проводимая фильтрация участников нацелена на обеспечение живучести канала. При этом считается признанным, что основные сторонники (порядка 90 %) террористических организаций не обладают глубокими познаниями в системе шифрования в интернете. Лишь чуть более 1 % используют DarkNet, зашифрованные электронные письма и иные секретные платформы¹. В 2016 г. появилась информация о разработке ИГИЛ специального приложения для Android под названием «The Alwari» (некий аналог WhatsApp), но в силу уязвимости в настоящее время отсутствует информация о развитии такого «специализированного» мессенджера. Идеологи террористических организаций к тому же призывают своих сторонников использовать более открытые сети, чтобы способствовать максимальному распространению сведений о себе, вовлекая весь мир в так называемый «электронный джихад»².

Анализ деструктивного влияния на российскую молодежь обусловил принятие определенных правил распространения информации в сети Интернет. Общие правила защиты детей от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред их здоровью, нравственному и духовному развитию, изложены в ст. 14 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». Принят специальный Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Отправной точкой выступает понятие информационной безопасности несовершеннолетних, достижение которой происходит на основе соответствующих принципов и запретов (статья 5)³. Перечень информации, подпадающей под установленные запреты, достаточно обширный. В нем можно найти и информацию, побуждающую к совершению действий, способных причинить вред их жизни и здоровью (что наиболее актуально в настоящее время), демонстрирующую сцены насилия, изображения сексуального характера и др.

Статья 14 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» закрепляет особенности распространения информации посредством информационно-телекоммуникационных сетей. Однако представленные требования имеют отношение только к информации, размещаемой на сайтах, но не в социальных сетях.

Несовершеннолетние сами становятся активными участниками межличностного общения с помощью специальных программ и приложений. С учетом того, что практически каждый гражданин, достигший примерно 8 лет, становится обладателем смартфона с доступом в интернет, отслеживание распространения запрещенной информации (или с ограниченным доступом) – достаточно сложная задача. В ряде стран действуют возрастные границы, после достижения которых возможно использование того или иного приложения. В некоторых странах до достижения 18 лет использование приложения допускается при наличии разрешения родителей или иных законных представителей. Однако подобные ограничения легко обходятся при выставлении ответа на вопрос о возрасте пользователя, поскольку проверка документов в цифровом общении не производится. В то же время подобный опыт может быть воспринят и в Российской Федерации. А обход вопроса о возрасте в случае возникновения конфликтных ситуаций может быть предъявлен законным представителям несовершеннолетнего.

Как и за рубежом, в России введение ограничений на распространение информации подвергается критике со стороны правозащитных организаций. Ее предметом в большинстве случаев (особенно имеющих политическую подоплеку) выступает не сам запрет, а возможность его использования в целях цензуры. Показательными являются ситуации в России с социальными сетями Twitter и TikTok.

В первом случае Роскомнадзор неоднократно призывал модераторов удалить запрещенный контент. В конечном итоге 2 апреля 2021 года мировой суд Таганского района г. Москвы вынес решение о наложении на компанию Twitter Inc штрафов на общую сумму 8,9 млн рублей по трем административным протоколам (ч. 2 ст. 13.41 КоАП РФ), составленным Роскомнадзором. Основанием для привлечения к ответственности стало «неудаление информации, призывающей несовершеннолетних участвовать в несанкционированных массовых мероприятиях». 19 апреля компания обжаловала постановления. По одному из дел постановление вступило в силу, но официально не опубликовано, на сайте суда есть общая ссылка «публикация запрещена», основание – ст. 15 п. 5 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ (имеется ввиду Закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»).

Общие основания для выдвижения требований провайдеру об удалении информации изложены в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В соответствии с Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 511-ФЗ в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях появилась ст. 13.41. «Нарушение порядка ограничения доступа к информации, информационным ресурсам, доступ к которым подлежит ограничению в соответствии с законодательством Российской

¹ Torres-Soriano R. The Hidden Face of Jihadist Internet Forum Management: The Case of Ansar al Muhajideen // *Terrorism and Political Violence*. 2016. Vol. 28. № 4. Pp. 735–749.

² Prucha N. IS and the Jihadist Information Highway – Projecting Influence and Religious Identity via Telegram // *Perspectives on Terrorism*. 2016. Vol. 10. № 6. Pp. 48–58.

³ Астафичев П. А. Законодательство о защите детей от приносящей им вред информации в механизме ограничений конституционных прав граждан на информацию и доступ к культурным ценностям // *Конституционное и муниципальное право*. 2020. № 2. С. 17–22.

Федерации об информации, информационных технологиях и о защите информации, и (или) порядка удаления указанной информации»¹. Именно эта новелла и была применена к Twitter Inc. Кстати, аналогичные дела ждут своего рассмотрения (на той или иной стадии) в судах г. Москвы применительно к Facebook, Telegram, TikTok, Google. В обосновании своей позиции Роскомнадзор указывал, что в период с 2017 г. по настоящее время он направлял в Twitter Inc. более 28 тысяч требований об удалении противоправного контента. Вызывает беспокойство бездействие Роскомнадзора (а в релизе речь идет о пропаганде суицида и торговле наркотиками) столь длительное время, а также внезапная активность государственного органа в усложняющееся политическое время (законодательный орган страны также не торопился с внесением изменений в Кодекс РФ об административных правонарушениях). В пресс-релизе также указывается, что протоколы об административных правонарушениях составлены только по одному виду нарушений – неудаление социальной сетью контента с призывами выйти на несанкционированные протестные акции². К тому же достаточно зайти на официальный паблик Роскомнадзора во Вконтакте, чтобы увидеть «красочные комментарии» пользователей, далекие от требований, установленных Роскомнадзором, которые не удалены модератором³.

Это, прежде всего, показывает отсутствие технической возможности вести тотальный контроль за интернетом. Запрещенная информация может размещаться в различных контентх, а именно: на веб-сайтах; форумах; интернет-магазинах; индивидуальных контентх; профилях; группах; социальных сетях; фотостоках и т. д. (это далеко не полный перечень). Внимание Роскомнадзора (как и общественности) в большинстве случаев привлечено к таким магнатам Интернета, как Facebook, Instagram, TikTok, Twitter и YouTube. Но есть различные иные программы с элементами социальной сети, которые также предусматривают размещение фото-, видеоматериалов. По таким принципам работают такие сети, как Tumblr (Тамблер), Pinterest (Пинтерест), Imgur (Имгур) и др. Их перечисление займет большой объем публикации. Они не так популярны в России, как тот же Instagram, но и у них есть значительное число пользователей.

В последнее время упреки формируются к китайской социальной сети TikTok, основными пользователями которой являются представители молодого поколения (41 % от общего числа пользователей – молодые люди в возрасте от 16 до 24 лет). А. А. Шапошников отмечает: «Проблема использования экстремистами интернет-ресурсов всегда стояла перед

любими крупными информационными компаниями. Администрация TikTok в последнее время особенно активно развивается в сфере борьбы с экстремистскими материалами на своем ресурсе, ее представители неоднократно заявляли, что, помимо огромной ответственности за персональные данные пользователей, они также отвечают за реализацию защиты психоэмоционального состояния людей, путем фильтрации загружаемого контента и борьбы с распространением запрещенных материалов»⁴.

Большинство стран понимают сложности контроля за распространяемой информацией в сети Интернет. Осуществить тотальное отслеживание невозможно, даже с использованием нейросетей и искусственного интеллекта. Деструктивные элементы подстраиваются под модели отслеживания, используя различные способы ухода от алгоритмов контроля. Вводимые запреты зачастую лишь затрудняют работу добросовестных пользователей. Даже китайская система «Золотой щит», призванная фильтровать трафик на территории Китайской Народной Республики, прекрасно обходится с помощью технологий VPN. Для американских туристов созданы специальные сайты, призванные пошагово объяснить владельцу мобильного телефона необходимость включения дополнительных настроек для открытия на территории КНР всех запрещенных социальных сетей. К тому же на подходе развитие спутникового интернета, где признанным лидером считается Илон Маск с проектом Starlink (его лозунг – «Интернет везде и всегда»). Осуществление контроля в рамках привычных технологий будет невозможным.

Выход видится в активном взаимодействии общественных институтов, самих провайдеров, модераторов социальных сетей. Выше приводился германский опыт, где действует организация Jugendschutz.net, выявляющая и систематизирующая интернет-угрозы для молодежной аудитории. Между государством и провайдерами действует Государственный договор о защите человеческого достоинства и защите молодежи в вещании и Телемедиа (Государственный договор о защите молодежных СМИ – JMStV) в версии девятнадцатого государственного договора о внесении поправок в Государственный договор о вещании (Девятнадцатый государственный договор о вещании)⁵. Подобные модели сорегулирования продвигаются во всем мире, где провайдеры берут на себя добровольные обязательства по фильтрации контента. В Германии в 2017 г. принят Закон об улучшении правоприменения в социальных сетях (Netzwerkdurchsetzungsgesetz, Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen

¹ Указания на номера дел и ссылки по движению можно найти: <https://habr.com/ru/news/t/550414>.

² Жалобу Twitter на штраф за отказ удалять запрещенные данные рассмотрят 17 мая. URL: <https://iz.ru/1155348/2021-04-22/zhalobu-twitter-na-shtraf-za-otkaz-udaliat-zapreshchennye-dannye-rassmotriat-17-maia>.

³ PKH / <https://vk.com/rkn>.

⁴ Шапошников А. А. Социальная сеть TikTok как инструмент распространения идеологии терроризма и экстремизма // ОБЗОР. НЦПТИ. 2020. № 4(23). С. 35–41.

⁵ JMStV [Электронный ресурс]. URL: https://www.kjm-online.de/fileadmin/user_upload/Rechtsgrundlagen/Gesetze_Staatsvertraege/JMStV_Genese/Jugendmedienschutz-Staatsvertrag__JMStV__in_der_Fassung_des_19_RA__StV.pdf.

Netzwerke, сокращенное название – NetzDG). Представленный закон подвергся серьезной критике, хотя некоторыми странами стал восприниматься как модельный для введения определенных ограничений для социальных сетей и иных подобных программ.

В Российской Федерации создана автономная некоммерческая организация «Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет»¹. Многие подходы в работе совпадают с зарубежным опытом противодействия терроризму в цифровом пространстве. Однако общий курс, взятый на установление жестких запретов и применение мер ответственности, не даст долгосрочного эффекта. Интернет – иная сфера коммуникаций, регулирование которой нуждается в гибкости и отработке постоянно меняющихся подходов. Ранее противостояние многих государств с этой сферой лишь подстегнуло разработчиков к созданию новых механизмов обхода жестких регулятивных правил. В этой части технологии будут всегда на шаг впереди. Лишь тесное взаимодействие всех участников процесса, основанное на понимании необходимости решения общих задач, может представить полученный результат, что достижимо только при постоянном диалоге государства с гражданским обществом.

Библиографический список

1. Bloom M. Navigating ISIS's Preferred Platform: Telegram / M. Bloom, H. Tiflati, J. Horgan // *Terrorism and Political Violence*. – 2017. – Vol. 31. – № 6. – Pp. 1242–1254.
2. Grierson J. Counter-terror bill is a threat to press freedom, say campaigners [Электронный ресурс] // J. Grierson // *The Guardian*. – 2018. – 25 Oct. – URL: <https://www.theguardian.com/media/2018/oct/25/counter-terror-bill-is-a-threat-to-press-freedom-say-campaigners>.
3. Polino F. II. Contrasto alle nuove Forme di Terrorismo internazionale [Электронный ресурс] // F. II. Polino. – URL: <http://www.magistraturaindipendente.it/il-contrasto-alle-nuove-forme-di-terrorismo-internazionale.htm>.
4. Prucha N. IS and the Jihadist Information Highway – Projecting Influence and Religious Identity via Telegram / N. Prucha // *Perspectives on Terrorism*. – 2016. – Vol. 10. – № 6. – Pp. 48–58.
5. Torres-Soriano R. The Hidden Face of Jihadist Internet Forum Management: The Case of Ansar al Muhajideen / R. Torres-Soriano // *Terrorism and Political Violence*. – 2016. – Vol. 28. – № 4. – Pp. 735–749.
6. Астафичев П. А. Законодательство о защите детей от приносящей им вред информации в механизме ограничений конституционных прав граждан на информацию и доступ к культурным ценностям / П. А. Астафичев // *Конституционное и муниципальное право*. – 2020. – № 2. – С. 17–22.
7. Безрукова О. В. Терроризм, права человека и демократические ценности в России и за рубежом / О. В. Безрукова, Е. А. Капитонова, Г. П. Кулешова и др. – М.: Юрлитинформ, 2019.
8. Романовский Г. Б. О самоубийстве в российском праве / Г. Б. Романовский // *Вопросы правоведения*. – 2012. – № 2. – С. 125–148.
9. Романовский Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни в конституциях, законе и юридической науке / Г. Б. Романовский // *Гражданин и право*. – 2016. – № 4. – С. 15–27.
10. Стышинский М. Джихадистская пропаганда в интернете и социальных медиа / М. Стышинский // *Политическая лингвистика*. – 2016. – № 5 (59). – С. 158–164.
11. Шапошников А. А. Социальная сеть TikTok как инструмент распространения идеологии терроризма и экстремизма / А. А. Шапошников // *ОБЗОР. НЦПТИ*. – 2020. – № 4(23). – С. 35–41.
12. Яблоков И. Русская культура заговора. Конспирологические теории на постсоветском пространстве / И. Яблоков. – М., 2020.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bloom M. Navigating ISIS's Preferred Platform: Telegram / M. Bloom, H. Tiflati, J. Horgan // *Terrorism and Political Violence*. – 2017. – Vol. 31. – № 6. – Rr. 1242–1254.
2. Grierson J. Counter-terror bill is a threat to press freedom, say campaigners [Elektronnyj resurs] // J. Grierson // *The Guardian*. – 2018. – 25 Oct. – URL: <https://www.theguardian.com/media/2018/oct/25/counter-terror-bill-is-a-threat-to-press-freedom-say-campaigners>.
3. Polino F. II. Contrasto alle nuove Forme di Terrorismo internazionale [Elektronnyj resurs] // F. II. Polino. – URL: <http://www.magistraturaindipendente.it/il-contrasto-alle-nuove-forme-di-terrorismo-internazionale.htm>.
4. Prucha N. IS and the Jihadist Information Highway – Projecting Influence and Religious Identity via Telegram / N. Prucha // *Perspectives on Terrorism*. – 2016. – Vol. 10. – № 6. – Rr. 48–58.
5. Torres-Soriano R. The Hidden Face of Jihadist Internet Forum Management: The Case of Ansar al Muhajideen / R. Torres-Soriano // *Terrorism and Political Violence*. – 2016. – Vol. 28. – № 4. – Rr. 735–749.
6. Astafichev P. A. Zakonodatel'stvo o zashchite detej ot prinosyashchej im vred informacii v mekhanizme ograničenij konstitucionnyh prav grazhdan na informaciju i dostup k kul'turnym cennostyam / P. A. Astafichev // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. – 2020. – № 2. – S. 17–22.
7. Bezrukova O. V. Terrorizm, prava cheloveka i demokraticheskie cennosti v Rossii i za rubezhom / O. V. Bezrukova, E. A. Kapitonova, G. P. Kuleshova i dr. – M.: YUrlitinform, 2019.
8. Romanovskij G. B. O samoubijstve v rossijskom prave / G. B. Romanovskij // *Voprosy pravovedeniya*. – 2012. – № 2. – S. 125–148.

¹ НЦПТИ / <https://ncpti.su>.

9. Romanovskij G. B. Pravo na neprikosновенnost' chastnoj zhizni v konstituciyah, zakone i yuridicheskoj nauke / G. B. Romanovskij // Grazhdanin i pravo. – 2016. – № 4. – S. 15–27.

10. Styshinskij M. Dzhihadistskaya propaganda v internete i social'nyh media / M. Styshinskij // Politicheskaya lingvistika. – 2016. – № 5 (59). – S. 158–164.

11. SHaposhnikov A. A. Social'naya set' TikTok kak instrument rasprostraneniya ideologii terrorizma i ekstremizma / A. A. SHaposhnikov // OBZOR. NCPTI. – 2020. – № 4(23). – S. 35–41.

12. YAblokov I. Russkaya kul'tura zagovora. Konspirologicheskie teorii na postsovet'skom prostranstve / I. YAblokov. – M., 2020.

О месте и роли руководителя территориального органа внутренних дел в оперативно-розыскном процессе

Свинов Дмитрий Вячеславович,
УМВД России по Курганской области
e-mail: dsvinov@mvd.ru

В статье делается попытка ответить на вопрос о месте и роли руководителя территориального органа внутренних дел в оперативно-розыскном процессе. Автор аргументирует, что с учетом наличия у руководителя территориального органа внутренних дел специфических оперативно-розыскных функций, фактической их реализацией в повседневной деятельности, а также имеющихся полномочий на санкционирование ряда оперативно-розыскных мероприятий его можно считать полноценным участником оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; руководитель; оперативно-розыскной процесс; орган внутренних дел; оперативно-розыскные функции.

About the place and role of the head of the territorial body of internal affairs in the operational search process

Svinov Dmitriy Vyacheslavovich,
Russian MIA Administration for Kurgan region

The article attempts to answer the question of the place and role of the head of the territorial body of internal affairs in the operational search process. The author argues that taking into account the presence of the head of the territorial body of internal affairs of specific operational-search functions, their actual implementation in everyday activities, as well as the existing powers to authorize a number of operational-search activities, he can be considered a full-fledged participant in operational-search activities.

Key words: operational-search activity; head; operational-search process; internal affairs body; operational-search functions.

В теории оперативно-розыскной деятельности вопрос о месте и роли руководителя территориального органа внутренних дел в оперативно-розыскном процессе¹, как и в самой оперативно-розыскной деятельности, является достаточно дискуссионным.

В частности, ряд исследователей², исходя из

¹ В теории оперативно-розыскной деятельности под оперативно-розыскным процессом принято понимать основанную на законодательных и ведомственных правовых нормах целенаправленную последовательность этапов достижения целей оперативно-розыскной деятельности, каждый из которых возникает при наличии соответствующих оснований и решает конкретные задачи оперативно-розыскной деятельности.

² См.: Бакланов Л. А. Гласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: моногр. Тюмень, 2015; Чечетин Е. А. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2016;

того, что в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»³ и приказе МВД России от 19 июня 2012 г. № 608 «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности»⁴ в перечне субъектов оперативно-розыскной деятельности не указан руководитель территориального органа внутренних дел, делают попытку обосновать, что он не является субъектом оперативно-розыскной деятельности.

Другие, наоборот, исходя, например, из того, что решение на проведение ряда оперативно-розыскных мероприятий принимает только руководитель тер-

Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Общая часть: курс лекций: в 2 ч. / под общей ред. Н. С. Железняк. Красноярск, 2007. Ч. 1. и другие.

³ СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

⁴ В пункте 2 данного приказа руководитель территориального органа внутренних дел упоминается только как лицо, допущенное к оперативно-розыскной деятельности.

риториального органа внутренних дел, обосновывают, что он является субъектом данной деятельности, либо отождествляют понятия «участник оперативно-розыскной деятельности» и «субъект оперативно-розыскной деятельности»¹.

Так, А. А. Маслов, раскрывая свое видение понятия «оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел» определяет место руководителя территориального органа внутренних дел в нем следующим образом: «Оперативно-розыскную деятельность органов внутренних дел можно определить как вид деятельности, осуществляемый в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной тайне гласно и негласно *руководителями органов внутренних дел, их подразделениями, правомочными осуществлять оперативно-розыскную деятельность, в пределах своих полномочий, посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств, собственной безопасности, а также в иных целях, предусмотренных законодательством Российской Федерации*»².

Ряд известных ученых (например, К. К. Горяинов, В. С. Овчинский, Г. К. Синилов), исходя из того, что в ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»³ понятия «орган» и «должностное лицо, осуществляющее оперативно-розыскную деятельность» по смысловому содержанию применяются как синонимы, делают вывод, что все должностные лица оперативных органов, перечисленных в ст. 13 данного закона, являются субъектами оперативно-розыскной деятельности⁴.

С данным выводом, на наш взгляд, можно поспорить и не согласиться, учитывая то обстоятельство, что не все сотрудники и работники оперативных

подразделений имеют доступ к соответствующей работе и не принимают участие в ее подготовке и проведении (например, водители, делопроизводители, некоторые технические специалисты и т. п.). Однако начальник территориального органа внутренних дел является должностным лицом, которое хотя и не принимает непосредственного участия в проведении конкретного оперативно-розыскного мероприятия, но осведомлено о деталях его организации и исполнения, а также в ряде случаев санкционирует его проведение.

В то же время В. А. Галушко и И. А. Вормсбехер делают вывод о том, что «участники оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел – это субъекты оперативно-розыскных правоотношений, возникающих в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности».

Учитывая мнение перечисленных авторитетных ученых и исследователей, считаем возможным в рамках нашего исследования развить их видения и определить место и роль руководителя территориального органа внутренних дел в процессе оперативно-розыскной деятельности, раскрыв его функции в данном процессе.

В частности, по нашему мнению, наличие у руководителя территориального органа внутренних дел только одной функции контроля уже дает представление о месте руководителя территориального органа внутренних дел в процессе оперативно-розыскной деятельности и основание включить его в состав участников оперативно-розыскной деятельности. Например, приказ МВД России от 3 февраля 2012 г. № 77 «Об основах организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации» так же, как и аналогичные приказы по ГУ (У) МВД России по субъектам Российской Федерации, наделяет руководителя территориального органа внутренних дел правом утверждать заведение дел оперативного учета, проверять обоснованность их заведения и прекращения, утверждать постановления о проведении оперативно-розыскных мероприятий и соответствующие планы, задания на проведение оперативно-розыскных мероприятий, разрешать выдачу денежных средств на их проведение, заключать контракты с конфидентами и т. п. Кроме того, п. 3 приказа МВД России от 19 июня 2012 г. № 608 «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности» относит руководителя территориального органа внутренних дел к числу должностных лиц, допущенных к контролю за оперативно-розыскной деятельностью.

Следовательно, данные обстоятельства, а также его последующая очевидная осведомленность о проводимых мероприятиях дают нам основания считать руководителя территориального органа внутренних дел участником оперативно-розыскной деятельности.

Анализируя известные в науке функции руководителя (функции прогнозирования, организации, руководства, координации и контроля) и сопоставляя их

¹ См.: Бондарь Т. И. Определение субъекта оперативно-розыскных мероприятий – залог соблюдения принципа законности в оперативно-розыскной деятельности // Оперативно-розыскная работа. 2013. № 4 (210); Дубоносов Е. С. Оперативно-розыскная деятельность: учеб. для вузов. М., 2012; Луговик В. Ф. Правовой статус оперуполномоченного при проведении оперативно-розыскных мероприятий: моногр. М., 2018; Лукашов В. А. Введение в курс оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учеб. пособие. Киев, 1976; Маслов А. А. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел в современных условиях: моногр. М., 2014; Сермягин К. А. Актуальные проблемы теории и практики ОРД ОВД в современных условиях: межвуз. сб. науч. трудов. М., 2005; Синилов Г. К. Правовые, информационные и тактические основы оперативно-розыскной деятельности советской милиции. М., 1975 и др.

² Маслов А. А. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел в современных условиях: моногр. М., 2014. С. 22.

³ СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

⁴ Галушко В. А., Вормсбехер И. А. Участники оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учеб. пособие. Омск, 2019. С. 9.

с управленческими функциями руководителя территориального органа внутренних дел, мы обращаем внимание, что они, по сути, аналогичны им, характеризуются только рядом отличий в силу основанности системы органов внутренних дел на принципе единственности, конфиденциальности некоторых видов деятельности, непрерывной циркуляции информации и т. п.

Учитывая изложенное, полагаем, что оперативно-розыскные функции руководителя территориального органа внутренних дел находятся в тесной взаимосвязи с элементами организации оперативно-розыскной деятельности.

Данное предположение согласуется с выводами Б. Е. Власова и А. Д. Ульянова, которые также пришли к выводу о том, что именно функции определяют содержание труда руководителя территориального органа внутренних дел. При этом специфическими для такого рода деятельности они выделяют информационно-аналитические, координирующие, организационно-оценочные и контрольные функции¹.

Соответственно, рассматривая функции руководителя территориального органа внутренних дел через призму отдельно взятого направления его деятельности (в частности, оперативно-розыскной деятельности) в рамках исполняемых им обязанностей, обеспечивающих функционирование территориального органа внутренних дел и достижение целей оперативно-розыскной деятельности, становится очевидным, что оперативно-розыскные функции руководителя территориального органа внутренних дел следует искать в его должностном регламенте и нормативных правовых актах, регламентирующих его деятельность в сфере организации оперативно-розыскной деятельности.

Не раскрывая сути данных документов и не перечисляя многочисленные элементы их содержания, отметим, что ряд задач и обязанностей руководителя территориального органа внутренних дел по организации и контролю оперативно-розыскной деятельности содержатся в указе Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации»², приказах МВД России от 19 июня 2012 г. № 608 «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России», от 3 февраля 2012 г. № 77 «Об основах организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации», от 28 июля 2017 г. № 545 «Об утверждении Положения об Управлении Министерства внутренних дел Российской Фе-

дерации по Курганской области», а также иных приказах МВД России, регламентирующих деятельность отдельных оперативных подразделений.

Исходя из содержания указанных документов, а также известных в науке управления постулатов о роли руководителя в процессе организации деятельности, мы можем констатировать, что руководитель территориального органа внутренних дел, реализуя задачи организации оперативно-розыскной деятельности и осуществляя личный контроль за данной деятельностью, по сути, является участником процесса оперативно-розыскной деятельности и тем самым реализует оперативно-розыскные функции.

При этом, разграничивая оперативно-розыскные функции и элементы организации оперативно-розыскной деятельности, отметим, что их различия заключаются в субъекте управления и месте руководителя в процессе реализации задач оперативно-розыскной деятельности. Оперативно-розыскные функции представляют собой в большей степени индивидуальную и непосредственно адресно-направленную работу, процедурно оформленную как отдельные направления оперативно-розыскной работы в оперативно-розыскной деятельности, различаемые в зависимости от ее обозначенных правовых целей, в частности, предупреждение совершения преступления, обнаружение преступления, разрешение дела оперативного учета, получение информации от конфиденанта и др.

В то же время элементы организации оперативно-розыскной деятельности представляют собой совокупность взаимосвязанных и, как правило, логически последовательных действий по управлению как процессом оперативно-розыскной деятельности в целом, и так и организационными структурами в этом процессе в частности. Например, прямое указание в подразделение уголовного розыска о проведении оперативно-розыскного мероприятия будет являться элементом организации оперативно-розыскной деятельности.

Подводя итог сказанному и соглашаясь с изложенными взглядами и выводами известных ученых, отметим, что, на наш взгляд, оперативно-розыскные функции руководителя территориального органа внутренних дел представляют собой систему воздействия руководителя территориального органа внутренних дел на процесс оперативно-розыскной деятельности, а также подчиненных подразделений и сотрудников с применением специальных приемов и способов для достижения целей и решения задач данной деятельности.

Кроме того, проведенный анализ нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность органов внутренних дел и оперативно-розыскную деятельность, позволил нам обратить внимание, что данные акты в основном содержат полномочия (задачи, обязанности), адресованные организации (в частности, органам внутренних дел, в том числе полиции, а также другим органам, осуществляющим оператив-

¹ См.: Ульянов А. Д., Власов Б. Е. Организация труда руководителя территориального органа (подразделения) МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49). С. 63.

² СЗ РФ. 2016. № 52 (V ч.). Ст. 7614.

но-розыскную деятельность), но не их руководителю. Однако по смысловому содержанию, как мы понимаем, именуя организацию, адресованы они, по сути, руководителю организации, т. е. руководителю органов внутренних дел.

В таком случае полагаем, что нормативные правовые акты, наделив руководителя органа внутренних дел рядом специфических полномочий в сфере оперативно-розыскной деятельности, вытекающих, в частности, из основных направлений деятельности полиции и содержащихся в ст. 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹ (например, выявление и раскрытие преступлений, розыск лиц и другие), создают основания для реализации им специфических оперативно-розыскных функций.

Данные функции, на наш взгляд, в общем виде выражены в следующем:

- руководитель территориального органа внутренних дел является организатором оперативно-розыскной деятельности;
- руководитель территориального органа внутренних дел в ряде случаев сам участвует в проведении оперативно-розыскных мероприятий и тем самым является субъектом оперативно-розыскных мероприятий;
- руководитель территориального органа внутренних дел является организатором агентурной работы и в ряде случаев непосредственно сам участвует в процессе конспиративного обмена информацией, имеет право устанавливать агентурные связи и имеет на связи конфиденентов;
- руководитель территориального органа внутренних дел выступает должностным лицом, утверждающим постановления о проведении оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих права граждан;
- руководитель территориального органа внутренних дел выступает должностным лицом, утверждающим постановления о проведении оперативно-розыскных мероприятий, не ограничивающих права граждан;
- руководитель территориального органа внутренних дел является организатором ресурсного обеспечения оперативно-розыскной деятельности и осуществляет функции получателя и распределителя бюджетных ассигнований на оперативно-розыскную деятельность.

Таким образом, с учетом наличия у руководителя территориального органа внутренних дел специфических оперативно-розыскных функций, фактической их реализации в повседневной деятельности, а также имеющихся полномочий на санкционирование ряда оперативно-розыскных мероприятий полагаем, что его можно считать полноценным участником оперативно-розыскной деятельности.

При этом под оперативно-розыскными функциями руководителя территориального органа внутренних дел предлагается понимать систему воздействия

руководителя территориального органа внутренних дел на процесс оперативно-розыскной деятельности, а также подчиненных подразделений и сотрудников с применением специальных приемов и способов для достижения целей и решения задач данной деятельности.

Библиографический список

1. Бакланов Л. А. Гласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: моногр. / Л. А. Бакланов. – Тюмень: ТИПК МВД России, 2015.
2. Бондарь Т. И. Определение субъекта оперативно-розыскных мероприятий – залог соблюдения принципа законности в оперативно-розыскной деятельности / Т. И. Бондарь // Оперативно-розыскная работа. – № 4 (210). – 2013.
3. Галушко В. А. Участники оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учеб. пособие / В. А. Галушко, И. А. Вормсбехер. – Омск: Омская академия МВД России, 2019.
4. Дубоносов Е. С. Оперативно-розыскная деятельность: учеб. для вузов / Е. С. Дубоносов. – М., Юрайт, 2012.
5. Луговик В. Ф. Правовой статус оперуполномоченного при проведении оперативно-розыскных мероприятий: моногр. / В. Ф. Луговик. – М.: Инфра-М, 2018.
6. Лукашов В. А. Введение в курс оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учеб. пособие. – Киев, 1976.
7. Маслов А. А. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел в современных условиях: моногр. / А. А. Маслов. – М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2014.
8. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Общая часть: курс лекций: в 2 ч. / под общей ред. Н. С. Железняк. – Красноярск: Сибирский юрид. институт МВД России, 2007. – Ч. 1.
9. Сермягин К. А. Актуальные проблемы теории и практики ОРД ОВД в современных условиях: межвуз. сб. науч. трудов / К. А. Сермягин. – М.: Московский университет МВД России, 2005.
10. Синилов Г. К. Правовые, информационные и тактические основы оперативно-розыскной деятельности советской милиции / Г. К. Синилов. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1975.
11. Ульянов А. Д. Организация труда руководителя территориального органа (подразделения) МВД России / А. Д. Ульянов, Б. Е. Власов // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 1 (49).
12. Чечетин Е. А. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий: дис. ... д-ра юрид. наук / Е. А. Чечетин. – Омск, 2016.

Bibliograficheskiy spisok

1. Baklanov L. A. Glasnoe obsledovanie pomeshchenij, zdaniy, sooruzhenij, uchastkov mestnosti i transportnyh

¹ СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

sredstv v operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del: monogr. / L. A. Baklanov. – Tyumen': TIPK MVD Rossii, 2015.

2. Bondar' T. I. Opredelenie sub»ekta operativno-rozysknyh meropriyatij – zalog soblyudeniya principa zakonnosti v operativno-rozysknoj deyatel'nosti / T. I. Bondar' // Operativno-rozysknaya rabota. – № 4 (210). – 2013.

3. Galushko V. A. Uchastniki operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del: ucheb. posobie / V. A. Galushko, I. A. Vormsbekher. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2019.

4. Dubonosov E. S. Operativno-rozysknaya deyatel'nost': ucheb. dlya vuzov / E. S. Dubonosov. – M., YUrajt, 2012.

5. Lugovik V. F. Pravovoj status operupolno mochenogo pri provedenii operativno-rozysknyh meropriyatij: monogr. / V. F. Lugovik. – M.: Infra-M, 2018.

6. Lukashov V. A. Vvedenie v kurs operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del: ucheb. posobie. – Kiev, 1976.

7. Maslov A. A. Osnovy operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del v sovremennyh usloviyah: monogr. / A. A. Maslov. – M.: FGKU «VNII MVD Rossii», 2014.

8. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' organov vnutrennih del. Obshchaya chast': kurs lekcij: v 2 ch. / pod obshchej red. N. S. ZHeleznyaka. – Krasnoyarsk: Sibirskij yurid. institut MVD Rossii, 2007. – CH. 1.

9. Sermyagin K. A. Aktual'nye problemy teorii i praktiki ORD OVD v sovremennyh usloviyah: mezhvuz. sb. nauch. trudov / K. A. Sermyagin. – M.: Moskovskij universitet MVD Rossii, 2005.

10. Sinilov G. K. Pravovye, informacionnye i takticheskie osnovy operativno-rozysknoj deyatel'nosti sovetskoj milicii / G. K. Sinilov. – M.: VNII MVD SSSR, 1975.

11. Ul'yanov A. D. Organizaciya truda rukovoditelya territorial'nogo organa (podrazdeleniya) MVD Rossii / A. D. Ul'yanov, B. E. Vlasov // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2019. – № 1 (49).

12. Chechetin E. A. Obespechenie prav lichnosti pri provedenii operativno-rozysknyh meropriyatij: dis. ... d-ra yurid. nauk / E. A. Chechetin. – Omsk, 2016.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 343.13

Теоретико-прикладное исследование критериев социальной обусловленности уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение»

Бражин Юрий Юрьевич,
Нижегородская академия МВД России
e-mail: brazhin.yura@bk.ru

В статье проведен анализ теоретических подходов к понятию социальной обусловленности, а также представлено его авторское определение и выделены признаки. Кроме того, на основе изученных эмпирических данных приведена система специальных критериев социальной обусловленности уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение».

Ключевые слова: национальный проект; социальная обусловленность; критерии; особый статус; уголовно-правовая охрана.

Theoretical and applied research of the criteria for the social conditionality of the criminal law protection of public relations in the implementation of the national project «Healthcare»

Brazhin Yuri Yurievich,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

The article analyzes theoretical approaches to the concept of social conditioning, as well as presents its author's definition and highlights the features. In addition, on the basis of the studied empirical data, a system of special criteria for the social conditionality of the criminal-law protection of public relations in the implementation of the national project «Healthcare» is presented.

Key words: national project; social conditioning; criteria; special status; criminal law protection.

В условиях глобализации политических, экономических угроз обеспечение социальной сферы как одного из ключевых направлений деятельности государства является достаточно актуальным и вызывает интерес как среди ученых, так и со стороны общества в целом.

В настоящее время органы государственной власти предпринимают меры различного рода в целях решения общественно значимых проблем, затрагива-

ющих все слои населения страны. Наиболее серьезными, сложно преодолимыми трудностями в рассматриваемой сфере являются: превышение уровня смертности над уровнем рождаемости, некачественное оказание медицинских услуг, низкий уровень морально-нравственного отношения врачей к бюджетным пациентам и многие другие. Вышеупомянутые факты свидетельствуют во многом о наличии системно сложной ситуации в сфере здравоохранения.

Полагаем, что решение большинства из них будет состоять в реализации национальных проектов. На это в своем Послании Указал Президент РФ В. В. Путин, отметив, следующее: «...особое внимание хотел бы уделить задачам, которые поставлены в майском указе и развернуты в национальных проектах. Их содержание и ориентиры отражают запросы и ожидания граждан страны. Национальные проекты построены вокруг человека, ради достижения нового качества жизни для всех поколений, которое может быть обеспечено только при динамичном развитии России»¹.

Осознавая важность намеченных приоритетов, органами государственной власти планомерно воплощаются в жизнь различные мероприятия, нацеленные на решение поставленных президентом задач. Однако, на наш взгляд, наиболее интересным для научного осмысления представляется национальный проект «Здравоохранение»².

Здоровье и жизнь являются особо важными объектами уголовно-правовой охраны, что подтверждается положениями Конституции РФ, международными соглашениями, а также Уголовным кодексом РФ, который в общей системе преступлений поставил их на первое место.

В то же время в рамках современного тренда развития государства многие исследователи указывают на необходимость корректировки курса уголовной политики в соответствии с наиболее важными процессами, затрагивающими интересы личности, общества, что впоследствии оказывает воздействие на возможность и эффективность применения законодательных новаций, принятие которых приобрело системный характер (в период 2015–2020 гг. было принято 57 федеральных законов о внесении изменений в Уголовный кодекс РФ). Более того, в доктринальных источниках указано, что именно социальные предпосылки являются главными детерминантами модернизации уголовного законодательства³.

В этой связи возникает необходимость проведения исследования целесообразности и обоснованности уголовно-правовой охраны от преступных посягательств, предусмотренных гл. 21, 22, 23, 30 УК РФ, в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение», т. к. установление правоохранительного инструментария должно основываться на социально-правовой обусловленности, в отсутствии которой этот процесс утрачивает необходимость. В теоретико-этимологическом аспекте понятию соци-

альной обусловленности уделялось достаточно много внимания. К примеру, в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой под социальным понимается «общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе»; обусловленность представлена в двух значениях, во-первых, как «ограничить каким-нибудь условием», и, во-вторых, как «явиться причиной чего-нибудь, вызвать что-нибудь»⁴. Учитывая вышеизложенное толкование исследуемого понятия, необходимо выделить следующие характерные черты: отношение к процессам, существующим в жизни населения страны; многогранность применения как локализация. С данными характеристиками рассматриваемого понятия согласны 62 % опрошенных респондентов, в состав которых входили: работники государственных и частных клиник, фармацевтических организаций, а также сотрудники образовательных организаций в сфере здравоохранения.

В рамках другого подхода «социальный» определяется как связанный с жизнью людей в обществе их отношениями в обществе или к обществу (социально-политический, социально-экономический и т. п.)⁵, т. е., характерным признаком представленного определения выступает невозможность существования без какой-либо деятельности граждан социума. Обусловленность рассматривается как зависимость от каких-либо условий, обстоятельств. В данной позиции определяющим признаком является состояние привязанности явления к конкретным факторам. Таким образом, автор указывает на отношения, существующие не только в конкретном обществе, но в других обществах, при этом обозначая их депенденционное положение от чего-либо.

Обращаясь к следующей точке зрения, стоит отметить, что под обусловленностью понимается зависимость от каких-либо условий, причин, обстоятельств, явлений; под социальным рассматривается свойственный обществу, связанный с жизнью и отношениями людей в обществе, общественный⁶. То есть автор обращает внимание на взаимообусловленную связь между исследуемыми категориями, с чем необходимо согласиться.

Вместе с тем в науке уголовного права встречаются подходы, в рамках которых раскрывается содержание понятия, образованного в результате слияния рассматриваемых терминов, определяемое как «социальная обусловленность».

В частности, по мнению Н. Б. Гулиевой, под социальной обусловленностью следует понимать объективно существующую потребность установления

¹ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2021).

² См.: Паспорт национального проекта «Здравоохранение»: утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2021).

³ Панов И. И. Тенденции и направления модернизации уголовного законодательства Российской Федерации // ИСОМ. 2012. №4. С. 14–17.

⁴ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л. И. Скворцова. М., 2014.

⁵ Ефремова Т. Ф. Современный словарь русского языка три в одном: орфографический, словообразовательный, морфемный: около 20 000 слов, около 1200 словообразовательных единиц. М., 2010.

⁶ Кузнецова С. А. Современный толковый словарь русского языка. СПб, 2001.

запрета на определенное поведение (выраженная в форме действия или бездействия) под угрозой применения мер уголовно-правового характера¹. Полагаем, что во многом этимологическая составляющая исследуемого явления положена в основу формулирования юридического понятия социальной обусловленности. Таким образом, автор обращает внимание не только на необходимость применения уголовного механизма для регулирования общественных отношений, но и на то, что запрещаемое деяние (преступление) должно представлять собой как правовое, так и социально обусловленное явление.

Т. В. Кленова считает, что «социальная обусловленность уголовного закона заключается в его эволюционировании, с учетом выявленных закономерностей развития общественных отношений, в совокупности с реальной социально-экономической ситуацией»². В данном случае обращается внимание на статику этого элемента, то есть постоянно обосновывающую потребность в развитии уголовно-правовых механизмов с учетом потребностей общества. Определяя данную характеристику как одну из наиболее значимых в раскрытии признаков социальной обусловленности уголовного закона, нами был задан вопрос респондентам следующего содержания: можно ли с вашей точки зрения рассматривать социальную обусловленность уголовного закона как постоянно протекающий процесс, нацеленный на охрану наиболее значимых общественных отношений? Были получены ответы следующего характера: да, можно — 61 %; нет, нельзя — 17 %; затруднились ответить — 22 %.

С точки зрения Д. А. Петрунина, под социальной обусловленностью следует понимать «совокупность предписаний, потребность в которых носит объективный характер для всего общества»³. В рамках исследуемого подхода ученый подчеркивает критерий общественной потребности как основной. Представленные подходы и полученные результаты проведенного социологического исследования фактически указывают на цель и средства социальной обусловленности уголовного закона, которые также должны быть отнесены к конструктивным признакам изучаемого понятия. Основной целью является регулирование общественных отношений с учетом складывающихся социальных, политических, экономических, культурных, идеологических и религиозных особенностей развития социума. Учитывая, что главным регулятором общественных отношений являются нор-

мы права, полагаем, что в рассматриваемой области таковыми выступают уголовно-правовые предписания.

Рассмотрев этимологические, юридические и специально-отраслевые подходы, раскрывающие как содержание социальной обусловленности уголовного закона, так и отдельных категорий его образующих, приходим к выводу о том, что под ней следует понимать статический процесс, характеризующий объективно существующую общественную потребность в регулировании наиболее значимых общественных отношений уголовно-правовыми средствами. Выделим следующие признаки:

- 1) объективно существующая общественная потребность;
- 2) статический процесс;
- 3) цель – регулирование общественных отношений;
- 4) средства – уголовно-правовые предписания.

В продолжение вышеупомянутой темы целесообразно рассматривать социальную обусловленность криминализации преступных деяний, сущность которой некоторые авторы раскрывают также через совокупность определенных критериев. Более того, обращаясь к отдельным позициям, имеющим место в науке уголовного права, стоит выделить два основных подхода к определению содержания криминализации. В рамках первого рассматривается законодательная деятельность, включающая в себя как закрепление в законе признаков новых составов преступлений, так и, например, в рамках пенализации, повышение верхних пределов санкций или ограничения в применении институтов освобождения от наказания. Вторым подходом ограничивается лишь отнесением законодателем деяния к числу преступлений⁴. Рассмотрим некоторые позиции, подтверждающие выдвинутые идеи.

Так, по мнению А. М. Морозова, основанием криминализации является наличие роста именно тех деяний, которые причиняют вред тем сферам общественных отношений, которые наделяются большей социальной значимостью на конкретном историческом этапе⁵. То есть данный ученый вкладывает в рассматриваемый юридический процесс две основополагающие характеристики. Первая определяет количество, а вторая – качество благ, ценностей, требующих уголовно-правовой охраны. В целом с данной позицией можно согласиться. В то же время особого внимания заслуживает позиция И. М. Гальперина, который полагал, что для криминализации деяний необходимо следующее: всесторонняя оценка распространенности преступных действий; динамичность совершенных посягательств; изученность причин и

¹ Гулиева Н. Б. О понятии составного преступления // Сборник трудов молодых ученых Кемеровского государственного университета, посвященный 60-летию Кемеровской области: в 2 т. Кемерово, 2002. Т. 2. С. 20.

² Кленова Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. 2001.

³ Петрунин Д. А. Социальная обусловленность уголовной ответственности за уклонение от призыва на военную службу и прохождения альтернативной гражданской службы // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 20–30.

⁴ Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации // Черные дыры в российском законодательстве. 2002. С. 15–20.

⁵ Морозов А. М. Социальная обусловленность криминализации незаконного образования юридического лица // Пробелы в российском законодательстве. 2018. №5. С. 10–14.

условий, порождающих возникновение наказуемого поведения; определение степени эффективности существующих правовых механизмов, направленных на борьбу с общественно опасными действиями; выявление общественного мнения всех социальных слоёв общества¹. В общем и целом, с данными критериями стоит согласиться. Особенно необходимо выделить критерий всесторонней оценки, который является, на наш взгляд, основополагающим при рассмотрении вопроса криминализации. С нашей позицией согласились 56 % опрошенных респондентов, 21 % указали на необходимость конкретизации, 23 % – затруднились ответить на данный вопрос.

В то же время М. В. Бавсун считает, что критериями криминализации являются²:

- 1) общественная опасность деяния, степень его влияния на общественные процессы и общественное сознание;
- 2) распространенность данного деяния и его удельного веса в общем состоянии преступности;
- 3) степень тяжести преступных последствий, характеризующихся размером причиненного вреда;
- 4) яркая антисоциальная направленность деяния и лица, противопоставляющего себя обществу.

Разделяя мнение данного автора, стоит отметить, что все критерии тесно взаимосвязаны между собой, однако особое внимание заслуживает первый, отражающий антиобщественный характер и степень совершенного деяния. Совершая преступление в сфере здравоохранения, преступник своими действиями причиняет вред государству и наносит невосполнимый ущерб обществу. Эта позиция нашла свое подтверждение в ходе проведенного опроса, в котором на вопрос «Является ли многообъектность основным признаком преступлений в сфере здравоохранения?» ответили: да, является – 62, 5 % респондентов; затруднились ответить – 14, 3 %; нет, причиняется вред только государству – 16, 6 %; нет, нарушаются интересы конкретных лиц, которым был причинен ущерб – 6,6 %.

А. Д. Антонов предлагает выделять объективную необходимость уголовно-правовой охраны определенных ценностей как ключевое основание криминализации³. Автор при определении исследуемого феномена выделяет достаточно общий признак, такой как востребованность уголовно-правовых средств при возникновении конкретных условий. Если соотносить с нашей позицией, то национальный проект «Здравоохранение» прогнозировано будет подвержен криминальным рискам, что ориентирует и побуждает к разработке специальной нормы.

¹ Гальперин И. М. Уголовная политика и уголовное законодательство // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 58.

² Бавсун М. В. Основные направления развития уголовно-правовой охраны профессионального спорта в России // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2013. № 1 (34) С. 217–218.

³ Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

В целом на основе проведенного изучения доктринальных источников и анализа эмпирических данных приходим к выводу о том, что основными критериями социальной обусловленности криминализации деяний выступают:

- общественная нужда в регулировании уголовно-правовыми способами наиболее уязвимой сферы общественных отношений;
- возможность и неизбежность причинения вреда нескольким объектам, охраняемым государством;
- всесторонняя оценка явления, то есть с учетом социальных, экономических, политических, духовных, идеологических факторов.

Нельзя не согласиться с вышеупомянутыми позициями, однако, вместе с тем, по нашему мнению, данный перечень в разрезе с проводимым нами исследованием имеет свои особенности, в этой связи предлагаем авторскую систему критериев социальной обусловленности криминализации деяний в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» с её обоснованием.

Во-первых, источники финансирования рассматриваемого института. В рамках реализации данного проекта на протяжении периода с 1 января 2019 г. по 31 декабря 2024 г. бюджетом страны предусмотрено выделение денежных средств:

- из федерального бюджета 1366,7 млрд рублей;
- из бюджетов субъектов РФ 265 млрд рублей;
- из государственных внебюджетных фондов 94 млрд рублей;
- из внебюджетных источников 0,1 млрд рублей.

Также в условиях распространения коронавирусной инфекции бюджетом РФ было выделено свыше 20 млрд долларов на оказание помощи гражданам и различным отраслям экономики⁴. Свыше 24 млрд рублей выделено на выплаты сотрудникам из числа медицинского персонала⁵.

Во-вторых, в рамках апробации первого перспективного проекта «Здоровье», согласно данным ГИАЦ МВД России, за период 2014–2018 гг. в сфере его реализации зарегистрировано 414 служебно-экономических преступлений. Общая сумма причиненного ущерба составила 882, 3 млн. рублей.

Кроме того, нельзя не отметить некоторые статистические данные о деяниях, связанных с хищениями денежных средств (мошенничество, присвоение и растрата), которые были изучены в ходе исследования, а именно за период реализации перспективного национального проекта «Здоровье» в период 2014–2018 гг.:

⁴ Пандемия со скидкой: Россия выделила на помощь населению и бизнесу в 70 раз меньше Германии [Электронный ресурс] // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/396629-pandemiya-so-skidkoy-rossiya-vydela-na-pomoshch-naseleniyu-i-biznesu-v-70-raz-menshe> (дата обращения: 05.03.2021).

⁵ Ускоренная помощь [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/09/16/mishustin-vydelil-na-vyplaty-medikam-eshche-24-mlrd-rublej.html> (дата обращения: 05.03.2021).

– зарегистрировано 67 общественно опасных деяний по ст. 159 УК РФ, в их числе 14 материалов, по которым вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела; 36 уголовных дел направлено в суд; приостановлены по ч. 1 ст. 208 УПК РФ – 28; общий размер причиненного ущерба составил – 797 808 тыс. рублей;

– зарегистрировано 41 общественно опасное деяние по ст. 160 УК РФ, в их числе 1 материал, по которому вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела; 38 уголовных дел направлено в суд; приостановлены по ч. 1 ст. 208 УПК РФ – 5; общий размер причиненного ущерба составил – 40 928 тыс. рублей.

В-третьих, необходимо обратить внимание на то, что Российская Федерация имеет федеративное устройство, в связи с этим существует строгое разграничение полномочий государства, субъектов РФ и органов местного самоуправления. Более того, государство возлагает на себя обязанность по установлению основ федеральной политики в области социального, экономического и национального развития страны, что подтверждает ст. 7 Конституции Российской Федерации¹.

Согласно паспорту национального проекта «Здравоохранение» его финансирование будет состоять на 79,2 % из средств федерального бюджета. Это в очередной раз подчеркивает необходимость пересмотра и переоценки содержаний объектов уголовно-правовой охраны, в рамках которых предметом преступления выступают государственные бюджетные средства.

Также денежные средства, выделяемые на реализацию национального проекта «Здравоохранение», составляют сверхкрупные суммы, завладение которыми ставит под угрозу безопасность государства. Колоссальные объемы финансирования являются одной из главных детерминант исследуемых преступных посягательств.

Кроме того, необходимо обратиться к положениям ч. 2 ст. 8 Конституции РФ, где указывается на принцип равенства всех форм собственности, в том числе государственной и частной. Вместе с тем бюджет как абсолютная и общегосударственная форма консолидирования денежных средств должен иметь особую форму правовой охраны. С такой точкой зрения согласились 57,3 % опрошенных респондентов. И, более того, данный подход разделяет и само государство: как разъяснил Конституционный Суд РФ, законодатель вправе определить не только порядок правомерного использования бюджетных средств, но и меры их повышенной охраны и защиты². Исходя

из этого следует, что общественная опасность завладения бюджетными средствами значительно выше, нежели при обращении в пользу виновного имущества, принадлежащего частным лицам. Кроме того, это подтверждается в отдельных положениях Уголовного кодекса РФ посредством использования уголовно-правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за совершение общественно опасных деяний против собственности. К примеру, в специальных видах мошеннических действий (ст. 159.1, 159.2 УК РФ) их крупный размер существенно различается (1 млн руб. и 250 тыс. руб. соответственно). Критерием дифференциации выступает в том числе направленность действий виновного на завладение денежными средствами, выделенными из средств коммерческого банка или же государственного бюджета. В ст. 176 УК РФ незаконное получение государственного целевого кредита также образует квалифицированный состав.

В-четвертых, социально-правовая обусловленность криминализации рассматриваемой группы деяний связана с их повышенной общественной опасностью, являющейся базовым основанием не только для отнесения деяния к преступному, но и их дифференциации. В этой связи не можем не остановиться на характеристиках этого признака. По мнению Ю. И. Ляпунова, под общественной опасностью следует понимать определенное объективное, антисоциальное состояние преступления, обусловленное всей совокупностью его отрицательных свойств и признаков и заключающее в себе реальную возможность причинения вреда общественным отношениям, поставленным под охрану закона³. А. И. Рарог под общественной опасностью деяния понимает его способность причинять существенный вред общественным отношениям, поставленным под охрану уголовного закона⁴. Примерно аналогичной точки зрения придерживается Ю. А. Красиков, что общественная опасность является объективным свойством деяний, которые влекут негативные изменения в социальной действительности, нарушают упорядоченность системы об-

4 статьи 93.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации, абзацами девятым – тринадцатым пункта 72 статьи 1 и абзацем вторым пункта 6 статьи 5 Федерального закона «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации», а также пунктом 3 статьи 8 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2009 год и на плановый период 2010 и 2011 годов»» [Электронный ресурс] URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19052009-n-596-o-o-ob/> (дата обращения: 06.03.2021).

³ Уголовное право. Общая часть: учеб. / под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. М., 1997. С. 127.

⁴ Уголовное право. Части Общая и Особенная: курс лекций / под ред. А. И. Рарога. М., 2005. С. 15.

¹ Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. № 237.

² Определение Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 г. № 596-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Акционерный банк «Содействие общественным инициативам» («Собинбанк») на нарушение конституционных прав и свобод пунктом

щественных отношений¹. Таким образом, предложенные авторами дефиниции во многом имеют схожие черты, в них обращается внимание на потенциальную ситуацию, при которой будет причинен ущерб благам и ценностям, установленным действующим законодательством. К таковым следует отнести:

- возможность и неизбежность причинения вреда интересам граждан, общества, государства;
- наличие общественной опасности у деяния;
- существенность причиненного вреда рассматриваемым общественным отношениям.

В продолжение позиции, упомянутой выше, рассмотрим характер и степень общественной опасности служебно-экономических преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение». Для этого необходимо обратиться к положениям Пленума Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, а также доктринальным подходам.

Согласно положениям Конституционного Суда РФ², характер и степень общественной опасности деяния выступают общими критериями установления уголовной ответственности и меры уголовно-правового характера должны быть соразмерными общественной опасности содеянного. Законодатель прямо высказывает позицию о недопустимости назначения наказания в отношении лица, совершившего деяние при отсутствии состава общественной опасности, с учетом его качественных и количественных характеристик.

Обращаясь к правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ, характер общественной опасности деяния находится во взаимосвязи с ценностными показателями объекта преступного посягательства, направленностью деяния, в то время как степень зависит от размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в деянии, совершенном в соучастии, формы вины³. Характер общественной опасности носит объективный характер и определяется судом индивидуально в каждом случае. В то время как степень является мате-

риальным признаком преступления, тем самым имеет более конкретную форму выражения.

В условиях развития современной уголовно-правовой науки существует схожее мнение, касающееся определения общественной опасности как ключевого социального свойства преступления. Общественная опасность выражается в причинении либо угрозе причинения ущерба охраняемым уголовным законом интересам.

Учитывая вышесказанное, обоснованно говорить о повышенном характере и степени общественной опасности в области реализации национального проекта «Здравоохранение» по следующим позициям:

- более чем на 70 процентов исполнение этого проекта связано с расходованием денежных средств из федерального бюджета;
- в результате совершения преступлений в указанной сфере граждане страны лишаются возможности получения качественных бесплатных услуг медицинского характера, предусмотренных паспортом проекта «Здравоохранение». Ввиду чего огромное количество капитала выводится в теневой сектор экономики, обогащая тем самым лиц, действующих в преступных целях. В результате наносится ущерб экономическим, политическим и социальным интересам государства и, более того, снижается авторитет государственной власти;

– реализация всех национальных проектов подвержена большому объему криминальных посягательств. Например, деятельность по производству лекарственных средств и субстанций, противоправные проявления в сфере которой приобретают все более обширный характер. Так, по ст. 6.33 КоАП РФ за 2017 г. было возбуждено 45 дел об административном производстве, а в 2018 г. цифровое значение рассматриваемых нарушений увеличилось и составило 61. Аналогичная ситуация происходит и в сфере уголовного судопроизводства, а именно по ст. 238.1 УК РФ в 2016 г. осуждено – 2, 2017 г. – 13, 2018 г. – 38⁴. В целом криминальная тенденция очевидна, и представляется возможным говорить, что рассматриваемые деяния в области реализации национального проекта «Здравоохранение» есть и будут иметь место.

Таким образом, характер и степень общественной опасности преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» определяются тем, что виновное лицо, нарушив установленный государством порядок бюджетного финансирования, может причинить вред как экономическим интересам, так и здоровью, и жизни человека. Отсутствие императивного инструментария его охраны создает уголовно-правовые риски в других, смежных секторах правового регулирования.

В-пятых, социальная обусловленность взятого для исследования направления должна лежать в переоценке объектов уголовно-правовой охраны деяний,

¹ Уголовное право России: учеб.: в 2 т. / отв. ред. А. Н. Игнатов, Ю. А. Красиков. М., 1998. Т. 1. С. 56.

² Определение Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2011 г. № 578-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сербиненко Вячеслава Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 17 и пунктом “з” части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также абзацем третьим пункта 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)” и пунктом 22 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации “О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое”» [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-21042011-n-578-o-o-ob> (дата обращения: 03.03.2021).

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2021).

⁴ Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 27.02.2021).

посягающих на сегмент общественных отношений, задействованных в рамках реализации этого проекта. Так, Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. № 469-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» была введена ст. 2844 УК РФ, получившая название «Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа»¹. Такая норма содержит специальный состав преступления, поскольку законодателем обращено внимание на особую важность общественных отношений, охраняемых уголовно-правовыми нормами, т. е. на объект преступного посягательства, а именно установленный порядок осуществления государственного оборонного заказа. Полагаем, что данный прием не просто является удачным и заслуживающим внимания, с нашей точки зрения, но и указывает на существенную корректировку курса уголовной политики в охране государственных интересов, повлекшего переоценку содержания объектов преступных посягательств.

В-шестых, высочайший уровень корыстности и коррупционности деяний, посягающих на общественные отношения в области исполнения этого проекта, также выступает в качестве специального критерия социальной обусловленности. Так, согласно результатам опроса, проводимого с участием 164 респондентов (из которых более 50 % – сотрудники государственных и частных клиник, 28 % – представители компаний, производящих или поставляющих фарммедпродукцию, 12,2 % – работники научных организаций в сфере здравоохранения), 82 % респондентов считают, что взяточничество обладает статусом основного криминального риска в ходе реализации национального проекта «Здравоохранение».

В-седьмых, преступления, совершаемые в сфере реализации национальных проектов, отличаются значительной степенью латентности, что не только препятствует исследованию реальной криминогенной обстановки в данной области, но и порождает многие другие социально-экономические последствия в стране. Стоит отметить, что денежные средства, выделяемые из бюджета РФ, бюджета субъектов РФ на реализацию национального проекта «Здравоохранение», будут осваиваться, как правило, в самих регионах, что обосновывает фактор криминальной привлекательности.

В-восьмых, анализируя зарубежное законодательство, особое внимание необходимо обратить на положительный опыт Республики Казахстан (глава 12 Уголовного кодекса Республики Казахстан), который предусматривает специальную юридическую ответственность за служебно-экономические пре-

ступления, связанные с деятельностью медицинских и фармацевтических работников. Выделение данного круга преступлений, несомненно, подчеркивает значимость рассматриваемых общественных отношений, и данный прием может быть учтен и в Российской Федерации.

Исследование форм девиантного поведения в рассматриваемой области абсолютно точно должно повлечь применение норм уголовного законодательства в новом формате. И, резюмируя вышесказанное, стоит сформулировать авторскую систему специальных критериев социальной обусловленности криминализации деяний в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение». Их содержание представлено следующим образом:

- многообъектный характер и колоссальный объем бюджетных средств, выделяемых на исполнение федеральных программ, и, как следствие, высокая криминальная привлекательность рассматриваемой сферы;
- результаты ранее проведенных исследований в рамках реализации предыдущего национального проекта «Здоровье»;
- сфера здравоохранения является приоритетным направлением развития государства;
- обоснованно высокий характер и степень общественной опасности совершаемых деяний в рамках исполнения национального проекта «Здравоохранение»;
- введение новых норм, предусматривающих уголовную ответственность за деяния в наиболее значимых сферах общественной жизни, является положительным примером тренда уголовной политики;
- высокий уровень латентности совершаемых преступлений;
- коррупция;
- позитивный опыт зарубежных стран.

Библиографический список

1. Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации / А. Д. Антонов // Черные дыры в российском законодательстве. – 2002. – С. 15–20.
2. Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: дис. ... канд. юрид. наук / А. Д. Антонов. – М., 2001.
3. Бавсун М. В. Основные направления развития уголовно-правовой охраны профессионального спорта в России / М. В. Бавсун // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2013. – № 1 (34). – С. 217–218.
4. Гальперин И. М. Уголовная политика и уголовное законодательство / И. М. Гальперин // Основные направления борьбы с преступностью. – М.: Юрид. лит., 1975.
5. Гулиева Н. Б. О понятии составного преступления / Н. Б. Гулиева // Сборник трудов молодых ученых Кемеровского государственного университета, посвященный 60-летию Кемеровской области: в 2 т. – Кемерово: Полиграф, 2002. – Т. 2.

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 469-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.02.2021).

6. Ефремова Т. Ф. Современный словарь русского языка три в одном: орфографический, словообразовательный, морфемный: около 20 000 слов, около 1200 словообразовательных единиц / Т. Ф. Ефремова. – М.: АСТ, 2010.
7. Кленова Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Т. В. Кленова. – М. 2001.
8. Кузнецова С. А. Современный толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецова. – СПб, 2001.
9. Морозов А. М. Социальная обусловленность криминализации незаконного образования юридического лица / А. М. Морозов // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 5. – С. 10–14.
10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28-е изд. перераб. – М.: Мир и образование, 2014.
11. Панов И. И. Тенденции и направления модернизации уголовного законодательства Российской Федерации / И. И. Панов // ИСОМ. – 2012. – № 4. – С. 14–17.
12. Петрунин Д. А. Социальная обусловленность уголовной ответственности за уклонение от призыва на военную службу и прохождения альтернативной гражданской службы / Д. А. Петрунин // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 20–30.
9. Morozov A. M. Social'naya obuslovlennost' kriminalizacii nezakonnogo obrazovaniya yuridicheskogo lica / A. M. Morozov // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. – 2018. – № 5. – S. 10–14.
10. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / pod red. prof. L. I. Skvorcova. – 28-e izd. pererab. – M.: Mir i obrazovanie, 2014.
11. Panov I. I. Tendencii i napravleniya modernizacii ugovnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii / I. I. Panov // ISOM. – 2012. – № 4. – S. 14–17.
12. Petrunin D. A. Social'naya obuslovlennost' ugovnoj otvetstvennosti za uklozenie ot prizyva na voennuyu sluzhbu i prohozhdeniya al'ternativnoj grazhdanskoj sluzhby / D. A. Petrunin // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept». – 2014. – T. 20. – S. 20–30.

Bibliograficheskij spisok

1. Antonov A. D. Teoreticheskie osnovy kriminalizacii / A. D. Antonov // S Chernye dyry v rossijskom zakonodatel'stve. – 2002. – S. 15–20.
2. Antonov A. D. Teoreticheskie osnovy kriminalizacii i dekriminalizacii: dis. ... kand. jurid. nauk / A. D. Antonov. – M., 2001.
3. Bavsun M. V. Osnovnye napravleniya razvitiya ugovno-pravovoj ohrany professional'nogo sporta v Rossii / M. V. Bavsun // Vestnik OmGU. Seriya. Pravo. – 2013. – № 1 (34). – S. 217–218.
4. Gal'perin I. M. Ugolovnaya politika i ugovnoe zakonodatel'stvo / I. M. Gal'perin // Osnovnye napravleniya bor'by s prestupnost'yu. – M.: YUrid. lit., 1975.
5. Gulieva N. B. O ponyatii sostavnogo prestupleniya / N. B. Gulieva // Sbornik trudov molodyh uchenyh Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, posvyashchennyj 60-letiyu Kemerovskoj oblasti: v 2 t. – Kemerovo: Poligraf, 2002. – T. 2.
6. Efremova T. F. Sovremennyy slovar' russkogo yazyka tri v odnom: orfograficheskij, slovoobrazovatel'nyj, morfemnyj: okolo 20 000 slov, okolo 1200 slovoobrazovatel'nyh edinic / T. F. Efremova. – M.: ACT, 2010.
7. Klenova T. V. Osnovy teorii kodifikacii ugovno-pravovyh norm: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk / T. V. Klenova. – M. 2001.
8. Kuznecova S. A. Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / S. A. Kuznecova. – SPb, 2001.

Проблемы уголовно-правовой квалификации бытового хищения электроэнергии путем ее потребления

Гончаров Денис Юрьевич,
Уральский юридический институт МВД России,
доктор юридических наук, профессор
e-mail: denis66777@mail.ru

Чернышев Дмитрий Борисович,
Уральский юридический институт МВД России
e-mail: Sledstvient404@mail.ru

Хищение электроэнергии путем потребления совершается двумя способами, требующими различной квалификации. В случае самовольного подключения действия необходимо квалифицировать как кражу, в случае внесения конструктивных изменений в прибор учета – как причинение имущественного ущерба путем обмана без цели хищения.

Ключевые слова: несанкционированное подключение; электроэнергия; энергосети; кража; обман; тайное хищение.

Problems of criminal qualification of domestic theft of electricity by its consumption

Goncharov Denis Yurievich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Doctor of Law, Professor

Chernyshev Dmitry Borisovich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

The theft of electricity by consumption is committed in two ways, requiring different qualifications. In the case of unauthorized connection, the actions must be qualified as theft, in the case of making structural changes to the metering device – as causing property damage by deception without the purpose of theft.

Key words: unauthorized connection; electricity; power grids; theft; fraud; secret theft.

Преступления, совершаемые в сфере ЖКХ на бытовом уровне, представляют не меньшую опасность в сравнении с деяниями, совершаемыми в крупном и особо крупном размерах. Это обусловлено прежде всего массовостью и обыденностью указанных противоправных действий, а также непониманием со стороны обывателя их преступного характера. В ходе проводимых криминологических исследований установлено, что значительная часть населения оправдывает мелкие нарушения закона, совершаемые в силу тяжелых жизненных обстоятельств. У данной проблемы существуют объективные причины, такие как ощущение массами населения некоей социальной несправедливости в уровне уголовной ответственности лиц, совершающих хищения в особо крупном размере, и «власть имущих» в сравнении в «простыми» гражданами.

Отрицание общественной опасности преступления, сопряженное с массовым оправданием, а порой и одобрением подобного преступного поведения, безусловно, может свидетельствовать о готовности россиян при определенном стечении обстоятельств пойти на совершение подобного преступления. И такое общественное одобрение влечет за собой совершение новых преступлений.

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость уголовно-правового противодействия данному явлению.

В настоящем исследовании мы хотели бы остановиться на проблеме уголовно-правовой квалификации преступлений, связанных с незаконным подключением потребителей к электросетям и долгосрочным неучтенным потреблением электроэнергии, как одних из наиболее распространенных видов

преступлений, совершаемых в сфере ЖКХ на бытовом уровне.

Рассматривая уголовно-правовую характеристику указанных преступлений, можно сделать следующие выводы.

Родовым объектом преступного посягательства выступают общественные отношения в сфере экономики, видовым объектом – общественные отношения, возникающие в ходе осуществления права собственности. Непосредственным объектом выступает электроэнергия, проходящая по электросетям. Объективная сторона выражается в тайном подключении к энергосетям и дальнейшем длительном неучтенном потреблении электроэнергии. Субъективная сторона выражается в прямом корыстном умысле, направленном на извлечение материальной выгоды. Субъектом преступления выступает физическое вменяемое лицо, достигшее возраста привлечения к уголовной ответственности.

Казалось бы, приведенная уголовно-правовая характеристика указывает на простоту конструкции состава преступления, однако при ближайшем рассмотрении выявляются проблемы, связанные с непосредственной уголовно-правовой квалификацией указанного деяния.

Остановимся подробнее на преступном деянии. В качестве типичного примера можно привести подключение жилого или нежилого помещения к энергосети в обход прибора учета либо внесение конструктивных изменений в прибор учета потребления электроэнергии, в результате чего происходит искажение его показаний в меньшую сторону.

Согласно действующей позиции Верховного Суда РФ, несанкционированное подключение к энергосетям, создающее возможность неучтенного потребления электроэнергии, следует квалифицировать по ст. 165 УК РФ¹. В качестве обоснования такой позиции суд указывает на тот факт, что указанные действия являются суть обманом, совершаемым в целях получения незаконной выгоды имущественного характера, и на отсутствие признаков хищения².

Правоприменительная практика в настоящее время складывается в соответствии с требованиями Верховного Суда РФ.

Так, приговором Ленинского районного суда г. Санкт-Петербурга по п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ осужден гр. И. Судом установлено, что подсудимый, являясь владельцем продуктового магазина, не подключенного к электросетям, и не имея заключенного договора на поставку электрической энергии, действуя из корыстных побуждений, имея умысел на причинение имущественного ущерба собственнику, путем обмана, без цели хищения, с целью дальнейшего неучтенного потребления электроэнергии, незаконно подключил помещение магазина к линии электропередач, после

чего на протяжении длительного времени, не поставив в известность собственника электроэнергии, неучтенно потреблял электроэнергию для нужд своего магазина, оплату за которую не производил³.

Аналогичное решение принято мировым судьей судебного участка № 113 Дахадаевского района Республики Дагестан 30 апреля 2013 г. в отношении гр. М.⁴

Несмотря на сложившуюся правоприменительную практику, квалификация указанного вида преступлений по ст. 165 УК РФ вызывает ряд вопросов.

В первую очередь следует отметить проблему определения сущности электроэнергии как объекта права, т. к. она не имеет материальной формы⁵. А. В. Хабаров предлагает рассматривать электрическую энергию с точки зрения формального толкования ст. 128 Гражданского кодекса РФ, включив ее в понятие «иное имущество», относящееся к объектам гражданских прав. При этом судебная практика рассматривает договор электроснабжения, заключаемый между поставщиком электроэнергии и ее потребителем, в качестве одной из разновидностей договора купли-продажи, в результате чего продаваемая и приобретаемая энергия получает черты объекта права собственности и, соответственно, предмета хищения⁶.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, являются имущественные, товарно-денежные ценности, подлежащие передаче потерпевшему за пользование имуществом либо в качестве обязательных платежей за оказанные услуги⁷. Следуя логике гражданского законодательства, электрическая энергия передается производителем потребителю в виде услуги или имущества, за которые собственник (энергетическая компания) при обычных условиях гражданского оборота получил бы оплату. Таким образом, мы полагаем, что электрическая энергия с точки зрения ее правовой природы не может выступать предметом преступного посягательства причинения имущественного ущерба путем обмана без цели хищения.

Одним из квалифицирующих признаков преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, является об-

³ См.: Уголовное дело № 1-264/2017 [Электронный ресурс] // Архив Ленинского районного суда г. Санкт-Петербурга. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vtnhTT8bASNs> (дата обращения: 16.03.2021).

⁴ См.: Уголовное дело № 1-1/2013 [Электронный ресурс] // Архив судебного участка № 113 Мирового суда Дахадаевского района Республики Дагестан. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/NSdNScPtUjdn/> (дата обращения: 15.03.2021).

⁵ См.: Гладких В. И., Казаков В. В., Шумов Р. Н. Противодействие преступлениям, совершаемым в жилищно-коммунальной сфере: моногр. М., 2011.

⁶ См.: Хабаров А. В. Преступления против собственности: влияние гражданско-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 1999. С. 7.

⁷ См.: Черных Е. Е. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: вопросы применения и совершенствования законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. С. 18.

¹ См.: Пункт 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

² См.: Прим. 1 к ст. 158 УК РФ.

ман как способ причинения имущественного ущерба. Анализируя последовательность действий субъектов, выражающих объективную сторону совершенного преступления, обращает на себя внимание факт, что производимые операции по подключению к сетям электроснабжения совершаются без заключения гражданско-правового договора, соответственно собственник электроэнергии не осведомлен о том, что субъект планирует потреблять указанный ценный ресурс. Отсюда можно сделать вывод о том, что несанкционированное подключение к электросети, в обход заключенного договора, выполняется тайно. И дальнейшее неучтенное потребление электроэнергии также выполняется тайно.

Указанные признаки объективной стороны преступного деяния не соотносятся с признаками обмана, отраженными с п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»¹, при этом вполне соответствуют признакам тайного хищения имущества.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод о наличии в рассматриваемой ситуации всех признаков кражи: электрическая энергия как предмет хищения, но не предмет причинения имущественного ущерба в виде упущенной выгоды; тайный характер хищения, а не обман как способ завладения искомым имуществом.

Учеными предлагались различные подходы к решению указанной проблемы.

Так, В. И. Гладких предлагает применять норму ст. 165 УК РФ только в случаях, когда субъектом осуществляется незаконное потребление электроэнергии при наличии действующего договора энергоснабжения, при внесении им конструктивных изменений в прибор учета, искажающих его показания².

Мы отчасти согласны с указанной позицией, т. к. в данной ситуации, действительно, формально содержатся признаки обмана. Он выражается в умышленном предоставлении представителям компании – поставщика электроэнергии заведомо недостоверных сведений о фактически потребленных коммунальных ресурсах. Также преступление выражается в «непередаче должного», что также соответствует диспозиции объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ.

В случае самовольного подключения к электросетям тот же автор предлагает ввести в УК РФ новую норму – ст. 165.1, охватывающую умышленное незаконное пользование электрической, тепловой и иными видами энергии, в результате чего был причинен ущерб владельцам (поставщикам). Мы не согласны с предложенным подходом, т. к. усматриваем в данной уголовно-правовой ситуации признаки кражи, в связи с чем введение новой нормы при наличии соответ-

ствующей действующей видится нецелесообразным, поскольку нарушает принципы универсальности применения статей особенной части УК РФ.

Н. В. Сычева в своем диссертационном исследовании предлагает включить в диспозицию ст. 165 УК РФ в дополнение к обману и злоупотреблению доверием тайный способ совершения деяния³. С указанным подходом мы также не можем согласиться, т. к. описываемая выше ситуация имеет признаки тайного хищения, ответственность за которое уже предусмотрена ст. 158 УК РФ.

В качестве обоснования нашей позиции хотелось бы привести сравнение неучтенного потребления электрической энергии с однородным преступлением, а именно с кражей, совершенной из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода. В обоих случаях мы можем наблюдать одинаковый способ, а именно тайное подключение к магистрали, по которой осуществляется передача материального ресурса, в первом случае – к линии энергоснабжения, во втором – к трубопроводу. Тайный характер действий предполагает, что лицо, совершающее подключение, в нарушение требований действующего законодательства, согласно которым заключение договора на поставку электроэнергии (природного газа) является обязательным⁴, получает доступ к искомому предмету преступного посягательства, умышленно скрывая данный факт от собственника ресурса. В дальнейшем субъект продолжительное время похищает искомым коммунальный ресурс – природный газ, электрическую энергию – путем потребления. В качестве мотива субъектом в обоих случаях движет корысть.

Выше нами отмечалась гражданско-правовая природа электроэнергии, которая наделяет ее чертами объекта права собственности, таким же, каким является в сложившейся практике природный газ. Именно указанное свойство позволяет электрической энергии выступать в качестве предмета хищения.

Таким образом, анализируя правоприменительную практику, мы видим схожий предмет преступного посягательства – объекты права собственности, тайный характер завладения искомым, одинаковый способ получения доступа – незаконное самовольное подключение, корыстный умысел. При этом неучтенное потребление газа из газопровода квалифицируется по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, являясь соответственно хищением, и относится к категории тяжких преступлений, не зависимо от объема похищенного. В то же время неучтенное потребление

³ См.: Сычева Н. В. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 13.

⁴ См.: Постановление Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442 (ред. от 02.03.2021) «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии»; Постановление Правительства РФ от 21 июля 2008 г. № 549 (ред. от 19.03.2020) «О порядке поставки газа для обеспечения коммунально-бытовых нужд граждан».

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

² См.: Гладких В. И., Казаков В. В., Шумов Р. Н. Указ. соч.

электроэнергии из энергосети, согласно указаниям Верховного Суда РФ, квалифицируется по ст. 165 УК РФ и относится к категории преступлений небольшой либо средней тяжести.

Отнесение кражи из газопровода к более квалифицированным составам преступления имеет свое объяснение, т. к. связано с повышенной общественной опасностью способа получения субъектом доступа к искомому: механическое повреждение «тела» трубы, по которой в этот момент продолжает протекать взрывоопасное вещество – природный газ, производство неквалифицированных сварочных и слесарных работ. Все это создает дополнительный объект преступного посягательства – общественную безопасность, т. к. указанные действия, помимо непосредственно причинения имущественного ущерба потерпевшему, могут привести к иным последствиям в виде аварий на газопроводе, возгораниям и взрывам, сопряженным в том числе с опасностью причинения вреда жизни и здоровью людей. В связи с этим стремление законодателя максимально криминализировать данное деяние видится логичным и разумным.

Несанкционированное подключение к энергосетям и дальнейшее неучтенное потребление электроэнергии, безусловно, представляет меньшую общественную опасность в сравнении с вышеописанной ситуацией, поскольку посягает только на право собственности. Однако помимо уровня потенциальной опасности внешняя составляющая объективной стороны этих двух видов преступного поведения (тайное подключение к магистрали, по которой протекает искомый коммунальный ресурс, длительное неучтенное потребление и, как результат, причинение имущественного ущерба собственнику), выглядит идентичной. Также у обеих уголовно-правовых ситуаций совпадают признаки субъективной стороны состава преступления – корыстный умысел, направленный на тайное безвозмездное неучтенное потребление коммунальных ресурсов. Мы полагаем, что в обоих случаях имеются признаки тайного хищения чужого имущества.

Иным образом выглядит ситуация, связанная с неучтенным потреблением электрической энергии в результате внесения конструктивных изменений в устройство прибора учета. В данном случае субъект потребляет электроэнергию открыто, в рамках заключенного с поставщиком договора. Однако он предоставляет потерпевшему (поставщику электроэнергии) заведомо ложные сведения об объеме фактически потребленных ресурсов. Таким образом, он вводит уполномоченное производить расчеты лицо в заблуждение относительно размера своей задолженности за потребленную электроэнергию. Налицо признаки обмана как способа достижения корыстной цели. При этом предметом преступного посягательства являются именно денежные средства, которые субъект фактически должен уплатить поставщику за потребленную электроэнергию, однако уклоняется от данной обязанности в силу совершенного обмана.

Таким образом, в указанных действиях отсутствуют признаки хищения и, следовательно, их надлежит квалифицировать по соответствующей части ст. 165 УК РФ.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Верховный Суд Российской Федерации справедливо указывает на необходимость квалификации действий, связанных с неучтенным потреблением электроэнергии путем внесения конструктивных изменений в прибор учета, как причинение имущественного ущерба путем обмана при отсутствии признаков хищения.

Однако действия субъекта, связанные с тайным подключением к сетям электроснабжения и дальнейшим неучтенным потреблением электрической энергии, надлежит квалифицировать как кражу.

В связи с тем, что вопрос, связанный с квалификацией неучтенного потребления электроэнергии, был рассмотрен на заседании Пленума Верховного Суда РФ, для устранения выявленных в ходе проведенного исследования проблем необходимо внести изменения в постановление Пленума Верховного Суда РФ¹, а именно изложить п. 22 в следующей редакции:

– действия, связанные с внесением изменений в конструкцию приборов учета потребляемой электроэнергии, искажающих их показания, и создающие возможность неучтенного потребления электроэнергии, следует квалифицировать в качестве причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения;

– действия, связанные с несанкционированным подключением к энергосетям, следует квалифицировать как кражу, то есть тайное хищение чужого имущества.

Предлагаемые нами изменения в правоприменительную практику позволят усилить уголовно-правовую охрану общественных отношений, связанных с производством и поставкой коммунальных ресурсов. В частности, применение ст. 158 УК РФ для квалификации преступлений, связанных с несанкционированным подключением к энергосетям и неучтенным потреблением электроэнергии, позволит применять средства уголовно-правовой охраны на ситуации, связанные с хищениями на бытовом уровне, т. к. порог уголовной ответственности по размеру причиненного ущерба при квалификации ч. 1 ст. 158 УК РФ составляет 5 000 рублей, а при квалификации ч. 1 ст. 165 УК РФ – 250 000 рублей. Также применение при квалификации ст. 158 УК РФ позволит охватить больший круг субъектов, т. к. согласно ст. 20 УК РФ уголовная ответственность за совершение кражи наступает с 14 лет, а за совершение преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, – с 16 лет.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

Мы полагаем, что предложенные нами меры по усилению уголовно-правовой охраны отношений в сфере производства и поставки электроэнергии позволят снизить уровень бытовой преступности в данной сфере.

Библиографический список

1. Гладких В. И. Противодействие преступлениям, совершаемым в жилищно-коммунальной сфере: моногр. / В. И. Гладких, В. В. Казаков, Р. Н. Шумов. – М.: Международный юридический институт, 2011.
2. Сычева Н. В. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ...канд. юрид. наук / Н. В. Сычева. – Челябинск, 2006.
3. Хабаров А. В. Преступления против собственности: влияние гражданско-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Хабаров. – Тюмень, 1999.
4. Черных Е. Е. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: вопросы применения и совершенствования законодательства: автореф. дис. ...канд. юрид. наук / Е. Е. Черных. – Н. Новгород, 2009.

Bibliograficheskiy spisok

1. Gladkih V. I. Protivodejstvie prestupleniyam, sovershaemym v zhilishchno-kommunal'noj sfere: monogr. / V. I. Gladkih, V. V. Kazakov, R. N. SHumov. – M.: Mezhdunarodnyj yuridicheskij institut, 2011.
2. Sycheva N. V. Prichinenie imushchestvennogo ushcherba putem obmana ili zloupotrebleniya doveriem: ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk / N. V. Sycheva. – CHelyabinsk, 2006.
3. Habarov A. V. Prestupleniya protiv sobstvennosti: vliyanie grazhdansko-pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / A. V. Habarov. – Tyumen', 1999.
4. CHernyh E. E. Prichinenie imushchestvennogo ushcherba putem obmana ili zloupotrebleniya doveriem: voprosy primeneniya i sovershenstvovaniya zakonodatel'stva: avtoref. dis. ...kand. yurid. nauk / E. E. CHernyh. – N. Novgorod, 2009.

Законодательная регламентация формы вины в составе хулиганства (по материалам Республики Армения)

Джумшудян Оганнес Геворгович,
Санкт-Петербургский университет МВД России
e-mail: jumshudyan@mail.ru

Статья посвящена анализу концепции вины в составе преступления, предусмотренного статьей 258 Уголовного кодекса Республики Армения. Основываясь на полном и всестороннем анализе уголовного законодательства, материалов судебной практики, а также научных трудов в области теории уголовного права, автор попытался раскрыть содержание интеллектуального и волевого критериев умысла, провести разграничение прямого и косвенного умысла, выявить правила, которыми необходимо руководствоваться при квалификации хулиганства по признакам субъективной стороны.

Ключевые слова: хулиганство; форма вины; умысел; общественно опасные последствия.

Legislative regulation of the form of guilt as part of hooliganism based (on the materials of the Republic of Armenia)

Jumshudyan Hovhannes Gevorgovich,
Saint-Petersburg University of the MIA of Russia

The article is devoted to the analysis of the concept of guilt as part of a crime provided for by Article 258 of the Criminal Code of the Republic of Armenia. Based on a full and comprehensive analysis of criminal legislation, materials of judicial practice, as well as scientific works in the field of the theory of criminal law, the author tried to reveal the content of the intellectual and volitional criteria of intent, to distinguish between direct and indirect intent, to identify the rules that must be followed when qualifying hooliganism on the basis of subjective side.

Key words: hooliganism; criminal code; intent; socially dangerous consequences.

Вопрос формы вины в теории уголовного права остается одним из самых дискуссионных¹.

В юридической литературе вина – психическое отношение личности к совершенному противоправному деянию² в виде умысла или неосторожности, в котором выражается общественно опасный характер личности³.

Часть 1 ст. 258 Уголовного кодекса Республики Армения (далее – УК РА) определяет хулиганство как умышленное грубое нарушение общественного порядка, выразившееся в явном неуважении к обществу. Часть 2 этой же статьи устанавливает хулиганство, сопряженное с применением насилия в отношении лица или угрозой его применения, а также уничтожением или повреждением чужого имущества.

¹ См., например: Батюкова В. Е. Субъективная сторона хулиганства в науке уголовного права // Новый юридический журнал. 2013. № 2. С. 167–176.

² См.: Денисов С. А., Готчина Л. В., Никуленко А. В. Уголовное право. Общая часть: учебн. СПб., 2017. С. 122.

³ См.: Уголовное право Республики Армения. Общая часть / под. ред. Г. С. Казиняна. Ереван, 2011, С. 192.

Согласно вышеуказанной статье хулиганство может совершаться умышленно. При этом не сформировалось единое мнение о том, с каким видом умысла может быть совершено хулиганство, что обусловлено отсутствием четкого указания вида умысла в хулиганском составе, а также сложным социальным характером хулиганских действий.

В уголовно-правовой науке мнение авторов расходятся в подходе к умыслу в составе хулиганства. Одни авторы полагают, что хулиганство может совершаться с прямым умыслом, а другие – с косвенным.

А. Игнатов считает, что косвенное хулиганство возникает, когда субъект прогнозирует, что его действия могут нарушать общественный порядок, затрагивая общественные интересы, и, выполняя их, он сознательно допускает безразличие к обществу⁴.

Такой же подход у Н. Иванова, согласно которому хулиганство совершается с косвенным умыслом. Он утверждает, что, совершая хулиганские поступки, виновный чаще всего безразличен к факту грубого нарушения «общественного порядка», абсолютно не

⁴ См.: Игнатов А. Спорные вопросы квалификации хулиганства // Советская юстиция. 1987. № 2. С. 14.

задумывается об откровенном неуважительном отношении к обществу, в этом смысле такое отношение к поступку подпадает под признаки «косвенного умысла»¹.

Кроме того, двойная форма вины свойственна хулиганству как субъективной стороне, что отмечает И. Н. Даньшин. Иными словами, «нарушение общественного порядка» всегда совершается умышленно, а посягательства на другие объекты (личность, имущество) могут совершаться с косвенным умыслом или по неосторожности².

Многие авторы считают, что хулиганство совершается только с прямым умыслом, т. е. человек, совершивший хулиганство, осознает, что грубо нарушает «общественный порядок» и проявляет «явное неуважение к обществу»³.

Придерживаясь данного мнения, что хулиганство совершается только с прямым умыслом, важно отметить, что это связано с «субъективной стороной хулиганства».

Несмотря на то, что ч. 1 ст. 258 УК РФ, описывая объективную сторону хулиганства, не содержит каких-либо указаний относительно мотивов этого преступления, тем не менее она определенным образом способствует выявлению содержания субъективной стороны хулиганства. Из чего следует, что обязательным признаком субъективной стороны хулиганства является хулиганский мотив, при этом проявляется специфика хулиганства, которая объективной стороной отличается от некоторых преступлений против человека и собственности. Хулиганский мотив проявляется в явном, показательном вызове окружающим, стремлении противопоставить собственные интересы интересам общества, проявляя к ним пренебрежительное отношение, демонстрируя свое всемогущество, безнаказанность и жестокость⁴.

Полагаем, что возможность совершения хулиганства только умышленно подтверждается при изучении содержания каждого из видов умысла. В ч. 2 ст. 29 УК РФ преступление является совершенным с прямым умыслом, «если лицо осознавало общественно опасный характер своего действия (бездействия), предвидело его общественно опасные последствия и желало их наступления». А ч. 3 той же статьи устанавливает, что преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественно опасный характер своего действия (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало этих последствий,

но сознательно их допускало.

Прямой и косвенный умысел в составах преступлений, сконструированных по типу материального, следует разграничивать исходя из различий волевого содержания вины, которое определяется отношением к общественно опасным последствиям.

Волевой критерий прямого умысла образует желание наступления общественно опасного последствия, то есть характеризуется стремлением субъекта к его достижению. Виновный прилагает определенные усилия для достижения преступного результата.

Волевой критерий косвенного умысла, напротив, характеризуется нежеланием наступления общественно опасных последствий, которое сопровождается сознательным их допущением либо безразличным к ним отношением. Субъект отрицательно относится к возможности наступления общественно опасного последствия, но, как правило, не прилагает усилий ни для его достижения, ни для его предотвращения.

Вместе с тем в преступлениях с формальным составом обязательным признаком объективной стороны является только общественно опасное деяние, общественно опасное последствие в состав таких преступлений не включено, что указывает на принципиальную невозможность совершения преступлений, состав которых сконструирован по типу формального, с косвенным умыслом.

В то же время следует отметить, что состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 258 УК РФ, является формальным, т. е. в нем общественно опасные последствия не описаны как обязательный признак состава преступления, а для признания преступления оконченным достаточно совершения деяний, предусмотренных законом. В связи с этим ч. 4 ст. 29 УК РФ устанавливает, что если закон не связывает уголовную ответственность за совершенное преступление с возникновением определенных последствий деяния, преступление считается совершенным умышленно, если лицо осознало опасный для общества характер своего поступка и, желая, выполнило его.

Из указанной формулировки становится ясно, что при определении формы вины в формальных составах волевые качества деяния характеризуются не последствиями, а психологическим отношением к поступку. В подобных условиях косвенная преднамеренность формальных составов преступлений исключается, поскольку, если лицо, совершая деяние, осознает его общественно опасный характер, то его воля направлена на совершение деяния. В таких случаях с психологической точки зрения невозможно представить, чтобы человек сознательно допустил совершение поступка.

В ч. 2 ст. 258 УК РФ в качестве квалифицирующего признака состава преступления предусмотрен способ его совершения «совершенное с исключительным цинизмом». В доктрине уголовного права наибольшую поддержку получила точка зрения, согласно которой наличие в составе преступления та-

¹ Иванов Н. Мотив преступного деяния. М., 1997. С. 10.

² См.: Даньшин И. Н. Ответственность за хулиганство по советскому уголовному праву. Харьков, 1971. С. 84.

³ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебн. / под ред. А. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева, М., 2006. С. 315.

⁴ См.: Чучаев А. И., Грачева Ю. В., Задоян А. А. Преступления против общественной безопасности: учебно-практ. пособие: с постатейными материалами к главе 24 УК РФ. М., 2010. С. 62.

кого признака, как способ, указывает на возможность совершения преступления только с прямым умыслом. Учитывая вышеизложенное, следует сделать вывод, что субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 258 УК РА, предполагает наличие прямого умысла. То есть в данном случае преступник желает грубо нарушить общественный порядок и открыто неуважительно относится к обществу именно посредством возникновения этих опасных последствий, в противном случае деяние должно быть квалифицировано только как преступление, направленное против личности или собственности, или по ч. 1 ст. 258 УК РА и по совокупности соответствующих преступлений против личности или собственности.

Принятие возможности совершения хулиганства с косвенным умыслом может привести к неоправданному расширению состава хулиганства, поскольку любое преступление, совершенное в подобных условиях в общественных местах, безоговорочно должно повлечь ответственность и за хулиганство, поскольку в подобных случаях нарушен общественный порядок, и в отношении общества преступник всегда проявляет косвенное преднамеренное отношение к проявлению неуважения.

В правоприменительной практике Республики Армения чрезвычайно важное значение имеют прецедентные решения Кассационного суда РА для решения проблемы формы вины в составе преступления хулиганства. В частности, Кассационный суд РА выразил правовую позицию, согласно которой хулиганство может быть совершено только с прямым умыслом. Это означает, что лицо не только осознает, что своими действиями нарушает общественный порядок и проявляет явное неуважение к обществу, но и желает совершить другие действия¹.

Хулиганский поступок может совершаться только из хулиганских побуждений. А поступок считается совершенным из хулиганских побуждений, если он совершается на почве неприкрытого пренебрежения к нормам общественной морали, когда поведение виновного выступает явным вызовом общественному порядку и продиктовано желанием противопоставить себя окружающим, проявить презрительное отношение. Следовательно, если действия виновного были совершены не из хулиганских побуждений и не сопровождались грубым нарушением общественного порядка, они не могут быть квалифицированы как хулиганство². В случае нанесения обвиняемым потерпевшему оскорблений, телесных повреждений или совершения иных подобных актов, хулиганские побуждения и состав хулиганства могут отсутствовать,

если указанные действия были совершены в результате ссоры, возникшей на бытовой почве, сформировавшейся в течение более или менее длительного периода времени антипатии. Для оценки наличия хулиганских побуждений существенное значение может иметь и поведение потерпевшего.

Согласно другому решению, Кассационный суд РА, развивая правовые позиции, выраженные вышеуказанным решением, отметил, что лицо, совершившее хулиганство, не только осознает, что своими действиями нарушает общественный порядок и проявляет явное неуважение к обществу, но и желает этого. Иными словами, волевое содержание умысла в составе хулиганства образует активное стремление лица грубо нарушить общественный порядок, т. е. определяется отношением субъекта к общественно опасному деянию³.

В ходе правоприменительной деятельности возникают проблемы при квалификации деяния, развившегося во взаимном нанесении телесных повреждений в общественном месте в ходе драки либо ссоры. Кассационный Суд РА указал, что при решении вопроса о разграничении хулиганства с иными деяниями, совершенными из хулиганских побуждений, следует принимать во внимание характер общественно опасного деяния, направленность умысла, место, обстановку, мотив, а также иные обстоятельства совершения преступления. Деяние, совершенное из хулиганских побуждений, следует отличать от деяния, сопровождаемого личными неприязненными отношениями (в том числе внезапно возникшими), когда состояние человека характеризуется эмоциональной напряженностью и неустойчивостью, вызванными, как правило, поведением оппонента.

В частности, если действие началось из-за спора на бытовой почве или противозаконного, или аморального поведения потерпевшего, необходимо выяснить, является ли поступок (ругательство или иное поведение) адекватным в создавшейся ситуации эмоциональным проявлением или направлено на умышленное грубое нарушение общественного порядка, что выразилось в откровенном неуважении к обществу. В то время как поведение преступника направлено на конкретное лицо, обусловлено его противоправным или аморальным поведением и является выражением эмоционального состояния преступника, состав хулиганства отсутствует.

Наряду с вышеизложенным, Кассационный суд РА подчеркнул, что деяние, в числе прочего, может быть квалифицировано как хулиганство и в том случае, когда у лица имеются другие побуждения к совершению преступления, однако в ходе совершения преступления формируются хулиганские побуждения, иными словами, поступок перерастет в «грубое нарушение общественного порядка», которое проявилось в откровенном неуважении к обществу⁴.

¹ См.: Сборник постановлений по уголовным делам Кассационного суда Республики Армения [Электронный ресурс] // Официальный сайт. URL: <https://court.am/storage/uploads/files/servicepage> (дата обращения: 02.03.2021).

² См.: Батюкова В. Е. Судебная практика о квалификации преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2016. № 2. С. 11–14.

³ См.: Сборник постановлений по уголовным делам Кассационного суда Республики Армения [Электронный ресурс].

⁴ Там же.

Подводя итог исследованию концепции вины в составе преступления, предусмотренного ст. 258 Уголовного кодекса Республики Армения, следует сделать вывод, что от правильного и точного установления интеллектуального и волевого содержания умысла зависит и правильность квалификации деяния в целом.

Библиографический список

1. Батюкова В. Е. Судебная практика о квалификации преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений / В. Е. Батюкова // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. – 2016. – № 2. – С. 11–14.
2. Батюкова В. Е. Субъективная сторона хулиганства в науке уголовного права / В. Е. Батюкова // Новый юридический журнал. – 2013. – № 2. – С. 167–176.
3. Даньшин И. Н. Ответственность за хулиганство по советскому уголовному праву / И. Н. Даньшин. – Харьков, 1971.
4. Денисов С. А. Уголовное право. Общая часть: учебн. / под общ. ред. С. А. Денисова, Л. В. Готчина, А. В. Никуленко. – СПб, 2017.
5. Иванов Н. Мотив преступного деяния / Н. Иванов. – М., 1997.
6. Игнатов А. Спорные вопросы квалификации хулиганства / А. Игнатов // Советская юстиция. – 1987. – № 2.
7. Уголовное право Республики Армения. Общая часть / под. ред. Г. С. Казиняна. – Ереван, 2011.
8. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебн. / под ред. А. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – М., 2006.
9. Чучаев А. И. Преступления против общественной безопасности: учебно-практ. пособие: с постановочными материалами к главе 24 УК РФ / А. И. Чучаев, Ю. В. Грачева, А. А. Задоян. – М.: Проспект, 2010.

Bibliograficheskiy spisok

1. Batyukova V. E. Sudebnaya praktika o kvalifikatsii prestuplenij, sovershaemyh iz huliganskikh pobuzhdenij / V. E. Batyukova // Uголовное судопроизводство: problemy teorii i praktiki. – 2016. – № 2. – С. 11–14.
2. Batyukova V. E. Sub»ektivnaya storona huliganstva v nauke uголовного права / V. E. Batyukova // Novyj yuridicheskij zhurnal. – 2013. – № 2. – С. 167–176.
3. Dan'shin I. N. Otvetstvennost' za huliganstvo po sovetскому uголовному праву / I. N. Dan'shin. – Har'kov, 1971.
4. Denisov S. A. Uголовное право. Obshchaya chast': uchebn. / pod obshch. red. S. A. Denisova, L. V. Gotchina, A. V. Nikulenko. – SPb, 2017.
5. Ivanov N. Motiv prestupnogo deyaniya / N. Ivanov. – M., 1997.
6. Ignatov A. Spornye voprosy kvalifikatsii huliganstva / A. Ignatov // Sovetskaya yusticiya. – 1987. – № 2.
7. Uголовное право Respubliki Armeniya. Obshchaya chast' / pod. red. G. S. Kazinyana. – Erevan, 2011.

8. Uголовное право Rossijskoj Federacii. Osobennaya chast': uchebn. / pod red. A. V. Inogamovoj-Hegaj, A. I. Raroga, A. I. CHuchaeva. – М., 2006.

9. CHuchaev A. I. Prestupleniya protiv obshchestvennoj bezopasnosti: uchebno-prakt. posobie: s postatejnymi materialami k glave 24 UK RF / A. I. CHuchaev, YU. V. Gracheva, A. A. Zadoyan. – М.: Prospekt, 2010.

Действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, – новый состав поставления в опасность?

Ефарова Марина Николаевна,
Уральский юридический институт МВД России
e-mail: solovyova11557@gmail.com

В статье рассматривается состав поставления в опасность, предусматривающий уголовную ответственность за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств (статья 267.1 Уголовного кодекса Российской Федерации). Выявлен круг общественных отношений, которым при совершении указанных действий может быть причинен вред, разработаны критерии их отнесения к категории угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств.

Ключевые слова: состав преступления; поставление в опасность; реальная угроза; безопасная эксплуатация транспортных средств.

Actions that threaten the safe operation of vehicles – a new endangerment composition?

Efarova Marina Nikolaevna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

The article considers the composition of putting in danger, which provides for criminal liability for actions that threaten the safe operation of vehicles (article 267.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). The author identifies the range of public relations that may be harmed during the performance of these actions, and develops criteria for classifying them as threatening the safe operation of vehicles.

Key words: the composition of the crime; putting in danger; real threat; safe operation of vehicles.

В целях обеспечения безопасности граждан от хулиганских посягательств в процессе использования транспортных средств Федеральным законом Российской Федерации от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) включена ст. 267.1 УК РФ. Принятие указанной нормы обусловлено распространением деяний, представляющих угрозу нормальному безопасному функционированию транспортных средств, совершенных лицами из хулиганских побуждений.

Бесспорно, криминализация данного общественно опасного деяния является необходимой мерой, обусловленной проведением уголовно-правовой политики нашего государства в сфере противодействия транспортной преступности. Вместе с тем анализ следственной и судебной практики свидетельствует о сложностях, возникающих в процессе квалификации действий виновного лица по ст. 267.1 УК РФ. Они связаны в том числе с наличием в структуре диспозиции оценочного признака, характеризующего деяние, которое должно быть «угрожающим безопасной эксплуатации транспортных средств».

В теории уголовного права выделяют так называемые составы поставления в опасность. Их особен-

ностью является то, что законодатель устанавливает уголовную ответственность за сам факт создания опасной для общественно важных интересов ситуации, а пояснение о том, в каких случаях ситуация является опасной, а в каких нет, не дает, оставляя решение данного вопроса на усмотрение правоприменителя.

Необходимо отметить, что понятия «угроза» и «опасность» являются синонимичными. В частности, в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова «опасность» рассматривается как возможность, угроза чего-нибудь очень плохого или какого-нибудь несчастья¹. По словарю В. И. Даля, слово «угрожать» произошло от слова «уграживать», что означает «наводить опасность или опасенье»², в связи с чем словосочетания «действия, угрожающие» и «действия, представляющие опасность» следует считать имеющими одинаковое содержательное значение.

Составы поставления в опасность встречаются в уголовном законе не часто. К их числу относятся: ст. 151.2 УК РФ (склонение или иное вовлечение не-

¹ URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 02.04.2021).

² URL: <https://onlinedic.net/dalya> (дата обращения: 02.04.2021).

совершеннолетнего в совершение противоправных действий, заведомо для виновного *представляющих опасность* для жизни несовершеннолетнего), ст. 205 УК РФ (совершение иных действий, уступающих населению и *создающих опасность* гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий), ч. 1 ст. 217.2 УК РФ (дача заведомо ложного заключения экспертизы промышленной безопасности, *если это могло повлечь* смерть человека), ч. 1 ст. 236 УК РФ (нарушение санитарно-эпидемиологических правил, *создавшее угрозу* наступления массового заболевания или отравления людей), ч. 1 ст. 247 УК РФ (нарушение правил обращения с радиоактивными, бактериологическими, химическими веществами и отходами, если эти деяния *создали угрозу* причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде), ч. 1 ст. 267 УК РФ (приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения если эти деяния *создали угрозу* жизни, здоровью и безопасности граждан либо угрозу уничтожения или повреждения имущества физических и (или) юридических лиц), ст. 267.1 УК РФ (действия, *угрожающие* безопасной эксплуатации транспортных средств), ч. 4 ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации, если эти деяния *создали угрозу* наступления тяжких последствий), ч. 2 ст. 274 УК РФ (нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей, если эти деяния *создали угрозу* наступления тяжких последствий) (курсив наш. – М. Е.).

При конструировании вышеуказанных норм законодатель, как правило, акцентирует внимание на том, какие именно охраняемые уголовным законом интересы подвергаются опасности. Кроме того, в некоторых случаях Пленум Верховного Суда Российской Федерации дает разъяснения относительно того, что следует понимать под ситуацией, создающей опасность. В частности, применительно к ст. 247 УК РФ высшая судебная инстанция указывает, что создание угрозы причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде означает «возникновение такой ситуации, которая повлекла бы предусмотренные законом вредные последствия, если бы они не были предотвращены вовремя принятыми мерами или иными обстоятельствами, не зависящими от воли лица, нарушившего правила». При этом под такой угрозой предполагается наличие конкретной опасности реального причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде¹.

В соответствии с Обзором по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой

коронавирусной инфекции (COVID-19), под нарушением санитарно-эпидемиологических правил, создавшим угрозу наступления массового заболевания или отравления людей, в ст. 236 УК РФ понимается наступление ситуации, которая реально создавала угрозу наступления данных последствий, когда они не наступили по причине вовремя принятых органами государственной власти, местного самоуправления, медицинскими работниками и другими лицами мер или в результате иных обстоятельств, не зависящих от воли лица, нарушившего указанные правила².

Применительно к ст. 205 УК РФ Верховный Суд Российской Федерации указывает, что опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий при совершении террористического акта должна быть реальной. Реальность возможного наступления таких последствий оценивается в каждом конкретном случае с учетом места и времени совершения преступления, способа его совершения и т. д.³

В отличие от иных составов поставления в опасность, признаки которых являются относительно определенными, состав действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств (ст. 267.1 УК РФ), не содержит указание на потенциальные последствия. Отсутствуют соответствующие разъяснения и высшей судебной инстанции.

В связи с изложенным представляется целесообразным определить: поставление в опасность каких именно интересов необходимо для того, чтобы имелись основания привлечь лицо к уголовной ответственности за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств.

Анализ объективных признаков ст. 267.1 УК РФ позволил сделать вывод о том, что безопасность движения и эксплуатации транспортных средств является видовым объектом рассматриваемого состава преступления, в то время как общественная безопасность – родовым. Под общественной безопасностью понимается неотъемлемая часть национальной безопасности, охватывающая общественные отношения в сфере предотвращения или устранения угрозы для жизни, здоровья людей и их имущества⁴. Соответственно, если в процессе использования людьми

² Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 [Электронный ресурс] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.04.2021).

³ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.04.2021).

⁴ Об утверждении Концепции комплексной безопасности города Москвы [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Москвы от 16 апреля 2010 г. № 707-ПП. URL: <https://www.mos.ru/> (дата обращения: 05.04.2021).

транспортного средства совершаются противоправные действия, ставящие в опасность жизнь и здоровье, а также сохранность имущества данных лиц, то такая эксплуатация транспортных средств однозначно не считается безопасной.

Согласно «Модельному закону безопасности на транспорте», принятому на пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, угроза безопасности на транспорте включает в себя «условия, обстоятельства и причины, способные... нанести вред здоровью и (или) жизни людей, ущерб имуществу и окружающей среде»¹. Представленное определение достаточно точно излагает круг интересов, которые могут пострадать в результате соответствующего противоправного поведения лиц. Обозначенным благам создается непосредственная угроза причинения вреда, поэтому, применительно к ст. 267.1 УК РФ следует вести речь о таком состоянии, при котором остаются защищенными именно жизнь, здоровье людей, имущество и окружающая природная среда. Иными словами, под действиями, угрожающими безопасной эксплуатации транспортных средств, следует считать такие действия, которые ставят в опасность жизнь, здоровье людей, имущество и окружающую природную среду.

Подтверждением того, что жизнь, здоровье, имущество и окружающая природная среда охраняются наряду с отношениями безопасности движения и эксплуатации транспорта, является политика законодателя, которая прослеживается в конструкциях составов преступлений гл. 27 УК РФ. Так, ст. 264, 266, 268 и 267.1 УК РФ в качестве юридически значимых последствий предусматривают наступление по неосторожности тяжкого вреда здоровью человека или смерти одного, двух или более лиц. В статьях 263, 263.1 и 267 УК РФ момент окончания преступлений также связан и с причинением крупного ущерба, под которым в соответствии с примечаниями к конкретным нормам понимается сумма, превышающая один миллион рублей. Кроме того, в ст. 267 УК РФ законодатель включает в качестве общественно опасных последствий легкой и средней тяжести вред здоровью.

Перечень приведенных последствий не является случайным. Как отмечалось выше, именно жизнь, здоровье, собственность и окружающая природная среда ставятся под угрозу в процессе использования транспортных средств. Ценность указанных благ предопределяет необходимость принятия мер, направленных на обеспечение безопасности движения и эксплуатации транспортных средств. К тому же установление уголовной ответственности за нарушение норм позитивного права в этой сфере, повлекшее наступление по неосторожности тяжкого вреда здоровью, смерти или крупного ущерба, однозначно

обусловлено достаточной степенью общественной опасности и относительной распространенностью таких форм поведения.

В правоприменительной деятельности возникает вопрос, связанный с целесообразностью установления последствий в составах поставления в опасность. Так, лица, осуществляющие предварительное расследование по уголовным делам о дорожно-транспортных преступлениях, указывают, что при рассмотрении материалов проверки сообщения по факту происшествия, предусматривающего признаки ст. 267.1 УК РФ, устанавливают материальный ущерб в результате таких противоправных действий. Это обуславливает необходимость решения вопроса о законодательной конструкции составов поставления в опасность вообще и анализируемого состава в частности.

Одни ученые считают, что комментируемые составы являются формальными², другие – материальными, аргументируя свою позицию тем, что уголовно-правовое воздействие возможно только при наличии установленных законом последствий в виде угрозы наступления тяжкого вреда здоровью, смерти или иных тяжких последствий³. Материальность указанных норм, на наш взгляд, вызывает сомнение, поскольку, как отмечалось выше, в составах поставления в опасность последствия фактически не наступают. Для внесения ясности уместно обратиться к лексическому значению последствий как признаку состава преступления.

Так, А. С. Михлин под преступными последствиями понимает «вред, причиняемый преступной деятельностью человека общественным отношениям, охраняемым уголовным законом»⁴. В соответствии с точкой зрения В. Г. Степанова, преступные последствия – «общественно опасные изменения в охраняемых уголовным законом сферах жизнедеятельности государства, общества и человека, выразившиеся в причинении (или угрозе причинения) им физического, имущественного, морального, психического и другого вреда»⁵. Как видим, автор связывает наступление последствий с двумя обстоятельствами: а) фактиче-

² См.: Нерсисян В. А. Ответственность за неосторожные преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2006. С. 56; Давыдова Т. А. Уголовно-правовая характеристика нарушения правил обращения экологически опасных веществ и отходов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. С. 17.

³ См.: Фазылов Р. Р. Некоторые вопросы объективной стороны состава нарушения правил безопасности на объектах атомной энергетики // Актуальные проблемы экономики и права. 2007. № 1. С. 170; Елисеев С. А., Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Уголовно-правовая характеристика нарушения правил безопасности на взрывоопасных объектах // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 1(15). С. 65; Янина И. Ю. Составы поставления в опасность // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 128.

⁴ Михлин А. С. Последствия преступления. М., 1989. С. 16.

⁵ Степанов В. Г. Общественно опасные последствия в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2006. С. 7.

¹ Модельный закон о безопасности на транспорте [Электронный ресурс]: постановление на 29-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 31 октября 2007 г. № 29-9. URL: <https://www.mos.ru> (дата обращения: 05.04.2021).

ским причинением вреда; б) угрозой причинения такого вреда.

Материальность составов поставления в опасность объясняется учеными тем, что наряду с причинением вреда объекту преступления создается реальная угроза наступления общественно опасных последствий, способных внести изменения в окружающую действительность. Представляется, что такое понимание ставит под сомнение выработанную в науке уголовного права теорию конструирования составов преступлений, интерпретирует устоявшиеся положения о сущности обязательного признака материального состава – общественно опасном последствии – в совершенно новом значении. В свою очередь, реальную угрозу наступления общественно опасных последствий следует считать свойством деяния, а не преступными последствиями.

Важно отметить, что реальность такой угрозы является обязательным признаком. С точки зрения философии реальность рассматривается как свойство всего того, что может возникнуть или уже возникло. Этому предшествует акт (деятельность, действие), который направлен на возможность вмешательства в ход событий, изменение грядущего путем влияния на него. Эти акты порождают уверенность как в реальности того, что может возникнуть, так и в реальности последствий этих актов¹. Проецируя данную концепцию на рассматриваемый нами состав преступления, получается следующее. Если при совершении какого-либо действия виновное лицо вмешивается в процесс безопасной эксплуатации транспортных средств, что в итоге приводит к возможности возникновения вреда имуществу, то такие действия реально создают угрозу (например, на оживленной трассе агрессивный водитель совершает резкое торможение и перестроение перед попутно движущимися транспортными средствами, что может привести к аварийной ситуации). Если при совершении действий лицо вмешивается в процесс безопасной эксплуатации транспортных средств, но это не приводит к возникновению ситуации, ставящей в опасность сохранность жизни, здоровья или имущества, то реальность угрозы отсутствует.

Библиографический список

1. Давыдова Т. А. Уголовно-правовая характеристика нарушения правил обращения экологически опасных веществ и отходов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т. А. Давыдова. – Ставрополь, 2005.
2. Елисеев С. А. Уголовно-правовая характеристика нарушения правил безопасности на взрывоопасных объектах / С. А. Елисеев, Л. М. Прокументов, А. В. Шеслер // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2015. – № 1(15).
3. Михлин А. С. Последствия преступления / А. С. Михлин. – Москва, 1989.
4. Нерсисян В. А. Ответственность за неосторож-

ные преступления: дис. ... д-ра юрид. наук / В. А. Нерсисян. – Москва, 2006.

5. Степанов В. Г. Общественно опасные последствия в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук / В. Г. Степанов. – Тольятти, 2006.

6. Фазылов Р. Р. Некоторые вопросы объективной стороны состава нарушения правил безопасности на объектах атомной энергетики / Р. Р. Фазылов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2007. – № 1.

7. Философский энциклопедический словарь / Е. Ф. Губский, Г. В. Коралева, В. А. Лутченко. – Москва: ИНФРА-М, 1997.

8. Янина И. Ю. Составы поставления в опасность / И. Ю. Янина // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 4.

Bibliograficheskiy spisok

1. Davydova T. A. Uголовно-pravovaya harakteristika narusheniya pravil obrashcheniya ekologicheskii opasnykh veshchestv i othodov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / T. A. Davydova. – Stavropol', 2005.
2. Eliseev S. A. Uголовно-pravovaya harakteristika narusheniya pravil bezopasnosti na vzryvoopasnykh ob'ektakh / S. A. Eliseev, L. M. Prozumentov, A. V. SHesler // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. – 2015. – № 1(15).
3. Mihlin A. S. Posledstviya prestupleniya / A. S. Mihlin. – Moskva, 1989.
4. Nersesyan V. A. Otvetstvennost' za neostorozhnye prestupleniya: dis. ... d-ra yurid. nauk / V. A. Nersesyan. – Moskva, 2006.
5. Stepanov V. G. Obshchestvenno opasnye posledstviya v uголовnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk / V. G. Stepanov. – Tol'yatti, 2006.
6. Fazylov R. R. Nekotorye voprosy ob'ektivnoy storony sostava narusheniya pravil bezopasnosti na ob'ektakh atomnoj energetiki / R. R. Fazylov // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. – 2007. – № 1.
7. Filosofskij enciklopedicheskij slovar' / E. F. Gubskij, G. V. Korableva, V. A. Lutchenko. – Moskva: INFRA-M, 1997.
8. YAnina I. YU. Sostavy postavleniya v opasnost' / I. YU. YAnina // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2017. – № 4.

¹ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1997. С. 388–387.

Индивидуализация наказания за мошенничество при получении выплат

Кузнецова Мария Дмитриевна,
Нижегородская академия МВД России
e-mail: mari.kuz2712@mail.ru

На основании анализа судебной практики автором выделяются основные критерии индивидуализации наказания за мошенничество при получении выплат. Приводятся аргументы о неразграничении таких критериев индивидуализации наказания, как личность виновного и смягчающие обстоятельства. Также предлагается упорядочить выбор обстоятельств, способствующих достижению целей уголовного наказания, применяемого за совершение мошенничества при получении выплат, путем дачи руководящих разъяснений Пленумом Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: индивидуализация наказания; личность виновного; смягчающие обстоятельства; мошенничество при получении выплат; критерии индивидуализации наказания.

Individualization of the punishment for fraud when receiving payments

Kuznetsova Maria Dmitrievna,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

The author highlights and examines the main criteria for the individualization of punishment for fraud when receiving payments based on the analysis of judicial practice. Arguments are made about not distinguishing between such criteria for the individualization of punishment as the personality of the guilty person and mitigating circumstances. It is also proposed to streamline the choice of circumstances contributing to the achievement of the goals of punishment for committing fraud when receiving payments, by giving guidance explanations by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Key words: individualization of punishment; personality of the perpetrator; mitigating circumstances; for fraud when receiving payments; criteria for individualization of punishment.

В статье 159.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) законодатель определяет меру уголовной ответственности за мошенничество при получении выплат.

Исходя из принципа, установленного в ст. 19 Конституции РФ, закрепляющего равенство всех перед законом и судом, в судебной практике должны быть выработаны общие правовые стандарты привлечения к уголовной ответственности и определения вида, размера / срока наказания за одни и те же преступления. Однако анализ судебных приговоров показывает достаточно большую вариативность в части определения наказания.

Согласно статистическим данным за 2016–2019 гг., за мошенничество при получении выплат привлечено к уголовной ответственности 18 479 граждан (2016 г. – 3 831, 2017 г. – 4 403, 2018 г. – 3 769, 2019 г. –

6 476)¹. Только за 6 месяцев 2020 г. по ст. 159.2 УК РФ было осуждено 1120 человек².

Мошенничество при получении выплат совершается в социальной сфере³, по большей части – в

¹ См.: Судебная статистика Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 11.03.2021).

² См.: Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. Судебная статистика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 15.03.2021).

³ См.: Александрова И. А. Новое уголовное законодательство о мошенничестве // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 54–62; Александрова И. А. Мошенничество при получении выплат // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее: материалы 8 Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2013 г. М., 2013. С. 258–260; Скрипченко Н. Ю. Мошен-

трудовой занятости населения в рамках действия федеральных законов, федеральных и региональных целевых программ, постановлений Правительства РФ и органов местного самоуправления, что следует из материалов уголовных дел. Анализ судебной практики показывает, что за равнозначное виновное причинение вреда, совершаемое при мошенничестве при получении выплат, меры ответственности разнятся. Судьи, оценивая эти общественно опасные деяния по одной части ст. 159.2 УК РФ, руководствуясь уголовным законом и своим правосознанием, устанавливают наказание с учетом конкретных обстоятельств каждого дела. Различный подход к определению наказания виновных лиц имеет важное исследовательское значение, поскольку за совершение рассматриваемого преступления в ст. 159.2 УК РФ установлены серьезные санкции: максимальный размер штрафа (по ч. 1 – до 125 тыс. рублей; по ч. 2 – до 300 тыс. рублей; по ч. 3 – до 500 тыс. рублей), лишение свободы¹ (по ч. 2 – до 4 лет; по ч. 3 – до 6 лет; по ч. 4 – до 10 лет). Не исключается при этом и назначение условного осуждения на основании ст. 15 и 73 УК РФ. Применение ст. 159.2 УК РФ должно осуществляться с учетом конституционного принципа равенства всех лиц перед уголовным законом.

Обратимся к примерам. Так, в приговоре Бийского районного суда от 3 апреля 2019 г. № 1-91/2019 осужден гражданин Б. по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ к 3 годам лишения свободы, ущерб государству составил 408 960 руб. 50 коп.² По приговору Бийского городского суда Алтайского края от 16 декабря 2020 г. № 1-785/2020 осуждена гражданка Г. по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ к 2 годам условно, ущерб составил 459 306 руб. 97 коп.³ Получается, что к двум лицам, совершившим одно и то же преступление, могут применяться раз-

личное при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ): законодательное регулирование и практика применения // Право: история и современность. 2018. № 3. С. 88–94; Южин А. А. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации мошенничества при получении выплат // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2016. № 3. С. 156–158; Таракина К. Э., Вертепова Т. А. Некоторые проблемы уголовно-правовой квалификации мошенничества при получении выплат (статья 159.2 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Уголовная политика: теория и практика. Общество и право. 2017. № 4 (62). С. 69–75; Пшеничных С. Н. К вопросу о предмете мошенничества при получении выплат физическими лицами // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 3А. С. 190–195; Кумышева М. К., Таова Л. Ю. Актуальные проблемы противодействия мошенничеству при получении выплат // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. № 3. С. 202–205.

¹ Эти виды наказания назначались судами в изученных нами уголовных делах.

² Приговор № 1-91/2019 от 3 апреля 2019 г. по делу № 1-91/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 10.03.2021).

³ Приговор № 1-785/2020 от 16 декабря 2020 г. по делу № 1-785/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 10.03.2021).

ные правила не только в отношении выбора вида и размера / срока наказания, но и, как следствие, по возложению на осужденного обязанности исполнить наказание реально или условно. При этом правила выбора наказания, способствующего исправлению условно осужденного, определены: учету подлежат возраст, трудоспособность и состояние его здоровья (ч. 5 ст. 73 УК РФ); зафиксированы пределы и порядок исчисления испытательного срока для условно осужденного (ч. 3 ст. 73 УК РФ).

В санкциях уголовного закона сформулированы пределы наказуемости виновного лица пропорционально совершенному общественно опасному деянию. Согласно принципу индивидуализации наказания судья может адаптировать свое решение о назначении наказания лицу в обвинительном приговоре к обстоятельствам совершения рассматриваемого преступления. При этом решение в отношении виновного необязательно должно быть репрессивным: уголовный закон допускает установление наказания ниже низшего предела, условное осуждение, освобождение от уголовной ответственности и от наказания. При этом важно, чтобы принимаемые решения основывались на действующих уголовно-правовых принципах (ст. 3–7 УК РФ), имплементированных из ст. 8 Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и ряда других международно-правовых актов, содержащих в том числе и принцип индивидуализации наказания. Нас интересует вопрос соразмерности наказания за мошенничество при получении выплат при адаптации санкций ст. 159.2 УК РФ судом с учетом обстоятельств совершения каждого преступления. При этом необходимо отметить, что отсутствуют какие-либо формализованные требования, обязывающие судей подходить к определению наказания с учетом принципа индивидуализации.

Нет сомнения в том, что установление минимума в реализации уголовной ответственности продиктовано идеями гуманизма и обеспечения целей наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Постановлению – считать назначенное наказание условным для достижения исправления осужденного без реального отбывания наказания – предшествует оценка обстоятельств о характере и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, в том числе смягчающие и отягчающие обстоятельства (согласно ч. 2 ст. 73 УК РФ). Если обстоятельства общественной опасности деяния оцениваются на момент совершения преступления – их анализ обращен в прошлое, то характеристики постпреступного поведения и личности подлежат оценке судом на момент вынесения приговора. Потому именно они имеют значение для коррекции судом приговора с назначением реального наказания путем постановления об условном осуждении. Данные обстоятельства выступают основными критериями индивидуализации наказания, которое назначается с применением принципа индивидуализации, и в ряде случаев учету подлежат исключительные обстоятельства.

В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова «индивидуализировать» трактуется как «сделать индивидуальным что-либо; установить применительно к отдельному случаю, лицу».

Однозначного мнения относительно определения понятия индивидуализации наказания в уголовно-правовой доктрине не существует. Одним из первых содержание индивидуализации раскрыл И. И. Карпец, определяя его как «закрывающийся в учете характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, отягчающих и смягчающих обстоятельств, который позволяет посредством наказания добиться, в конечном счете, исправления и перевоспитания преступника, а также предупредить совершение новых преступлений как осужденным, так и другим лицом»¹.

Его позицию поддержали Н. Ф. Кузнецова и Б. А. Куринов, которые представили понятие следующим образом: «Индивидуализацией наказания называется определение судом конкретной меры наказания лицу, виновному в совершении того или иного преступления, осуществляемое на основе закона и социалистического правосознания судей, исходя из степени общественной опасности деяния и лица, его совершившего»². Иначе рассмотрел данное понятие В. В. Сверчков, раскрывающий индивидуализацию наказания как «назначение осуждаемому для достижения данных целей соответствующего необходимого и достаточного размера наказания с учетом личности виновного и тяжести совершенного им преступления»³. Автор в своем определении исходит из ведущих принципов наказания (соответствующее совершенному преступлению, необходимые и достаточные условия для достижения целей наказания) и личности лица при определении меры наказания, что показывает основную идею индивидуализации наказания, а именно законной целесообразности санкции.

По нашему мнению, следует уделить внимание разделению критериев личности виновного и смягчающих обстоятельств, влияющих на меру ответственности, применяемую в отношении виновного. Характеристикой личности виновного являются уголовно-правовые, социально-демографические признаки, социально-психологические, социальные проявления личности в разных сферах жизнедеятельности, что на практике раскрывается в смягчающих обстоятельствах. Изученный приговор Воткинского районного суда Удмуртской Республики от 23 октября

2020 г. № 1-498/2020 подтверждает⁴, что проявление смягчающих обстоятельств неоднозначно. Например, в данном приговоре смягчающим обстоятельством при назначении наказания послужило полное признание гражданкой 3. своей вины, ее раскаяние в содеянном, объяснения об обстоятельствах совершенного преступления, явка с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, возмещение ущерба, наличие у виновной малолетнего ребенка, состояние здоровья подсудимой, ее родных и близких, положительные характеристики. Уже наличие у гражданки 3. малолетнего ребенка свидетельствует об анализе ее личностных данных при назначении наказания.

Действительно, регламентированные в ст. 61 УК РФ обстоятельства могут характеризовать как личность виновного, так и деяние. Поэтому существует проблема целесообразности разграничения на практике критериев личности виновного и смягчающих обстоятельств для назначения справедливого наказания виновному.

Нами было проанализировано 15 приговоров (по ст. 159.2 УК РФ), где основным критерием выступают смягчающие обстоятельства (см. табл. 1).

Согласно изученным данным, большую часть критериев индивидуализации наказания составляют смягчающие обстоятельства. Они включены как в группу, которая характеризует поведение виновного после совершения преступления, так и в группу обстоятельств, характеризующих личность виновного. С одной стороны, проведенный анализ говорит о наличии в каждом приговоре смягчающих обстоятельств при назначении наказания, а с другой – подтверждает совпадение двух критериев (обстоятельства, смягчающие наказание, и личность виновного). Поэтому предлагается исходить из личностной характеристики преступника, что будет соответствовать отдельному виду смягчающих обстоятельств.

Критерии, характеризующие личность виновного при назначении наказания, не только предусматривают выбор справедливой и индивидуализированной меры наказания, но и представляют собой высшую ценность, не позволяя назначить наказание, которое унижает честь и достоинство человека. Существует достаточное количество критериев, характеризующих личность виновного (в зависимости от совершенного преступного деяния), но при определении меры наказания за мошенничество при получении выплат нами были выделены следующие наиболее встречающиеся критерии, которые представлены в таблице 2. В данной таблице показана взаимосвязь размера наказания и личностных характеристик виновного.

¹ Карпец И. И. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. М., 1961. С. 10.

² Кузнецова Н. Ф., Куринов Б. А. Отягчающие и смягчающие обстоятельства, учитываемые при определении меры наказания // Применение наказания по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 92.

³ Сверчков В. В. Ответственность и меры уголовно-правового воздействия: наказание, воспитание, лечение, имущественное взыскание: моногр. М., 2021. С. 85.

⁴ Приговор № 1-498/2020 от 23 октября 2020 г. по делу № 1-498/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 10.03.2021).

**Обстоятельства, характеризующие личность виновного, преступное деяние
и посткриминальное поведение, учтенные при назначении наказания за совершение лицом
мошенничества при получении выплат**

№	Приговор	Обстоятельства, характеризующие личность виновного				Обстоятельства, характеризующие преступное деяние				Обстоятельства, характеризующие поведение виновного после совершения преступления	
		Совершение преступления впервые небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств	Несовершеннолетие виновного	Беременность	Наличие малолетних детей у виновного	Совершение преступления в силу стечения тяжёлых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания	Совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости	Совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения	Противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления	Явка с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления	Оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причинённых в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причинённого потерпевшему
1	Советского районного суда г. Брянска от 16 декабря 2020 г. № 1-352/2020				+					+	+
2	Бежицкого районного суда г. Брянска от 14 октября 2020 г. № 1-215/2020									+	+
3	Бежицкого районного суда г. Брянска от 7 октября 2020 г. № 1-238/2020									+	
4	Советского районного суда г. Брянска от 28 мая 2019 г. № 1-134/2019				+					+	+
5	Советского районного суда г. Брянска от 28 мая 2019 г. № 1-134/2019				+					+	
6	Бежицкого районного суда г. Брянска от 3 апреля 2019 г. № 1-91/2019									+	
7	Омского областного суда от 19 ноября 2018 г. № 2-16/2018				+						
8	Красносулинского районного суда Ростовской области от 3 марта 2020 г. № 1-74/20									+	+
9	Бийского городского суда Алтайского края от 23 декабря 2020 г. № 1-420/2020									+	+
10	Бийского городского суда Алтайского края от 16 декабря 2020 г. № 1-785/2020									+	+
11	Бурлинского районного суда Алтайского края от 14 декабря 2020 г. № 1-25/2020				+					+	
12	Якутского городского суда Республики Якутия от 3 ноября 2020 г. № 1-1939/2020									+	+
13	Павловского районного суда Краснодарского края от 30 октября 2020 г. № 1-50/2020				+					+	
14	Центрального районного суда г. Кемерово от 29 октября 2020 г. №1-565/2020				+					+	
15	Воткинского районного суда Удмуртской Республики от 23 октября 2020 г. № 1-498/2020				+					+	+

Таблица 2

**Взаимосвязь размера наказания и личностных характеристик лица,
признанного виновным в мошенничестве при получении выплат**

Критерии личности виновного								Ущерб	Наказание
	Приговор	Пол	Состояние здоровья	Семейное положение	Наличие детей	Занимаемая должность	Наличие судимости		
1	Советского районного суда г. Брянска от 16 декабря 2020 г. № 1-352/2020	жен.	наличие заболевания	не замужем	один несовершеннолетний ребенок	не трудоустроена	не судима	453 026 руб.	2 года лишения свободы
2	Бежицкого районного суда г. Брянска от 14 октября 2020 г. № 1-215/2020	муж.	–	женат	малолетний ребенок	водитель	не судим	1 222 318 руб.	5 лет лишения свободы со штрафом в размере 200 000 рублей
3	Бежицкого районного суда г. Брянска от 7 октября 2020 г. № 1-238/2020	жен.	–	замужем	–	бухгалтер	не судима	43 179 руб. 14 коп.	6 месяцев исправительных работ с удержанием 15 % из заработной платы осужденной в доход государства
4	Советского районного суда г. Брянска от 28 мая 2019 г. № 1-134/2019	муж.	–	женат	малолетний ребенок	директор и главный бухгалтер	не судим	95 656 руб. 48 коп	2 года лишения свободы (условно)
5	Советского районного суда г. Брянска от 12 апреля 2019 г. № 1-94/ 2019	муж.	Наличие заболевания	женат	малолетний ребенок	руководитель государственной гражданской службы	не судим	1 409 5032 руб.	3 года 6 месяцев лишения свободы со штрафом в размере 500 000 рублей
6	Бежицкого районного суда г. Брянска от 3 апреля 2019 г. № 1-91/2019	муж.	–	–	–	безработный	не судим	408 960 руб.	3 года лишения свободы
7	Омского областного суда от 19 ноября 2018 г. № 2-16/2018	жен.	–	замужем	малолетний ребенок	юрист	не судима	351 640 руб.	2 года лишения свободы
8	Красносулинского районного суда Ростовской области от 3 марта 2020 г. № 1-74/20	жен.	–	замужем	двое несовершеннолетних детей	повар	не судима	83 355 руб. 56 коп.	1 год лишения свободы (условно)
9.	Бийского городского суда Алтайского края от 23 декабря 2020 г. № 1-420/2020	жен.	наличие заболевания	замужем	малолетний ребенок	сборщица, запрессовщица, сборщик специальных изделий	не судима	383 252 руб.	1 года 6 месяцев лишения свободы (условно)

10.	Бийского городского суда Алтайского края от 16 декабря 2020 г. № 1-785/2020	женский	наличие заболевания	не замужем	–	контролер	не судима	459 306 руб.	2 года 6 месяцев (условно)
11.	Бурлинского районного суда Алтайского края от 14 декабря 2020 г. № 1-25/2020	муж.	–	женат	двое несовершеннолетних детей	газоэлектросварщик	не судим	440 000 руб.	2 года лишения свободы (условно)
12.	Якутского городского суда Республики Якутия от 3 ноября 2020 г. № 1-1939/2020	жен.	–	не замужем	–	безработная	не судима	375 745 руб. 40 коп.	1 год лишения свободы (условно)
13.	Павловского районного суда Краснодарского края от 30 октября 2020 г. № 1-50/2020	жен.	–	разведена	один несовершеннолетний ребенок	безработная	не судима	381 500 руб. 82 коп.	2 года лишения свободы со штрафом в размере 20 000 без ограничения свободы
14.	Центрального районного суда г. Кемерово от 29 октября 2020 г. № 1-565/2020	жен.	–	не замужем	малолетний ребенок	безработная	не судима	176 947 руб.	1 год 6 месяцев лишения свободы
15.	Воткинского районного суда Удмуртской Республики от 23 октября 2020 г. № 1-498/2020	жен.	наличие заболевания	разведена	малолетний ребенок	главный бухгалтер	не судима	6 756 руб. 10 коп.	1 год лишения свободы (условно)

Проанализировав и сравнив 15 приговоров по уголовным делам о мошенничестве при получении выплат, мы наблюдаем отчетливую зависимость наказания от личностной характеристики виновного. Такое назначение наказания, несомненно, обусловлено нацеленностью на исправление осужденного. Так, в приговоре Бийского городского суда Алтайского края от 23 декабря 2020 г. № 1-420/2020 гражданка Б. осуждена к 1 году 6 месяцам лишения свободы условно, хотя причинен крупный ущерб от совершения преступления¹. Важную роль при назначении наказания сыграла личность виновной, а именно имеющееся заболевание, наличие малолетнего ребенка и данные, исключающие судимость. Другим примером является приговор Советского районного суда от 12 апреля 2019 г. № 1-94/2019, где гражданин А. был осужден к лишению свободы сроком на 3 года 6 месяцев со штрафом в размере 500 000 рублей². Был причинен ущерб в особо крупном размере. Личность преступника характеризуется состоянием здоровья (заболевание), наличием малолетнего ребенка и данными, исключающими судимость. Так, по большин-

ству приговоров, изученных нами уголовных дел о мошенничестве при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ), назначено более мягкое наказание с учетом личности виновного, чем в случае, если не учитывался этот критерий (см. таблица 2).

Таким образом, нами затронута проблема индивидуализации наказания за совершение лицом мошенничества при получении выплат. В ст. 64 УК РФ раскрыт принцип индивидуализации наказания, где сказано, что суду предоставляется возможность с учетом исключительных обстоятельств дела и личности виновного назначить наказание ниже низшего предела или назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрено статьей, или не применять дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного³, однако такие судебные решения нам не встречались.

Проведенный анализ судебной практики позволяет сделать следующие выводы:

1. К основным критериям индивидуализации наказания за мошенничество при получении выплат мы относим характер и степень общественной опасности, а также личность виновного. Следует согласиться со словами Л. Л. Кругликова о возможности «ограничиться в законе двумя критериями – характером и степенью общественной опасности содеянного и

¹ Приговор № 1-420/2020 от 23 декабря 2020 г. по делу № 1-420/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 11.03.2021).

² Приговор № 1-94/2019 от 12 апреля 2019 г. по делу № 1-94/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 11.03.2021).

³ Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Российская газета. 2010. 8 июня.

личностью виновного, поскольку смягчающие и отягчающие обстоятельства составляют некоторую часть их содержания»¹. При этом характер и степень общественной опасности содеянного оценивается судом на момент совершения преступления, степень общественной опасности личности – на момент вынесения приговора.

2. Индивидуализация наказания представляет собой определение отдельного вида наказания с учетом характера и степени общественной опасности совершенного деяния и личности виновного. Смягчающие обстоятельства и личность виновного в качестве критериев индивидуализации наказания лица, признанного виновным в совершении преступления, описанного в ст. 159.2 УК РФ, не следует разграничивать, т. к. содержание одного раскрывает другое. Эти критерии функционально являются индикаторами изменения общественной опасности личности с момента совершения преступления и имеют юридическое значение для назначения наказания реально или условно.

3. Поскольку требования для обеспечения того, чтобы судья имел возможность индивидуализировать наказания, не определены, важно упорядочить выбор обстоятельств, способствующих достижению целей наказания за совершение мошенничества при получении выплат, формализовать отчетливую зависимость назначенного наказания от личностных характеристик виновного с учетом возможности коррекции приговора путем условного осуждения. Это может сделать Пленум Верховного Суда РФ в своих руководящих разъяснениях.

Библиографический список

1. Александрова И. А. Мошенничество при получении выплат / И. А. Александрова // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее: материалы 8 Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2013 г. – М., 2013. – С. 258–260.

2. Александрова И. А. Новое уголовное законодательство о мошенничестве / И. А. Александрова // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 21. – С. 54–62.

3. Карпец И. И. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве / И. И. Карпец. – М.: Юрид. лит., 1961.

4. Кругликов Л. Л. О критериях назначения уголовного наказания / Л. Л. Кругликов // Проблемы теории уголовного права: избранные статьи 1982–1999 гг. – Ярославль, 1999.

5. Кузнецова Н. Ф. Отягчающие и смягчающие обстоятельства, учитываемые при определении меры наказания / Н. Ф. Кузнецова, Б. А. Куринов // Применение наказания по советскому уголовному праву. – М., 1958.

6. Кумышева М. К. Актуальные проблемы противодействия мошенничеству при получении выплат / М. К. Кумышева, Л. Ю. Таова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – № 3. – С. 202–205.

7. Пшеничных С. Н. К вопросу о предмете мошенничества при получении выплат физическими лицами / С. Н. Пшеничных // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8. – № 3А. – С. 190–195.

8. Сверчков В. В. Ответственность и меры уголовно-правового воздействия: наказание, воспитание, лечение, имущественное взыскание: моногр. / В. В. Сверчков. – М.: Юрайт, 2021.

9. Скрипченко Н. Ю. Мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ): законодательное регулирование и практика применения / Н. Ю. Скрипченко // Право: история и современность. – 2018. – № 3. – С. 88–94.

10. Таракина К. Э. Некоторые проблемы уголовно-правовой квалификации мошенничества при получении выплат (статья 159.2 Уголовного кодекса Российской Федерации) / К. Э. Таракина, Т. А. Вертепова // Уголовная политика: теория и практика. Общество и право. – 2017. – № 4 (62). – С. 69–75.

11. Южин А. А. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации мошенничества при получении выплат / А. А. Южин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2016. – № 3. – С. 156–158.

Bibliografickij spisok

1. Aleksandrova I. A. Moshennichestvo pri poluchenii vyplat / I. A. Aleksandrova // Problemy kodifikacii ugodovnogo zakona: istoriya, sovremennost', budushchee: materialy 8 Rossijskogo kongressa ugodovnogo prava, sostoyavshegosya 30–31 maya 2013 g. – M., 2013. – S. 258–260.

2. Aleksandrova I. A. Novoe ugodovnoe zakonodatel'stvo o moshennichestve / I. A. Aleksandrova // Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2013. – № 21. – S. 54–62.

3. Karpec I. I. Individualizaciya nakazaniya v sovetskom ugodovnom prave / I. I. Karpec. – M.: YUrid. lit., 1961.

4. Kruglikov L. L. O kriteriyah naznacheniya ugodovnogo nakazaniya / L. L. Kruglikov // Problemy teorii ugodovnogo prava: izbrannye stat'i 1982–1999 gg. – Yaroslavl', 1999.

5. Kuznecova N. F. Otyagchayushchie i smyagchayushchie obstoyatel'stva, uchityvaemye pri opredelenii mery nakazaniya / N. F. Kuznecova, B. A. Kurinov // Primenenie nakazaniya po sovetskomu ugodovnomu pravu. – M., 1958.

6. Kумышева М. К. Актуальные проблемы противодействия мошенничеству при получении выплат / М. К. Кумышева, Л. Ю. Таова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – № 3. – С. 202–205.

7. Pshenichnyh S. N. K voprosu o predmete moshennichestva pri poluchenii vyplat fizicheskimi licami / S. N. Pshenichnyh // Voprosy rossijskogo i

¹ Кругликов Л. Л. О критериях назначения уголовного наказания // Проблемы теории уголовного права: избранные статьи 1982–1999 гг. Ярославль, 1999. С. 110.

mezhdunarodnogo prava. – 2018. – Т. 8. – № 3А. – С. 190–195.

8. Sverchkov V. V. *Otvetstvennost' i mery ugolovno-pravovogo vozdejstviya: nakazanie, vospitanie, lechenie, imushchestvennoe vzyskanie: monogr.* / V. V. Sverchkov. – М.: YUrajt, 2021.

9. Skripchenko N. YU. *Moshennichestvo pri poluchenii vyplat (st. 159.2 UK RF): zakonodatel'noe regulirovanie i praktika primeneniya* / N. YU. Skripchenko // *Pravo: istoriya i sovremennost'*. – 2018. – № 3. – С. 88–94.

10. Tarakina K. E. *Nekotorye problemy ugolovno-pravovoj kvalifikacii moshennichestva pri poluchenii vyplat (stat'ya 159.2 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii)* / K. E. Tarakina, T. A. Vertepova // *Ugolovnaya politika: teoriya i praktika. Obshchestvo i pravo*. – 2017. – № 4 (62). – С. 69–75.

11. YUzhin A. A. *Ugolovno-pravovaya harakteristika i problemy kvalifikacii moshennichestva pri poluchenii vyplat* / A. A. YUzhin // *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo*. – 2016. – № 3. – С. 156–158.

Современное состояние нормативно-правовой регламентации ответственности за преступления террористического характера в отечественном законодательстве

Пшеничнов Илья Михайлович,
Нижегородская академия МВД России,
кандидат юридических наук
e-mail: adyunktura-namvd@yandex.ru

Современное состояние противодействия преступлениям террористического характера с трудом удается признать удовлетворительным. Менее 20 % уголовных дел от общего количества зарегистрированных преступлений указанной категории направляются в суд с обвинительным заключением. При этом основная проблема в данном направлении состоит не столько в «кадровом голоде» или человеческом факторе, сколько в недостатках нормативно-правового регулирования ответственности за различные проявления терроризма. Существующий здесь законодательный подход не отличается должной унификацией и систематизацией, благодаря чему правоохранительные органы сталкиваются с проблемами квалификации и прибегают к расширительному толкованию отдельных технико-юридических конструкций. Данная статья преследует своей целью освещение этого вопроса и поиск путей его разрешения.

Ключевые слова: терроризм; террористическая деятельность; преступность; противодействие; уголовная ответственность; законодательство; юридическая техника.

The current state of the legal regulation of responsibility for terrorist crimes in the domestic legislation

Pshenichnov Ilya Mikhailovitch,
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal
affairs of Russia, Candidate of Law

The current state of counteraction to socially dangerous terrorist activities can hardly be considered satisfactory. Less than 20% of criminal cases from the total number of registered crimes of this category are sent to the court with an indictment. At the same time, the main problem in this direction is not so much the «personnel shortage» or the human factor, but rather the shortcomings of the legal regulation of responsibility for various manifestations of terrorism. The existing legislative approach here is not characterized by proper unification and systematization, due to which law enforcement agencies face qualification problems and resort to an extensive interpretation of individual technical and legal structures. This article aims to highlight this issue and find ways to resolve it.

Key words: terrorism; terrorist activity; crime; counteraction; criminal liability; legislation; legal technology.

Идеология насилия, преследующая своей целью воздействие на органы государственной власти, является одним из наиболее деструктивных сегментов криминального мира. Высокий уровень латентности, организованности и общественной опасности формируют собой триаду элементов, оказывающих серьезное противодействие всей правоохранительной системе. При этом существенное «теневое» финансирование этой деятельности позволяет ей пользоваться всеми достижениями технологического прогресса, а также вербовать и вовлекать значительные

человеческие ресурсы, благодаря чему отдельные их формирования даже способны выступать в качестве самостоятельного субъекта на международной арене, который привлекает внимание всего мирового сообщества. Еще в 2018 г. генеральный секретарь Организации Объединенных Наций подчеркнул, что «на протяжении последних трех десятилетий число террористических актов, количество их жертв, а также их географические масштабы стремительно росли, благодаря чему терроризм превратился в беспрецедентную угрозу для международного мира,

безопасности и развития. Кроме того, увеличивались интенсивность и число международных и внутренних конфликтов, разрушающих общество и дестабилизирующих целые регионы. Сегодня терроризм является одной из наиболее серьезных проблем нашего времени¹.

При этом его незначительные количественные показатели по отношению к общему массиву зарегистрированных противоправных деяний (всего в 2020 г. на территории России согласно данным официальной статистики зафиксировано 2 044 221 преступлений) не должны вводить в заблуждение относительно уровня создаваемой угрозы наступления общественно опасных последствий, затрагивающих практически все сферы общества. Даже один подобный факт способен дестабилизировать работу многих государственных систем, вызвать серьезный общественный резонанс и стать трагедией для множества людей.

Действующее отечественное уголовное законодательство предлагает различные механизмы противодействия криминальной террористической активности. Прежде всего, в данном ключе выделяются нормы, непосредственно посвященные запретам указанной деятельности под угрозой наказания, состояние и функциональность которых в 2020 г. могут быть представлены следующим образом²:

1. «Террористический акт» (ст. 205 УК РФ), зарегистрировано – 50, направлено в суд – 8;

2. «Содействие террористической деятельности» (ст. 205.1 УК РФ), зарегистрировано – 345, направлено в суд – 71;

¹ Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]: доклад Генерального секретаря. 2018. Doc. A/72/840. П. 1. URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=a/72/840&Lang=r (дата обращения: 25.02.2021).

² Статистическая информация, приводимая в настоящей статье, систематизирована посредством анализа сводных отчетов ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России»: «О преступлениях террористического характера, экстремистской направленности и связанных с террористической деятельностью» (форма 282) и «Единый отчет о преступности» (форма 493).

3. «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма» (ст. 205.2 УК РФ), зарегистрировано – 300, направлено в суд – 81;

4. «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности» (ст. 205.3 УК РФ), зарегистрировано – 102, направлено в суд – 16;

5. «Организация террористического сообщества и участие в нем» (ст. 205.4 УК РФ), зарегистрировано – 30, направлено в суд – 10;

6. «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации» (205.5 УК РФ), зарегистрировано – 684, направлено в суд – 52;

7. «Захват заложника» (ст. 206 УК РФ), зарегистрировано – 8, направлено в суд – 0;

8. «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем» (ст. 208 УК РФ), зарегистрировано – 656, направлено в суд – 37;

9. «Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава» (ст. 211 УК РФ), зарегистрировано – 0, направлено в суд – 0;

10. «Незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами» (ст. 220 УК РФ), зарегистрировано – 4, направлено в суд – 0;

11. «Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ» (ст. 221 УК РФ), зарегистрировано – 0, направлено в суд – 0;

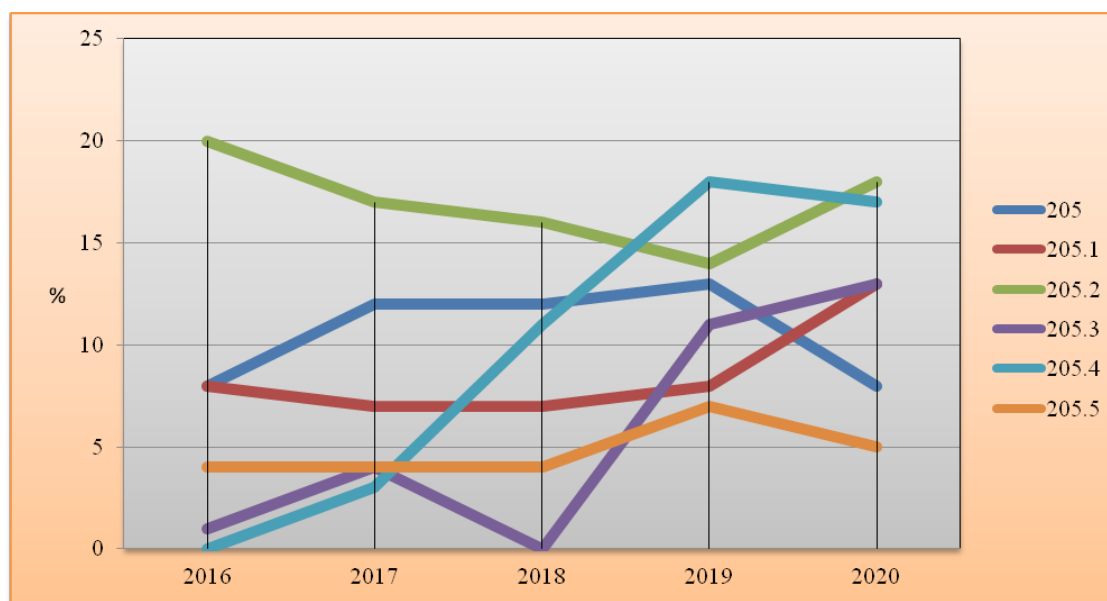
12. «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля» (ст. 277 УК РФ), зарегистрировано – 1, направлено в суд – 0;

13. «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти» (ст. 278 УК РФ), зарегистрировано – 7, направлено в суд – 0;

14. «Вооруженный мятеж» (ст. 279 УК РФ), зарегистрировано – 0, направлено в суд – 0;

15. «Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой» (ст. 360 УК РФ), зарегистрировано – 2, направлено в суд – 0;

16. «Акт международного терроризма» (ст. 361 УК РФ), зарегистрировано – 2, направлено в суд – 0.

Процентное соотношение количества направленных в суд уголовных дел по отдельным преступлениям террористического характера и общего количества данных дел, находящихся в производстве в отчетном периоде

Данные показатели свидетельствуют о низкой эффективности работы, проводимой правоохранительными органами по противодействию терроризму. Однако в таком контексте речь ведется не столько о кадровой проблеме или человеческом факторе, сколько о проблемах нормативного регулирования.

В настоящее время в уголовном законе регламентировано 16 составов преступлений, которые подпадают под категорию «**террористическая деятельность**», в том числе – 4 «**деяния, сопряженные с ней**» (ст. 277, 278, 279, 360 УК РФ), о чем свидетельствует толкование ст. 64, 72, 78, 82, 83 УК РФ. Данное утверждение в первую очередь подтверждается примечанием 2 к ст. 205.2 УК РФ, которое предоставляет исчерпывающий перечень рассматриваемых посягательств, кроме того, это также следует и из положений ст. 205.1 УК РФ. Подобная конкретизация способствует единообразному применению нормативных предписаний и в целом наличие подобного перечня позволяет вести речь о возможности дальнейшей унификации и систематизации соответствующих норм права, что, безусловно, носит отчетливый положительный характер для правоприменителя.

Однако в то же время ст. 205.3 и 205.4 УК РФ проводят «разделительную линию» между обозначенным видом антисоциальной активности и преступлениями, предусмотренными ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ. Более того, при содержательном наполнении нормы, посвященной ответственности за финансирование терроризма (ст. 205.1 УК РФ), законодатель не стал включать в данную группу посягательств деяние, предусмотренное ст. 361 УК РФ, что указывает на существование еще одной дополнительной «разделительной линии». Подобное отделение актов международного терроризма от общего подхода к пониманию системы терро-

ристической деятельности может быть обосновано посредством несовпадения субъективной стороны данных категорий в рамках ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» – «оказание воздействия на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями»¹, напротив которого выступает «нарушение мирного сосуществования государств и народов»². Такая цель, как нарушение «интересов страны», сознательно не была здесь указана, поскольку с позиции юридической техники она является некорректной и неприемлемой в силу своего безграничного расширительного толкования (фактически любой разбой, совершенный в отношении граждан РФ на территории другой страны в определенной степени посягает на интересы государства, однако расценивать его как акт терроризма совершенно недопустимо). Наличие содержательных различий в двух однородных криминальных явлениях олицетворяет собой пробел действующего отечественного законодательства.

Отсутствие четкой нормативной определенности в вопросе юридической оценки общественно опасных деяний в качестве их соответствия конкретной группе преступлений влечет за собой целый ряд негативных аспектов для правоприменителя, вынужденного формировать самостоятельное толкование. Так, например, в официальных статистических отчетах МВД России (Форма 282 «Антитеррор») используется уже «новая» категория «**преступления террористи-**

¹ О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 18.04.2018) // Собрание законодательства РФ (далее – СЗ РФ). 2006. № 11. Ст. 1146.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

ческого характера», которая помимо вышеперечисленных правонарушений включает в себя следующие: «Несообщение о преступлении» (ст. 205.6 УК РФ), «Бандитизм» (ст. 209 УК РФ), «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» (ст. 210 УК РФ), «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование» (ст. 295 УК РФ), «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа» (ст. 317 УК РФ), «Применение насилия в отношении представителя власти» (ст. 318 УК РФ). При этом в указанном перечне отсутствуют ст. 220, 221 УК РФ, рассматриваемые законодателем как террористические. Кроме того, в приведенном отчете еще имеется отдельный подраздел **«преступления, связанные с террористической деятельностью»**.

В данном ключе целесообразно обратиться к легитимному терминологическому аппарату, зафиксированному в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», в ст. 3 которого указано, что к террористической деятельности относятся:

- «1) организация, планирование, подготовка, финансирование и реализация террористического акта;
- 2) подстрекательство к террористическому акту;
- 3) организация незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;
- 4) вербовка, вооружение, обучение и использование террористов;
- 5) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;
- 6) пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности»¹.

С учетом изложенного квалифицировать содеянное в качестве «террористической деятельности» возможно только в соответствии со ст. 205–205.5 УК РФ, поскольку остальные вышеобозначенные нормы выходят за рамки этого определения.

Внутренние сущностные и содержательные различия в вопросах противодействия одному из наиболее опасных криминальных проявлений современности не позволяют вести речь о сформированности действительно эффективного механизма борьбы с террором. Отсутствие единства в таком, казалось бы, незначительном аспекте, как понятийный аппарат, на практике влечет за собой ряд весьма значимых системных проблем, влияющих фактически на все элементы правоохранительной деятельности – от стадии выявления и раскрытия до расследования и судебного разбирательства – поскольку на каждом

приведенном этапе существует вероятность расширительного толкования и, следовательно, неверной юридической оценки.

Помимо этого нельзя не обратить внимание и на объектную разобщенность обозначенных однородных преступлений: **общественная безопасность, государственная власть, мир и безопасность человечества**. Тогда как сущностно-содержательные особенности этого феномена достаточно наглядно продемонстрированы, в том числе на уровне официального толкования – «*идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий*»². Однако даже при наличии унифицированной дефиниции уголовное законодательство не придерживается необходимости систематизации рассматриваемой группы преступлений и предлагает собственный «взгляд» на местонахождение преступлений террористического характера в структуре Особенной части УК РФ.

В данном контексте целесообразно будет вкратце остановиться на специфике приведенных общественных отношений. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации определяет ее как «состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»³. Невозможно отрицать, что в процессе тех же взрывов, поджогов и иных деяний, совершенных общеопасным способом, имеется посягательство на данный объект уголовно-правовой охраны. Тем не менее остановиться лишь на нем недопустимо как минимум с точки зрения принципов справедливости и вины. Намерение террористов заключалось не в наступлении материальных последствий в виде вреда здоровью или имуществу, иначе бы квалификацию содеянного стоило проводить по ст. 105, 111, 167 УК РФ. То есть речь ведется о том, что общественная безопасность в подобных посягательствах, безусловно, страдает, однако лишь в качестве дополнительного объекта, тогда как целеполагание антисоциального поведения сосредоточено совершенно на другом. Как отмечает А. В. Петрянин, «в основу борьбы с терроризмом должны быть положены общественные отношения, которые не просто могут быть нарушены, а на которые желают посягнуть террористы»⁴. Тогда

² Там же.

³ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации [Электронный ресурс]: утверждена Президентом РФ 14 ноября 2013г. № Пр-2685. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602 (дата обращения: 10.02.2021).

⁴ Петрянин А. В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук.

¹ О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ.

как непонимание мотивационной составляющей настолько опасного криминального контингента фактически обесценивает деятельность по предупреждению и пресечению его активности. Именно благодаря подобным фактам на протяжении уже нескольких десятилетий сама формулировка «борьба с преступностью» активно осуждается и расценивается как нереалистичная вместо нее предлагается вести речь лишь о противодействии.

При формировании норм уголовного закона в полном объеме должны соблюдаться правила юридической техники, которые подразумевают не только точность и однозначность используемых конструкций, но и соблюдение требований к тождеству интерпретации однородных явлений, а также их социального контекста. С учетом действующих отечественных, международных и зарубежных нормативных предписаний позиции доктрины и общественного мнения о терроризме как уголовно-правовой категории наиболее приемлемый непосредственный объект подобных деяний сосредоточен именно в X разделе УК РФ, посвященном государственной власти.

Сложно отрицать, что вопросы обеспечения мира и безопасности человечества в силу своей фундаментальной значимости обладают приоритетом над практически любым другим неотъемлемым благом. Тем не менее, в рамках идеологии террористов совершение общепасных действий детерминировано именно желанием оказать воздействие на деятельность другого субъекта права вопреки его собственным законным интересам, что также может включать в себя и намерение ухудшить его взаимоотношения с другими субъектами, в том числе и на международной арене. С учетом этого целесообразно обратить внимание на единственную, хотя и относительную, сущностную целостность в уголовно-правовой регламентации рассматриваемого делинквентного поведения, а именно на его целеполагание:

- «дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений;
- понуждение государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия;
- прекращение государственной или иной политической деятельности либо мести за такую деятельность;
- свержение или насильственное изменение конституционного строя либо нарушение территориальной целостности;
- провокация войны или осложнение международных отношений;
- нарушение мирного сосуществования государств и народов, а также интересов страны».

Данные выдержки из УК РФ наглядно демонстрируют принадлежность террористической активности к конкретной родовой группе общественных отношений, в связи с чем предлагается унифицировать

системообразующее определение преступлений террористического характера следующим образом – *умышленные деяния, создающие угрозу гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, совершаемые в целях дестабилизации деятельности органов государственной власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, либо воспрепятствования политической или иной общественной деятельности, либо из мести за такую деятельность, предусмотренные статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ.*

Данная дефиниция в силу своего упорядочивающего потенциала, а также иммунитета к неоправданному расширительному толкованию способна стать опорой для единообразного применения положений уголовного закона и его дальнейшей модернизации в части противодействия терроризму и сопряженным с ним деяниям.

Библиографический список

1. Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]: доклад Генерального секретаря. 2018. – Doc. A/72/840. – П. 1. – URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=a/72/840&Lang=r.
2. Петрянин А. В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук / А. В. Петрянин. – Н. Новгород. – 2015.

Bibliograficheskij spisok

1. Deyatel'nost' sistemy Organizacii Ob» edinennyh Nacij po osushchestvleniyu Global'noj kontrterroristicheskoy strategii Organizacii Ob» edinennyh Nacij [Elektronnyj resurs]: doklad General'nogo sekretarya. 2018. – Doc. A/72/840. – P. 1. – URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=a/72/840&Lang=r.
2. Petryanin A. V. Konceptual'nye osnovy protivodejstviya prestupleniyam ekstremistskoj napravlenosti: teoretiko-prikladnoe issledovanie: dis. ... d-ra yurid. nauk / A. V. Petryanin. – N. Novgorod. – 2015.

Применение норм уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной информации, представляющей угрозу общественной безопасности

Токарев Денис Сергеевич,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: tokarev@uralweb.ru

Пичугина Кристина Эдуардовна,
Уральский юридический институт МВД России
e-mail: pichugina-kristina@bk.ru

В статье рассматриваются вопросы применения статей 207.1, 207.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автор обосновывает систематизацию этих норм в отдельную группу по объекту преступного посягательства, которым являются общественные отношения в сфере информационной безопасности. Анализируются критерии разграничения данных преступлений между собой, а также критерии их отграничения от аналогичных правонарушений. Предлагается авторская позиция по разрешению выявленных проблем, связанных с применением статей 207.1, 207.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. В частности, сформулирован разработанный автором критерий отграничения анализируемых преступлений от правонарушений.

Ключевые слова: общественная безопасность; информационная безопасность; COVID-19; ложная информация; недостоверная информация.

Application of the norms of criminal legislation on liability for the dissemination of deliberately false information

Tokarev Denis Sergeyevich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of law, Associate Professor

Pichugina Kristina Eduardovna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

The article deals with the application of Articles 207.1, 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author substantiates the systematization of these norms into a separate group for the object of criminal encroachment, which is public relations in the field of information security. The article analyzes the criteria for distinguishing these crimes from each other, as well as the criteria for distinguishing them from similar offenses. The author's position on the resolution of the identified problems related to the application of Articles 207.1, 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation is proposed. In particular, the author formulates the criterion developed by the author for distinguishing the analyzed crimes from offenses.

Key words: public safety; information security; COVID-19; false information; questionable information.

Ряд федеральных законов, принятых в апреле 2020 г., как считают многие авторы, направлен именно на борьбу с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19¹.

Следует согласиться, что публичное распространение ложных сведений, таких как: о количестве за-

В. В. Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (статьи 207.1, 207.2 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и сравнительный анализ // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 2. С. 80–81 и др.

¹ См., например: Кулев А. Г., Кулева Л. О. Уголовно-правовые новеллы в сфере охраны общественной безопасности (ст. 207.1, 207.2 УК РФ) // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 4 (78). С. 59–60; Бычков

болевших на той или иной территории; якобы сокрытии неких истинных целей действий государственных и муниципальных органов при проведении карантинных мероприятий; способах и формах лечения нового массового заболевания, – а также другая ложная информация создает угрозу общественной безопасности, отдельным интересам личности и государства. Однако если посмотреть на проблему несколько шире, то можно прийти к выводу, что введенные в уголовное законодательство нормы призваны противодействовать негативному явлению более широкого порядка.

История показывает, что даже самые опасные пандемии имеют определенный срок¹. В настоящее время статистика заболеваемости COVID-19 в Российской Федерации показывает динамику к снижению ее роста², начата массовая вакцинация населения³.

На наш взгляд, назначением введенных в уголовное законодательство в апреле 2020 г. ст. 207.1, 207.2 УК РФ является не только или даже не столько противодействие распространению новой коронавирусной инфекции COVID-19, сколько совершенствование борьбы с посягательствами на информационную безопасность общества в целом.

Анализ норм уголовного законодательства, в частности гл. 24 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), позволяет выделить группу норм, направленных на защиту общественной безопасности в информационной сфере. К указанной группе норм, по нашему мнению, необходимо отнести ст. 207, 207.1, 207.2 УК РФ. В этой связи, как нам представляется, совсем не случайно законодателем был выбран видовой объект уголовно-правовой охраны – не здоровье населения, что свидетельствовало бы о назначении указанных норм противодействовать распространению новой коронавирусной инфекции, а именно общественная безопасность, разновидностью которой является информационная безопасность общества.

Подтверждением нашего тезиса выступает не только расположение анализируемых норм в структуре действующего уголовного законодательства, но и выделение в положениях Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной

указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683⁴, информационной безопасности в качестве самостоятельного вида национальной безопасности. Этим же документом определено, что в целях обеспечения государственной и общественной безопасности, среди прочего, должна совершенствоваться система выявления и анализа угроз в информационной сфере, а также противодействия им. Существенную роль в реализации поставленной задачи, на наш взгляд, играет противодействие угрозам информационной безопасности обществу и государству посредством правовых средств.

Однако анализ уголовно-правовой доктрины и немногочисленной практики применения введенных уголовно-правовых норм выявил затруднения в разграничении ст. 207.1, 207.2 УК РФ с административными правонарушениями, нормы о которых содержат ряд объективных и субъективных признаков, весьма схожих с признаками анализируемых составов преступлений.

В целях предупреждения ряда затруднений правоприменительной деятельности в различных отраслях права, возникающих в процессе реализации вводимых правовых мер по предупреждению COVID-19, а также для разрешения проблемы применения ст. 207.1, 207.2 УК РФ, Президиумом Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) 21 апреля 2020 г. был утвержден Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1⁵ (далее – Обзор № 1). В дополнение к Обзору № 1 Президиумом ВС РФ 30 апреля 2020 г. был утвержден «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2»⁶ (далее – Обзор № 2).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 20.02.2021).

⁵ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19). № 1 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/28856/> (дата обращения: 21.02.2021).

⁶ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19). № 2 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/28882/> (дата обращения: 21.02.2021).

¹ Коломеец Е. Пандемии прошлого в сравнении с пандемией COVID-19 [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/ap/library/nauchno-tekhnicheskoe-tvorchestvo/2020/11/29/ran-demii-proshlogo-v-sravnenii-s-pandemiei> (дата обращения: 15.02.2021).

² Актуальная эпидемиологическая ситуация в России и мире [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. URL: https://www.rosпотребнадзор.ru/region/korono_virus/epid.php (дата обращения: 15.02.2021).

³ О массовой вакцинации населения от новой коронавирусной инфекции [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/news/41342> (дата обращения: 16.02.2021).

Следует отметить, что высшая судебная инстанция дала разъяснение по разграничению административной ответственности за правонарушения, предусмотренные ч. 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ, и уголовной ответственности по ст. 207.1 УК РФ в случаях распространения физическим лицом в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной информации о новой коронавирусной инфекции (COVID-19) под видом достоверных сообщений.

В частности, Президиум ВС РФ в качестве одного из критериев такого разграничения отмечает «реальную общественную опасность».

По нашему мнению, общественная опасность как способность деяния причинять вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям с точки зрения квалификации преступления и разграничения его с аналогичными правонарушениями является весьма оценочным понятием. В связи с чем можно сделать вывод, что данный критерий не внес существенного вклада в решение проблемы правоприменения анализируемой нормы уголовного законодательства.

В качестве еще одного критерия разграничения ст. 207.1 УК РФ с ч. 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ при ее применении Президиум ВС РФ указал на объект преступного посягательства. Следует отметить, что административное законодательство в рамках норм гл. 20 КоАП РФ содержит признаки административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность. Вместе с тем административное правонарушение, выраженное в распространении в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, создавшее угрозу наступления указанных в ч. 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ последствий, располагаются в рамках гл. 13 КоАП РФ, объединяющей комплекс норм, предназначенных для защиты общественных отношений в области информации и связи.

В отличие от критерия общественной опасности, содержание объекта посягательства, на наш взгляд, является более эффективным при отграничении ст. 207.1 УК РФ от аналогичных правонарушений. Однако, рассматривая информационную безопасность как интегрированный вид общественной безопасности при применении ст. 207.1 УК РФ, можно столкнуться с затруднением в разграничении общественных отношений в области информации и общественной безопасности с точки зрения их характера и предметного содержания.

Следующим критерием, на который необходимо обращать внимание при отграничении ст. 207.1 УК РФ от ч. 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ, является то, что Президиум ВС РФ обозначил способ публичного распространения информации, указав, что при применении ст. 207.1 УК РФ «публичный характер распространения заведомо ложной информации может проявляться не

только в использовании для этого средства массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, но и в распространении такой информации путем выступления на собрании, митинге, распространения листовок, вывешивания плакатов и т. п.».

Следует признать, что при совпадении прочих объективных и субъективных признаков ст. 207.1 УК РФ и одной из ч. 9 или 10 ст. 13.15 КоАП РФ, а также при наличии затруднения в разграничении составов правонарушений по характеру и степени общественной опасности (вреда) объекту посягательства, в случаях когда распространение заведомо ложной информации происходит путем «выступления на собрании, митинге, распространения листовок, вывешивания плакатов и т. п.», в целом способ является высокоэффективным признаком, позволяющим правильно применить анализируемую норму уголовного законодательства.

Однако при сохранении всех перечисленных нами условий и совпадении способа, который будет состоять в совершении указанного в диспозиции ст. 207.1 УК РФ, деяния при использовании для этого средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, у правоприменителя возникнут существенные сложности для отграничения анализируемого преступления от административных деликтов. Исключать же способы распространения информации через средства массовой информации или информационно-телекоммуникационные сети в рамках применения ст. 207.1 УК РФ, очевидно, нецелесообразно с позиции оценки степени общественной опасности данного способа.

О справедливости нашего тезиса свидетельствует и правоприменительная практика. Так, например, по материалам проверки прокуратуры возбуждено уголовное дело о публичном распространении заведомо ложной информации об обстоятельствах заражения коронавирусной инфекцией по факту размещения пользователем информации в социальной сети «ВКонтакте» о том, что в поликлинике г. С-ка у неизвестного гражданина были обнаружены признаки коронавируса, после чего указанного гражданина отпустили из поликлиники добираться на общественном транспорте без какого-либо сопровождения и принятия мер безопасности¹. Другой пример возбужденного уголовного дела по факту распространения ложной информации о коронавирусной инфекции в информационно-телекоммуникационных сетях: «Житель Агинского района разместил в одной из групп в мессенджере Viber ложные сведения о распространении на территории Забайкальского края вируса COVID-19, а также о якобы введенном пропускном режиме в одном из населенных пунктов Забайкалья»².

¹ Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/regionalnews/news-1820564/> (дата обращения: 21.02.2021).

² Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://sledcom.ru/ru/news/1820564/> (дата обращения: 21.02.2021).

В Обзоре № 1 также были даны разъяснения по поводу разграничения ст. 207.1, 207.2 УК РФ между собой по предмету, являющемуся обязательным признаком в рамках составов данных преступлений. В частности, Президиумом ВС РФ было указано, что «предмет преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ, является более широким по отношению к предмету преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ». В этой связи разъяснено, что «публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, о которой идет речь в примечании к статье 207.1 УК РФ, повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека, смерть человека или иные тяжкие последствия, квалифицируется по соответствующей части статьи 207.2 УК РФ. Если в результате этих действий указанные последствия не наступили, содеянное надлежит квалифицировать по статье 207.1 УК РФ».

Проведенный анализ обзоров Президиума ВС РФ, а также немногочисленной практики применения ст. 207.1, 207.2 УК РФ позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правоприменительной деятельности в указанном направлении.

Основываясь на анализе научной литературы и норм административного и уголовного законодательства, сформулируем предложение о повышении эффективности применения норм уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной информации.

При сопоставлении диспозиций ч. 9 или 10 ст. 13.15 КоАП РФ и ст. 207.1, 207.2 УК РФ обращает на себя внимание существенная, на наш взгляд, характеристика предмета анализируемых правонарушений, которая, по нашему мнению, может значительно повысить эффективность правоприменительной деятельности при разграничении анализируемых преступлений от правонарушений. Безусловно, эффективность правоприменения при этом будет зависеть от единообразного подхода в оценке предмета, которая может быть обеспечена официальным разъяснением ВС РФ.

Суть предлагаемого нами критерия разграничения анализируемых норм сводится к тому, что в нормах административного законодательства предмет состава правонарушения закреплен как «недостоверная» информация. В свою очередь, в рамках анализируемых составов преступлений предмет раскрывается через термин «ложная информация». Несмотря на тождественную, на первый взгляд, природу этих правовых терминов, они имеют существенные отличия, которые, в свою очередь, при юридической оценке деяния способны повлиять на разграничение *общественного вреда*, причиняемого объекту правовой охраны.

Системный анализ норм уголовного законодательства выявил разграничение недостоверных и

ложных сведений, например, в рамках диспозиции ст. 159.1 УК РФ. Аналогичный результат показал и сравнительный анализ уголовно-правовой доктрины¹.

По нашему мнению, следует согласиться с профессором Н. Г. Ивановым по поводу того, что «ложная информация... не соответствует реальной действительности ни в каком виде и ни в каком варианте. Недостоверные сведения могут полностью или частично соответствовать действительности, но они не являются исключительной выдумкой, фантазией»².

На наш взгляд, при отграничении ст. 207.1, 207.2 УК РФ от ч. 9 или 10 ст. 13.15 КоАП РФ нужно в том числе исходить из оценки распространяемой информации с позиции ее ложности или недостоверности. При этом в случае тождественности прочих признаков анализируемых преступлений и правонарушений, оценивая информацию как ложную, необходимо квалифицировать деяние как преступление по соответствующим статьям УК РФ, а в случае оценки информации как недостоверной – по соответствующим нормам административного законодательства.

Следует также отметить, что публичное распространение недостоверной информации, как и публичное распространение ложной, может повлечь последствие по неосторожности в виде причинения вреда здоровью человека, смерти человека или иных тяжких последствий.

В случае, когда указанные последствия наступают при публичном распространении ложной информации о фактах и событиях, указанных в рамках ст. 207.1, 207.2 УК РФ, то, согласно разъяснению Президиума ВС РФ, деяние следует квалифицировать по соответствующей части статьи 207.2 УК РФ, т. к. ст. 207.1 УК РФ указанных последствий не содержит.

Распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, повлекшее смерть человека, причинение вреда здоровью человека или имуществу, массовое нарушение общественного порядка и (или) общественной безопасности, прекращение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, в настоящее время влечет административную ответственность юридического, но не физического лица по ч. 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ. Ответственность физических лиц за указанное деяние, на наш взгляд, должна наступать по соответствующим статьям уголовного законодательства (например, в случае причинения по

¹ См., например: Александрова И. А. Новое законодательство о мошенничестве в свете разъяснений Президиума Верховного Суда РФ. Статья 1. Новейшая практика применения ст. 159, ст. 159.1–159.6 УК РФ // Российский следователь. 2014. № 4. С. 32–35.

² Иванов Н. Объективная сторона распространения ложной информации (ст. 207.1 УК РФ) // Уголовное право. 2020. № 5. С. 66–67.

неосторожности смерти по ст. 109 УК РФ, тяжкого вреда здоровью – по ст. 118 УК РФ и т. д.).

Подводя итог проведенного анализа применения норм уголовного законодательства об ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации, представляющей угрозу общественной безопасности, следует отметить, что круг возникающих вопросов правоприменения в указанной сфере достаточно объемлен и с расширением практики применения ст. 207.1, 207.2 УК РФ потребует дополнительного анализа. Вместе с тем полагаем, что высказанные в исследовании выводы разрешат возникающие в настоящий момент вопросы разграничения указанных норм со смежными и конкурирующими составами, а также с административными правонарушениями.

Библиографический список

1. Актуальная эпидемиологическая ситуация в России и мире [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. – URL: <https://www.rosпотребнадзор.ru>.

2. Александрова И. А. Новое законодательство о мошенничестве в свете разъяснений Президиума Верховного Суда РФ. Статья 1. Новейшая практика применения ст. 159, ст. 159.1–159.6 УК РФ / И. А. Александрова // Российский следователь. – 2014. – № 4. – С. 32–35.

3. Бычков В. В. Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (статьи 207.1, 207.2 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и сравнительный анализ / В. В. Бычков // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2020. – № 2. – С. 80–81.

4. Иванов Н. Объективная сторона распространения ложной информации (ст. 207.1 УК РФ) / Н. Иванов // Уголовное право. – 2020. – № 5. – С. 66–67.

5. Коломеец Е. Пандемии прошлого в сравнении с пандемией COVID-19 [Электронный ресурс] / Е. Коломеец. – URL: <https://nsportal.ru>.

6. Кулев А. Г. Уголовно-правовые новеллы в сфере охраны общественной безопасности (ст. 207.1, 207.2 УК РФ) / А. Г. Кулев, Л. О. Кулева // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 4 (78). – С. 59–60.

7. О массовой вакцинации населения от новой коронавирусной инфекции [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. – URL: <http://government.ru>.

8. По материалам проверки прокуратуры возбуждено уголовное дело о публичном распространении заведомо ложной информации об обстоятельствах заражения коронавирусной инфекцией [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: <https://genproc.gov.ru>.

9. Уголовное дело возбуждено по факту распространения ложной информации о коронавирусной инфекции [Электронный ресурс] // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации по Забайкальскому краю. – URL: <https://zabaykalye.sledcom.ru>.

Bibliograficheskij spisok

1. Aktual'naya epidemiologicheskaya situaciya v Rossii i mire [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby po nadzoru v sfere zashchity prav potrebitel'ej i blagopoluchiya cheloveka. – URL: <https://www.rosпотребнадзор.ru>.

2. Aleksandrova I. A. Novoe zakonodatel'stvo o moshennichestve v svete raz'yasnenij Prezidiuma Verhovnogo Suda RF. Stat'ya 1. Novejshaya praktika primeneniya st. 159, st. 159.1–159.6 UK RF / I. A. Aleksandrova // Rossijskij sledovatel'. – 2014. – № 4. – S. 32–35.

3. Bychkov V. V. Publichnoe rasprostranenie zavedomo lozhnoj informacii ob obstoyatel'stvah, predstavlyayushchih ugrozu zhizni i bezopasnosti grazhdan, i obshchestvenno znachimoj informacii, povlekshee tyazhkie posledstviya (stat'i 207.1, 207.2 UK RF): ugovovno-pravovaya harakteristika i sravnitel'nyj analiz / V. V. Bychkov // Vestnik Moskovskoj akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. – 2020. – № 2. – S. 80–81.

4. Ivanov N. Ob'ektivnaya storona rasprostraneniya lozhnoj informacii (st. 207.1 UK RF) / N. Ivanov // Ugovovnoe pravo. – 2020. – № 5. – S. 66–67.

5. Kolomeec E. Pandemii proshlogo v sravnenii s pandemiej COVID-19 [Elektronnyj resurs] / E. Kolomeec. – URL: <https://nsportal.ru>.

6. Kulev A. G. Ugolovno-pravovye novelly v sfere ohrany obshchestvennoj bezopasnosti (st. 207.1, 207.2 UK RF) / A. G. Kulev, L. O. Kuleva // Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii. – 2020. – № 4 (78). – S. 59–60.

7. O massovoj vakcinacii naseleniya ot novoj koronavirusnoj infekcii [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Pravitel'stva Rossijskoj Federacii. – URL: <http://government.ru>.

8. Po materialam proverki prokuratury vzbuzhdeno ugolovnoe delo o publichnom rasprostranении zavedomo lozhnoj informacii ob obstoyatel'stvah zarazheniya koronavirusnoj infekciej [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. – URL: <https://genproc.gov.ru>.

9. Ugolovnoe delo vzbuzhdeno po faktu rasprostraneniya lozhnoj informacii o koronavirusnoj infekcii [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii po Zabajkal'skomu krayu. – URL: <https://zabaykalye.sledcom.ru>.

Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции (статья 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации): признаки объекта и их влияние на квалификацию

Харламова Алена Алексеевна,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: up-kafedra@mail.ru

В статье раскрыто содержание признаков объекта состава преступления, предусмотренного статьей 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции», при этом особое внимание уделено особенностям предмета и потерпевшего. На основе материалов судебной практики проведено разграничение смежных и конкурирующих составов преступлений.

Ключевые слова: продажа несовершеннолетним алкогольной продукции; незаконный оборот алкоголя; административная преюдиция; продажа кустарной алкогольной продукции.

Retail sale of alcoholic beverages to minors (Article 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): object signs and their influence on qualification

Kharlamova Alyona Alekseevna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law, Associate professor

The article discloses the content of the signs of the object of the corpus delicti under Art. 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation «Retail sale of alcoholic products to minors», with special attention paid to the peculiarities of the subject and the victim; on the basis of materials of judicial practice carried out demarcation of adjacent and competing offenses.

Key words: sale of alcoholic products to minors; illegal circulation of alcohol; administrative prejudice; sale of handicraft alcoholic products.

Статью 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) можно назвать достаточно молодой. Она была включена в систему действующих норм лишь в 2011 г.¹ В пояснительной записке указывалось, что реализация мероприятий по формированию здорового образа жизни населения, и прежде всего несовершеннолетних, включая искоренение пьянства и наркомании, является условием социального развития Российской Федерации по достижении целей Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 г. Кроме того, пояснялось, что в силу недостаточности имеющегося механизма ответственности дети и подростки, несмотря

на законодательные запреты, пользуются имеющимся правовым пробелом².

Прежде чем определить непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции», необходимо отметить, что в научной литературе ведутся дискуссии по поводу правильности расположения указанной нормы в системе УК РФ. Так, есть мнение, что она должна быть перенесена в гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», т. к. в процессе совершения розничной продажи ставится под угрозу не здоровье конкретного несовершеннолетнего,

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции: Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 253-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции и пива: пояснительная записка к проекту федерального закона // СПС «КонсультантПлюс».

а здоровье несовершеннолетних в целом¹. Вместе с тем другие исследователи полагают, что место рассматриваемой статьи определено законодателем правильно².

Интересно, что предикатное, т. е. предшествующее преступлению правонарушение, предусмотренное ст. 14.16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), отнесено к гл. 14 «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности и саморегулируемых организаций». И, вероятно, было бы логичным поместить ст. 151.1 УК РФ в гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», в которую включены ст. 171.3 «Незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» и ст. 171.4 «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции». Действующее расположение нормы об уголовной ответственности за розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним приводит к выводу, что законодатель по-разному определил основной круг общественных отношений, на которые посягает правонарушение и аналогичное ему преступление.

С учетом места ст. 151.1 УК РФ в системе УК РФ общественная опасность определенного в ней деяния находит свое выражение в негативном воздействии на нормальное физическое и нравственное развитие личности несовершеннолетнего. Не возникает сомнений, что употребление алкоголя наносит существенный вред организму ребенка и может стать причиной развития хронических заболеваний. Необходимость установления повторности совершаемых виновным действий приводит исследователей к выводу, что вредоносность состоит не только в причинении вреда несовершеннолетнему, но и в особой степени устойчивости антисоциальных свойств личности³. Помимо сказанного, посредством розничной продажи алкогольной продукции лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, создаются условия для алкоголизации молодежи, роста антиобщественной и преступной деятельности и иных отсроченных негативных последствий.

Таким образом, основным непосредственным объектом состава преступления, предусмотренного

ст. 151.1 УК РФ, можно считать совокупность общественных отношений, обеспечивающих нормальное развитие лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста. Часть ученых-правоведов определяет содержание этого объекта несколько шире, включая в него законные интересы молодого поколения в целом⁴. Однако представляется, что при стремлении определить в качестве основной группы для охраны именно эти интересы, норма все же была бы помещена в Главу 25 УК РФ.

Исходя из того, что при совершении анализируемого преступления нарушаются требования, установленные в положениях федерального законодательства, дополнительным непосредственным объектом выступает совокупность общественных отношений, регулирующих определенный законом порядок оборота алкогольной продукции.

Что касается предмета рассматриваемого преступления, то большая часть исследователей относит к таковому алкогольную продукцию⁵. А. А. Берндт в одной из своих публикаций не соглашается с таким подходом и предлагает считать алкогольную продукцию орудием совершения преступления в связи с тем, что последнее играет активную роль в механизме преступления, как бы облегчает его совершение, а предмет преступления, напротив, играет пассивную роль, испытывая на себе воздействие преступного деяния и тех орудий, которые применяет виновный в процессе его совершения⁶. Нам же представляется, что алкогольная продукция выступает средством совершения преступления, т. е. последнее, в отличие от предмета, представляет собой вещь материального мира, с помощью которой общественно опасное деяние реализуется, а не ту, на которую осуществляется воздействие. Кроме того, алкогольная продукция не находится в органической связи с нормальным физическим и психическим развитием несовершеннолетнего.

Напомним, что к алкогольной продукции отнесена пищевая продукция, содержание спирта в которой более 0,5 %, произведенная с использованием или без использования этилового спирта из пищевого сырья или с использованием спиртосодержащей пищевой продукции. В качестве видов такой продукции в законе определены спиртные напитки (в том числе водка, коньяк), вино, фруктовое вино, ликерное вино, игристое вино (шампанское), винные напитки, пиво и напитки, изготавливаемые на основе пива, сидр, пу-

¹ См., например: Жариков Ю. С. Обеспечение законности уголовно-правового регулирования посредством норм с административной преюдицией // Российский следователь. 2012. № 22. С. 16; Герасимова Е. А. Уголовно-правовое противодействие розничной продаже алкогольной продукции несовершеннолетним: дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 100.

² См.: Купирова Ч. Ш. Ответственность за преступления против несовершеннолетних (по материалам следственно-судебной практики Приволжского федерального округа): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Чебоксары, 2015. С. 17.

³ См.: Берндт А. А. Уголовно-правовая характеристика розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним: дис. ... канд. юрид. наук. Сургут, 2017. С. 44.

⁴ Там же. С. 91.

⁵ См., например: Габдрахманов Р. Л., Денисенко М. В., Кужинов В. Н. Квалификация преступлений, посягающих на законный оборот алкогольной продукции // Российский следователь. 2019. № 11. С. 47; Галимов Р. Р. Вопросы применения статьи 151.1 УК РФ «розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4. С. 74.

⁶ См.: Берндт А. А. Признаки объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 151.1 УК РФ // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3. С. 11.

аре, медууха. Отдельные виды пищевой продукции, такие как: повидло, желе, соусы, пасты, приправы, протертые фрукты, начинки, натуральные ароматизаторы, продукты брожения, квасы, кисломолочные продукты, мороженое, щербеты, колбасы сырокопченые, колбасы сыровяленые и т. п., – не являются алкогольной¹.

Возникает вопрос: можно ли применительно к ст. 151.1 УК РФ относить к алкогольной продукции напитки, произведенные кустарным способом? Некоторые исследователи полагают, что такая продукция может являться предметом соответствующего состава². Однако представляется, что реализация «самопального» алкоголя при систематическом ее осуществлении уже является разновидностью незаконной предпринимательской деятельности и в зависимости от суммы извлеченного дохода подпадает под действие специальных норм, предусмотренных ст. 171.3 и 171.4 УК РФ. Аналогичный вывод вытекает из анализа материалов уголовных дел. В процессе исследования нам не удалось найти ни одного судебного решения по ст. 151.1 УК РФ, где бы фигурировал кустарным способом изготовленный алкоголь. А вот по ст. 171.3 и 171.4 УК РФ такие случаи имеют место.

Так, мировым судьей судебного участка по Зиянчуринскому району Республики Башкортостан Д. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 171.4 УК РФ. Согласно описательной части приговора Д., не имея соответствующей лицензии, осуществил розничную продажу Р. алкогольной, спиртосодержащей продукции домашней выработки (самогона) в пластиковой бутылке без этикетки объемом 0,5 литра на сумму 130 руб. Ранее Д. уже был привлечен к административной ответственности за аналогичное деяние³.

Другой пример. К. и его троюродный брат А. закупили 95 % этиловый спирт. Затем с использованием имеющихся у них емкостей и оборудования, хранящегося в гараже К., смешивали спирт с водой и разливали в полиэтиленовые бутылки и канистры. Полученная в результате спиртосодержащая жидкость в большем объеме реализовывалась К. и А. с наценкой на территории г. Стерлитамак, Стерлитамакского,

Ишимбайского, Гафурийского, Архангельского, Стерлибашевского и Миякинского районов Республики Башкортостан под видом алкогольной продукции, а именно водки и коньяка. Действия каждого из братьев были квалифицированы по ч. 1 ст. 171.3 УК РФ⁴.

Нужно заметить, что ст. 171.4 УК РФ в отличие от ст. 151.1 УК РФ устанавливает ответственность за незаконную розничную продажу не только алкогольной, но и спиртосодержащей пищевой продукции, а ст. 171.3 УК РФ охватывает еще и продажу всех видов спиртосодержащей продукции и этилового спирта. Напомним, что к спиртосодержащей, помимо пищевой, отнесена непивная продукция, а также спиртосодержащие лекарственные препараты и медицинские изделия с содержанием этилового спирта более 0,5 %, которые уже не считаются алкогольной продукцией. Поэтому розничная продажа этилового спирта, спиртовых лекарств и медицинских изделий несовершеннолетним не влечет ответственность по ст. 151.1 УК РФ, но может образовывать признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 171.3 или 171.4 УК РФ.

Реализация несовершеннолетнему алкогольной продукции, которая не отвечает требованиям безопасности и может представлять опасность для жизни или здоровья, влечет при наличии всех признаков ответственность по ст. 238 УК РФ. Вряд ли можно согласиться с мнением, что продажа представляющей опасность алкогольной продукции лицам, не достигшим восемнадцати лет, может образовывать идеальную совокупность ст. 151.1 и ст. 238 УК РФ⁵. Представляется, что как раз качество реализуемой продукции и делает эти нормы взаимоисключающими. Аналогичного мнения, по всей видимости, придерживаются и правоприменители. В судебной практике прецедентов вменения упомянутой совокупности нами не обнаружено, а вот совокупность ст. 171.4 и 238 УК РФ встречается.

Так, А. приобрел у С. 66 бутылок со спиртосодержащей жидкостью без официальных документов, удостоверяющих соответствие продукции условиям требований безопасности. Одну из этих бутылок А., выполняя работу продавца в магазине «Продукты», реализовал К. По заключению эксперта жидкость в проданной бутылке не соответствовала наименованию и показателям, указанным на этикетке, требованиям ГОСТа, а также содержала летучую токсическую микропримесь – ацетон, а следовательно, представляла опасность для здоровья человека даже при употреблении незначительного количества. Учитывая, что А. ранее уже был привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.17.1 КоАП РФ, суд признал его виновным в совершении совокупности пре-

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 9 ноября 2017 г. № 1344 «Об утверждении перечней пищевой продукции, которая произведена с использованием или без использования этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, с содержанием этилового спирта более 0,5 процента объема готовой продукции, не относящейся к алкогольной продукции» // СПС «КонсультантПлюс».

² См., например: Берндт А. А. Уголовно-правовая характеристика розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним: дис. ... канд. юрид. наук. Сургут, 2017. С. 103.

³ См.: Приговор мирового судьи судебного участка по Зиянчуринскому району Республики Башкортостан от 1 октября 2018 г. по делу № 1-113/2018 // ГАС РФ «Правосудие».

⁴ См.: Приговор Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан от 17 июля 2019 г. по делу № 1-71/2019 // ГАС РФ «Правосудие».

⁵ См.: Берндт А. А. Уголовно-правовая характеристика розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним: дис. ... канд. юрид. наук. Сургут, 2017. С. 143.

ступлений, предусмотренных ст. 171.4 и ч. 1 ст. 238 УК РФ¹.

Буквальное толкование диспозиции ст. 151.1 УК РФ приводит к выводу, что потерпевшим в уголовно-правовом смысле при совершении соответствующего деяния является несовершеннолетний. Для минимального возраста лица, приобретающего алкогольную продукцию, никаких ограничений не установлено. Наличие у несовершеннолетнего статуса эмансипированного (ст. 27 ГК РФ) влияния на возможность быть потерпевшим тоже не оказывает.

Хотелось бы обратить внимание на то, что в диспозиции анализируемой статьи используется формулировка «розничная продажа несовершеннолетним». Множественное число, примененное для указания на потерпевшего, может привести к предположению, что деяние должно быть совершено в отношении нескольких лиц. Однако представляется, что законодателем все-таки была заложена идея об уголовно-правовом запрете на повторную розничную продажу алкогольной продукции даже одному несовершеннолетнему лицу. Отчасти об этом свидетельствует примечание к ст. 151.1 УК РФ, где в сочетании с розничной продажей «несовершеннолетний» два раза упоминается уже в единственном числе. Аналогичный подход реализует и практика.

Так, К. была принята на работу в качестве продавца-кассира в магазин разливных напитков. В процессе своей трудовой деятельности она осуществила розничную продажу двух бутылок пива «Бархатное», объемом 1 литр с содержанием спирта 3,7 %, несовершеннолетнему Б., за что была привлечена к административной ответственности по ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ. Через 4 месяца К. продала несовершеннолетней Р. две бутылки пива емкостью 0,33 литра каждая с содержанием спирта 4 %. Мировой судья судебного участка № 3 Устиновского района г. Ижевска Удмуртской Республики признал К. виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ².

Библиографический список

1. Берндт А. А. Признаки объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 151.1. УК РФ / А. А. Берндт // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3. – С. 10–12.
2. Берндт А. А. Уголовно-правовая характеристика розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним: дис. ... канд. юрид. наук. – Сургут, 2017. – 220 с.
3. Габдрахманов Р. Л. Квалификация преступлений, посягающих на законный оборот алкогольной продукции / Р. Л. Габдрахманов, М. В. Денисенко, В. Н.

Кужиков // Российский следователь. – 2019. – № 11. – С. 45–49.

4. Галимов Р. Р. Вопросы применения статьи 151.1 УК РФ «розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции» / Р. Р. Галимов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 4. – С. 72–76.

5. Герасимова Е. А. Уголовно-правовое противодействие розничной продаже алкогольной продукции несовершеннолетним: дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Герасимова. – Саратов, 2015. – 193 с.

6. Жариков Ю. С. Обеспечение законности уголовно-правового регулирования посредством норм с административной преюдицией / Ю. С. Жариков // Российский следователь. – 2012. – № 22. – С. 14–17.

7. Купирова Ч. Ш. Ответственность за преступления против несовершеннолетних (по материалам следственно-судебной практики Приволжского федерального округа): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ч. Ш. Купирова. – Чебоксары, 2015. – 23 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Berndt A. A. Priznaki ob'ektivnoj storony prestupleniya, predusmotrennogo stat'ej 151.1. UK RF / A. A. Berndt // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2014. – № 3. – С. 10–12.
2. Berndt A. A. Ugolovno-pravovaya harakteristika rozничной prodazhi alkogol'noj produkcii nesovershennoletnim: dis. ... kand. yurid. nauk. – Surgut, 2017. – 220 s.
3. Gabdrahmanov R. L. Kvalifikaciya prestuplenij, posyagayushchih na zakonnyj oborot alkogol'noj produkcii / R. L. Gabdrahmanov, M. V. Denisenko, V. N. Kuzhikov // Rossijskij sledovatel'. – 2019. – № 11. – С. 45–49.
4. Galimov R. R. Voprosy primeneniya stat'i 151.1 UK RF «rozничная prodazha nesovershennoletnim alkogol'noj produkcii» / R. R. Galimov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2018. – № 4. – С. 72–76.
5. Gerasimova E. A. Ugolovno-pravovoe protivodejstvie rozничной prodazhe alkogol'noj produkcii nesovershennoletnim: dis. ... kand. yurid. nauk / E. A. Gerasimova. – Saratov, 2015. – 193 s.
6. ZHarikov YU. S. Obespechenie zakonnosti ugolo no-pravovogo regulirovaniya posredstvom norm s administrativnoj preyudiciej / YU. S. ZHarikov // Rossijskij sledovatel'. – 2012. – № 22. – С. 14–17.
7. Kupirova CH. SH. Otvetstvennost' za prestupleniya protiv nesovershennoletnih (po materialam sledstvenno-sudebnoj praktiki Privolzhskogo federal'nogo okruga): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / CH. SH. Kupirova. – CHEboksary, 2015. – 23 s.

¹ См.: Приговор Кисловодского городского суда Ставропольского края от 30 июля 2019 г. по делу № 1-280/2019 // ГАС РФ «Правосудие».

² См.: Приговор мирового судьи судебного участка № 3 Устиновского района г. Ижевска Удмуртской Республики от 13 сентября 2019 г. по делу № 1-65/2019 // ГАС РФ «Правосудие».

Квалификация вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни, по признакам субъективной стороны

Щетинина Наталья Валерьевна,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: up-kafedra@mail.ru

Одним из элементов, подлежащих обязательному выявлению в процессе квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни, является субъективная сторона, установление которой создает определенные сложности в процессе правоприменения. В статье рассматриваются особенности уголовно-правовой оценки преступления, предусмотренного статьей 151.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, с учетом психического отношения виновного лица к совершенному им общественно опасному деянию и возможным последствиям.

Ключевые слова: несовершеннолетний; вовлечение в совершение действий, представляющих опасность; противоправные действия; субъективная сторона; психическое отношение; квалификация.

Involvement's qualification of a minor in the act commission that pose a danger to his life, on the grounds of the subjective side

Schetinina Natalya Valeryevna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law, Associate professor

One of the elements that must be identified in the process of qualifying the minor involvement in act commission that pose a danger to his life is the subjective side, the establishment of which creates certain difficulties in the process of law enforcement. The article deals with the features of the criminal-legal assessment of the crime under Article 151.2 of the Russian Federation Criminal Code, taking into account the mental attitude of the guilty person to the socially dangerous act committed by him and the possible consequences.

Key words: minor; involvement in the commission of dangerous actions; illegal actions; subjective side; mental attitude; qualification.

Федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ в главу 20 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Преступления против семьи и несовершеннолетних» была включена ст. 151.2, предусматривающая возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в вовлечении несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни¹.

Одним из элементов, подлежащих обязательному выявлению в процессе уголовно-правовой оценки

указанного преступления, является субъективная сторона, установление которой может создавать определенные сложности в процессе правоприменения. Вина как обязательный признак указанного элемента состава включает психическое отношение виновного лица к содеянному. Предметное содержание этого отношения зависит, во-первых, от конструкции объективной стороны состава, а во-вторых, от особенностей иных признаков, определяющих в своей совокупности общественную опасность соответствующего преступления.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ, состоит в склонении или ином вовлечении несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего. При этом юридическое значение имеет способ, при помо-

¹ Федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // СПС «КонсультантПлюс».

щи которого виновное лицо оказывает воздействие на потерпевшего. Таким образом, по конструкции указанный состав – формальный. Это означает, что преступление следует считать оконченным с момента совершения хотя бы одного из альтернативных действий, образующих объективную сторону, – склонения или иного вовлечения. Поскольку вовлечение предполагает фактическое привлечение вовлекаемого, для момента окончания вовлечения в совершение противоправных действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, необходимо совершение хотя бы одного из них. Формальность состава исключает дискуссию относительно возможных разновидностей форм и видов вины, с которыми может быть совершено анализируемое преступление, в связи с чем можно заключить, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, представляющих опасность для его жизни, может быть совершено только с прямым умыслом.

Из положений ч. 2 ст. 25 УК РФ следует, что интеллектуальный момент прямого умысла характеризуется осознанием виновным лицом общественной опасности совершаемого им деяния. Применительно к ст. 151.2 УК РФ общественная опасность склонения или иного вовлечения определяется, во-первых, возрастными свойствами потерпевшего, во-вторых, юридической значимостью действий, в совершение которых он вовлекается, поскольку, исходя из содержания диспозиции, они должны быть противоправными, и, в-третьих, характеристикой этих действий, т. к. они должны быть еще и представляющими опасность для жизни несовершеннолетнего.

Термин «заведомо», традиционно предполагающий в уголовном праве знание о наличии тех или иных обстоятельств, имеющих существенное значение для квалификации преступления¹, используется законодателем только в контексте со словосочетанием «представляющих опасность для жизни», в связи с чем возникает вопрос: должно ли виновное лицо, помимо опасности для жизни тех действий, к которым оно побуждает потерпевшего, осознавать: а) его несовершеннолетний возраст; б) противоправный характер действий, в совершение которых вовлекается несовершеннолетний?

Исходя из разъяснений, содержащихся в абз. 2 п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 применительно к ст. 150 и 151 УК РФ, предусматривающим аналогичный признак, следует, что взрослый должен осознавать, что вовлекает несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни. Соответственно, если взрослый не осознавал этого, то он не может быть привлечен к ответственности и по ст. 151.2 УК РФ. Таким образом, одним из фактов, имеющих доказательственное значение, является наличие у вовлекающего взрослого лица информации о несовершеннолетнем возрасте вовлекаемого. Относительно

степени осведомленности виновного лица о данном обстоятельстве следует отметить, что вовлекающий может достоверно знать о возрасте вовлекаемого, а может лишь предполагать, что потерпевший не достиг восемнадцати лет. К такому выводу позволяет прийти анализ следственной и судебной практики применения норм, предусматривающих ответственность за иные преступления против несовершеннолетних². Кроме того, в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 указывает, что, применяя закон об уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 131–135 УК РФ, в отношении несовершеннолетних, судам следует исходить из того, что квалификация преступлений по соответствующим признакам (к примеру, по п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ) возможна лишь в случаях, когда виновный знал или допускал, что потерпевшим является лицо, не достигшее восемнадцати лет или иного возраста, специально указанного в диспозиции статьи Особенной части УК РФ.

Как отмечалось выше, при вовлечении несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни, общественная опасность совершаемого деяния также определяется юридической значимостью деяния, в совершение которого он вовлекается. Применительно к ст. 151.2 УК РФ необходимо, чтобы несовершеннолетний осознавал противоправность тех действий, в которые вовлекает несовершеннолетнего, то есть понимал, что они нарушают требования правовой нормы, противоречат ее предписаниям.

Так, например, склонение несовершеннолетнего к выпрыгиванию на ходу с быстро движущегося транспортного средства следует квалифицировать по ст. 151.2 УК РФ, т. к. указанные действия не только представляют опасность для жизни, но и являются противоправными, поскольку противоречат требованиям п. 5.1 Правил дорожного движения. Пассажир должен производить посадку и высадку со стороны тротуара или обочины и только после полной остановки транспортного средства³. В соответствии с абз. 21 п. 31 Правил пользования Екатеринбургским метрополитеном, утвержденных постановлением Правительства Свердловской области от 7 ноября 2019 г. № 780-ПП «О некоторых вопросах, связанных с организацией работы Екатеринбургского метрополитена», запрещено подниматься и проезжать на крыше, автосцепных устройствах и на иных элементах поездов⁴. Можно

² См.: Щетинина Н. В. Особенности субъективных признаков вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 3. С. 66.

³ См.: Постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 № 1090 «О правилах дорожного движения» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Постановление Правительства Свердловской области от 7 ноября 2019 г. № 780-ПП «О некоторых вопросах, связанных с организацией работы Екатеринбургского метрополитена» // СПС Гарант.

¹ См.: Рапог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступления. М., 2001. С. 12.

предположить, что также противоправными следует считать действия, которые не запрещены законом, но осуществляются с несоблюдением предписаний, регламентирующих их безопасность. Например, прыжок с парашютом с высоты, ниже допустимой. Так, Руководством по парашютной подготовке авиации ДОСААФ России установлена минимально допустимая высота выброски парашютистов, которая может варьироваться в зависимости от технических характеристик конкретной модели парашюта, уровня подготовки осуществляющего прыжок и других обстоятельств, однако в любом случае минимальная высота прыжка не должна быть менее 800 метров.

В связи с изложенным необходимо определить, следует ли при решении вопроса о наличии или отсутствии оснований для привлечения к уголовной ответственности по ст. 151.2 УК РФ правоприменителю устанавливать и доказывать факт осознания виновным лицом противоправности тех представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего действий, в совершение которых вовлекается подросток. Очевидно, что, совершив соответствующее общественно опасное деяние, лицо будет ссылаться в свое оправдание на незнание им положений того или иного нормативного акта, которому противоречат те или иные действия вовлекаемого. Представляется, что осознание противоправности действий, к которым побуждается несовершеннолетний, т. е. понимание того, что они нарушают требования какой-либо правовой нормы, не соответствуют ее предписаниям, является формальным условием уголовной ответственности по ст. 151.2 УК РФ. Однако при установлении данного признака необходимо следовать утвердившейся во всех юридических сферах презумпции знания закона, базирующейся на том, что каждое лицо, обладающее правосубъектностью, должно нести ответственность за совершенное им противоправное деяние, несмотря на то, что оно не знало о его противоправности. Поэтому применительно к ст. 151.2 УК РФ необходимо и достаточно устанавливать сам факт нормативного запрета действий, в совершение которых вовлекается несовершеннолетний, либо факт наличия предписаний, регламентирующих безопасность незапрещенных действий, и доказывать осознание виновным лицом данных фактов не требуется.

Последним критерием, характеризующим интеллектуальный момент прямого умысла и подлежащим установлению, является необходимость осознания виновным опасности, которую представляют для жизни несовершеннолетнего те противоправные действия, в совершение которых его вовлекают. Об этом свидетельствует имеющийся в диспозиции ч. 1 ст. 151.2 УК РФ термин «заведомо», используемый законодателем только в контексте со словосочетанием «представляющих опасность для жизни».

Ввиду наличия данного свойства действий, в которые вовлекается несовершеннолетний, состав преступления, предусмотренный ст. 151.2 УК РФ, следует отнести к так называемым в уголовном праве соста-

вам поставления в опасность (деликт опасности), характеризующимся созданием угрозы причинения вреда, который может наступить, а может и не наступить. Таким образом, используемый законодателем признак заведомости относится к обстоятельствам, которые еще не возникли и могут не возникнуть вовсе. В связи с этим Е. П. Коровин справедливо обращает внимание на обусловленные данным обстоятельством сложности при установлении признаков субъективной стороны содеянного, поскольку в каждом конкретном случае необходимо выявлять факт знания виновным того, что действия, в которые он вовлекает несовершеннолетнего, являются представляющими опасность для жизни последнего¹. Очевидно, что к данному выводу следует приходиться, учитывая все обстоятельства содеянного.

Волевой критерий вины при совершении анализируемого преступления заключается в желании совершить общественно опасное деяние в виде склонения или иного вовлечения несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего.

Учитывая, что состав по конструкции объективной стороны формальный, психическое отношение виновного к возможным последствиям в виде смерти несовершеннолетнего, на наш взгляд, не должно влиять на юридическую оценку содеянного при наличии прочих признаков анализируемого состава. Поэтому мы критически относимся к высказыванию, в соответствии с которым желание наступления смерти при осознании виновным опасности для жизни потерпевшего противоправных действий исключает вменение ст. 151.2 УК РФ, и в зависимости от обстоятельств дела должно квалифицироваться как преступление против жизни².

Так, в частности, представляется, что привлечение виновного по ст. 105 УК РФ, предусматривающей ответственность за убийство, в этом случае невозможно. Такой вывод обусловлен особенностями юридически значимых свойств вовлекаемого. Применительно к ст. 151.2 УК РФ потерпевшим может быть лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста, но обладающее определенным уровнем социального развития, здоровьем, позволяющими ему правильно осознать фактический характер действий, в которые он вовлекается, в частности их опасность для его жизни. При этом у него сохраняется право выбора поведения – совершать опасные для жизни действия или не совершать. Именно данным обстоятельством преступление, предусмотренное ст. 151.2 УК РФ, отличается от убийства, совершаемого путем психологического воздействия. Таким образом, факт осознания несовершеннолетним опасности для жизни совер-

¹ См.: Коровин Е. П. Особенности субъективной стороны вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни // Российский следователь. 2019. № 4. С. 32.

² См.: Коровин Е. П. Указ. соч. С. 34.

шаемых им действий, в которые он был вовлечен, и наличие права выбора своего поведения исключают возможность квалификации действий вовлекающего по ст. 105 УК РФ даже в том случае, если он желает наступления смерти потерпевшего.

Соответственно, вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, указанных в ч. 1 ст. 151.2 УК РФ, который в силу психического расстройства, слабоумия, отставания в развитии либо незначительного возраста не понимает их опасность для жизни и не может в силу этих же обстоятельств правильно и полной мере оценивать их характер, является основанием для привлечения виновного к ответственности по ст. 105 УК РФ. Введение несовершеннолетнего в заблуждение относительно опасности действий, к которым он побуждается, совершаемое с расчетом на смертельный исход, также должно оцениваться как убийство или покушение на него.

Положительное отношение виновного лица к последствиям в виде смерти несовершеннолетнего при наличии иных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ, исключает вменение и ст. 110 и 110.1 УК РФ. Отличительным свойством доведения до самоубийства, а также склонения к совершению самоубийства является осознанная направленность действий несовершеннолетнего на лишение самого себя жизни, что не характерно для преступления, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ.

Таким образом, при совершении преступления, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ, интеллектуальный критерий умышленной формы вины характеризуется способностью виновного осознавать:

- несовершеннолетний возраст потерпевшего;
- противоправный характер действий, в совершение которых вовлекается несовершеннолетний;
- предстоящую опасность для жизни действий, в совершение которых вовлекается несовершеннолетний.

Волевой критерий вины заключается в желании лица совершить общественно опасное деяние в виде склонения или иного вовлечения несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего.

Библиографический список

1. Коровин Е. П. Особенности субъективной стороны вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни / Е. П. Коровин // Российский следователь. – 2019. – № 4.
2. Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступления / А. И. Рарог. – М.: Профобразование, 2001.
3. Щетинина Н. В. Особенности субъективных признаков вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий / Н. В. Щетинина // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2016. – № 3.

Bibliograficheskiy spisok

1. Korovin E. P. Osobennosti sub»ektivnoy storony vovlecheniya nesovershennoletnego v sovershenie deystvij, predstavlyayushchih opasnost' dlya ego zhizni / E. P. Korovin // Rossijskiy sledovatel'. – 2019. – № 4.
2. Rarog A. I. Sub»ektivnaya storona i kvalifikaciya prestupleniya / A. I. Rarog. – M.: Profobrazovanie, 2001.
3. SHCHetinina N. V. Osobennosti sub»ektivnyh priznakov vovlecheniya nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya ili antiobshchestvennyh deystvij / N. V. SHCHetinina // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2016. – № 3.

Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей в журнале «Вестник Уральского юридического института МВД России»

I. Требования к материалам

1. В журнале «Вестник Уральского юридического института МВД России» могут публиковаться материалы только образовательной, научной и информационной тематики по отрасли 12.00.00 – юридические науки. Материалы, не соответствующие тематике журнала, для рассмотрения не принимаются.

2. Для публикации в журнале «Вестник Уральского юридического института МВД России» могут представляться следующие материалы:

2.1. Научные статьи (объемом от 8 до 20 страниц печатного текста).

2.2. Информация о научных конференциях (объемом до 10 страниц печатного текста).

2.3. Научные рецензии (объемом до 5 страниц печатного текста).

2.4. Иные материалы по согласованию с редакцией.

3. Материал не должен быть опубликован ранее или одновременно находиться на рассмотрении в другом издательстве.

4. Материал должен быть представлен на русском языке (аннотация и ключевые слова дополнительно должны быть переведены на английский язык).

5. Каждый материал должен содержать:

5.1. Код универсальной десятичной классификации (УДК) – размещается на первом листе в левом верхнем углу.

5.2. Фамилию, имя, отчество (последнее – при наличии) автора, его должность, ученую степень, ученое звание, специальное или воинское звание (по желанию автора) на русском и английском языках – размещаются на первом листе в правом верхнем углу.

5.3. Почтовый адрес автора и адрес его электронной почты (обязательно) – размещаются на первом листе в правом верхнем углу.

5.4. Название материала на русском и английском языках – размещается на первом листе.

5.5. Аннотацию (как правило, 4–5 строк) на русском и английском языках – размещается на первом листе.

5.6. Ключевые слова (как правило, 4–6 слов) на русском и английском языках – размещаются на первом листе.

5.7. Библиографический список, оформленный в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» – размещается на последнем листе материала. Источники перечисляются в списке по алфавиту.

6. К материалу должна прилагаться рецензия специалиста в исследуемой сфере (как правило, доктора наук или кандидата наук), заверенная в установленном порядке. К материалам членов редакционного совета журнала, редакционной коллегии журнала, докторов наук и кандидатов наук, являющихся научно-педагогическими работниками – специалистами в рассматриваемой сфере, внешние рецензии могут не прилагаться. К материалам, представляемым аспирантами, адъюнктами, соискателями, прилагается отзыв научного руководителя.

7. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии согласие на опубликование.

8. Материал представляется в редакцию:

8.1. На электронном оптическом носителе (или по электронной почте с указанием данных об авторе и о статье в теме письма), выполненный в текстовом редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman версии 2003 и выше или другом, совместимом с ним, размером шрифта – 14, межстрочным интервалом – 1,5; поля слева – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см. Имя файла – фамилия и инициалы автора. В тексте статьи используются оформленные в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5.2008 «Библиографическая ссылка» подстрочные библиографические ссылки, которые размещаются, как примечание, вынесенное из текста документа, внизу полосы.

8.2. На бумажном носителе, по содержанию полностью идентичный электронному варианту, выполненный на стандартных листах белой бумаги формата А4 с одной стороны. На последнем листе автор указывает: «Материал не содержит сведений ограниченного распространения, неправомерного заимствования; вычитан; цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником» и ставит свою подпись.

9. При направлении материала автор гарантирует отсутствие неправомерного заимствования в рукописи произведения (плагиата), надлежащее оформление цитирования, ссылок на законодательство, судебную практику, правильность статистических, информационно-аналитических и иных данных, приведенных в рукописи.

10. Все материалы направляются с сопроводительным письмом в редакцию журнала по адресу: 620057, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66, Уральский юридический институт МВД России, редакционно-издательское отделение научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела. Адрес электронной почты: ural-yui@mvd.ru.

II. Порядок приема, рассмотрения и рецензирования материалов

11. Все поступающие материалы в течение 10 дней со дня поступления изучаются редакционной коллегией на предмет их соответствия требованиям. Материалы, представленные с нарушением требований, не рассматриваются и не возвращаются. О принятом решении автор уведомляется по электронной почте.

12. Материалы, соответствующие предъявляемым требованиям, принимаются в работу и направляются на рецензирование.

13. Внешнее рецензирование материалов организуется автором самостоятельно в соответствии с п. 6.

14. Внутреннее рецензирование материалов организуется редакционной коллегией и осуществляется членами редакционного совета, редакционной коллегии журнала, сотрудниками Уральского юридического института МВД России.

15. Внутреннее рецензирование осуществляется специалистами по профилю представленного материала. В процессе внутреннего рецензирования осуществляется проверка на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения.

Рецензент осуществляет рецензирование представленного материала в течение двадцати рабочих дней, далее представляет в редакцию журнала подписанную рецензию.

16. Рецензия должна содержать объективную оценку материала. В заключении рецензент дает одну из следующих рекомендаций:

- об опубликовании материала;
- о направлении материала на доработку (при наличии несущественных недостатков);
- об отклонении научного материала (при наличии существенных недостатков).

17. По результатам внутреннего рецензирования и проверки на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения редакционная коллегия принимает решение:

- об опубликовании материала;
- о направлении материала автору на доработку;
- об отклонении материала.

18. О принятом редакционной коллегией решении автор уведомляется по электронной почте. При направлении материала на доработку, отклонении материала по электронной почте до автора доводятся недостатки, указанные рецензентом, а также результаты проверки материала на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения. Сведения о рецензенте автору не сообщаются.

19. Поступивший после доработки материал проходит повторное рецензирование и проверку на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения. По результатам повторного рецензирования коллегия принимает решение:

- об опубликовании материала;
- об отклонении материала.

О принятом решении автор уведомляется по электронной почте.

20. Материалы, по которым редакционной коллегией принято решение об опубликовании, поступают в печать. Опубликование материалов осуществляется бесплатно. Авторское вознаграждение не выплачивается.

21. Рецензии на поступившие материалы направляются авторам в электронном виде после заседания редакционного совета журнала. В целях повышения объективности рассмотрения статей, направляемых на рецензирование, редакция имеет право не сообщать рецензенту фамилию автора статьи.

22. По запросам Министерства образования и науки Российской Федерации рецензии в обязательном порядке предоставляются в Высшую аттестационную комиссию при Министерстве образования и науки Российской Федерации и/или Министерство образования и науки Российской Федерации.

23. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

24. В отношении иных вопросов, связанных с приемом, рассмотрением, рецензированием и отклонением материалов, редакционная коллегия, редакция с авторами в переписку не вступают, разъяснений не представляют.

25. Материалы и приложения к ним авторам не возвращаются.

Rules for sending, reviewing and publishing scientific articles in the journal «Bulletin of the of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»

I. Requirements to materials

I. Requirements to materials

1. The journal «Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia» can publish only educational, scientific and informational themes in the scientific area 12.00.00 – Legal Sciences. Materials that do not correspond to the subject matter of the journal are not accepted for consideration.

2. For publication in the journal «Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation» the following materials can be submitted:

2.1. Scientific papers (from 6 to 15 pages of printed text).

2.2. Information about scientific conferences (up to 10 pages of printed text).

2.3. Scientific reviews (up to 5 pages of printed text).

2.4. Other materials on agreement with the editorial staff.

3. The material should not be published earlier or simultaneously be under consideration in another publishing house.

4. The material should be presented in Russian (an abstract and keywords must be translated into English in addition).

5. Each material should contain:

5.1. The universal decimal classification code (UDC) is placed on the first sheet in the top left corner.

5.2. Surname, name, patronymic (last – if available) of the author, his position, academic degree, academic title, special or military rank (at the request of the author) in Russian and English languages are placed on the first sheet in the top right corner.

5.3. The author's mailing address and e-mail address (required) are placed on the first sheet in the top right corner.

5.4. The name of the material in Russian and English is placed on the first sheet.

5.5. An abstract (as a rule, 4-5 lines) in Russian and English languages is placed on the first sheet.

5.6. Keywords (usually 4-6 words) in Russian and English are placed on the first sheet.

5.7. Bibliographic list, issued in accordance with the State Standard (GOST) 7.1-2003 «Bibliographic record. Bibliographic description. General requirements and rules of compilation» are placed on the last sheet of the material. The sources are listed alphabetically in the list.

6. The material must be accompanied by a review of a specialist in the field of research (usually a doctor of sciences or candidate of sciences) certified in accordance

with the established procedure. External reviews may not be attached to materials of the members of the Editorial Council of the journal, the Editorial Board of the journal, and doctors of sciences and candidates of sciences who are scientific and pedagogical specialists in this area. The materials submitted by postgraduates, adjuncts, and applicants are accompanied by a review of the supervisor.

7. For the publication of scientific materials in the journal, it is necessary to submit to the Editorial Board the consent for publication.

8. The material is submitted to the Editor:

8.1. On an electronic optical medium (or by e-mail with information about the author and an article in the subject line), executed in a Microsoft Word text editor with Times New Roman font 2003 and higher or a compatible one, font size 14, line spacing - 1.5; The margins on the left are 3 cm, the top and bottom are 2 cm, the right is 1 cm. The file name is the author's surname and initials. The text of the article uses the «Bibliographic references», which were prepared in accordance with GOST R7.0.5.2008, «subscript bibliographic references, which are placed as a note, taken from the text of the document, at the bottom of the strip.

8.2. On paper, the content is completely identical to the electronic version, made on standard sheets of white A4 paper on one side. On the last sheet the author points out: «The material does not contain information of limited distribution, unauthorized borrowing; is proofread; figures, facts, quotes are verified with the original source»; and puts his signature.

9. With the direction of the material, the author guarantees the absence of illegal borrowing in the manuscript of the work (plagiarism), the proper execution of citation, references to legislation, judicial practice, the correctness of statistical, information-analytical and other data presented in the manuscript.

10. All materials are sent to the editorial office of the journal at the address: Ul. Korepina, 66, Ekaterinburg, Sverdlovsk region 620057, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, editorial and publishing office of the scientific - research and editorial and publishing department. E-mail address: ural-yui@mvd.ru.

II. The order of reception, consideration and review of materials

11. All incoming materials are examined by the Editorial Board within 10 days from the date of receipt for

their compliance requirements. Manuscripts submitted with violation of the requirements are not considered and not returned. The author is notified of the decision by e-mail.

12. Materials that meet the requirements are accepted and sent for peer review.

13. An external review of materials is arranged by the author independently in accordance with clause 6.

14. An internal peer review of materials is organized by the editorial board and is carried out by the members of the Editorial Board, the Editorial Board of the journal, and employees of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

15. An internal peer review is carried out by specialists according to the profile of the material presented. In the process of reviewing a check is made for originality using specialized computer software.

The reviewer reviews the submitted material within twenty working days, and then submits a signed review to the Editorial Office of the journal.

16. The review should contain an objective assessment of the material. In conclusion, the reviewer gives one of the following recommendations:

- on the publication of the material;
- about the direction of the material for revision (in the presence of insignificant shortcomings);
- on the rejection of the scientific material (in the presence of significant shortcomings).

17. Based on the results of the internal review and verification of originality using specialized computer software, the Editorial Board takes a decision:

- on the publication of the material;
- about the direction of the material to the author for revision;
- about the rejection of the material.

18. The author is notified of the decision of the Editorial Board by e-mail. When sending material for revision, rejecting the material by e-mail, the author is informed of the shortcomings indicated by the reviewer, as well as the results of checking the material for originality using specialized computer software. Information about the reviewer is not reported to the author.

19. The material received after revision is re-reviewed and verified for originality using specialized computer software. Based on the results of the second review, the Editorial Board decides:

- publication of the material;
- about the refusal of the material.

The author is notified of the decision by e-mail.

20. The materials on which the Editorial Board decided to publish are sent to the press. Publication of materials is free of charge. The author's reward is not paid.

21. Reviews of the received materials are sent to the authors in electronic form after the meeting of the Editorial Board of the journal. In order to increase the objectivity of reviewing articles sent for review, the Editorial Board has the right not to inform the reviewer of the name of the author of the article.

22. Upon requests of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, reviews are compulsorily submitted to the Higher Attestation Board under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and / or the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

23. The reviews are kept in the editorial office for 5 years.

24. As for other issues related to the receipt, consideration, review and rejection of materials, the Editorial Board, the editorial staff and the authors do not enter into correspondence, they do not provide explanations.

25. Materials and attachments to authors are not returned.